

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
МУЗЕЙ ИСТОРИИ УНИВЕРСИТЕТА
КАФЕДРА ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОЛОГИИ

К 275летию Санкт-Петербургского университета

А. А. Иностранцев
ВОСПОМИНАНИЯ
(Автобиография)

Подготовка текста, вступительная статья и комментарии В.
А. Прозоровского и И. Л. Тихонова

Центр «Петербургское
Востоковедение»
Санкт-Петербург
1998

Иностранцев А. А. Воспоминания (Автобиография). Подготовка текста, вступительная статья и комментарии В. А. Прозоровского, И. Л. Тихонова. — СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1998. — 272 с.

ISBN 5-85803-109-9

Александр Александрович Иностранцев (1843[^]1919), выдающийся русский геолог, естествоиспытатель, профессор Санкт-Петербургского университета, член-корреспондент Академии наук, прожил долгую, насыщенную неустанными научными трудами и богатую событиями жизнь. В мемуарах он как бы подводит итоги своей пятидесятилетней научной деятельности и рисует яркие картины развития науки и Петербургского университета в последней четверти XIX — начале XX в. Книга адресуется как специалистам, так и широкому читателю, интересующемуся историей отечественной науки и высшей школы.

ББК ДЗд

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с ведома издательства.

ISBN 5-85803-109-9

В. А. Прозоровский, И. Л. Тихонов, подготовка текста, вступительная статья и комментарии, 1998 * Центр «Петербургское Востоковедение», 1998

Зарегистрированная торговая марка

Предисловие

В последние годы увидели свет мемуары многих политических и общественных деятелей, литераторов, ученых XIX — XX вв. Для издания последних основываются даже специальные серии¹. Интерес к литературе подобного рода вполне оправдан, так как зачастую только она может дать живую картину развития общества того времени. Мемуары ученых ценны не только как незаменимые источники сведений, касающихся истории отдельных наук, они, в силу свойственной людям науки точности и беспристрастности в изложении фактов, определенной объективности суждений, широты кругозора, являются важными историческими документами. Все это в полной мере относится к публикуемой здесь рукописи воспоминаний известного геолога и естествоиспытателя, члена-корреспондента Петербургской Академии наук, профессора Петербургского университета Александра Александровича Иностранцева.

Эта рукопись может заинтересовать многих читателей сведениями о самых различных сторонах жизни интеллигенции и чиновничества России и некоторых стран Западной Европы второй половины прошлого и начала нашего столетия. Проблемы организации в нашей стране и за рубежом народного образования — от начальных училищ до аспирантур и докторантур (в современном понимании), — научных исследований и научных учреждений, вопросы водоснабжения, строительства городов и дорог, разработки строительных материалов, взаимоотношения и устройства федеральных и муниципальных институтов власти, создания специальных музеев, учебников, описание жизни крестьян и помещиков, взаимоотношений ученых, выдающихся событий и пр., и пр. делает эту книгу занимательной и в то же время поучительной. Следует отметить, что повествование не затрагивает (или почти не затрагивает) узкоспециальные научные геологические, антропологические и другие проблемы, это позволяет легко разбираться в тексте людям самых разных профессий и образовательного уровня.

Чрезвычайно широк круг упоминаемых выдающихся или, во всяком случае, широко известных личностей, таких как император Николай I, крупные чиновники и государственные деятели, отече-

ственные и европейские ученые — Д. И. Менделеев, Н. Н. Миклухо-Маклай, К. Ф. Кесслер, Г. П. Гельмерсен, Н. И. Андрусов, Э. Зюсс, военные, врачи и многие другие.

Александр Александрович Иностранцев (1843 — 1919) прожил долгую, насыщенную неустанным трудом, путешествиями и глубокими раздумьями о развитии любимой им геологии и вообще естествознания жизнь. Являясь профессором геологии и минералогии Петербургского университета, он вел изыскания в Карелии и в Крыму, на Урале и на Алтае, в Литве и на Кавказе, в Москве и в районах Верхнего Поволжья, посетил Польшу, Австрию, Италию, Германию, Бельгию, Великобританию.

А. А. Иностранцев был чрезвычайно разносторонним человеком, всю жизнь свою посвятившим науке, педагогике и общественной деятельности. Успехи на всех поприщах связаны были с тем, что он постоянно самосовершенствовался и целеустремленно добивался поставленных целей.

К нему еще в раннем детстве пришло увлечение природой, с которой он близко соприкасался, выезжая с родителями на дачу. Маленький Саша любил самостоятельные прогулки, во время которых с удовольствием любовался ландшафтом, следил за бегом облаков, собирал насекомых и мечтал о путешествиях, описания которых были любимым его чтением.

В гимназии, прилежно учась, он с охотой брал на себя обязанности воспитателя учеников младших классов и готовился к поступлению в Университет, в отличие от некоторых соучеников, не выдержавших до конца курса классического среднего образования. •

Поступив в Университет, он не только постоянно тщательно прорабатывал после занятий записи лекций и читал все рекомендованные профессорами книги, но дополнительно занимался производством химических анализов, изучением горных пород и т. п.

Закончив Университет, Александр Александрович продолжал расширять свой профессиональный кругозор. Достойна огромного уважения его самокритичность в оценке своих возможностей. Так, он долго отказывался от предложения стать приват-доцентом и читать свой курс лекций на том основании, что не имел, как ему казалось, достаточного опыта преподавания, а также потому,* что не видел еще многих широко известных геологических объектов за границей. И это при том, что предложения исходили от самого ректора университета К. Ф. Кесслера и очень уважаемых профессоров П. А. Пу-зыревского и Д. И. Менделеева.

А. А. Иностранцев широко известен среди специалистов прежде всего как выдающийся ученый^геолог, глава университетской (петербургской) геологической школы. Он трудился в то время, когда геология была еще единой наукой, и, чтобы достичь ощутимых результатов в ней, необходимо было обладать поистине энциклопедическими знаниями. Президент Академии наук А. П. Карпинский писал о нем: «Иностранцев принадлежал к... исчезающему типу

ученых, работающих во всех областях геологии, обнимающих, как известно, различные научные дисциплины... что... доступно линии очень крупным дарованиям»². И все же основные научные достижения Александра Александровича связаны с несколькими направлениями в геологии. Прежде всего, он был крупный петрограф, первым в России применивший микроскоп для изучения горных пород. Академик Ф. Ю. Левинсон-Лессинг так характеризует эту сторону творчества Иностранцева: «В истории петрографии в России, как и в петрографии вообще, А. А. Иностранцеву принадлежи! почетное место... имя его навсегда тесно сплетено с историей петрографии в России и с развитием учения о метаморфизме»³.

Затем, конечно, Иностранцев был выдающимся региональным геологом. Он проводил свои исследования на Кавказе — для проектирования Транскавказской железной дороги, на Урале — изучая там месторождения платины, на Алтае — впервые оценивая минеральные ресурсы этого богатейшего края. Однако самые известные его труды связаны с европейским Севером России. Монография Иностранцева «Геологический очерк Повенецкого уезда Олонецкой губернии и его рудных месторождений» составила 7-й том «Материалов для геологии России» (1877), была переведена на немецкий язык и удостоена золотой медали им. Ф. П. Литке Русского географического общества.

С именем Иностранцева связано создание принципов той обще^стратиграфической шкалы, которой мы сейчас пользуемся. Он возглавлял российскую комиссию, состоящую из наиболее авторитетных геологов того времени Ф. Б. Шмидта, В. И. Мёллера А. П. Карпинского, И. И. Антоновича, И. В. Мушкетова, В. В. Докучаева. Ею был предложен II сессии Международного геологического конгресса, состоявшегося в Болонье в 1881 г., проект построения подобной шкалы, который и был принят Конгрессом, несмотря на наличие еще нескольких предложений⁴. Широкая известность А. А. Иностранцева как ученого-геолога подтверждалась и тем, что он приглашался к работе шести сессий Международного геологического конгресса в качестве вице-президента или члена совета оп России.

В практическом плане А. А. Иностранцев успешно занимало проблемами водоснабжения и инженерного обоснования градоустройства целого ряда городов и районов: Санкт-Петербурга, Моек вы, Друскенинкайте, Крыма, Ставрополя и др.

Следующей стороной деятельности А. А. Иностранцева был педагоМка. Начав преподавать еще в гимназии, после окончанию Университета он сравнительно быстро прошел путь от хранителя кабинета до одного из Наиболее авторитетных профессоров Петербургского университета.

Начиная с 1870 г. он почти всю свою жизнь читал лекции, по священные самым различным аспектам столь любимой им геологии Тщательно готовясь к лекциям, он вскоре настолько освоил это не

легкое лекторское искусство, что приобрел заслуженную репутацию прекрасного профессора. Александра Александровича стали приглашать и другие учебные заведения — Высшие Бестужевские женские курсы, Технологический институт, Военно-медицинская, Военно-инженерная академии и Академия Генерального штаба. И всюду его лекции очень высоко ценились и активно посещались большим количеством слушателей. Сам же А. А. Иностранцев, чрезвычайно много времени затрачивавший на их подготовку, страдал от столь многочисленных лекций, и если в начале своей карьеры он брался за дополнительные занятия из-за денег, то позднее с трудом соглашался на их проведение. Так, на преподавание в Академии Генерального штаба он согласился только после долгих уговоров и после того, как завершил чтение лекций в Технологическом институте.

Много внимания уделял он тому, чтобы его лекции были интересными по форме, содержали современные сведения, а также подтверждались убедительными примерами, чаще всего из личных наблюдений. О высоком качестве лекций А. А. Иностранцева говорит то, что, пользуясь записями студентов, конспектировавших его лекции, он смог затем подготовить учебник геологии, выдержавший 5 изданий и долгое время служивший основой геологического образования в России.

Профессор ЛГУ С. С. Кузнецов, учившийся при Иностранцеве, рассказывал, что лекции Александр Александрович читал блестяще, хотя и не был выдающимся оратором, а скорее был учителем. Генерал же А. А. Игнатьев вспоминал: «Геологию читал (в Академии Генерального штаба. — В. П., И. Т.) красноречивый и утонченно воспитанный профессор Университета Иностранцев. Курс его прочитывался, как интересный роман...»- Как одного из наиболее ярких профессоров своего времени оценивал Иностранцева в своих воспоминаниях и зоолог А. М. Никольский³.

Однако А. А. Иностранцев не ограничивал свою педагогическую деятельность одними лекциями. Главным, наверное, было постоянное общение с достаточно многочисленными учениками, непосредственная помощь советами и консультациями в их работе, а также совместные полевые маршруты.

Очень важным в воспитании будущих геологов был и личный пример Александра Александровича, являвшего образец организованности, увлеченности и занятости любимым делом. Большую часть своей жизни с утра и до довольно позднего вечера он проводил на своей кафедре, за рабочим столом или в геологическом музее. Недаром мало кто из профессоров-геологов мог бы, как Иностранцев, похвастаться таким «букетом» выдающихся учеников, как будущие академики Н. И. Андрусов, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, А. А. Полканов, члены-корреспонденты РАН П. А. Земятченский и С. А. Яковлев, профессора В. В. Докучаев, Н. И. Каракаш, В. О. Ковалевский, Б. К. Поленов, В. Ф. Пчелинцев, Э. В. Соломко (первая женщина — профессор геологии), В. М. Тимофеев и многие другие.

А. А. Иностранцев с сотрудниками кафедр

Сидят слева направо: *В. М. Тимофеев, П. А. Пряос.чавлев, А. А. Иностранцев, М. А. Иностранцев* (старший сын); стоят; *Е. Н. Дьяконова-Савельева, О. М. Аншелес*, крайний справа — *В. Ф. Пчелинцев*

Конечно, Александр Александрович очень любил и ценил своих **учеников**, часто помогая им не только советом, но и материально, устраивая их па заработки или добывая для них оплачиваемые должности в Университете. Но вместе с тем он был чрезвычайно требовательным и строгим воспитателем. Желаящих продолжить, геологическую деятельность после окончания Университета о» предварительно как минимум па год останял при кафедре без какого бы то ни было жалованья. Это жестокое испытание, вероятно, давало возможность убедиться п том, что они не ошиблись в **выборе** профессии, а также показать умение самоотверженно трудиться.

Обучение к университетам России, в частности в Петербургском университете, А. А. **Иностранцев** ставил очень высоко. Для всех желающих защитить магистерскую диссертацию в **Петербургском** университете совершенно обязательной была процедура сдачи магистерских экзаменов за весь курс естественного отделения физико-математического факультета. Никаких отступлений от этого правила не допускалось, в чем заключалась, например, причина конфликта Иностранцева с А. П. Шиловым (затем академиком), окончившим Московский университет и выразившим желание защитить

стей подобной процедуры и другой будущий академик — Н. И. Ан-друсов. Не менее требователен был Иностранцев и к качеству диссертаций. В письме В. О. Ковалевскому он писал: «Так как Вы просили моего откровенного мнения, то считаю долгом сообщить Вам, что исследования над „пресноводными меловыми образованиями Франции“, по моему мнению, не могут быть приняты как докторская диссертация, относительно которой я имею право проявить более значительные требования, и и особенности для русского доктора геологии»⁶. И это после очень теплых писем с высокой оценкой прежних трудов автора! Никакие личные отношения не могли повлиять на научную оценку работ коллег или учеников, здесь А. А. Иностранцев был крайне принципиален.

Заинтересованно относился А. А. Иностранцев и к организации геологической службы страны и ее преобразованию. Так, в 5-й главе Автобиографии подробно описывается создание Российского геологического комитета, и чем он сыграл заметную роль⁷. По принципиальным соображениям А. А. Иностранцев не вошел в состав Геолкома, однако роль его в организации геологических исследований России достаточно велика. Являясь руководителем Геологической части Кабинета Его Величества, он не только возглавлял работы по различным заданиям на Кавказе, Алтае и в других местах, но добился издания трудов этого учреждения и опубликовал семь таких выпусков — крупных, великолепно оформленных книг.

Вообще надо сказать, что изданию и качеству публикаций своих трудов А. А. Иностранцев придавал очень большое значение. Примером может служить знаменитая монография «Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера» (1882). А. А. Формозов писал о ней, что «книги о каменном веке па столь же высоком уровне в России не публиковали ни тогда, ни долгие годы позднее»⁸. О незаурядных организаторских способностях Иностранцева свидетельствует и участие его в руководстве сессиями международных геологических конгрессов, особенно VII сессии, проходившей в Петербурге и 1897 г. Для участников Конгресса А. А. Иностранцевым была специально подготовлена геолого-минералогическая выставка в Университете и блестяще организованы геологические экскурсии на Иматру (Карелия), на Кавказ и а Крым.

С момента создания Петербургского общества естествоиспытателей Александр Александрович стал активным его членом. В 1869 г. он избирается секретарем отделения геологии и минералогии, в 1873 г. входит в состав совета отделения, в 1877 г. становится его председателем, а с 1900 г. и до своей кончины является президентом Общества. Е. Н. Дьяконова-Савельева отмечала, что «Иностранцев со свойственной ему методичностью на большой высоте вел работы Общества... И надо отдать должное организаторскому таланту Иностранцева — деятельность Общества даже в этих

сложнейших условиях (имеются в виду предреволюционные годы и время первой мировой войны. — В. П., И. Т.) не только не ограничилась планомерной работой, но и ознаменовалась рядом ценных мероприятий»⁹.

А. А. Иностранцев оставил заметный след и в истории отечественной археологии. Постулаты эволюционизма, признающие человека в качестве компонента природной среды, позволяли представителям естествознания обратиться к древнейшему прошлому человечества. Геолог Иностранцев еще в ходе своих первых геологических экскурсий начал собирать каменные орудия, которые вместе с геологическими и палеонтологическими материалами поступали в созданный им кабинет-музей. В 1877 г. вдова академика Э. И. Эйхвальда подарила кабинету коллекцию из 165 каменных и бронзовых орудий, собранных Эйхвальдом на о. Рюген, в северных губерниях и Сибири. Попадали в кабинет и отдельные находки от других собирателей (А. Н. Штукенберга, архиепископа Нила и др.). Описание этих предметов в виде рукописного «Каталога каменных и бронзовых орудий, оружия и изделий Геологического Кабинета С.-Петербургского университета» была составлена в феврале 1879 г. по поручению Иностранцева одним из его сотрудников. С 1878 г. в кабинет стали поступать находки с трассы Ново-Ладожских каналов. Итогом изучения этих коллекций стала уже упомянутая великолепная монография о доисторическом человеке каменного века Ладожского озера. История создания и роль этой книги в развитии исследований по каменному веку уже не раз рассматривалась в отечественной литературе¹⁰. Между тем вклад А. А. Иностранцева в русскую археологию не ограничивается только этим изданием, так как он стоял у истоков формирования палеоэтнологической школы в Петербургском университете, развернувшим масштабные исследования в этой области. Им были собраны первые университетские коллекции по каменному веку и созданы первые организационные центры. Особую роль Иностранцев сыграл в создании в 1888 г. Русского антропологического общества при Петербургском университете, которое возникло по его инициативе, и он же был первым председателем Общества. Деятельное участие принимал он и в организации кафедры географии и этнографии, ставшей в начале XX столетия наряду с Обществом одним из ведущих российских центров изучения каменного века¹¹.

Интересно заметить, что эта сторона его деятельности почти не отражена в воспоминаниях; фактически, кратко описана только ситуация, связанная с подготовкой монографии. Это обстоятельство, видимо, объясняется тем, что ко времени написания мемуаров данная тема была уже очень далека от основных научных занятий профессора геологии, поскольку после оживленного интереса естествоиспытателей к ней в 1860—80-е гг. выделилась в область специальных штудий.

Говоря об А. А. Иностранцеве, нельзя не отметить его организаторские таланты. Уже его современники писали: «Заслуга Иностранцева, кроме его ученых работ, заключается еще в том, что он умел добывать деньги на разные научные мероприятия»¹². Это в полной мере касалось и издания его трудов, и организации крупных экспедиций, и создания научных центров. Лишь только начав свою педагогическую деятельность, он пришел к выводу, что для развития любого научного направления, в данном случае геологии, необходим какой-то центр, определяющий концентрацию коллектива. Таким центром в Университете стал геологический музей, по сути, созданный А. А. Иностранцевым колоссальными усилиями, длительной работой и сложной ее организацией. На основе этого музея в настоящее время существуют и развиваются музеи кафедры исторической геологии и кафедры петрографии.

Чрезвычайно заботился и постоянно развивал А. А. Иностранцев геологический кабинет и кафедру геологии и палеонтологии, которую возглавил после смерти своего учителя П. А. Пузыревского, добившегося отделения ее от кафедры минералогии по Уставу Университета 1863 г. Эти две кафедры в составе физико-математического факультета просуществовали сравнительно недолго. После вступления в силу Устава 1884 г. они вновь были объединены в общую кафедру — минералогии и геологии. Однако, при явном содействии Иностранцева, на ней относительно обособленно существовали направления, или циклы, минералогии во главе со своим профессором и геологии и палеонтологии во главе со своим. Кроме того, постоянно действовали центры научной деятельности сотрудников — геологический и минералогический кабинеты.

Быстрый, все нарастающий прогресс естествознания во второй половине XIX — начале XX в. вызывал все большую дифференциацию науки с выделением отдельных направлений в самостоятельные научные дисциплины. А. А. Иностранцев, предвидевший неизбежность подобного явления и всячески ему способствовавший, в предисловии к 5-му изданию своей «Геологии» в 1914 г. писал, что это «действительно последнее издание, так как за 50 лет (2-я половина XIX в.) геология очень быстро развилась и один профессор уже не может все охватить, так же как и один учебник». Предсказания Иностранцева вскоре сбылись: в 1919 г. создается кафедра палеонтологии, в 1924 — кристаллографии, в 1930 — кафедра почвоведения, затем переименованная в кафедру грунтоведения, в 1931 г. из физико-математического факультета выделяется в качестве самостоятельного геолого-почвенно-географический факультет. Последний вскоре, в 1936 г., разделяется на самостоятельные географический и геолого-почвенный факультеты. В настоящее время геологический факультет (почвенное отделение в 1948 г. передано биологическому факультету, преобразованному в биолого-почвенный) объединяет 13 самостоятельных кафедр и научно-исследовательский

институт им. Ф. Ю. Левинсона-Лессинга, состоящий из полутора десятков лабораторий¹³.

Помимо разнообразной творческой работы и организационно-научной деятельности профессор А. А. Иностранцев активно участвовал в работе Петербургской городской и районной (Василеостровской) дум, а также в общественных структурах Петербургского университета. Трудно представить, как он все успевал и везде добивался успеха. Недаром именно организаторский талант создал ему огромный авторитет, отмечая который, академик Л. С. Берг писал: «... всеильный тогда геолбг Иностранцев».

Все сказанное выше может дать лишь самое общее представление об авторе Автобиографии как об ученом, университетском профессоре, организаторе научных исследований и общественном деятеле. Однако эта рукопись отражает все же во многом личностное восприятие внешнего мира человеком, много пережившим и передумавшим и оставившим потомкам не какой-то наказ и поучение, а просто описание своей жизни и рассуждения о некоторых ее сторонах. Но в то же время следует подчеркнуть объективность оценок, присущих автору Автобиографии. Так, например, находясь в активно неприязненных отношениях с членом-корреспондентом РАН С. Н. Никитиным, Иностранцев тем не менее рекомендовал его в штат Геологического комитета, а академику Н. И. Андрусову, претендующему на место профессора геологии Петербургского университета, дал блестящую характеристику, хотя и с ним отношения сильно осложнились в начале XX в.

Воспоминания как бы регистрируют события, почти не передавая эмоционального восприятия автора. Такой стиль записей, видимо, соответствовал основным чертам характера А. А. Иностранцева, к которым его современники относили крайнюю сдержанность и некоторую сухость в общении. Например, профессор Ленинградского университета С. С. Кузнецов, слушавший лекции Иностранцева, отмечал: «А. А. Иностранцев — колоритнейшая фигура столичной чиновничьей знати. Казалось, он впитал в себя всю ту строгую бюрократичность, всю ту чопорную холодность, которыми была пропитана сама атмосфера столицы огромной империи. Каждый день ровно в четверть одиннадцатого он входил в помещение подвластной ему кафедры Петербургского университета... Весь ученый персонал кафедры был уже на месте, когда А. А. Иностранцев, молча раскланиваясь, проходил в свой кабинет. Очень сухим казался этот профессор — виднейший ученый Петербургского университета прошлого столетия»¹⁴. А. А. Формозов, основываясь на рассказах людей, слушавших лекции А. А. Иностранцева, пишет, что «это был аккуратист, педант, человек чопорный, нелегкий в общении, но бесконечно преданный науке, родному университету, своему детищу -¹⁵ Геологическому музею»¹⁵.

В определенной степени столь сухому образу противоречит обилие упоминаемых в Автобиографии фамилий людей, с которыми

общался Иностранцев. Круг его знакомых в Петербурге и в местах, где он путешествовал (в России и других странах), был чрезвычайно широк. Вероятно, как отмечал С. С. Кузнецов, замкнутой была лишь форма поведения, под которой скрывался постоянно интересующийся окружающим и открытый для всех участливый собеседник. Он очень любил и опекал своих учеников, примером тому могут служить письма Ф. Ю. Левинсон-Лессингу, находящиеся ныне в Архиве РАН в Санкт-Петербурге¹⁶.

Заканчивая краткий рассказ о выдающемся ученом, создателе геологического направления в Петербургском университете, следует еще упомянуть о его патриотизме. Он был верным сыном России, постоянно заботившимся о развитии ее сырьевой базы, благоустройстве ее городов и весей. Находясь за границей и наблюдая там лучшее устройство жизни и более высокий уровень технического развития, он постоянно отмечал эти чужие достоинства и тут же начинал обдумывать, как улучшить положение в данной области (например в добыче мрамора) в своей стране. Мы уже отмечали чрезвычайно высокую требовательность Иностранцева к уровню научных исследований в России, и это тоже, безусловно, проявление патриотизма.

Автобиография — это своеобразный отчет о прожитой жизни и в то же время обращение к потомкам, написанное А. А. Иностранцевым в самом конце его долгой жизни. В тексте есть упоминание о том, что пишет ее автор на семьдесят шестом году жизни, то есть в 1919 г. Вероятно, для профессора это было время глубоких разочарований и бедствий, обусловленных послереволюционной разрухой и началом гражданской войны. Его деятельная натура требовала постоянного труда, и работа над этой рукописью частично восполняла вынужденную бездеятельность (ведь Университет практически не работал).

Следует вспомнить, что это было за время! — «1918 и 1919 гг. были для нас весьма нелегкими... О занятиях науками нельзя было и думать, по крайней мере для большинства. На почве голодания и непосильного физического труда стали развиваться всевозможные болезни, люди начали пухнуть и истощаться. В частности, в академии многие выдающиеся ученые, еще не очень старые, начали умирать от истощения. Так погибли Федоров, Л. аппо-Данилевский, Дьяконов, Шахматов, Смирнов и др.»¹⁷ Причем это писал вполне лояльно относящийся к советской власти академик В. А. Стеклов, избранный в 1919 г. вице-президентом Петербургской АН. Это полностью перекликается со свидетельствами оказавшихся позднее в эмиграции ученых П. А. Сорокина и Н. О. Лосского: «Депрессия охватывала меня каждый раз, когда я приходил в Университет. В здании его больше не слышались молодые голоса и смех. Оно было погружено в темноту. Лекции читали только по вечерам. Все лекции и семинары проходили в студенческом общежитии, где теперь мало кто жил»¹⁸; «В Университете я читал лекции в шубе и

шапке, при освещении аудитории свечой, приносимой одной из слушательниц»¹⁹.

А. А. Иностранцев не смог пережить столь глубокий кризис в стране, когда казалось, что развитие наук, стремление к знаниям и интеллектуальному прогрессу прекратилось и вряд ли когда возобновится вновь. Будущее пугало.

Нам доподлинно неизвестно, как завершил свой жизненный путь этот большой ученый. Питирим Сорокин в своей автобиографии приводит сведения о том, что А. А. Иностранцев покончил с собой, приняв цианистый калий. «В последние недели и он, и его жена тяжело болели. В конце концов, не имея возможности достать ни еды, ни лекарств, ни даже позвать на помощь, они покончили жизнь самоубийством»²⁰. Правда, этому противоречит дата смерти жены Иностранцева Марии Федоровны — 1922 г., указанная на их надгробии²¹. Однако в целом это упоминание о том, что Александр Александрович покончил с собой, выглядит вполне правдоподобным, особенно если учесть, что смерть наступила 31 декабря 1919 г. Со свойственной его характеру решительностью он вполне мог не захотеть войти в новый, 1920 год.

Похоронили А. А. Иностранцева на лютеранском Смоленском кладбище. Его похороны были чрезвычайно скромны: кафедральный служитель А. Ф. Рихтер и ученик Иностранцева В. М. Тимофеев свезли его гроб на детских саночках.

К. М. Дерюгин писал по этому поводу: «31 декабря 1919 г. скончался бесценный президент (Петроградского общества естествоиспытателей. — *В. П., И. Т.*) А. А. Иностранцев, член-учредитель Общества, проработавший в нем активно почти без перерыва свыше 50 лет. И тяжело было видеть этого ветерана научной работы Общества в коротком не по росту гробу, влекомого на санках-дровянках товарищами по науке и сочленами по Обществу на место последнего упокоения. Не таких похорон заслужил этот поистине заслуженный деятель»²². Значительно позднее на состоявшемся заседании Общества естествоиспытателей, специально посвященном памяти умершего президента, академик Ф. Ю. Левинсон-Лессинг сказал: «В лице Александра Александровича Иностранцева сошла со сцены одна из наиболее видных у нас фигур геологического мира. Его имя навсегда останется неразрывно связанным у нас с историей геологии и геологического преподавания»^М. К этому трудно что-нибудь прибавить.

Память об Александре Александровиче Иностранцеве как о крупном разностороннем ученом и организаторе всегда сохранялась в Санкт-Петербургском (Ленинградском) университете (далее: СПбГУ); его портреты украшают кафедру исторической геологии и портретную галерею выдающихся ученых в коридоре главного здания. Его именем названы залив на западном побережье Новой Земли, ряд ископаемых организмов. Убедительным свидетельством того, что он не забыт и в наши дни, стал прошедший в феврале 1994 г. в

СПбГУ Международный симпозиум, посвященный 150-летию со дня рождения А. А. Иностранцева. В работе этого представительного научного форума приняли участие ученые из разных городов России, Украины, Эстонии, Канады, Дании, Норвегии²⁴. Но вот печальные приметы нашего времени — скромный надгробный камень из гранита рапакиви, украшавший могилу ученого и его супруги, в 1970-е гг. бесследно исчез! Хочется верить, что, несмотря на сегодняшние трудности, появится возможность восстановить это надгробие из камня, столь типичного для Карелии, которую так тщательно исследовал Иностранцев.

Судьба научного архива А. А. Иностранцева оказалась также достаточно драматичной, во всяком случае, в крупных архивохранилищах, таких как Архив РАН, его фонда нет. Некоторые материалы вскоре после его кончины были, вероятно, взяты из квартиры кем-то из сотрудников кафедры и оказались в Университете. Среди них была и рукопись воспоминаний. В пользу такой версии свидетельствуют имеющиеся среди этих материалов письма и телеграммы, адресованные на домашний адрес Иностранцева. Вместе с ними находились дипломы об избрании Иностранцева членом отечественных и зарубежных научных обществ и академий (например Русского географического общества и Национальной академии Финляндии), свидетельства о награждении его орденами Святой Анны и Станислава I степени, письмо министра народного просвещения от 1 января 1905 г. с уведомлением о производстве в тайные советники, подготовительные материалы к монографии о доисторическом человеке (в частности эскиз обложки книги), несколько фотографий и другие бумаги. Все эти материалы бережно хранились на кафедре исторической геологии, а в 1986 г. были переданы в музей истории Университета (рукопись воспоминаний была передана в музей еще ранее), где они составили фонд № 90 в разделе Персоналий.

Составленная ученым Автобиография представляет собой 287 больших страниц, написанных мелким убористым почерком черными чернилами на оборотах бланков геологического кабинета Университета или заведующего Геологической частью Кабинета Его Величества. Рукопись состоит из тринадцати глав, в первых четырех скрупулезно представлена хронология жизни автора до получения им звания профессора, а в остальных — на фоне событий собственной судьбы — оценка и анализ различных проблем, интересующих автора. Причем, возможно, Александр Александрович писал в основном для себя, не рассчитывая на то, что когда-нибудь написанное увидит свет. Об этом говорит то, что рукопись не редактирована, в ней немало неудачно построенных фраз, небрежно написанных букв и т. п. Даже названия рукопись не имеет (но сам автор в тексте несколько раз называет ее автобиографией, так мы ее и озаглавили).

Воспоминания А. А. Иностранцева всегда привлекали к себе внимание его биографов. Первую характеристику этой рукописи дал С. С. Кузнецов в небольшой книжке, вышедшей в серии «Выдающиеся ученые Ленинградского университета» в 1969 г. Довольно широко использовал сведения, почерпнутые из рукописи, автор двух книг об Иностранцеве — В. А. Соколов^к. Два небольших фрагмента Автобиографии были опубликованы: первый содержал описание гражданской казни Н. Г. Чернышевского²⁶, а второй вошел в сборник воспоминаний современников о Д. И. Менделееве²⁷. Обращались к рукописи и специалисты по истории различных наук, она была даже темой дипломной работы на кафедре истории России исторического факультета в конце 1980-х гг. Все это свидетельствует о значительном интересе научной общественности к рукописи как важному источнику.

Еще в начале 1960-х гг. хранитель созданного А. А. Иностранцевым геолого-палеонтологического музея кафедры исторической геологии Ленинградского государственного университета Е. С. По-рецкая (1902 — 1987) разобрала и перепечатала на пишущей машинке рукопись, а оригинал передала в музей истории Университета. Перепечатанный текст затем был направлен в Москву академику А. Л. Яншину для передачи его в Геологический архив СССР, существующий при Геологическом институте Академии наук. Однако в последующем отправленные экземпляры потерялись, и для подготовки к изданию вновь пришлось разбирать скоропись А. А. Иностранцева. Таким образом, Автобиография А. А. Иностранцева воспроизводится здесь непосредственно с рукописного оригинала.

Поскольку рукопись не имеет следов авторского редактирования и представляет собой скорее черновик, чем полностью подготовленную к печати работу, авторы комментариев, подготовившие рукопись к печати, взяли на себя смелость внести минимальную редакторскую правку, которая касается только построения фраз, совершенно неприемлемых с точки зрения современного русского языка.

Подстрочные примечания, помеченные цифрой в сочетании со звездочкой, принадлежат автору, помеченные звездочкой — комментаторам.

Первичная расшифровка текста рукописи А. А. Иностранцева и ее компьютерный набор произведены смотрителем геологического музея кафедры исторической геологии Г. М. Гатаулиной. Подготовку окончательного варианта прочтения текста, сверку его с оригиналом, а также подготовку комментариев осуществили заведующий кафедрой исторической геологии СПбГУ профессор В. А. Прозоровский и директор музея истории СПбГУ кандидат исторических наук И. Л. Тихонов.

В составлении комментариев существенную помощь оказали сотрудники музея истории СПбГУ О. Б. Вахромеева, Л. Н. Вербицкая и научный сотрудник Государственного Русского музея И. А. Зо-лотинкина. Список трудов А. А. Иностранцева и работ о нем со-

ставлен сотрудником справочно-библиографического отдела оио-лиотеки СПбГУ им. А. М. Горького И. Ю. Добрецово. Основная часть иллюстраций к мемуарам подобрана из фондов музея истории СПбГУ.

Издание Автобиографии А. А. Иностранцева было бы невозможно без финансовой поддержки Российского фонда фундаментальных исследований.

В. А. Прозоровский, И. Л. Тихонов

Глава I

ДЕТСТВО

Я родился 12 июля 1843 года в окрестностях Петрограда, в селении Фарфорового завода на берегу р. Невы. В то время это селение, равно как и ряд других — Стекланного, Чугунного и т. д. [заводов], ниже находящихса на берегу реки, — считали хорошим и дачным местом. Эти селения были отделены пустырями, из которых большинство представляло собой берозовые роши, и много позднее эти пустыри застроили домами и фабриками, которые и составили почти непрерывную, от самого Петрограда застроенную помещениями линию. За этими домами в то время были огороды, а за ними — поля или роши. Служащие Фарфорового завода построили на своих участках отдельные флигеля, отдаваемые на лето внаем. Мои дед и бабушка каждое лето жили здесь на даче, а потому и родители мои поселились этим летом у художника того же завода Анкудинова². Поселение здесь моих родителей было вызвано пожаром, которым был уничтожен небольшой господский дом в имении отца моего в д. Врево Порховского уезда Псковской губернии, куда обыкновенно на лето переселялась вся наша семья.

Отец мой, Александр Петрович³, был женат на Елизавете Михайловне Добровольской, и нас всех детей у них было 10 человек, из которых двое умерли еще младенцами. Я был по рождению своему 6-м ребенком.

Остальное время года мои родители жили в Петрограде на казенной квартире, на Невском проспекте, почти против церкви Знамения⁴. Этот дом купца Лопатина был громадный и занимал по Невскому очень большое пространство; позднее через него была проведена Пушкинская улица. В доме Лопатина и помещался весь фельдъегерский корпус⁵, в котором во время моего рождения отец был капитаном. Из времен моего раннего детства у меня сохранилось в памяти сравнительно очень мало. Помню, как я вытаскивал из-под рояля в нашей квартире свою игрушечную лошадь, как бы выводя ее из конюшни, а в это время отворилась дверь из соседней комнаты, где лежал больной мой младший брат — Николай. Из этой двери вышла, глубоко заливаясь слезами, моя мать, а за нею вышел и наш доктор, который и сообщил нам, детям, о кончине

брата. Впоследствии, при содействии матери, я узнал о точном времени кончины брата — мне было всего 4 года. Из времени, когда мне было 5 лет, что тоже подтверждено матерью, я помню однажды происшедший в доме сильный переполох. Отец наш, отличавшийся своим крепким здоровьем, внезапно заболел и сразу так сильно, что наутро уже встать с постели не мог. Немедленно был привезен наш доктор Зандер, и он определил у отца холеру. Действительно, в 1848 г. в Петрограде холера сильно свирепствовала, и в доме, где мы жили, было несколько от нее смертных случаев. Беготня по квартире денщиков, сменяющих друг друга по растиранию рук и ног отца, сводимых судорогами; ношение в комнату больного различных припарок, лекарств и тому подобное; заплаканная мать, совершенно нас бросившая, — все это произвело на меня сильное впечатление. С другого дня болезни отца к нам ежедневно, а по некоторым дням и два раза в день, стал приезжать и приходиться прямо в комнату больного какой-то важный господин. У нас была большая радость, когда этот господин вместе с доктором Зандером объявили матери, что всякая опасность миновала. Позднее я узнал от матери, что важный господин был доктор Карелль⁶, которому император Николай приказал поставить отца на ноги, т. е. вылечить. Вскоре после этого все наше детское поколение заболело корью, и я отлично помню, как мы совместно были уложены на родительскую постель, причем, конечно, поперек ее. Нас лечил тот же доктор Зандер, и я помню, как мы потом смеялись и часто повторяли слова доктора, [который!], когда уезжал, по дороге провожавшей его нашей матери говорил, скверно выговаривая по-русски, о том, когда человек будет здоров: 4Если у него голова в холоде, живота — в пустоте, а нога — в теплоте».

Из далекого же детства помню, что изредка по праздникам приходили к нам обедать два кадета, как потом я узнал, из военного Инженерного училища⁷. Оба были погодки, лет 15 — 16. Один из них был веселый, жизнерадостный юноша и сейчас же по приходе начинал с нами возиться и выдумывать игры. Наша мать приказала нам называть его «дядя Вася». Он был младшим братом матери. Другой был прямая ему противоположность: серьезный, довольно молчаливый, игр с нами не заводил, но, видимо, любил детей и был с нами ласков. Этого мы называли просто «Мишель». И это был наш двоюродный брат, сын старшей сестры матери, — Михаил Матвеевич Боресков⁸, впоследствии выдающийся знаток минного искусства, о котором он и читал лекции в надлежащих военных учреждениях. Умер он генерал-лейтенантом и заведующим всей минной частью Русской армии.

Из воспоминаний детства начиная с 5 лет, а позднее и гимназиста младших классов, особенно в памяти у меня сохранилось посещение институтов. По недостатку средств для домашнего образования, отцу удалось всех пятерых сестер устроить на казенный счет в институты. Две, старше меня, сестры были в Смольном; следующая

за мной сестра поступила туда же, но по окончании первыми Института. Еще моложе меня сестра была в Павловском институте, а последняя — в Елизаветинском⁹. Две старшие сестры, Елена и Варвара, пробыли в Институте (?) лет еще при старом режиме, когда их, во все время пребывания, из стен Института не выпускали, а потому из дому, когда были в Петрограде, каждую неделю их навещали и привозили разнообразное съедобное. Если не ошибаюсь, приемным днем в Смольном было воскресенье, от 12 до 4 часов. Почти всегда моя мать брала меня с очень раннего возраста с собою, дабы старшие сестры видели своего младшего брата чаще и [видели], как он подрастает. Помню, как по приходе в Институт надо было у торжественного швейцара снять верхнее платье, подняться во второй этаж, там заявить дежурной папильерке¹⁰, к кому мы приехали. Затем входили в громадный зал, по стенам которого стояли стулья для приезжих, а посередине залы ходили взад и вперед для общего надзора две классные дамы. Особенно меня, мальчугана, сместила на некоторых приемах прогулка по залу двух классных дам, почему-то всегда дежуривших совместно. Обе были кривобокие и в разные стороны, так что когда они направлялись в одну сторону залы, то сходились почти головами друг с другом, но обратный путь совершали уже отвернувшись друг от друга и изогнувшись в противоположные стороны, как две пристяжные без коренника. На вызов папильерки сестры приходили к нам довольно скоро, и мать начинала с ними беседу о их и своей жизни, о дамских нарядах и т. п. [вещах], несколько не интересных мальчику. Это мои сестры понимали, и обыкновенно которая-нибудь из них брала меня за руку и вела из залы в дортуары, где оставались институтки, не имеющие в Петрограде родственников или знакомых для посещения их. Обыкновенно институтки были рады новому для них развлечению и сейчас же меня подхватывали и начинали игры и угощали меня сладостями. Среди институток господствовали следующие взаимоотношения: одна другую называла не иначе как уменьшительным именем, к которому прибавляла фамилию; так, напр., Маша Потемкина, Саша Кутузова, Мэри Ореус и т. н. Так они приучили и меня называть их, а взаимно и они называли меня «Саша Иностранцев». Ко времени отъезда за мной приходила одна из сестер и приводила к матери, с которою мы и возвращались домой. Такое посещение мною дортуаров Института продолжалось и тогда, когда я уже был гимназистом первых двух классов и на моих глазах многие из институток уже из девочек обратились в девиц, но заставляли меня называть их по-старому. Я так привык к этому, что и много позднее, встретив такую старую знакомую, я мысленно называл ее «Саша Кутузова» или что-нибудь в этом роде. По этому поводу со мною, уже в зрелом возрасте, произошел один несколько смехотворный случай.

Когда возникло в Петрограде Общество охранения народного здоровья, я принял в нем довольно деятельное участие. Это послед-

нее было вызвано тем обстоятельством, что при Обществе была секция о минеральных водах России — предмете, очень близком к геологии, а равно и тем, что с первых шагов своей научной деятельности, в особенности по ознакомлению с почвами, я увидел совершенно негигиенические условия Петрограда. На этой последней почве я и сошелся с А. П. Доброславиным, профессором гигиены в Военно-медицинской академии¹¹. Наше знакомство закончилось дружбой, продолжавшейся до преждевременной его смерти. При первом знакомстве мы знали только друг друга, тогда как о наших женах ни тот ни другой не имели понятия. Однажды Общество, кажется по поводу Петроградских кладбищ, избрало под председательством А. П. Доброславина комиссию, в которую вошел и я. Доброславин пригласил членов этой немногочисленной комиссии собраться в одну из суббот у него на дому и там побеседовать.

Когда я в назначенную субботу приехал к Доброславиному, то спросил горничную, где хозяйева. Она отвечала мне, что они в столовой и там пьют чай; я попросил ее проводить меня туда. Хозяин вышел ко мне навстречу и повел представить жене, которая в это время стояла у самовара и наливала гостям чай. Когда я пригляделся к жене Доброславина, то узнал в ней одну из институток Смольного монастыря, которая со мной там возилась. Подходя к ней, я громко сказал: «Здравствуйте, Маша Потемкина». Она, засмеявшись, отвечала мне: «Здравствуйте, Саша Иностранцев». Присутствующим членам комиссии, а равно и мужу показалась наша первая встреча очень забавною и вызвала у них смех, а равно и требование дать им объяснение нашего старого знакомства, что М. В. Доброславина и сделала. Я же, со своей стороны, ради шутки и для поддержания веселого настроения присутствующих, стал ее оспаривать, доказывая, что я был, обладая женственным характером, по ошибке отдан в институт, но своевременно исключен, и что Маша Потемкина — моя институтская подруга.

Меня очень рано мать выучила чтению и приохотила читать. Я без всякого разбора брал у нее книги, которыми и упивался, иногда до такой степени, что даже на зов к обеду не откликался и приходилось насильно отнимать у меня книгу и нести на руках к обеденному столу. Особенно я увлекался описанием путешествий и как теперь помню — путешествиями Араго¹². Эти путешествия меня всего поглощали, и я переживал вместе с путешественником всевозможные события, близко принимая к сердцу и его неудачи, и часто над этими последними плакал и доставлял этим новые заботы матери. В то время у нас был знакомый какой-то чиновник, служивший в Публичной библиотеке, и он приносил мне, узнав мою слабость, различные путешествия.

Отца мы, дети, видели очень редко и мало, он почти все время был занят службой и разъездами. Состоя бессменно фельдъегерским офицером, в течение почти 30 лет, при Императоре Николае I, [он] то сопровождал Государя в его поездках как по России, так и

за границей, то имел от Государя особые поручения для поездок. Из времени пребывания отца в Петрограде мне помнится хождение с ним каждую субботу в баню, где мне после омовения давали мятный пряник и стакан горячего сбитня. Затем, в это же время, у нас появлялась в большом изобилии пища, в особенности разнообразные закуски, сладости и т. п., а равно и более часто присутствовали гости. Затем помню ритуал облачения отца в парадную форму, в которой он и отправлялся в Зимний дворец. В этом облачении меня особенно поражала процедура надевания и натягивания, при помощи двух денщиков, сырых белых лосиных брюк, которые должны были высохнуть на одеваемом. Помню и ту тройку лихих рысаков, на которой отец уезжал во Дворец. В этой поездке мы, дети, были сильно заинтересованы, так как возвращение отца большей частью сопровождалось привозом нам из Дворца обильных и разнообразных сладостей; в особенности он привозил много очень вкусных и исключительно дворцовых леденцов: ими доверху была наполнена его каска.

Моя мать была большой поклонницей нашего драматического театра и в отсутствие отца довольно часто меня, мальчугана б — 8 лет, брала с собою в Александрийский театр, который только мы и посещали. Мы большей частью сидели в местах за креслами. Из этих воспоминаний у меня сохранилось в памяти очень мало. Помню, что я видел «4 Ревизора» Гоголя и некоторые другие представления. Из артистов здесь на сцене я видел Мартынова, Каратыгина, Шуйского³ и друг. Особенно сильное впечатление сохранилось у меня только от одной пьесы Александрийского театра — о взятии Ахал-теке или что-то в этом роде. Для этой пьесы приходилось производить значительные перемены в обстановке. Весь партер убирался, и являлась цирковая арена, усыпанная песком; сцена была соединена с партером пологим помостом. Подробности пьесы я не помню; помню только, что ее разыгрывали как на сцене, так и в партере и она была чисто военная, хотя была здесь и героиня. Особенно сильное впечатление производило на меня последнее или предпоследнее действие — это само взятие Ахал-теке. При этом в партер выезжал отряд казаков, вели какие-то переговоры с крепостью, находящейся на сцене, а затем с гиком и выстрелами казаки карьером неслись на сцену. Крепость скоро загоралась, и занавес опускали. Я во время этого нападения обыкновенно прижимался к матери, но она энергично меня отталкивала, ибо вообще не любила нежностей.

Много позднее, изредка посещая Александрийский театр, я долгое время, входя в партер, чувствовал запах конюшни. Было ли это отражением некогда здесь бывшего превращения театра в цирк либо просто воспоминанием детства, решать не берусь¹⁴.

Мать продолжала изрядно заниматься со мной грамотой, но ей как матери многочисленного семейства приходилось часто отрываться от этого в хлопотах по хозяйству, а потому около 9 лет меня

отдали приходящим в школу. Эта школа находилась также на Невском проспекте, почти против дома, где мы жили. Из этой школьной жизни у меня сохранилось очень мало воспоминаний, так как педагогия в ней была поставлена ниже всякой критики. Помню владельца школы, Кондратьева, фигурой своей очень напоминающего фигуру Крылова, что поставлена в Летнем саду. В нашем образовании этот почтенный старик не принимал никакого участия, разве изредка покрикивал на нас, когда мы очень шумели. Приходя довольно рано утром в школу, мы обыкновенно находили его в соседней с переднею комнате за столиком, на котором он производил какие-то операции над тараканами, приготовляя из них пищу для обильного количества певчих птиц, наполняющих квартиру этого педагога. Их громогласное пение раздавалось в школе целый день и часто очень мешало уроку. Вся остальная деятельность в школе была предоставлена этим педагогом его двум дочерям — старым девам, о преподавании которых у меня в памяти ничего не сохранилось.

В течение того времени, когда мы проживали в доме Лопатина, моими товарищами были некоторые из детей служащих фельдъегерского корпуса. С этими товарищами в праздники, в хорошую погоду [мы] отправлялись на задворки нашего дома, где помещались разные склады (мела, краски, металла и т. д.), по признакам пустующие, а за этими складами шел обширный огород. Мы ухитрялись, несмотря на то что склады были заперты, проникать в них и там затеивали игры то в диких людей, то в разбойников. Иногда же, мирно выбирая из мела склада чертovy пальцы (ВелетпНелла тисгопа<;а)¹⁵, мы беседовали. В худую погоду собирались у кого-нибудь из товарищей, чаще всего у нас; но когда мы очень шумели, то нас обыкновенно просили затеять какую-нибудь более тихую игру. Курьезно то, что эта тихая игра у нас была названа игрой в профессора. Откуда взялась эта игра, сказать очень затруднительно? Никто из нас не слушал профессоров и даже не видел их при исполнении их обязанностей. Я объясняю себе эту игру следующими обстоятельствами: старшим братом моей матери был Семен Михайлович Добровольский¹⁶, окончивший в 1835 году кандидатом по юридическому факультету Петроградского университета. По своим способностям и трудолюбию это была личность выдающаяся, крайне серьезная, а по фигуре представительная. Дома у нас называли его профессором. Хотя он таковым не был, но действительно был преподавателем законоведения почти во всех, начиная с Пажеского корпуса¹⁷, военных училищах и издал курсы законоведения. Позднее мне многие из бывших учеников моего дяди говорили, что это был блестящий лектор и, несмотря на отдаленность его предмета от военных наук, его аудитория была полная и необыкновенно внимательная. Этого дядю видели и мои товарищи, и личность моего дяди, вероятно, и дала повод для создания нашей игры. Слыхали мы, что профессора говорят с кафедры, и вот мы из опрокинутого стола

изображали эту последнюю. Но почему-то никто из товарищей не брал на себя роль профессора; эта роль возлагалась всегда на меня, и мне приходилось их занимать рассказами, главной темой которых было изложение некоторых путешествий, заимствованное из прочитанных мною книг.

Из детских воспоминаний мне особенно памятливы наши весенние поездки и жизнь в деревне, куда мы уезжали[^] на все лето. Отец как-то вывез из Вены чрезвычайно удобную для большого семейства карету-тарантас, внутри которой была масса различных отделений для клади, а снаружи за козлами для кучера находились два основных помещения, точно такие же помещения были и за каретой. Таким образом, кроме нашего семейства в этом экипаже помещались кухарки, две горничные и лакей. В этом экипаже шестериком мы ехали от города Луги, до которого уже была построена железная дорога от Петрограда, до станции Белой (ныне Белые Струги)¹⁸ по Варшавскому шоссе. От ст. Белой мы должны были повернуть на почти проселочную дорогу, идущую к г. Порхову, где уже нас ждали собственные лошади.

Дорога от ст. Белой была очень тяжелая, ибо местами выступали пески, так что для нашего экипажа надо было впрягать уже 8 лошадей да и ехать приходилось большей частью шагом. В это время нас, детей, выпускали из экипажа, и мы шли соседним лесом, собирая цветы, а иногда и поспевающие ягоды.

На этой дороге мне особенно памятно одно место, где — сказать точно я не могу, помню только, что между Белой и Порховом. Это место мне всегда представлялось особенно живописным, и я просил мать позволить мне пересест на наружное сиденье экипажа, где сидела горничная. Происходил обмен, и я водворялся на просимое мною место. Красота открывающегося пейзажа заключалась в следующем: мы постепенно выезжали на поднимающуюся перед нами гору и въезжали на чрезвычайно узкую гриву с весьма крутыми с боков склонами. Грива¹⁹ эта окаймлена была болотистой местностью, отчасти покрытой лесом, но с нее открывался очень широкий кругозор на обширные лесные пространства, а равно далеко видна была и дорога, змееобразно изгибающаяся, как и сама грива. Помню еще, что версты через две начинался спуск с нее, а затем новая грива, но значительно короче. Много позднее, когда я читал геологические сочинения Эрдмана, де Гейера²⁰ и друг, о Скандинавском оледенении, я впервые познакомился с так называемыми в Швеции «озами»²¹. И мне припомнились виденные мною здесь гряды, но посетить эту местность позднее, будучи уже геологом, [мне] не удалось. Когда я был уже профессором, один из окончивших курс студентов, А. Ф. Адамсон, обратился ко мне за темой для зачетного сочинения. Из нашего разговора выяснилось, что он намерен провести лето в Псковской губернии. У меня уже установился обычай студентам, не работавшим у меня в кабинете²², давать такие темы по месту летнего их пребывания. Я задал Адамсону тему «О ледни-

ковых и позднеледниковых образованиях Псковской губернии». Задав эту тему и указав литературу, я вспомнил о поразившей меня в детстве гриве и о кажущемся мне сходстве с «озою», а потому просил Адамсона обратить на нее особое внимание. Осенью следующего года Адамсон привез довольно обильный материал, который и обрабатывал в кабинете, а затем представил мне свое зачетное сочинение. Эта работа была настолько обстоятельная, что я уговорил автора сделать о ней доклад в отделении геологии и минералогии С[анкт]-П[етербургского] общества естествоиспытателей. В заседании отделения 19 февраля 1894 года и состоялся этот доклад, напечатанный в Трудах (т. XXXIII, с. XXVI). Доклад отличался чрезвычайно обдуманной деталями и сопровождался демонстрацией собранных образцов; причем сообщены были и совершенно новые факты о ледниковых шрамах^н и т. д. В одном месте доклада автор говорил: «Другого рода также несомненно ледниковые образования мне удалось видеть по дороге к Порхову благодаря любезному указанию многоуважаемого проф. А. А. Иностранцева. А именно, отъехав версту или две, не более, от почтовой станции Ямкино, я заметил продолговатые холмы и гряды, имеющие довольно однообразное направление с СЗ на ЮВ*. Далее, описывая их, он указывает, что эти гряды с довольно крутыми склонами поднимаются до 7 еж. над прилегающей местностью и тянутся непрерывной волнистой, змеевидно изогнутой линией. Ему удалось в искусственных выемках видеть их внутреннее строение, а равно и сделать интересную фотографию, рисунок с которой и помещен в тексте сообщения. Местные жители эти гряды называют «гривами». В заключение своего сообщения докладчик говорил: «Во всяком случае, внешний вид, сходство с железнодорожного насыпью, волнистая линия протяжения, преимущественно с СЗ на ЮВ, и, наконец, состав некоторых поверхностных частей ее не позволяет сомневаться, что „Ямкина грива“ не что иное, как характерный „оз“, первый из известных в Псковской губернии». Я привел этот пример как показатель того, что иногда детские воспоминания о виденном у будущего специалиста принимают реальную форму.

Такие путешествия наши в деревню продолжались несколько дней с ночлегами на станциях. От г. Порхова до нашей деревни, если не ошибаюсь, было около 30 верст. Мы тоже проселком на своих лошадях и по сравнительно хорошей дороге совершали путь до деревни в один перегон. Такие поездки мы совершали ежегодно. Все разнообразие заключалось только в том, что Варшавская железная дорога продолжала строиться и нам можно было каждое лето проезжать все большую часть пути по железной дороге. В конце концов уже явилась возможность оставлять экипаж на зимовку на станции Белой, а весной в этом экипаже совершать свой путь до деревни.

Из всей нашей компании, населяющей дорожный экипаж, я да лакей только и были мужчины. Мать и 3 младшие сестры, а иногда

и приглашенная для практики во французском языке старая классная дама Смольного института составляли наше население в экипаже, как и в самой деревне. Иногда приезжала гостить моя тетка с 3 дочерьми, редко два моих старших брата и то на короткое время. Компания как родных, так и двоюродных сестер не удовлетворяла порывов мальчика, и я часто с ними ссорился из-за игр. Еще с самого начала моего пребывания в деревне я свел знакомство с крестьянскими своими сверстниками и значительную часть времени проводил с ними, затевая различные игры. Разнообразные Митьки, Федьки и т. п. составляли мою компанию, а из их рассказов я очень рано узнал и невзгоды крестьянского права. Много уродливых явлений сообщили мне товарищи о соседних помещиках, тогда как у отца с матерью с крестьянами были самые дружеские отношения. В нашем экипаже привозилась в деревню целая аптека и масса различных подарков в виде кусков ситца для рубашек, сапог и т. п., и этим наделяли обыкновенно самых бедных крестьян и крестьянок. Для своих приятелей я привозил тоже подарки. Кому книжку, кому мое старое платье либо сапоги, а иногда, выпросив у матери денег, просил им кое-чего и прикупить. Отношение отца и матери к крестьянам было самое гуманное. Отец, весьма вспыльчивый человек, было накричит, а иногда и выругает бедного крестьянина за его леность, но обыкновенно сейчас же прикажет выдать ему какой-либо провизии (муки или крупы и т. д.). Запашка у нас была очень небольшая, так что на барщину у нас ежедневно выходили двое или трое, не более. Единственным исключением был покос на роскошном заливном лугу р. Белой (но этот луг убирался дня за два) и вывоз удобрений со скотного двора. Эти работы у крестьян считались праздниками, так как в такие дни им предлагали обильную пищу раза три в день и варили для них черное пиво. Пища была настолько хороша и разнообразна, что в этот день и все наше семейство ею пользовалось.

Наша усадьба была расположена в довольно живописной местности на притоке р. Шелони — р. Белой. Летом эта речка сильно высыхала, так что во многих местах можно было ее переходить по камням, не замочив ног, но местами в ней были омуты, которые обыкновенно выбирались для купания. На правом берегу речки была расположена деревня, за которой шла довольно хорошая проселочная дорога. Из деревни приходилось спускаться, но довольно круто, к речке и переезжать ее вброд, за бродом шла неширокая заливная долина. За ней снова надо было совершить уже разработанный подъем на левый берег, несколько выше правого. Вниз по течению речки долина значительно расширялась, и на ней обыкновенно был роскошный сенокос, который изобиловал довольно разнообразной растительностью. На высокой террасе левого берега и был построен после пожара деревянный дом по проекту и под надзором моего брата Павла Александровича, в то время еще бывшего в старших классах Строительного училища (ныне Институт граж-

данских инженеров)²⁴. Постройку нашего дома назначили на летнее пребывание, но дом легко можно было сделать и зимним — стоило только проконопатить его и обшить тесом. В доме было несколько больших комнат, и наверху, в мезонине, была одна очень большая [комната] для мужского населения, тогда как внизу поселялись женщины. С двух сторон к дому примыкала широкая веранда, соединенная с кухней, стоящей отдельно, так что в дождь можно было иметь сухое сообщение. Остальные постройки были старые: их пожар не тронул. За домом вниз по течению реки на той же террасе был очень хорошо распланированный сад, к которому с левой стороны примыкал фруктовый сад и огород. Фруктовый сад изобилдовал большим количеством гряд клубники. Перед фасадом дома по самому краю обрыва в ряд росли несколько вековых берез, дающих обильную тень, в которой во время созревания ягод моя мать и наша общая «няняша» обыкновенно варили варенье. Из дома шла, наискось с обрыва, ступенчатая дорожка на заливной луг и к р. Белой, по этой дорожке мы и ходили летом купаться. Правда, довольно рано мы должны были это удовольствие прекращать — когда созревал лен, которым вообще славилась Псковская губерния. Собранный лен как крестьяне деревень, лежащих вверх по р. Белой, так и наши крестьяне мочили в реке по нескольку дней и до того портили воду, что она становилась бурой, сильно пахучей, и, видимо, вода была отравлена, так как течением несло дохлую рыбу.

За нашим садом шла тропа — более краткий путь к Вельскому погосту. По этой тропе я еще мальчуганом бегал иногда к погосту, а гимназистом пользовался ею для посещения дьякона церкви, с которым был знаком. Как теперь помню, очень близко от погоста река Белая делала поворот, встретив каменный утес. Теперь я как геолог по памяти могу сказать, что этот утес был образован девонскими рухляками²⁵. Я его очень часто рассматривал, но окаменелостей в нем не находил.

Так как моя ранняя молодость прошла, во всяком случае, среди женского пола, где принято обращение друг с другом более вежливое, то меня всегда сильно волновали грубые разговоры и ругательства, а потому я в своей свите деревенских ребят ввел строгий режим относительно ругательств. Любимой нашей игрой здесь был Робинзон Крузо. Для этой игры у нас даже на одной из громадных берез, довольно высоко от земли, было на сучьях устроено помещение в виде как бы гнезда; отсюда и делались наши нападения на дикарей.

Но особенно любимым времяпровождением моим [было], когда за усадьбой были озимые или яровые, одному уходить в поле, ложиться на межу и предаваться самым разнообразным фантазиям. Это развлечение часто прерывалось собиранием в коробку разнообразных насекомых, приносил этот материал домой и часто выводил из личинок бабочек. Но идти дальше мне было некуда — руководителя никакого не было, не было в то время никакого печатного

наставления, как надо собирать коллекции и как определять насекомых и т. д.; это меня сильно раздражало, и я часто бросал эти занятия.

Когда отец приезжал в деревню, обыкновенно на короткий отпуск, он норовил прожить [этот] отпуск с нами так, чтобы в начале августа доставить [в город] тех из детей, которым нужно было быть в Петрограде к этому времени. Меня он почти всегда увозил с собой, надо ли мне было или нет — безразлично; но следующей за мною по годам сестре Елизавете надо было быть в Смольном институте в первых числах августа.

В легком тарантасе мы втроем с грустью расставались после полного приволья с деревней, направляясь в Петроград на своих лошадях с кучером Дмитрием. Отец почему-то обратный путь из деревни предпочитал ехать через Старую Руссу. Дорога здесь действительно была много лучше, чем на Порхов, но своим лошадям надо было давать довольно продолжительный отдых, что значительно затягивало время нашего пути. Зато новых впечатлений для нас, ребят, было много. Везли мы с собой целое хозяйство и массу провизии, так что питались, кроме молока, своими домашними продуктами, среди которых наша «няняша» влагала массу разнообразных сладостей, ею же приготовленных (пастилы, пряников, сушеных ягод и т. п.). Здесь считаю долгом объяснить уже и раньше упомянутое слово «няняша». Нас всех вынянчила крепостная крестьянка Дондукова-Корсакова — Прасковья Паходова. Она до того сроднилась со всем нашим семейством, что мы ее считали всегда до ее смерти своим сочленом. К сожалению, она ослепла после операции глаз и слепую жила и умерла у нас. Это была довольно художавая, но необыкновенно живая и работающая женщина. Ни минуты она не оставалась без дела, а когда ей уже некого было нянчить, она являлась правой рукой моей матери; в особенности она была сведущей по части изготовления различных съедобных предметов.

Дорога наша пролегла отчасти по разбросанным деревням, отчасти, ближе к Старой Руссе, по бывшим аракчеевским военным поселениям²⁶. Это все было для нас внове. Насколько я помню, значительная часть раскольников жила отдельными хуторами, обнесенными высокими сплошными заборами и снабженными крепкими и постоянно запертыми воротами. При наших остановках приходилось иногда очень долго стучаться, чтобы открыли ворота и вступили с нами в переговоры. Когда раскольник или кто-нибудь из взрослых его семейства после внимательного нас осмотра убеждался, что мы не начальство, а мирные люди, то отворяли ворота и впускали нас к себе и были необыкновенно радушны и хлебосольны. Для чая все-таки своей посуды не давали, давали только очень богатые, у которых для этой цели была особая мирская посуда. Некоторый страх на нас, ребят, производили остановки к ночлегу, когда уже сильно смеркалось и такой хутор казался нам недостижимым и страшным замком. Обыкновенно все сходило вполне благо-

получно, и, получив утром денежное вознаграждение, раскольничья семья нас провожала и просила и впредь останавливаться у них.

Другую картину представляло военное поселение. Обыкновенно все селение располагалось по длинной улице, вытянутой по ее сторонам как бы по нитке в одну линию; по одному и тому же шаблону были построены дома. Обстановка таких домов в то время была крайне бедная, и избы [были] довольно грязные. Большинство мужчин, вероятно по традиции, со времен Аракчеева брили себе бороду и представляли довольно обыкновенный тип отставных солдат. К отцу, как военному и офицеру, относились с особым почтением. К счастью для нас, ночлега у них в нашем маршруте не было, так как эти поселения находились поблизости [от] Старой Руссы. Из этой последней, отправив лошадей обратно в деревню, мы селись на пароход до Волховской станции, а затем на железную дорогу и возвращались в Петроград.

Чтобы не утомлять читателей этой автобиографии, ограничусь вышеприведенными указаниями, а равно и тем, что мои поездки и пребывания в деревне продолжались, если не изменяет память, до 1860>ода включительно, т. е. когда я был уже гимназистом. Иногда мне приходилось, из-за экзаменов, ездить в деревню и одному, и при этих поездках я впервые видел, какие иногда возникают хорошие связи между людьми из-за доброго друг к другу отношения. Так как мой отец постоянно сопровождал в поездках Императора Николая I, да кроме того, он очень часто был посылаем этим последним, то его по Варшавскому тракту знали на всем протяжении. Все смотрители станций и большая часть ямщиков называли отца своим благодетелем и когда узнавали, что я его сын, то для меня запрягали курьерских лошадей, часто отказывались брать прогон и вообще выражали мне необыкновенно добродушное отношение.

Не могу обойти молчанием и следующее обстоятельство из моих воспоминаний. Года за три до освобождения крестьян можно было подметить постепенный поворот в их воззрениях на помещиков и появление в их разговорах между собою, и даже в моем присутствии, некоторого ироничного отношения. Другие из крепостных шли еще дальше; так, наш кучер Дмитрий по воскресеньям вечером усаживался со своею балалайкою на крылечко у конюшни и под свою музыку сочинял самые неприличные и непечатные куплеты о помещицах и помещиках.

Среди наших крепостных дворовых было и несколько молодых девушек, взятых моею матерью для их обучения. Во время пребывания в Петрограде некоторые из них учились: [одни] рациональной стирке, другие шитью и т. д., но жили обыкновенно у нас под строгим надзором матери, а в особенности няняши. Из мужского населения мне особенно памятен Митрич. Хотя он и был наш крепостной, но служил у кого-то довольно продолжительное время. Только после смерти его хозяина мой отец взял его в виде камердинера к нам. Отец имел, кроме того, двух денщиков, а следовательно-

но, в мужской прислуге не нуждался, но Митрича взял ради его опытности.

По внешнему виду Митрич был среднего роста пожилой человек, гладко выбритый, и носил черный парик; в течение дня он всегда был с накрахмаленной грудью и воротником и с белым галстуком. В обращении был услужлив и вежлив, но не особенно разговорчив. Камердинером он считался у отца, но когда я бывал дома, был и моим. Митрич всегда сопровождал нас в деревню, где был в доме единственной мужской прислугой. Вот об этом Митриче у меня в памяти сохранилось два случая, из которых первый относится к деревне, второй — к Петрограду.

В деревне почти исключительной обязанностью Митрича было услуживать нам во время различных трапез да по утрам вычистить мои платья и сапоги; большую часть времени он был свободен. Моя мать, некоторые из сестер, а в особенности наша няняша были большими любительницами птицеводства, и у нас было много различных пород кур, уток, гусей и в особенности индеек. Большая часть птиц летом откармливалась, а зимой няняша на собственных подводах привозила их на съедение в Петроград. Этот Митрич имел много свободного времени и, когда отец привозил ему порох, имея ружье, отправлялся в соседний лес помещика Рындина, где и браконьерствовал. Иногда ему удавалось принести нам и дичь, но это было очень редко. Главным своим занятием в свободное время Митрич избрал постоянно дразнить индейского петуха, которого довел до такой степени ненависти, что этот петух уже сам стал набрасываться на Митрича. Нас, детей, особенно занимало то, что индейский петух для своих нападений выбирал иногда очень удачные моменты. Помню один из таких случаев. Прислуживая за столом во время обеда, Митрич нес однажды большую суповую миску нам к столу; руки у него были заняты. Митрич предпочитал путь из кухни через двор, как более короткий сравнительно с крытой верандою, соединявшей дом с кухней. Из столовой нам все было видно, что делается во дворе, и вот, когда Митрич вышел из кухни на двор, на него накинута индейский петух — взлетел ему на плечо и стал клювом долбить голову. Нас, детей, это первоначально очень позабавило, но когда увидели на лице Митрича кровь, то все повскакивали со своих мест выручать его и отогнать петуха. На этот раз индейский петух порядком отомстил своему врагу, нанеся раны, которые надо было ему заклеивать.

Значительно труднее было охранять Митрича в Петрограде, где он оказался фанатичным игроком в кости. Отцовских денщиков этим соблазнить было нельзя, ибо у них не было денег, и вот Митрич удирал в какой-то притон, где обыкновенно и проигрывался до последней нитки. Надо здесь прибавить, что пьяницей Митрич никогда не был. Бегство его из дома иногда продолжалось несколько дней, рассылались денщики для его отыскания и несколько раз подавали объявку в полицию. Большею частью приводили Митрича

совершенно раздетым, ибо и платье его было проиграно, и он был обыкновенно страшно голоден. Никакие угрозы и увещания на него не действовали, настолько он был этого дела фанатиком. Отец несколько раз одевал его заново, а он снова в каком-то вертепе всё проигрывал, и однажды его, прямо сильно больного, полиция и вертепа свезла в больницу, где он и умер. Мы, дети, очень любили Митрича за его вежливость и всегдашнюю готовность все просимое исполнить, а потому, узнав о его смерти, тихонько от родителей всплакнули об умершем.

Из домашних событий, уже незадолго до поступления моего в гимназию, мне особенно памятен день проводов моего старшей брата Константина на войну. Продолжающаяся осада Севастополь требовала массу врачей, а брат мой только что окончил курсы в то время Медико-хирургической академии²⁷. Так как наша квартира была по соседству с Николаевским вокзалом²⁸, то решено было моими родителями весь выпуск моего брата, отправлявшийся на войну, пригласить к нам, накормить обедом и проводить на вокзал. В то время меня крайне поражала необыкновенная ехидность некоторых из товарищей брата, а равно и та солдатская форма, в которую они были одеты, и их своеобразные погоны, где нашивки были наискось срезаны.

Обремененные большим семейством отец и мать вполне сознавали, что необходимо дать образование своим детям, а собственных средств для этого было недостаточно. Тем не менее, как сейчас видим, старший брат окончил Медико-хирургическую академию, за ним следующий, Павел, окончил курсы архитектуры в Строительном училище (Институт гражданских инженеров) и благодаря близости отца к Императору все сестры были воспитаны в институтах. Около 1854 года мой отец стал хлопотать о помещении меня пансионером в одну из гимназий. То обстоятельство, что я был крестником Императора Николая I, сильно облегчило хлопоты, и я был принят во вторую в то время гимназию, что ныне на Казанской улице, а в то время на Б. Мещанской, также пансионером Императора Николая I.

Глава II

ГИМНАЗИЯ

Осенью 1855 года совершилось мое поступление в гимназию, куда прямо к директору отец мой меня и доставил. Директором нашей гимназии в то время был Постельс¹ (отец), который в своей квартире и заставил меня писать под диктовку. Я ужасно волновался и, вероятно, наделал массу ошибок, ибо директор, читая мою рукопись, довольно печально на меня поглядывал и качал головою, но по поводу диктовки ничего не сказал и, простившись с отцом моим, повел меня в камеру, где и сдал дежурному гувернеру.

Очувтившись одиноким среди незнакомых мне людей, я до того взгрустнул, что стал плакать и твердить: «Пустите меня домой». Мой плач почти перешел в истерику, так что дежурный гувернер, получивший меня от директора, счел долгом пойти к последнему и доложить ему об этом. К моему удивлению, снова явился директор и стал меня уговаривать, но видя, что это на меня не действует, приказал позвать «дядьку», которому и поручил отвести меня домой до завтрашнего утра, что и было исполнено.

Гимназия в то время была семиклассная, а наша гимназия была совершенно лишена греческого языка, латинский преподавался только с третьего класса, но взамен их было усилено преподавание естественных наук.

Я застал в гимназии еще старые архаические порядки. Пансионеры, с небольшим количеством своекоштных полупансионеров², были до четвертого класса совершенно отделены от проходящих, хотя классы иногда и помещали рядом. Также и сами пансионеры

были разделены и помещены в свободное от классов время в две камеры: младшую, куда входили гимназисты до третьего класса включительно, и старшую — от четвертого класса до седьмого.

По субботам, перед роспуском после урока пансионеров по домам в отпуск, дежурный гувернер читал нам громко журнал с резолюциями о наказаниях, наложенных директором на провинившихся в течение недели воспитанников. Наиболее слабым наказанием считалось остаться на воскресенье без отпуска; затем — без отпуска и карцер; далее без отпуска на два или три праздника и наконец без отпуска на долгое время и смотрение последней степени наказания.

Этой последней степенью оыла порка настоящими рящих приводили, очевидно, для острастки. Порка всегда производилась в присутствии директора, а совершителем ее был отставной и неподкупный вахмистр лейб-уланского полка Луников. Мне, к счастью, не пришлось испытать два последних наказания.

Гувернерами были люди малогуманные и большей частью озлобленные на подчиненную им молодежь. Их разделяли на дежурства немецкие и французские, причем такое подразделение было через день. Особенной суровостью отличались немецкие гувернеры и из них — Альбрехт, Лилиенталь и Бюргере, четвертым был у нас Крюгер, в то же время и преподаватель чистописания; но он был личность довольно бесцветная. Особенной свирепостью отличались двое из вышеупомянутых гувернеров, которые за малейшую провинность, а иногда просто по подозрению, записывали в журнал и непосредственно наказывали постановкой на все время приготовления уроков на середину камеры. Последнего наказания в старшей камере не было.

Альбрехт по виду был крайне дряхлый худощавый старик среднего роста, почти лишенный на голове растительности; сохранилась только одна коса, которую он при помощи какого-то липкого вещества всю зачесывал наперед и даже на часть лба. Когда он очень сердился, то его коса, как щетина у животных, поднималась кверху и делала его очень смешным. Ему постоянно казалось, что пансионеры не учатся, и он зачастую подходил к подозреваемому сзади и через спину последнего заглядывал, что тот делает. Во время приготовления уроков достаточно было кому-нибудь из пансионеров забытья и повторить часть урока громко, чтобы Альбрехт схватил его за шиворот и буквально выбросил на середину камеры. Откуда у такого дряхлого старика и сила для этой операции бралась? Любопытно то, что при таких выбрасываниях Альбрехт почти всегда говорил:

Красный воротник имеешь,
ничего не разумеешь.

Обыкновенно сейчас же за произнесением этих слов, довольнс дружно, почти вся камера хором продолжала слова Альбрехта:

Посмотри на потолок, там
написан твой урок.

Это последнее обстоятельство совершенно выводило старика и; себя, и он большей частью начинал бегать по камере, отыскивав виновных. Гимназисты дали Альбрехту довольно характерное на звание — Крыса.

Лилиенталь представлял несколько иной тип. Он обладал очен некрасивою, но весьма массивною фигурою, что называется

«неладно скроен, но крепко шит». Лицо его было обрюзглое, толстое, с толстым носом и массивною нижнею губою.

Особенно поражали его необыкновенно толстые ноги и громадные ступни. Мы прозвали его Бегемотом. Злость и какая-то беспричинная нелюбовь к молодежи всюду проскальзывала у этого человека; в особенности он отличался злопамятностью и если наказывал, то обыкновенно сам сажал провинившихся или подозреваемых в карцер дня на два, на три. У нас наказания в карцер были только дневные, на ночь выпускали спать в своей постели. Да и для спанья карцеры (их было рядом два) были прямо непригожи: это были помещения, отгороженные от широкого коридора, и каждый карцер имел не более чем три аршина в длину и два в ширину. Карцер с заключенным запирался на ключ дежурным гувернером, но двери карцера были не до самого верха — довольно значительное пространство оставалось свободным. Наказанный обыкновенно ухитрялся подняться до существующего отверстия и висеть в нем до прихода гувернера, когда он от последнего и прятался. В это же отверстие товарищи снабжали наказанного казенными пирожками, а некоторые и своею провизией — это взамен хлеба и воды, полагавшихся наказанному. Злость Лилиенталя простиралась до того, что он, желая проверить, сидит ли в карцере наказанный им на два или на три дня, приходил на следующий день, свободный для него, во французское дежурство проверить свое распоряжение. Но здесь у него иногда с французским дежурным выходили столкновения. Гувернеры во французское дежурство были добрее и иногда делали вид, что забыли распоряжение Лилиенталя.

Гимназисты неоднократно пробовали узнать степень образования Альбрехта и Лилиенталя. Обращение за каким-нибудь разъяснением к Альбрехту оканчивалось тем, что он обыкновенно очень крепко постучит вам согнутым пальцем по лбу и скажет: «Подумай сам». Лилиенталь отсылал таких приставал уже прямо к тому учителю, который задал урок.

Из французского дежурства у меня в памяти сохранилась симпатичная фигура толстяка Пренса, других не помню. Помню, что вместе с немногочисленными французскими гувернерами были и русские, как Соков. Пренс был необыкновенно общительный человек, и его почти постоянно окружали в свободное время пансионеры, с которыми он вел на французском языке разговоры, тогда как в немецкое дежурство мы слышали немецкую речь только тогда, когда гувернеры разговаривали между собой. Надо откровенно сказать, что только в Пренсе и Сокове мы встречали к нам человеческое отношение. В смысле воспитания все остальные гувернеры были совершенно индифферентны, и при затруднении иногда с приготовлением уроков не [к] кому было и обратиться. Счастлив был тот из пансионеров, который имел знакомых пансионеров 6-го или 7-го классов, но опять-таки только с разрешения гувернера можно было обратиться к этому знакомому за помощью.

У нас, пансионеров, был еще один начальник — это «дядька». Все воспитанники были еще, в свою очередь, разделены на партии, и для каждой партии был свой дядька. Его ведению подлежало казенное платье и белье, полагающиеся пансионеру. Эти принадлежности хранились вашим дядькою в цейхгаузе; перед отпуском он обязан был приготовить вам мундир с принадлежностью, пальто и чистое белье, а при вашем возвращении платье опять убрать; он же перед отходом вашим ко сну приходил осведомляться, не оторваны ли пуговицы, и брал до утра, отдавая в починку казенному портному. Эти же дядьки были в столовой раздавателями и разносителями нам пищи. Обыкновенно их избирали из старых служителей гимназий, и служба их считалась крайне спокойною, но и довольно прибыльною, так как дядьки часто получали от воспитанников на чай, а по большим праздникам и довольно солидную награду.

Остается сказать и о нашем размещении в здании гимназии. Среди ее построек был довольно правильной формы квадратный двор, на который в хорошую погоду пансионеров выпускали гулять и играть под надзором гувернера; из этого двора были только одни ворота на так называемый грязный двор; эти ворота были под особой охраной. Три фасада второго этажа, выходящие во двор, заняты были комнатами для пансионеров, а четвертый — рекреационной классной залой, в которую выходили некоторые классы. По фасаду нынешней Казанской улицы помещена была младшая камера, несколько больших размеров, чем старшая; эта последняя отделялась глухою стеною и шла параллельно младшей камере. По длине этих двух зал были приделаны наклонные столы, а к ним скамейки, так что каждый пансионер сидел спиною к середине залы. В концах этих зал были поставлены громадные шкафы с отделениями, куда каждый пансионер помещал свою шкатулку, запирающуюся на замок, и где хранил свои пожитки до книг включительно. В начале каждой камеры был стол для дежурного гувернера. В младшей камере в конце ее был поставлен большой образ, перед которым как утром, так и перед отходом ко сну читались молитвы. Из младшей камеры шла дверь в умывальную для старшего класса, за которою уже и был вход в спальню. Две спальни, выходящие во двор, были расположены под прямым углом друг к другу, и пансионеры и здесь размещались по классам; в помощь гувернеру при укладывании пансионеров ко сну назначался еще дежурный пансионер седьмого класса, который мог оставить хождение по спальне только после того, как убедится, что все заснули и что все правильно сложили на табурет, стоящий в ногах кровати, свое белье и платье.

Не отставали от гувернеров и некоторые из учителей. Помню у нас в первом классе учителя русского языка М., которому мы дали прозвище Косушка. Этот учитель приходил в класс почти всегда в нетрезвом состоянии, и мало того, в боковом его кармане всегда была фляжка, которую он тщательно вынимал и ставил под кафед-

ру, но довольно часто к ней прикладывался, а нам говорил, что это микстура. Однажды, довольно сильно выпивши, он забыл эту фляжку на месте хранения, и гимназисты убедились, что это водка. Этот учитель всё преподавание ограничил заданием выучить наизусть басни Крылова и, устроившись на кафедре, вызывал кого-либо из учеников и требовал ответа. Частое прикладывание к своей микстуре мешало М. даже слушать ответ. Можно было, только не останавливаясь нести ему всякую ахинею, но не смеша класс, и в конце заявить, что ответ закончен, чтобы получить хороший балл. Других учителей первого класса я не помню, ибо они так часто сменялись, что калейдоскоп их не сохранился в моей памяти. Помню, что первый класс особенно был переполнен уроками чистописания, рисования и географии, которую преподавал Лебедкин. Этот преподаватель томил нас зазубриванием как притоков больших русских рек, так и в особенности искусственных путей сообщения и заставлял по различным водным системам путешествовать туда и обратно.

К счастью для гимназии, этот архаический режим Постельса очень скоро должен был уступить место другому, что было вызвано назначением нового директора. Таковым был назначен гуманный педагог А. С. Воронов³. Довольно скоро из нашего горизонта исчезла большая часть немецких гувернеров, явились новые, иногда только что окончившие или Университет, или Педагогический институт. Таковая же смена наблюдалась и среди некоторых преподавателей. Новые гувернеры внесли совершенно новый дух человеческого отношения к молодежи, которого мы были совершенно лишены при старом режиме. С новыми гувернерами мы разговаривали по душам, иногда открывая им и свои задушевные мысли, тогда как ничего подобного не было при старых гувернерах. Из этого более гуманного времени мне особенно памятливы гувернеры Соколов и Авенариус⁴. Первый из них со временем был начальником женских гимназий ведомства Марии⁵. Он у нас постоянно был окружен пансионерами, с которыми то вел беседы, то вступал в горячий спор.

Любимым его разговором была русская литература, и ему мы, пансионеры были обязаны рядом указаний о том, что нам надо читать, ибо без таких указаний наше чтение обыкновенно ограничивалось чтением под сурдинку только романов. Авенариус не был настолько экспансивен и в нем говорила, кажется, шведская кровь; он был очень серьезным и с виду как бы сердитый, но в действительности это был добрейший и благожелательнейший человек, узнав его ко-роче, мы, пансионеры, очень полюбили его и часто беспокоили своими недоразумениями при приготовлении уроков. При вступлении А. С. Воронова в должность директора, конечно, немедленно были отменены розги и некоторые другие бесчеловечные наказания; явились сравнительно большие свободы и в сношении пансионеров младшей и старшей камер, в силу чего

лись знакомства, а с ними для пансионеров младшей камеры [явлась] и помощь в приготовлении уроков.

Для некоторой характеристики гуманного отношения А. С. Воронова к гимназистам я должен рассказать о случае, который был со мной в четвертом классе гимназии. Весною, когда деревья уже значительно покрылись зеленью, я должен был в понедельник рано утром, к урокам, возвратиться с Песков⁶ из отпуска в пансион гимназии. В то время со мной очень дружил один из пансионеров моего класса — Михайлов. За эту нашу дружбу меня постоянно преследовал наш добрейший инспектор Х. И. Пернер и неоднократно уговаривал меня беречься Михайлова, но мотивов для этого не говорил. Такое вмешательство постороннего лица меня еще более связывало с этим новым другом и сильно сердило, ибо я о Михайлове ничего дурного не слыхал. Михайлов ходил в отпуск к своему дяде и тетке, жившим в то время у Таврического сада. По понедельникам то он заходил за мной, чтобы идти в гимназию, то я, в свою очередь, заходил за ним. В один из понедельников, в прекрасное весеннее утро, когда мы шли от него в гимназию мимо Таврического сада, уже в значительной мере позеленевшего и оживленного пением птиц, мне вспомнилась наша деревня, куда я до гимназии попадал и ранней весной. Надо заметить, что местность (как Казанская улица), где помещалась гимназия, совершенно была лишена растительности, что на меня всегда производило неприятное впечатление. Михайлов, заметив мое несколько угнетенное состояние духа, сделал мне предложение вместо гимназии пойти вверх по р. Неве прогуляться с тем, чтобы к вечеру прийти в гимназию и выдумать какой-нибудь предлог, объясняющий нашу задержку дома.

Я согласился. Не буду вдаваться в подробности нашего путешествия, а скажу только, что к вечеру мы были уже в Колпино, откуда решили возвратиться в город более коротким путем, т. е. избрали рельсы железной дороги. Возвратиться в тот же день в город нам не удалось, ибо застала нас на дороге весьма холодная ночь. Пришлось выпросить себе у железнодорожного сторожа короткий ночлег в его незатейливой хате. Для оправдания перед ним Михайлов выбрал наше обещание совершить пешком и обратно переход для богомолья в Колпино. В городе рано утром мы очутились в какой-то роте Измайловского полка⁷, куда привел меня Михайлов уверяя, что мы идем к его знакомой купчихе, которая напоит нас чаем, а к началу уроков мы будем в гимназии. Совершенно для нас неожиданно на почти пустой в это время улице я увидел тетку Михайлова, идущую к нам навстречу; она также нас увидела и направилась к нам. Нам снова пришлось сочинять предлог нашей встречи, и мы стали ей говорить, что за отсутствием двух учителей ранних часов нас отпустили погулять. Она уже знала о нашем отсутствии из гимназии, но сделала вид, что поверила, и категорически предложила лучше поехать домой. Она наняла извозчика, уселась с нами и сперва отвезла Михайлова к дяде, а затем доста-

вместо выговора, меня напоили кофеем и накормили, но я сам был страшно сконфужен этим происшествием.

После обеда отец повез меня в гимназию, где и сдал меня прямо директору. Оказалось, что наше совместное отсутствие в понедельник на уроках обратило на себя внимание нашего инспектора Х. И. Пернера и он послал нарочного как к моим родителям, так и к родным Михайлова с вопросом о причинах нашей неявки в гимназию. Этот запрос вызвал у нас в доме целый переполох. Нас стали искать, а тетка Михайлова, зная за племянником какие-то грехи, прямо направилась к той купчихе, куда иногда, под благовидным предлогом, уходил Михайлов. Вот на этой-то улице, где жила купчиха, и произошла наша встреча.

Отпустив отца, А. С. Воронов очень мягко попросил меня сесть к его письменному столу и откровенно рассказать о мотивах моего поступка. Я ему самым подробным способом рассказал, как меня соблазнили весна, пение птиц, как все это напомнило мне пребывание в деревне и т. п. После моего рассказа А. С. заметил, что, может быть, и он, будучи гимназистом, поступил бы так же, но как директор гимназии должен меня за прогул репетиций образцово наказать. На меня было наложено наказание: целую неделю карцера и три воскресенья без отпуска домой. После меня дядя привел и Михайлова, и нас посадили сейчас же в два (и единственные) смежных карцера, выпуская только на уроки, а на свободное время опять запирали. После отбывания карцера Михайлов куда-то исчез, и я никогда больше в своей жизни его не встречал. Оказалось, что за ним числились какие-то проделки и он был исключен из гимназии.

В то время были в нашей гимназии введены перед экзаменами репетиции, на которых по частям проверяли у гимназистов пройденный курс. Кто сдавал репетиции удовлетворительно, тот допускался к экзамену, а кто получал высший балл, тот совершенно был избавлен от экзамена того предмета. Наконец, кто получал на репетиции отметку неудовлетворительную, тот совершенно не допускался к экзамену и оставался в том же классе на второй год. Конечно, моя прогулка во время репетиций и сидение в карцере не могли не отразиться и на репетиции: я получил, кажется, две неудовлетворительные отметки и не был допущен к экзамену, т. е. был оставлен в том же классе на второй год.

Это оставление на второй год в том же классе произвело на меня глубокое и отрезвляющее впечатление. В младших классах я учился, что называется, через пень-колоду, т. е. едва набирал баллов для перехода в следующий класс, но мое путешествие в Колпино сразу меня образумило. Я стал более прилежным учеником и особенно по предметам, которые мне нравились, как-то: математика, история и в особенности естествознание. Этим старанием на

второй год я значительно исправил свои отметки почти по всем предметам, так что перешел в пятый класс без экзамена.

Во второй гимназии существовала привилегия хорошо сдавшему экзамен из четвертого класса в пятый перейти на казенный счет в Царскосельский лицей, что мне и было предложено нашим инспектором. Мои родители, в особенности мать, были очень рады этому предложению, но такому переходу энергично воспротивился мой брат доктор К. А., доказывая родителям, что заранее делать из брата чиновника не приходится: надо, чтобы он сам выбрал себе специальность. Доводы брата как раз совпадали и с моими собственными воззрениями на будущую жизнь и окончательно убедили меня от этого перехода отказаться. На моего отца и дядю СМ. Добровольского этот отказ произвел хорошее впечатление, но моя мать была этим очень огорчена. Вместо меня, к сожалению, пошел в Лицей мой талантливый, но довольно ленивый товарищ В. Н. Майнов⁸. Я сказал «к сожалению» потому, что хотя из него со временем и вышел довольно заметный этнограф, но систематическая подготовка, которую он мог бы получить в Университете, у него отсутствовала. Может быть, если бы не ранняя его смерть, он и успел бы восполнить пробелы, но этого при жизни сделать не удалось.

Среди учителей и при режиме А. С. Воронова остались несколько из бывших в гимназии. К числу таких принадлежали В. Ф. Эвольд, Е. Х. Рихтер и некоторые другие⁹. В. Ф. Эвольд читал нам историю, и его чтение пользовалось среди гимназистов полным вниманием — класс как бы вымирал, наступала полнейшая тишина. Провинившихся учеников он никогда не наказывал, но досаждал словами с такой тонкой иронией, что виновный готов был провалиться сквозь землю. Интересно то, что хотя по образованию своему в Университете В. Ф. был филолог, но он до фанатичности любил также ботанику и знал ее настолько хорошо, что состоял членом Ботанического отделения Петроградского общества естествоиспытателей и почти каждое лето совершал ботанические поездки по России.

Несколько иной тип представлял Е. Х. Рихтер. Он был чрезвычайный педант и преподавал нам алгебру и геометрию. Несмотря на его педантичность, внимание учеников было во время чтения крайне напряженным, так как следить за его выводами было и легко, и необходимо, чтобы понять то, о чем говорилось. Этому преподавателю обязаны многие из его учеников, и я в том числе, ибо благодаря Е. Х. Рихтеру полюбил математику, столь необходимую будущему натуралисту. Благодаря ему из второй гимназии вышло несколько профессоров математики и физики (П. П. Фандер-Флит, К. А. Поссе, И. И. Боргман и друг.)¹⁰.

Физика была поставлена ниже всякой критики. Не хочу называть даже имени преподавателя этого предмета. Этот предмет в гимназическом образовании вмещал и химию, о которой мы ничего никогда не слыхали от нашего учителя. Он приходил в класс со-

вершено неподготовленный. К нашему счастью, учитель естественной истории по части химии явился на своих чтениях его заместителем.

В. Ф. Эвольд и Е. Х. Рихтер явились со временем первыми насадителями в России реального образования. В. Ф. открыл первое реальное училище и был его организатором и директором; на своем посту он и скончался. Е. Х. Рихтер был еще счастливее в этом отношении, и ему принадлежит организация и открытие двух реальных училищ. К сожалению, из-за недоразумения он конец своей многоопытной жизни провел в отставке и скончался весьма недавно.

С третьего класса нас знакомили с естественной историей. Ее читал нам магистр зоологии К. К. Сент-Илер¹¹. Он начинал свои чтения с кристаллографии, для которой и выписал из-за границы довольно полную коллекцию моделей. Эти занятия очень нравились гимназистам, а мне в особенности. Многие из нас кристаллографию того времени изучили настолько основательно, что удивляли профессоров. Так, когда мы уже были студентами, я помню, что проф. П. А. Пузыревский¹², читавший нам на первом курсе кристаллографию, однажды, дойдя до комбинации между собою простых форм, дал мне на лекции какую-то модель такой комбинации, я без всякой ошибки сразу назвал простые формы, которые в нее входили. Это так его удивило, что он спросил меня, в каком я университете слушал кристаллографию.

В старших классах гимназии преподавал естественную историю известный философ, также магистр зоологии Н. Н. Страхов¹³ (псевдоним — Косица). Несмотря на обширность его эрудиции, он, по-видимому, не обладал ни малейшей любовью к педагогике, и его уроки прошли для меня почти бесследно. Осталось в памяти только несколько уроков, когда Н. Н., неволью увлекаясь, уклонялся от естествознания и вдавался в философию, излагая нам вкратце философию Канта.

Из учителей латинского языка я помню только Левандовского и Л. Ф. Радлова, из них первый преподавал в младших классах, второй — в старших. Левандовский представлял довольно оригинальный тип. По виду это был довольно типичный католический священник, хотя в действительности им не был, но служил в католической семинарии не знаю в какой должности?? Он был прямо посмешищем всего класса, с ним гимназисты проделывали невероятные скандалы вплоть до забрасывания его обломками мела, за что, конечно, страдал целый класс, и после уроков его оставляли, под надзором гувернера, в классе еще часа два. Левандовский совершенно не умел сам прекратить какой-либо скандал; он очень скоро терялся. В своем преподавании он донимал нас, заставляя зубрить исключения без всякого применения их к тексту. Эти исключения, много зазубренные, еще и до сих пор, без всякого применения, держатся у меня в голове, а проснувшись от сна, где я сидел будто бы в классе Левандовского, я начинаю твердо произносить: рогпз,

piscis, cines и т. д. Очень часто было жалко этого уже довольно пожилого человека, и некоторые из нас делали попытки прекратить эти скандалы, но довольно тщетные.

Совершенно другой тип представлял собою Л. Ф. Радлов — это был крайне образованный филолог, по-видимому фанатик своего предмета. При чтении классиков, которых мы изучали в старших классах, он в пространных и крайне интересных описаниях изображал нам их жизнь, и здесь мы узнавали о жизни как древних римлян, так и их врагов. Из таких объяснений обыкновенно составлялась полная и яркая картина. Мы слушали Л. Ф. с полным вниманием и большой благодарностью, хотя на своих уроках он был всегда крайне серьезен и строг. Благодаря Л. Ф. мы довольно скоро освоились и легко переводили некоторых классиков.

Не буду останавливаться на преподавании других учителей, не представляющих для моей автобиографии никакого интереса, но укажу, что в нашей гимназии для пансионеров были обязательны танцклассы и гимнастика. Полупансионеры и приходящие также могли участвовать в этих занятиях, но за особую плату; из последней категории принимали здесь участие очень немногие.

Танцкласс был по четвергам после обеда и до вечернего чая. Учителем танца был артист балетной труппы Императорских театров Эбергарт¹⁴, очень больно щипавший нехорошо танцующих и неповоротливых. В заключение танцкласса обыкновенно мы танцевали мазурку, причем меня Эбергарт ставил в первую пару, а за даму давал мне болезненно толстого гимназиста Соболева из младшего класса. Мазурку обыкновенно почти все танцевали с увлечением.

При поступлении в гимназию я застал еще обучение гимназистов маршировке — вероятно, это создалось под влиянием Крымской кампании¹⁵. Обучал какой-то гвардейский офицер. Маршировка скоро вышла из употребления, и тот же офицер стал учить гимнастике, причем были устроены и надлежащие для нее приспособления. Правда, скоро и этот наставник исчез с нашего горизонта, но благодаря приспособлениям среди пансионеров довольно скоро возник гимнастический спорт, и у нас явились довольно хорошие гимнасты. Я тоже любил изрядно заниматься гимнастикой.

Моя мать, со всеми остальными домочадцами, проводила в деревне не только весь август, но часто захватывала и весь сентябрь. Отец обыкновенно был в отлучке, так что в нашей квартире обыкновенно оставляли только верного денщика. В гимназию мне надо было возвращаться в начале августа, так что мне некуда было по праздникам ходить в отпуск, что для мальчугана моих лет было большим лишением. Мать устроила так, что я стал ходить на праздники к моей бабушке Добровольской. Бабушка имела в Коломне¹⁶, на набережной Екатерининского канала, свой собственный трехэтажный каменный дом, в котором и занимала довольно значительную квартиру. С бабушкой жили уже упомянутый много выше

ее старший сын холостяк Семен Михайлович; бабушкина дочь Юлия Михайловна, старая дева; внучка бабушки от старшей дочери, тоже старая дева, Александра Матвеевна Борескова и наконец опять старая дева Авдотья Ивановна Анкудинова. Эта последняя была дочерью того художника Фарфорового завода, у которого мои дядя и бабушка много лет жили на даче. Авдотью Ивановну так полюбила моя бабушка, что пригласила ее погостить, и это событие, т. е. гошение, продолжалось в семье моей бабушки около тридцати лет.

Второй сын моей бабушки, Захар Михайлович, также холостяк, служил в Комитете иностранной цензуры¹⁷.

Он также жил в бабушкином доме, но занимал внизу, над воротами, небольшую квартирку. Это был тип, совершенно противоположный серьезному своему старшему брату. З. М. был постоянным

членом Благородного Собрания, где столовался и проводил все вечера, до раннего утра, а потому вставал очень поздно. Он иногда обедал у бабушки по воскресеньям и несколько оживлял эти обеды. Много позже, когда иностранная цензура переехала в биржевой конец Университета, я, будучи студентом, иногда забегал к дяде поболтать с ним и выпить стакан чаю. Я не раз заставал у него двух наших поэтов — Майкова и Полонского¹⁸, бывших членами иностранной цензуры, и был моим дядей с ними познакомлен.

Младшим сыном бабушки был Василий Михайлович — это тот дядя Вася, которого я знал ребенком. Он был военным и служил все время в Варшаве, женившись, против воли своих родителей, на польке, а потому очень редко приезжал в Петроград. Я его не видел до получения мною уже звания доцента, когда однажды услы-

шал что дядя Вася в Петрограде и очень хочет меня видеть и уже узнал мой адрес. Действительно, вскоре после этого как-то вечером он и приехал к нашему чаю. Я слышал раньше, что это необыкновенный толстяк, но что я увидел — это прямо было поразительно. Во всей моей квартире, среди мягкой мебели, нашлось только одно кресло, чтобы посадить его, да и оно при его вставании поднималось вместе с сиденьем.

¹⁷Во время своего визита к нам Василий Михайлович был уже полковником и командовал отдельным саперным батальоном, стоящим в Варшаве. Нравом он сильно отличался от своих старших братьев — был более житейским, веселым, много видавшим на своем веку человеком. На меня и мою жену он произвел крайне симпатичное и хорошее впечатление. После этого я уже никогда его больше не видел; в Петроград он не приезжал, я в Варшаве не был, * он там умер и похоронен. После себя он оставил довольно много-численную семью, из среды которой вышли несколько очень деятельных военных.

Первоначально, в первом классе, я приходил к бабушке, добрейшей круглейшей старушке, по субботам после уроков и уходил в гимназию, чтобы не беспокоить остальных в доме живущих ранним

вставанием, в воскресенье вечером; потом стал приходить в воскресенье утром и уходить в тот же день вечером, дабы избежать ночлега. Бабушка была превосходная хозяйка и обыкновенно кормила всех нас превосходно; среди блюд», бывали крайне разнообразные кулебяки, пирожки, печенья, а равно и разнообразные мясные блюда. Она была необыкновенно хлебосольная и даже обижалась, когда мало брали и мало ели. В особенности помню превосходные сладкие шипучие воды, изготовлением и рецептами которых бабушка очень гордилась. Отправляясь в гимназию, я был всегда снабжен различными мучными продуктами, которые мне в готовом пакете передавала Авдотья Ивановна, а при прощании с бабушкой я уже от нее получал два прекрасных яблока, между которыми всегда была рублевая бумажка; это последнее, вероятно, делалось по просьбе матери, ибо когда она была в Петрограде, то тоже на неделю мне полагался рубль.

Ходить в отпуск к бабушке не скажу, чтобы мне было особенно приятно. Холостяки, как дядя, тетка и кузина, совершенно не умели обращаться с ребенком, хотя иногда и старались. Кроме того, несмотря на большую квартиру бабушки, все комнаты имели свое назначение, и для временного посетителя места не было. Мне все казалось, что я здесь всех стесняю. У бабушки-мне было хорошо только с нею да с Авдотьей Ивановной, которая хотя тоже была старая дева, но человек житейский, с веселым характером. Посещал я бабушку вплоть до ее смерти, которая произошла, когда я был в третьем классе гимназии. Дальнейшее постоянное посещение этого для меня гостеприимного дома прекратилось, так как дядя СлША Михайлович вышел в отставку и принял место главного управляющего всеми делами известного богача П. П. Демидова*⁹, позднее князя Сан-Донато. Дядя совместно с сестрами, племянницей и все той же Авдотьей Ивановной переехал на Васильевский остров, в 4 л[инию], в обширную и роскошно обставленную квартиру в доме Демидова, назначенную для главного управляющего. Это место дядя занимал лет семь до самой своей смерти. Здесь он жил довольно широко благодаря превосходному содержанию; устраивались вечера с ужинами, на которые собиралось довольно много [гостей! и в особенности его университетские старые томрвдй: К. Ф. Кесслер²⁰, Шакеев, Макин, три брeга ЭвольдаичжЧ. д: На некоторых вечерах был и я, но уже студента». * ЯМпредпочитал, на зов тетки, приходить нередко просто поболтать, а после обеда дядя учил меня играть с ним на бильярде, имеющемся в квартире. Это была единственная игра, которую я очень любил и сделался хореяйим игроком.

Когда дядя умер, то П. П. Демидов назначил пожизненные пенсии его сестре Юлии Михайловне, его племяннице Александре Матвеевне и даже, должно быть за продолжительный период нахождения в гостях, Авдотье, Ивановне. За эту последнюю я был очень рад.

Позднее, тоже в отсутствие матери, т. е. в августе и в сентябре, когда я был уже в третьем и четвертом классе гимназии, мне приходилось ходить в отпуск к моему старшему брату Константину Александровичу. Он жил особняком в хорошо обставленной квартире в Космо-Демьяновском переулке²¹, что представляло мне из гимназии порядочную прогулку. В это время мой брат был уже по рекомендации Н. И. Пирогова²², у которого работал в Крымскую кампанию, ассистентом в Медико-хирургической академии у проф. Заболоцкого²³. Кроме того, он и сам имел довольно значительную практику. Как эта последняя, так и его довольно светский образ жизни делали постоянно дома его отсутствие. Я обыкновенно его видел только тогда, когда он возвращался домой ночевать. Главным хозяином его квартиры был его же денщик Трофим Масюк. Этот симпатичный хохол и в то же время прекрасный повар прежде был в денщиках у моего отца, но при отъезде брата в Севастополь отец как-то устроил и официальный перевод Масюка в денщики к брату. Масюк знал меня давно, очень любил и буквально откармливал меня по субботам и воскресеньям. Главными моими собеседниками у брата были книги, представляющие для меня особый интерес, так как собрания такой запрещенной в то время литературы, за хранение которой сильно преследовали, я нигде не видал. Благодаря своему обширному знакомству он энергично собирал эту литературу и был подписчиком известного «Колокола», который получал довольно аккуратно. «Былое и думы» Герцена я перечитал, кажется, раза три, а некоторые стихотворения Огарева не только переписывал себе и товарищам, но многие из них я выучил наизусть. Разбираясь в своих впечатлениях того времени, [могу сказать, что] на меня эта литература производила в политическом отношении не особенно сильное впечатление. Это я объясняю тем, что большинство авторов этой литературы всей тяжестью своей критики обрушивались на существующее в России крепостное право, которым и возмущались, но реального выхода из бывшего скверного состояния моей родины не давали. Объясняю я это сравнительно слабое впечатление от запрещенной литературы тем, что, как сказано выше, я уже был знаком с крепостным правом, к которому относился в более зрелом возрасте вполне отрицательно и сильно возмущался его у нас существованием. Много позднее, когда я был уже студентом, это политическое мое образование, по братниным книгам, на мне не отразилось, хотя из моих товарищей по гимназии и Университету и вышли такие деятели революции, как Ткачев и Лопатин²⁴.

Седьмой класс в нашей гимназии имел от других классов некоторые отличия. Наша форма в гимназии для пансионеров была куртка с красным воротником, что и давало гувернеру Альбрехту повод, как сказано выше, сочинять стихи. В отпуск же нас отпускали в однобортных мундирах, у которых на красном воротнике были серебряные нашивки. Полупансионеры и приходящие имели двубортный сюртук тоже с красным воротником. Гимназии одна от

другой отличались только кантами на верхушке фуражки. Наша гимназия имела белый кант. Пансионеры седьмого класса у нас имели на куртке петлицы, какие были и на мундирах, так что их легко было отличить от других пансионеров. Кроме того, пансионеры седьмого класса, как увидим далее, пользовались большей свободой и некоторыми перед другими преимуществами. В нашей гимназии установился обычай, что в случае отсутствия учителя в классе (от первого до третьего включительно) туда, занять класс, посылался, по выбору дежурного гувернера, один из пансионеров седьмого класса. И он должен был держать класс в тишине и порядке, а самый способ для этого представлялся уже посылаемому. Между такими избранниками особенно часто и неизвестно почему такая участь выпадала на мою долю и нередко отвлекала меня от слушания иногда крайне интересного чтения в своем классе. Для водворения порядка и тишины я или читал вслух классу какое-либо литературное произведение, например из Гоголя, или мы совместно решали какую-нибудь трудную, по указаниям самих воспитанников, математическую задачу. Частая замена мною отсутствующего учителя ознакомила меня с составом класса. Знал я и зачинщиков беспорядков и потому при своем появлении в классе вызывал такие лица и расставлял их по углам, где мне было более удобно наблюдать за их поведением. Одним из таких, кажется, во втором классе, был маленький, юркий, большой шалун Ш. Когда я через много времени позднее стал с ним встречаться, то он иначе не называл меня как «наш варвар». На такую характеристику мне всегда приходилось отвечать (а Ш. в то время был уже сенатор и член Государственного совета), что не такую характеристику надо было меня встречать, а выговором, что я Вас мало наказывал. То, что ставил Вас в угол, в конце концов довело Вас до крупного положения члена Государственного совета, а наказывай я Вас строже, может быть, сегодня я подходил бы к Вам под благословение и Вы были бы митрополитом (Ш. лютеранин)²⁵.

Моя репутация (помимо моего личного влечения) как педагога сделала то, что уже с шестого класса наш младший инспектор стал меня рекомендовать родителям некоторых пансионеров младших классов как репетитора. Как шестой, так и седьмой класс я имел, по тому времени, хороший заработок, достигавший иногда до 40 рб. в месяц. Отстающих в науках пансионеров мне иногда удавалось соединять в небольшие группы и репетировать с ними совместно, что отнимало у меня меньше времени. Этот мой заработок давал мне возможность быть даже абонированным в Итальянскую оперу, где я участвовал в складчину с моим зятем и имел место в ложе четвертого яруса. Тот же заработок давал мне возможность посещать и публичные лекции, читаемые некоторыми профессорами по случаю закрытия в то время Университета²⁶. Отношение нашего начальства, и особенно нашего инспектора Х. И. Пернера, к посещению театра пансионерами шестого и седьмого классов было самое

гуманное. Нам даже после театра или лекции оставляли в пансионерской столовой горячий чай и булку. Оба эти развлечения доставляли мне много удовольствия.

Из публичных лекций я особенно увлекался химией, которую читали двое — Петрушевский (артиллерийский генерал, брат нашего физика) и Ходнев²⁷. Мое увлечение было первым из этих лекторов, и я не пропустил ни одной его лекции. Это мое увлечение выразилось в гимназии тем, что я обратился к учителю естественной истории К. К. Сент-Илеру с просьбой помогать ему в химических опытах. Химия входила в состав преподавания физики, но, как сказано выше, учитель этого предмета совершенно игнорировал химию, а потому гимназисты просили К. К. Сент-Илера дать им некоторое понятие о химии. На мою просьбу К. К. с охотой согласился, ибо сам он был зоолог и в опытной части химии был недостаточно подготовлен. В маленькой библиотеке гимназии у меня была препараточная, где я усердно приготавливал приборы для опытов.

Не могу не упомянуть еще о довольно интересном событии, бывшем во время моего пребывания в нашей гимназии. Кажется, по поводу 25-летнего юбилея службы в гимназии инспектора Х. И. Пернера мы затеяли отпраздновать этот день спектаклем и балом. Очень сочувственно отнесся к этому и директор Власов, который был у нас в роли режиссера. Была выбрана старая пьеса, кажется, она называлась «Булочник немецкий»²⁸, а может быть, и по-другому. В дополнение к ней был взят один из актов комедии Островского, заглавия не помню. Благодаря тому что я был в гимназии в числе певчих, товарищи возложили на меня роль Карлуши в первой пьесе, а в комедии Островского досталась роль кучера. В этих ролях привадило мне петь, что страшно меня смущало. Тем не менее спектакль и бал прошли вполне благополучно, и мне как публикой, так и товарищами была устроена целая овация, и во время спектакля каждый довольно глупый, но веселый куплет Карлуши заставляли пропеть по два раза.

Когда произошло освобождение крестьян, я был в 5-м классе гимназии и мне было уже 16 лет²⁹. Мои родители жили все в том же деревянном домике на 8-й Рождественской улице³⁰ Песков, куда я и ходил в отпуск. Накануне объявления об освобождении крестьян от крепостной зависимости отец сообщил мне, что в воскресенье в церквях будет об этом прочитан манифест. Мы вместе с ним отправились к обедне в нашу приходскую церковь Рождества Богородицы³¹. К началу обедни церковь была переполнена посетителями, среди которых было очень много крестьян. Под конец обедни вышел, из придела архиерей и отчетливо и ясно стал читать знаменитый манифест. При первых словах «Осени себя крестным знаменем» и т. д. вся толпа богомольцев, как один человек, опустилась на колени, и при гробовой тишине мы выслушали до конца этот манифест. Но затем церковь быстро наполнилась разнообразными благодарственными возгласами; люди, совершенно незнакомые друг

с другом, стали обниматься и целоваться и высыпали из церкви на улицу, свою радость по поводу этого события люди стали выражать криками «Ура!». Этот крик раздавался на улице почти целый день. Мы с отцом, тоже с радостным настроением, вернулись домой и поделились этим настроением с нашими домашними. Отец уже раньше наделил крестьян землю, продал кому-то усадьбу, так что в это время у нас крепостных не было. Была только чужая крепостная — наша няняша Паходова, которую я обнял и сообщил ей это радостное известие, на которое она, в полном недоумении, меня спросила: «А я-то как же буду?» На этот вопрос со стороны всех нас последовало уверение, что она наша всей душой и что до конца жизни мы не оставим ее одинокой, что и исполнили. В этот день я несколько раз выходил на улицу и был два раза на Невском проспекте, где всюду видел только радующийся народ и полное отсутствие пьяных, что меня особенно поражало. На другой день, поделившись с товарищами впечатлениями, я тоже услышал и с их стороны подтверждение отсутствия в этот день пьяных, хотя водка и была по ценам вполне доступна.

Рассказывая о жизни пансионеров, не могу не остановиться на питании подрастающей молодежи. Со времен Постельса я застал в гимназии следующий порядок питания: утром горячий чай, в который, обходя столы, неподкупный старый дядька всыпал довольно глубокую ложку сахарного песка; к этому чаю давалась свежая булка (нечто среднее между трех- и полуторакоепечной продажной булкой). В 12 ч. дня был завтрак, состоящий из двух бутербродов, обыкновенно с натертым сыром и со следами масла, или давали по довольно крупному пирожку, чаще с говядиной, реже — с капустой. На обед в 4 ч. дня мы получали три блюда: суп, жаркое, состоящее большей частью из куска вареной говядины, политый каким-то коричневого цвета соусом; эта последняя иногда заменялась котлетой, а на третье давали какую-нибудь кашу (чаще манную), посыпанную сахарным песком. Вечером в 8 часов опять чай и булка. Надо отдать справедливость, что со времени Постельса до моего выпуска нам все приготавливалось из свежих продуктов; ни разу я не заметил чего-нибудь в этом отношении неладного. Укор можно было сделать разве только за относительную миниатюрность отпускаемых порций, не вполне отвечающих аппетиту подрастающей молодежи, хотя как бы подспорьем был и хороший ломоть черного хлеба, находимый пансионером на своей тарелке при начале обеда. Вскоре после обеда у нас обыкновенно образовывалась складчина; мы нанимали одного из служителей, обыкновенно дежурившего у черной лестницы, и посылали его за провизией: Здесь главную роль играли горячие сосиски, покупаемые служителем у Шпица на Гороховой и недалеко от гимназии, и пеклеванный хлебец. Обыкновенно каждому полагалось две сосиски и хлебец, что стоило всего 9 копеек, да служителю 5 к. Итого 14 копеек. Так как мне из дому *м&Ш*-ся на неделю рубль, то я в течение пяти дней недели, проводимых в

гимназии, вполне покрывал свои расходы. Но не все имели даже рубль в неделю. Эти последние, не стесняясь никакими высшими соображениями, добывали себе дополнительную пищу другим путем.

В нижнем этаже гимназии, рядом со столовой, находилась наша пекарня, где для пансионеров пекли булки и хлеб. Готовый и горячий хлебец для охлаждения выносился пекарями в соседний коридор, выходящий на черную лестницу. Находились храбрецы, которые, подкупив в складчину за 10 к. служителя, дежурившего у лестницы, по ней осторожно спускались в коридор и крали целый хлеб. Доставленный наверх, он моментально, без всяких ножей, рвался пансионерами на куски и тут же уничтожался. На несколько дней после этой кражи наступало затишье, но потом оно снова нарушалось новой кражей и т. д. Конечно, если был пойман такой отважный пансионер, то его очень строго наказывали, и были случаи, что за эти поступки исключали из гимназии вместе со сторожем.

По приемным дням (родным и знакомым для нашей гимназии был установлен четверг от 4 — 6 часов вечера) мои личные условия существования несколько изменялись, в особенности при наступлении санного пути. В это время из деревни приходил целый обоз с разнообразной провизией, для заготовки которой в деревне оставалась наша общая для всех детей Иностранцевых няняша — Прасковья Паходова; она была крепостной Дондуковых-Корсаковых, но служила у моих родителей по крайней мере лет тридцать, до глубокой старости и своей смерти; хотя под конец жизни она и ослепла, но все-таки продолжала помогать моей матери по хозяйству. В приемные четверги няняша приезжала в гимназию и обыкновенно привозила целую корзину разнообразных продуктов. Здесь были в изобилии напеченные ею пирожки, вареные яйца, масло, хлеб, и все это сопровождалось иногда целым жареным гусем или индейкою, а иногда бывал и жареный поросенок. Кроме того, были и лакомства: разнообразные пряники, пастила, из нашего сада яблоки и т. п. На трапезу я приглашал как некоторых из симпатичных мне товарищей, так и некоторых из старших классов. Если же на дежурстве были гувернеры, относящиеся по-человечески к гимназистам, то я предлагал мой лакомства и им. Понятно, что этот мой запас в тот же день и уничтожался очень быстро и с благодарностью, и я об этом несколько не сожалел, ибо ласкал себя надеждою, что скоро наступит суббота, в которую я попаду домой, и та же няняша накормит меня вдосталь.

К концу моего пребывания в шестом классе гимназии был, после закрытия в 1861 г., снова открыт Петроградский университет и было конфиденциально заявлено, что кто чувствует себя достаточно подготовленным, тот может держать в Университет вступительный экзамен. Желающих нашлось сравнительно немного, и в том числе, если не ошибаюсь, были и известный ныне наш юрист А. Ф. Кони, путешественник Миклухо-Маклай ¹¹ и еще два-три человека. Хотя я и имел достаточный возрастной ценз, но сознавал необходимость

закончить полное гимназическое образование и не держал этого экзамена; как оказалось потом, профессора сами были экзаменаторами и экзамен был очень легкий.

Не вдаваясь в дальнейшие подробности моего пребывания пансионером в гимназии, я сообщу только еще об одном происшествии, бывшем со мною при окончании гимназии. Случай этот я сообщаю для характеристики человеческого отношения педагогического совета к своим ученикам.

Выпускные экзамены из гимназии обыкновенно растягивались на целый месяц. Было поэтому время и для подготовки, но для нас выпала другая участь. Вышел неожиданный приказ из Министерства, чтобы все экзамены закончились в одну неделю. Этот приказ произвел понятный переполох среди нас, и как мы ни хлопотали, наши старания были тщетны. Подготовка к экзаменам по всем предметам представляла большие затруднения. Мы напрягли всевозможные старания для усиленного окончания экзаменов. Целые ночи проводили в этой подготовке, принимали всякие меры, чтобы не спать ночью, на случай засыпания привязывали иногда руки к ногам, чтобы чаще просыпаться. Я за всю неделю спал каких-нибудь 6 — 7 часов, а потому был сильно измучен, но тем не менее весьма удовлетворительно сдавал все предметы до последнего.

На этом-то последнем экзамене и случился со мною тот казус, о котором хочу говорить. Экзамен был из немецкого языка и обыкновенно состоял из следующего: предварительно я должен был устно сделать перевод с немецкого языка на русский, а уже затем нам давался русский текст и мы должны были письменно перевести его на немецкий язык. Я вполне благополучно перевел текст с немецкого языка на русский, после чего учитель дал мне какой-то отрывок из прозы Пушкина. Я отлично помню, что в этом тексте было описание какой-то усадьбы, в котором говорилось о стареньком домике с зелеными ставнями.

Для оканчивающего гимназию перевод с русского языка на немецкий представлял большие затруднения. Такое положение вполне понимал и наш учитель Фрей, а потому заранее он объявил нам, что исписанная четверть листа перевода будет достаточною. Я написал размашистым немецким шрифтом целую страницу, но встретил в тексте совершенно мне по-немецки незнакомое слово «ставня» и этим был поставлен в затруднительное положение. Переводил я из какой-то хрестоматии, которую видел впервые, а потому, перелистывая ее, я увидел, что в конце книги помещен краткий словарь для некоторых слов, находящихся в тексте. Здесь я нашел слово «ставня». Поставив это слово во множественном числе и надлежащем падеже, я отдал свое писание учителю в ожидании его окончательного приговора. Мой листок еще не был просмотрен Фреем, как совершенно неожиданно на экзамен явился правительственный инспектор Михельсон в вицмундире и с серым цилиндром в руке. Ему объяснил учитель, в каком положении в данный момент был

экзамен, а Михельсон стал брать и прочитывать написанные нами переводы. Прочитав один из них, он стал неистово смеяться и показывать его то нашему инспектору, то Фрею. Оказалось, что это был мой перевод, и Михельсон, не переставая смеяться, вызвал меня к столу. В весьма грубой форме, но с иронической улыбкой он стал допытываться у меня, как по-немецки будет ставня; я, конечно, отвечал так, как у меня было написано. Оказалось, что я взял из словаря хрестоматии вместо немецкого английское слово, так как хрестоматия была составлена для перевода на английский и французский языки. Проведя почти целую неделю практически без сна, чувствуя, что моя ошибка не особенно тяжела, и имея уже 19 лет от роду, я сильно возмутился грубым обращением Михельсона и наговорил ему, в свою очередь, ряд дерзостей, закончив тем, что он прислан в гимназию не для насмешек. Затем я повернулся и ушел прямо в нашу спальню. Это было около 2 часов дня, но я все-таки разделся и улегся в постель, решив это происшествие так: в Университет в то время принимали только с аттестатом, а сорвавшемуся из одного предмета выдавали свидетельство об окончании гимназии, с этим свидетельством принимали во все высшие технические училища. Считая себя сорвавшимся из одного предмета, я решил поступить в Технологический институт, где также широко преподавалась химия. Придя к такому решению, я крепко заснул на своем ложе. Утром следующего дня, часов в 8, я был разбужен и когда открыл глаза, то увидел, что на соседней со мной кровати сидел наш директор гимназии Власов. Первыми его словами, когда я очнулся, был выговор за резкое мое обращение с правительственным инспектором, а затем он перешел к рассказу о том, что было вечером после экзамена в педагогическом совете гимназии, который был в то время окончательной ступенью присуждения аттестатов и свидетельств. В заключение Власов сообщил мне, что совет признал мой экзамен из немецкого языка, несмотря на протест Михельсона, удовлетворительным. Этим утверждением открывались для меня опять двери Университета, составлявшего постоянную мечту моей жизни. Мне, конечно, пришлось извиниться перед директором за мою невыдержанность, благодарить его за заступничество и оправдывать себя несуразным распределением экзаменов, истомивших нас вконец. После ухода директора ко мне в спальню пришли некоторые из товарищей выразить мне свое сожаление по поводу случившегося со мной происшествия, но когда узнали, что я получу аттестат радость их была искренняя, и они стали благодарить меня за изгнание с экзамена Михельсона. Оказалось, что после моей отповеди Михельсон имел крупный разговор с членами экзаменационной комиссии, после которого, схватив свой серый цилиндр, быстро удалился из гимназии. По мнению товарищей, это его удаление во многих из них от провала на экзамене. В заключение этого происшествия мои товарищи всей пришедшей ко мне компанией отправились к директору и здесь от имени всего выпуска бла-

годарили его и просили передать такую же благодарность педагогическому совету за то, что выручили меня из весьма неприятного положения.

Окончание гимназии было связано для меня с довольно тяжелыми материальными условиями. Отец, получающий ничтожную пенсию, на которую надо было содержать весь дом, платить проценты, ибо дом был заложен, а равно и платить за страхование, был, конечно, лишен возможности оказать мне какую-либо помощь. В то время студенты Университета лишены были формы, а потому надо было купить штатское платье. К счастью, я сохранил малую толику денег от своих репетиций и смог найти себе в дешевом магазине готового платья пиджак, брюки и жилет; на *покуцху* пальто моих денег не хватило, а [я] должен был сдать в гимназию казенную обмундировку. После значительных колебаний мне пришлось обратиться к директору гимназии Власову с просьбой о том, не могли ли я навсегда оставить себе казенное пальто, брюки и то белье, которое было на мне, ибо собственного белья у меня было всего две смены. Директору я объяснил мои материальные затруднения, и он любезно дал свое согласие. Черное казенное пальто взамен металлических пуговиц снабжено было черными, и таким способом я был до некоторой степени одет.

Когда были окончены мои экзамены, родители жили на даче в Полуострове, куда я и явился. Пребывание мое здесь было очень тоскливое. Привыкший к постоянной работе, я скучал без дела, да к тому же не было и книг для чтения. К некоторому моему счастью, в мезонине нашей дачи помещалось семейство моего зятя П. П. Меркулова, женатого на моей старшей сестре и товарища по выпуску моего второго брата архитектора П. А. Разговоры и споры с П. П. несколько отвлекали меня от скуки, да изредка мы ходили с ним в кафе, помещающееся в парке на острове Тивичи, где был бильярд, играли на его счет.

К большому моему счастью, вскоре по делам приехал и мой брат Павел Александрович. Он как архитектор был командирован для ремонтных строительных работ в Новую Ладугу, где и была его резиденция. Этот брат был на 8 лет старше меня и всегда относился ко мне очень сердечно. Видя мою тоску без дела, он решил меня развлечь и предложил поехать вместе с ним на все лето в Новую Ладугу. С ним я и сделал несколько поездок, по уезду. Брат был очень общительный человек, очень хорошо пел и был, что называется, «душа общества»; его везде любили, а потому у него было много в уезде знакомых, с которыми перезнакомился и я. Однажды, будучи в Старой Ладуге, я узнал от брата, что народ говорил, будто из одной из башен якобы Рюрика³³ существовал подземный ход на противоположный берег под рекой Волховом. Я упрямился его попытаться найти этот ход, он поставил нескольких рабочих, и под моим наблюдением рабочие стали очищать пол в указываемой башне. В одном месте этого пола мы нашли

сложенной плитами известняка лестницы, откопав несколько ступенек которой, мы встретили постоянный уровень воды и на этом остановились, ибо не имели никаких средств бороться с водой. Во время раскопок я жил в так называемой гостинице, находящейся здесь при женском монастыре, и совершал отсюда прогулки вверх по течению р. Волхова. Выше Старой Ладogi начинаются волховские пороги, где речкою сильно подмыты берега, возвышающиеся до 15 сж. над ее уровнем. Картина порогов очень меня поражала, так как ничего подобного я до тех пор не видал. В особенности мое внимание обратили на себя каменные стены, а в обвалившихся камнях я заметил довольно много окаменелостей, о которых уже имел некоторое понятие, и стал с большим азартом их выбивать, для чего у старой монахини, надзирающей за гостиницей, я каждый день выпрашивал большой молоток,

К началу августа я возвратился в Петроград, где для меня уже была в доме родителей приготовлена отдельная маленькая комната с мезонином.

Должен опять, но уже по своим семейным делам, вернуться к пятидесятым годам. Смерть Императора Николая I произвела на все наше семейство ошеломляющее и удручающее впечатление, в особенности на отца. В самом деле, состоя, как указывалось выше, бессменно дежурным в течение тридцати лет при Николае I, отец прямо боготворил этого государя и был бесконечно ему обязан за ту помощь, которая дала [ему] возможность воспитать всех своих детей. Отец перенести этой потери не мог и скоро подал в отставку, пробыв в чине капитана чуть ли не двадцать пять лет. В этом отношении Фельдъегерский корпус представлял свою особенность, ибо производство здесь офицеров [в следующий чин] шло по освобождению вакансий, причем на весь корпус офицеров полагалось очень мало. Во всем корпусе был только один майор, да старше его командир корпуса, обыкновенно назначаемый со стороны и по особой протекции. Хотя отец несколько раз, за отсутствием майора и командира или по поводу их болезни, и исполнял обязанности командира, но при выходе в отставку он все-таки был произведен только в майоры. С другой стороны, я видел, что Николай I относился к отцу не так, как относятся другие высокопоставленные лица к своим подчиненным. Так, смутно помню, что в 1848 [году] отец, вообще человек здоровый, крепкий, красивый, очень напоминающий своей фигурой Николая I, заболел холерой. Император Николай I ежедневно посылал к отцу своего любимца доктора Карелля лечить отца, и ежедневно он докладывал царю о ходе болезни.

Отец потом нам рассказал, как Император узнал о его болезни. По утрам Николай I должен был пройти в столовую через комнату, где были дежурные, и на другой день болезни отца Император, идя через эту комнату, заметил, что среди дежурных отца не было, и спросил, где Иностранцев. Дежурный ф[лигель]-ад[ъютант] ему ответил, что сегодня курьер привез от команд[ира] Ф. К. известие,

что Иностр[анцев] заболел холерой, и запрос, кем заменить отца. Императора сопровождал докт. Карелль, к которому сейчас же Ник[олай] I и обратился с тем приказом: сейчас же поезжай к Иностр[анцеву], лечи его; ты должен мне его поставить на ноги.

Много позднее моя мать вполне подтвердила эти мои, пятилет-ного ребенка, воспоминания. Кроме того, из отдельных рассказов отца о совместных его с Императором путешествиях можно было видеть, что Николай I довольно часто выражал свое внимание к отцу, хотя нередко и в защиту себя. Так, однажды отец рассказал нам, как Император со свитою возвращались из Вены в Петроград, когда уже в 1831 г. вспыхнуло восстание в Польше. При этом возвращении необходимо было проехать хотя бы часть Польши. Выбран был в последнем пути наиболее короткий переезд. Тем не менее на одной из станций к отцу прибегает дежурный флигель-адъютант царя и зовет отца к этому последнему. Когда отец явился к царю, то Николай I спросил, в каком экипаже он едет; отец указал на свой легкий крытый тарантас, стоящий уже с упряжью сейчас же после всех экипажей свиты. Такое положение было вызвано тем обстоятельством, что отец на этот раз ехал в качестве плательщика прогонов, а не впереди всех, как обыкновенно. На это указание отца Император заявил, что он хочет попробовать отцовский тарантас на этом перегоне, а чтобы отец ехал в царском экипаже, который был впереди. Делать нечего, надо было подчиниться воле государя. <Конечно, я знал, — рассказывал нам отец, — о восстании в Польше, ибо на одной из станций выехавший сопровождать поезд государя жандармский полковник сообщил мне об этом и о том, что восстание разгорается и что нам надо как можно скорее проехать через Польшу. Когда мы отъехали от станции верст десять и въехали в лес, то из лесу сперва стали раздаваться отдельные выстрелы, и я даже слышал звуки пролетающих пуль; затем количество выстрелов значительно увеличилось. Тогда я понял, что это было приготовлено покушение на жизнь царя. Умереть за него я готов всегда, но все-таки чтобы мне была возможность защищаться, а этого здесь не было, и я подвергался беззащитному расстрелу. Участившиеся выстрелы уже прострелили в некоторых местах кожаный верх экипажа, тогда я, крикнув ямщику, чтобы он гнал лошадей вовсю, спустился с сиденья под защиту нижней, деревянной части экипажа, и это, вероятно, меня спасло, так как кожаная часть экипажа после этой стрельбы была довольно сильно изрешечена. Таким путем я миновал опасное место. Как потом оказалось, по другим экипажам совершенно не стреляли. Когда мы подъехали к станции, я услышал громкий голос Императора, спрашивающий: „Что, Иностранцев жив?“ Я в это время уже успел выйти из царского экипажа и подойти к царю. Царь, увидев меня, прежде всего сказал: «Ну, слава Богу, ты жив. Спасибо тебе за твой прекрасный тарантас, еще раз благодарю тебя».

Выйдя в отставку на грошовую пенсию в 60 рб. в месяц, наше семейство должно было покинуть и казенную квартиру. Была нанята небольшая квартира на Слоновой (ныне Суворовский проспект) улице Песков. Эту квартиру у нас считали временною, так как задумали выстроить собственный дом. У нас уже давно было пустопорожнее место, находящееся на углу Казацкого плаца и Почтовой улицы. В нашей семье оно просто называлось «место». Оно было обнесено сплошным забором, и мне кажется, что было не менее 1.5 десятин размером. Отец, в свободное от своих занятий время, в части его насажал деревьев, развел маленький огород и построил беседку, куда можно было бы уходить в случае дождя. До отъезда в деревню нас, детей, иногда в хорошую погоду отправляли с няняшей и денщиками, обильно снабдив провизией и самоваром, на целый день на это «место», где мы и проводили время в разных играх. Вот на этом месте отец и задумал выстроить двухэтажный деревянный дом. По-видимому, денег у отца хватило только на возведение под крышу дома вчерне, а дальше постройка и отделка дома остановились. В конце концов отец продал как постройку, так и само место подрядчику Харичкову. На вырученные деньги отец опять купил дом на 8-й Рождественской улице, между «Прудками» и Слоновой. Дом был двухэтажный, довольно вместительный. Нижний этаж заняло наше семейство, а в части верхнего этажа поместили мою старшую сестру Елену Александровну и ее мужа архитектора П. П. Меркулова.

Другую часть верхнего этажа, соединенною витою лестницей с нашей квартирой, занял мой второй по старшинству брат — Павел Александрович, бывший в то время уже архитектором. Во дворе этого дома был небольшой флигель с двумя маленькими квартирками и помещением для дворника. Когда я был в третьем и четвертом классах гимназии, я в этот дом ходил к родителям в отпуск.

Вероятно, по недостатку средств к дальнейшей жизни в этом сравнительно большом доме, ибо деревня, кроме спорадически доставляемой провизии и летнего помещения, других доходов не давала, мои родители решили продать этот дом и купить другой, много меньших размеров. На той же 8-й Рождественской улице, между Слоновой и Дегтярной улицами, в близком расстоянии от первой, отец купил небольшой деревянный домик, куда мы и переехали. Внизу этого дома было всего три комнаты и кухня. Одну из комнат во двор занял отец, другую мать, а большая комната в три окна, выходящих на улицу, служила одновременно нам и гостиной и столовой. Наверху, в мезонине, были две комнаты, разделенные еще небольшою, в которую и вела из нижнего этажа лестница. Одна из комнат, выходящая на улицу, была сравнительно большая, и в ней поселили двух моих сестер, Варвару и Елизавету, а для ночлега еще к ним приходила и наша няняша.

В маленькую комнату, снабженную большим окном, выходящим во двор, на части которого отец развел садик, переехал, по окончании гимназии, я.

В этом домике мои родители прожили до самой смерти моего отца, последовавшей в 1879 году, на 86-м году его жизни. Смерть его была поразительно простою и завидною.

Еще накануне отец был у меня, а я в то время жил на Васильевском острове в 8-й линии. Он пришел ко мне пешком с Песков, понянчился с моим старшим сыном, у нас пообедал и таким же пешеходным путем вернулся домой. На другое утро, как мне потом сообщили сестры, отец впервые нарушил свои привычки. Обыкновенно он, тщательно одетый и выбритый, выходил из своей комнаты; в этот же день он заявил матери, что нездоров, чувствует необыкновенную слабость, так что даже не может одеться, и из своей комнаты не вышел. Мать подала ему кофе и хлеба, и он, в халате, сидя в большом кресле, стал медленно питаться. Как [я] указывал выше, отец был человек здоровый и крепкий, кроме холеры никогда ничем не был болен, а потому жалобы отца на свою слабость сильно обеспокоили мать и сестер. Сестра Варвара поехала за доктором и привезла проф. Нечаева³⁴. Выслушав отца, Нечаев наговорил ему массу любезностей насчет крепости его организма, но сестре сообщил, что жизнь отца прекращается, что сердце мало-помалу, но постепенно ослабевает в своей работе и что смерть будет безболезненной и отец просто заснет навеки. Сестра немедленно приехала за мной, и мы еще застали отца разговаривающим, хотя и медленно, с матерью, но он попросил нас всех его оставить, ибо его сильно клонило ко сну. Кто-нибудь изредка и тихонько заглядывал в комнату отца и видел, что он крепко спал в кресле, хотя дыхание делалось все тише и тише. Таким путем он и заснул навеки. Пришлось хоронить отца в самый день покушения Соловьева на жизнь Императора Александра II³⁵. Несмотря на то что большинство служащих Фельдъегерского корпуса были разосланы с этим известием о покушении, на похороны отца собрали весь наличный состав корпуса с командиром во главе. В сопровождении военной музыки мы его отвезли на кладбище, и как Георгиевскому кавалеру команда при погребении дала залп из ружей.

Моя мать вскоре при посредстве моего третьего зятя, Д. А. Эндена, женатого на сестре Олимпиаде, продала наш домик и переехала вместе с младшей сестрой Екатериной на жительство к Энденам, где, за известную плату, заняла две комнаты. Мать умерла в 1883 году на 76-м году жизни.

Глава III

СТУДЕНЧЕСТВО

В августе 1863 г. я должен был подать прошение в Университет о моем приеме в число студентов. В то время в Университете существовал обычай прошения представлять лично самому ректору, чтобы он и знакомился с новыми студентами. Когда я сообщил родителям, что я поступаю на естественное отделение физико-математического факультета¹, то мой отец спросил меня: «Так ты чиновником не будешь?» Я отвечал, что никоим образом, и это его вполне удовлетворило. Он почему-то терпеть не мог чиновников.

С каким трепетом и радостью, с прошением в кармане, я отправился в Университет, на который привык смотреть как на храм науки. Страшная робость напала на меня, когда меня вызвали к ректору. В то время ректором был Э. Х. Ленд (отец)² — чрезвычайно представительный, довольно пожилой человек, немецкого склада ученый; он весьма приветливо поздоровался со мною, пожал руку и стал расспрашивать о моих стремлениях. В короткое время у меня совершенно прошли страх и робость, ибо мне крайне приятно было такое человеческое отношение ко мне почтенного профессора.

В то время стала развиваться сильная мода на естествознание³. Появилось несколько переводных с иностранных языков популярных книг, и потому желающих поступить на естественно-историческое отделение было довольно много, и значительная часть моего выпуска записалась также туда. Правда, довольно скоро, в силу необходимости на этом отделении факультета значительной работы, мало-помалу некоторые стали переводиться на другие факультеты и в другие заведения. Так, мой гимназический товарищ Вонлярляр-ский (.)^{*} перешел в Школу гвардейских подпрапорщиков⁴; поступивший вместе со мною сын бывшего военного министра Милютина — в Пажеский корпус и т. д. Упомяну, кстати, что немногие из моих бывших товарищей по гимназии хотя и окончили со временем этот факультет, но также избрали себе другую дорогу, изменив ес-

* В рукописи неразборчиво.

тествознанию. Так, А. Н. Дитлов, не получивший юридического образования, избрал юриспруденцию и, кажется, умер председателем Череповецкого окружного суда. П. С. Яковлев, П. К. Решеткин и некоторые другие пошли в чиновники.

Первую лекцию в Университете нам пришлось прослушать у А. А. Воскресенского⁵ по неорганической химии. Не скажу, чтобы сама лекция на меня произвела впечатление, так как я уже был несколько знаком с химией как по посещаемым [мною] популярным лекциям, так и по некоторым популярным переводным книгам. Сознание того, что теперь я могу заняться вполне химией, не отвлекаясь зубрением латыни и т. п., делало эту лекцию очень приятною. Опыты на этой лекции профессора были прямо блевтящи, хотя и довольно элементарны. Помощником профессора при этих опытах был уже пожилой лаборант, видимо, прекрасно освоившийся с химическими приборами, — Шмидт, по своему образованию всего аптекарский ученик.

Не буду отвлекаться другими лекциями, упомяну только о том, что лекции некоторых профессоров этого первого курса отличались необыкновенною отчетливостью и ясностью, к этому разряду я отношу лекции по зоологии К. Ф. Кесслера, по кристаллографии П. А. Пузыревского и по физике Э. Х. Ленца. Относительно других профессоров, читавших лекции первому курсу, этого сказать не могу. Так, известный и уважаемый ботаник, читавший лекции по систематике растений, излагал предмет до того монотонно и неинтересно, что мне слушать его было просто невозможно. Не могу забыть, что на второй или третьей лекции этого профессора, несмотря на все мои старания, я заснул. Это было для меня прямо удивительно, так как в это время я спал вообще очень мало, а днем никогда. Мне так было совестно, хотя я и не знал, заметил ли это профессор, но это обстоятельство заставило меня очень редко посещать лекции ботаники.

Учебников на русском языке по преподаваемым нам предметам почти не существовало. Исключение разве составлял учебник по кристаллографии Н. И. Кокшарова⁶. Много позднее, когда мы уже были на четвертом курсе, вышел перевод уже известного сочинения по ботанике А. Н. Бекетова⁷ да перевод Сакса [книги] проф. А. С. Фаминцына⁸. Ввиду недостатка в учебниках мои товарищи по курсу распределили роли записывающих лекции профессоров и почему-то на меня возложили на первом курсе лекции по неорганической химии, на втором — по минералогии, а на четвертом — по геологии. По этим рукописным замёткам мы главным образом и готовились к экзамену, обмениваясь записками по другим предметам с товарищами.

Не могу умолчать о моем первом и довольно оригинальном способе знакомства с бывшим до проф. Пузыревского у нас проф. Э. К. Гофманом⁹, произошедшего, когда я был на первом курсе. После одной из лекций проф. Воскресенского я как-то раз, проходя

мимо дверей минералогического кабинета, вспомнил, что проф. Воскресенский рассказывал нам о каком-то химическом элементе, особенно распространенном в минералах, и задумал попросить позволения у профессора Пузыревского посмотреть некоторые из минералов, упомянутых на лекции. Такое мое желание было довольно естественным, ибо большая представляется разница — видеть сам предмет или о нем только слышать. С этою целью я и позвонил в кабинет, и мне открыл дверь, став в ее проходе, среднего роста приземистый седой человек, выбритый и только с одними короткими усами, в годах, возможно, более 60. Но особенно меня удивил костюм этого господина; он был одет в черную блузу без пояса, украшенную черными кистями. Когда я изложил ему, для чего я хочу видеть профессора, то этот господин улыбнулся и на довольно ломаном русском языке сказал мне: «Вы такой красивый молодой человек, что Вам надо гулять на Невском проспекте, тем более что и погода сегодня прекрасная». С этими словами он захлопнул дверь, и я остался ни при чем. Сначала я подумал, что имел дело со старым служителем кабинета или из немцев, но оригинальный костюм меня поставил в тупик. Позднее оказалось, что это и был сам Э. К. Гофман, а блуза на нем — костюм саксонских горнорабочих. Хотя Э. К. и вышел в мае 1863 г. из состава профессоров, но затем очень долго ходил и перебирал университетские минералогические коллекции, так что я застал его в кабинете даже будучи уже на четвертом курсе, когда был исправляющим должность ассистента у проф. Пузыревского.

Относительно чтения лекций Э. К. Гофманом, на ломаном русском языке, мне сообщили студенты старших курсов, что это было нечто смехотворное и что они ходили на его лекции только по дежурству, чтобы не обидеть уходящего из состава профессора своим отсутствием. Любимым началом лекции были такие слова, произносимые профессором: «Ту, эти минералогия...» — и т. д. И когда он видел, что студенты улыбаются, то предлагал одному из присутствующих свою напечатанную «Минералогию», просил громко прочесть о том или другом минерале, а сам в это время обходил студентов и его показывал. Э. К. Гофман даже на публичном годовом акте Университета¹¹ произнес речь на немецком языке.

Относительно Э. К. Гофмана и Г. П. Гельмерсена¹² среди студентов того времени ходил следующий легендарный рассказ о том, как оба они сделались учеными: «Однажды Император Николай I, вероятно, прочтя в английской газете о громадной пользе для страны работ геологов, спросил министра Канкрин, есть ли геологи у нас. Канкрин ответил, что есть. Тогда Император приказал представить ему некоторых из них, ибо он хотел с ними поговорить о минеральных богатствах России. Известный покровитель Дерптского университета Канкрин сейчас же сделал ректору запрос, нет ли молодых или старых геологов или нет ли вообще [людей], занимающихся специально минералогией и геологией. Как раз в это

время не было в Дерпте уже желающих и записавшихся на занятия этими предметами, а потому ректор вывесил объявление, что кто желает себя обеспечить в будущем, тот пусть и займется этими предметами. На это приглашение откликнулись двое: один — с богословского факультета Э. К. Гофман, другой — с юридического Г. П. Гельмерсен. Канкрин затянул представление императору новых геологов и только послал вторичное напоминание [ректору с просьбой] выписать их в Петроград, снабдил деньгами на фрачную пару и повез их к императору. Николай I терпеть не мог фрачников, а потому при первом же знакомстве решил произвести их в офицеры, в какой чин — неизвестно. С тех пор все горные инженеры находились в офицерских чинах, и я отлично помню У. П. Гельмерсена генерал-лейтенантом, Н. И. Кокшарова — генерал-майором, Н. Н. Барбот-де-Марни¹⁵, П. Еремеева¹⁶ и Г. Д. Романовского — полковниками. Э. К. Гофман, дослужившийся до чина генерал-майора, все не мог привыкнуть к своей форме; она, видимо, его смущала, а шпага сбоку прямо мешала, так, что он, приходя на лекции, клал ее на кафедру. До Устава 1863 года все профессора минералогии и геологии были почему-то горные инженеры, а потому и пути к специализации по этим предметам в Университете как бы были отрезаны, и действительно, только с введением нового устава появились [в качестве] профессоров не горные инженеры.

На первом курсе Университета мое материальное положение было очень бедственным. Хотя я и имел помещение, и пропитание у родителей, но и они сами были плохо обеспечены и в денежном отношении помочь мне не могли. Правда, добрейший мой отец изредка нет-нет да и сунет мне в руку рубль, как он говорил, на конку. В то время по пути нынешнего трамвая по Невскому проспекту только открылись по рельсам конное сообщение. Я очень редко пользовался конкой: с 8 часов утра, когда я, после утреннего чая, отправлялся в Университет, до возвращения домой, иногда в шестом часу, я ничего не ел, и потому нередко часть этого рубля расходовалась мною в университетском буфете. Милейший инспектор нашей гимназии Х. И. Пернер предлагал мне опять репетиции с отстающими пансионерами, но СОВМЕСТИТЬ ИХ С МОИМИ занятиями было невозможно. Эти репетиции могли быть только по вечерам, а потому я должен был бы один длинный путь с Песков в Университет совершать утром, другой — с Песков на Казанскую — вечером, и потому добывать средства этим путем было бы для меня невозможным. Помимо этих длинных путешествий, на меня было возложено товарищами составление записок по лекциям химии, что отнимало много времени. Целые вечера и часть ночи у меня уходили на это, так как помимо разбора записанных мною лекций надо было еще вести контроль по иностранным учебникам, а, принимая во внимание еще и недостаточную твердость в знании иностранных языков, приходилось эту последнюю работу вести со словарями.

Кажется, месяца через три после поступления моего в Университет однажды проф. А. А. Воскресенский после своей лекции стал с нами беседовать, как он любил иногда это делать; я обратился к нему с просьбой дать мне какую-нибудь работу по неорганической Химии. Профессор, видимо, этой просьбой остался доволен и сказал мне, что подумает над этим и даст мне ответ после следующей лекции, и записал себе в книжку мою фамилию. После следующей лекции я был вызван к профессору, который предложил мне, ввиду начавшегося в то время вхождения в моду алюминия, заняться способом добычи его сухим путем, уточнив, что эту работу надо вести при очень высокой температуре в горне. Наша химическая лаборатория в то время помещалась в самом нижнем этаже Университета, а для горна была отведена небольшая комната рядом с комнатой для сероводорода. Тяга и прочие устройства лаборатории были ниже всякой критики. Вонючая комната, полуразрушенный горн мало сулили успехов, тем не менее благодаря советам лаборанта Шмидта, который довольно скептически отнесся к возложенной на меня задаче, я приступил к этой работе. Оказалось, что одному справиться с этой работой было невозможно, ибо надо было топить день и ночь горн при отсутствии какого-нибудь служителя. Я пригласил к совместной работе моего товарища по курсу С. М. Неклюдова, который хотя и увлекался ботаникой, но, видимо, с удовольствием вступил в компанию. За этой работой, большей частью оканчивающейся неудачей и снова начинаемой, мы провели с ним, вероятно, недели три. Днем приходилось по очереди вести топку горна, а ночи мы проводили совместно, занимая друг друга разговорами, а иногда и засыпая. Покойный С. М. Неклюдов был весьма образованный человек, много прочитавший, и весьма разговорчивый. В разговоре он иногда, для красного словца, уклонялся от истины, и тут мне приходилось его останавливать заявлением, что от его слов у нас из тигля сейчас алюминий пойдет кусками. Этот «алюминий кусками» играл позднее некоторую роль при наших встречах с Неклюдовым, ибо когда кто-нибудь из нас, или другой в нашем присутствии, сообщал какие-либо известия, подлежащие сомнению, то мы друг другу говорили: «Алюминий кусками». Наши опыты никаких результатов не дали из-за полуразрушенного и неблагоустроенного горна, и я об этом сообщил профессору. Тем не менее А. А. Воскресенский отнесся ко мне весьма любезно и заявил, что прикажет перестроить горн летом, а во мне и моем товарище видит весьма ревностных студентов, любящих химию.

Лето этого года я опять провел почти сплошь в Новой Ладогe, у брата Павла Александровича, хотя значительную часть времени проводил в Старой Ладогe в той же гостинице женского монастыря, делая ежедневные экскурсии по заброшенным ломкам известняка в волховских породах. Здесь я обыкновенно занимался отыскиванием силурийских окаменелостей и составлением коллекции, а дома читал книги, все так же увлекаясь химией.

Осенью этого года мне пришлось быть свидетелем одного события, которое произвело на меня крайне тяжелое впечатление, — это гражданская казнь Чернышевского⁹. Как новичок в Университете я, приглядываясь к порядкам, невольно прислушивался и к разным толкам и слухам, в нем ходившим, и узнал, что сходка, на которой я не был, постановила, чтобы все студенты собрались на другой день рано утром на Конную площадь²⁰ для протеста против гражданской казни Чернышевского. По долгу товарищества я считал необходимым тоже присутствовать. С Песков на Конную площадь близко, но я все-таки просил дома меня разбудить в 5 часов, чтобы быть вовремя на месте казни. Когда я пришел на Конную площадь, она утопала в грязи, так как время было сильно дождливое и холодное. На площади был выстроен эшафот, окруженный довольно густою цепью войска, которого было собрано значительное количество, ибо ожидалась, как я узнал позднее, попытка похищения Чернышевского. Хотя я и пришел очень рано, но все-таки проникнуть даже близко к войску не мог, а потому наблюдать за событиями пришлось издали. Толпа собралась громадная; до цепи войска площадь еще больше стала наполняться народом, среди которого преобладала молодежь обоего пола. Довольно долго, под дождем, мы ожидали прибытия. Наконец раздался в толпе крик; «Везут!» — и действительно показалась карета, запряженная парой лошадей, которая при въезде на площадь завязла в грязи, и лошади никак не могли сдвинуть ее с места... Необыкновенно быстро на помощь лошадям из толпы бросилась масса молодежи, и, кто толкая карету сзади, кто помогая лошадям спереди, довольно скоро доставили карету к цепи войска, где благодаря этому последнему уже грязь была значительно утоптана, и лошади могли подвести карету уже прямо к эшафоту, а помогающих быстро оттеснили. При появлении кареты на площади на эшафот поднялось несколько человек, кто в форменном штатском, кто в военном платье. Когда остановилась карета, то первыми вышли из нее два жандарма, а за ними и Чернышевский; жандармы сейчас же обнажили палаши, стали по обе стороны Чернышевского и так его сопровождали на эшафот. По дальности расстояния рассмотреть выражение лица Чернышевского я не мог. Как только доставили Чернышевского на эшафот, вышел один из находящихся на нем в штатской форме и стал читать бумагу; голос его я слышал, но разобрать, что он читает, по дальности расстояния я не мог. Затем Чернышевского заставили встать на колени, перед ним стал палач, держа в руках шпагу, которую, вероятно, раньше подпиленную, довольно скоро над самой головой наказуемого сломал. Этим обряд и закончился. Снова повели Чернышевского к карете, усадили с жандармами, а часть последних верхом на лошадях окружили карету, и поезд тронулся обратно. Везти обратно было уже легко, так как толпа отчасти утоптала грязь площади. Когда карета выехала из цепи войск, то на площади по-

слышались довольно многочисленные крики и сочувствующие Чернышевскому возгласы, а карета довольно быстро удалялась, увозя казненного. Никакой попытки освобождения Чернышевского я не видел.

Самый процесс казни, только за один литературный труд, при отсутствии каких-либо других обвинений, произвел на меня крайне угнетающее впечатление, и, в значительной мере озлобленный, я вместе с толпою отправился обратно. Обернувшись как-то случайно, я заметил, что недалеко за мною возвращается с казни мой отец, разговаривая с каким-то господином. Я невольно обратил внимание на то, что на голове отца было кепи, окруженное по тулье широким золотым галуном, тогда как обыкновенно он носил из военной формы только одну фуражку. Такой головной убор на отце, очевидно, им был надет для большей внушительности; он, очевидно, боялся, что какие-то выходки с моей стороны подвергнут меня аресту и он будет меня выручать. Так один за другим мы пришли домой к утреннему чаю.

Через день после гражданской казни, когда я хотел, под свежим впечатлением, записать подробности ее в свою тетрадь, мне вспомнилось, что она у отца. Дело в том, что во время моего посещения, еще гимназистом, брата-доктора я из ряда запрещенных книг делал в особо заведенную мною тетрадь in 4^o21 выписки, некоторые стансы переписывал, а стихи Огарева не только все были в этой тетради, но многие из них я знал наизусть. Как-то у брата я получил и портрет Герцена, который и наклеил снаружи на твердый переплет тетради. Незадолго до дня казни отец по какому-то делу зашел ко мне в комнату и увидел эту тетрадь. Узнав от меня, что в ней находится, отец попросил меня дать ему прочесть, что я и исполнил. Вспомнив об этой тетради, я спустился вниз к отцу с просьбою вернуть мне эту тетрадь хотя бы на время, но отец заявил мне, что он ее сжег. В свое оправдание отец сообщил мне, что ему достоверно было известно, что перед казнью Чернышевского были усиленные обыски и аресты студенчества и что он очень боялся, чтобы, как он выразился, из-за такой глупости, как эта тетрадь, я бы не пострадал. Он также сообщил мне, что для моей защиты он ходил на казнь Чернышевского. Таким путем исчезла моя тетрадь, а с ней в значительной мере и мой либерализм того времени.

На втором курсе нас уже официально допустили до занятия качественным анализом в лабораторию. С необыкновенной горячностью я принялся за анализы, за которыми проводил почти все время кроме моих любимых лекций. По вечерам к составлению мною записок еще мои товарищи присоединяли и лекции по минералогии, а потому все мое время было поглощено. Большею частью я работал по ночам и теперь удивляюсь, что несколько при этом не пострадал, а спал я необыкновенно мало, мне в это время для сна было достаточно 2 — 3 часов. Объяснял я отсутствие последствий такого

поведения моим крепким организмом — наследством от родителей. Благодаря такой энергии в работе я скоро освоился с качественным анализом, был бы готов приступить и к количественному, но эти работы в лаборатории начинались на третьем курсе.

К моему счастью, в то время доцент Д. И. Менделеев²² объявил для чтения особый курс «О горючих вообще и о топливе в особенности», на который я явился одним из постоянных посетителей этих лекций, записывал до деталей почти все слова лектора, а по вечерам составлял по ним и записки. Первоначально свои лекции Д. И. Менделеев читал крайне нудно, постоянно растягивая слова, запинаясь, и сопровождал все это продолжительным нытьем.

Но стоило только несколько освоиться с характером изложения, чтобы в этих лекциях усмотреть громадный интерес к изучаемому предмету, настолько полно было их содержание. Этих лекций было немного, но для меня они остались незабываемыми.

Вскоре после того Д. И. Менделеев стал читать нам о способах количественного определения при помощи титрования. Для этой цели ему было отведено две комнаты во втором этаже Университета, а в лаборанты к себе он пригласил Г. Г. Густавсона²³, впоследствии довольно известного профессора химии в Петровско-Разумовской академии. Этому последнему, в свою очередь, впервые пришлось знакомиться с этим в то время новым способом. В числе работающих нас было мало и в конце концов остались Густавсон и я; в это время и началось наше взаимное и продолжительное знакомство.

Д. И. Менделеев в то время читал частные лекции известному богачу П. П. Демидову, кончившему курс по коммерческому факультету²⁴. Демидов в одном из подвальных помещений отвел две комнаты, отделав их самым тщательным способом. Первая комната при входе была весовая, где стояли прекрасные химические весы, шкафы для приборов и книг, конторки и т. п. Во второй комнате, где все столы были выложены изразцами, пол сделали из асфальта. Столы и полки для реактивов были покрыты толстым зеркальным стеклом.

Одно было неудобно — это темнота подвального помещения, а потому приходилось все время работать при газовом освещении. Лаборантом здесь у Д. И. Менделеева был Алексеев²⁵, который вскоре по защите магистерской диссертации был выбран доцентом в Университет Св. Владимира²⁶, куда и уехал. Менделеев обратился ко мне с предложением быть у него лаборантом в лаборатории Демидова. Не знаю, пригляделся ли он ко мне во время слушания и записывания его лекций по «горючим», или по некоторому знакомству в лаборатории для титрования, но думаю, что это предложение не обошлось без рекомендации Менделееву меня со стороны Воскресенского и Пузыревского. Я, конечно, с благодарностью согласился, но это назначение меня лаборантом встретило некоторое препятствие.

Дядя мой, вышеупомянутый СМ. Добровольский, был когда-то репетитором П. П. Демидова по юридическим наукам, и последний до такой степени привык и полюбил дядю, что в конце концов уговорил его бросить преподавание в военных училищах и принять у Демидова место главного управляющего. Дядя уже выслужил казенную пенсию, а здесь открывалась широкая деятельность, превосходно оплачиваемая. Он согласился. Вот когда Менделеев представил меня на замещение Алексева, дядя уже был главным управляющим, а он принадлежал к разряду людей, противоположных Фамусову, и «порадеть родному человечку» он не согласился. Но кто знал Д. И. Менделеева, кто знал, с каким упорством он отстаивал свои желания, тот поймет, что дяде бороться было невозможно. Менделеев отправился к Демидову и рассказал о нашем родстве и о сопротивлении дяди; Демидов, кажется, единственный раз пошел против дяди и сам назначил меня лаборантом. Обязанности мои заключались в приготовлении приборов для опытов Менделеева, а равно и для добычи некоторых химически чистых реактивов, даже органических, а позднее к ним присоединились количественные анализы присылаемых из Тагила разнообразных руд. Лекции Демидову скоро были прекращены, и я [остался] только при исполнении двух последних обязанностей, для личного усовершенствования в химии.

Содержание мне полагалось 25 рублей в месяц. Я находился в то время без каких-нибудь определенных средств, [а потому] сумма мне казалась чрезвычайно значительною, и я вполне был рад такому годовому обеспечению.

С получением этих занятий моя жизнь несколько изменилась. Явилась возможность изредка ездить в Университет с Песков на конке (цена была 5 копеек). К моему счастью, любимые мои лекции (химия и минералогия) читались в ранние часы утра, так что я после этих лекций сейчас же направлялся в свою лабораторию, которая помещалась на Б. Морской близ Исаакиевской площади. В особенности было близко зимою — прямо по льду чрез Неву, по протоптанной пешеходной дорожке. У сената стоял старик-саечник, который уже ко мне привык, и ежедневно я получал от [него] заранее приготовленную свежую, иногда даже теплую сайку, обильно намазанную желтою икрою за цену в 15 к. С этой сайкой я приходил в лабораторию; в химической колбе заваривал чай и таким способом устраивал себе в течение дня пропитание. Работал я здесь почти непрерывно и иногда мечтал скопить себе денег, чтобы купить складную кровать для ночлега в лаборатории; но это так мечтой и осталось. Часов в 7 вечера я возвращался на Пески к родительскому чаю, где мне оставялась от обеда известная доля съедобного. После чая я сейчас же садился за свои ночные книжные занятия и составление записок лекций. Наступившее лето не принудило меня покинуть Петроград, несмотря на зов брата. Я проработал в лаборатории все лето, и это дало мне возможность к началу

третьего курса уже вполне освоиться как с количественным анализом, так и с титрованием. К началу пребывания моего на третьем курсе П. А. Пузыревский, занятый в то время писанием своей докторской диссертации, обратился ко мне с просьбою сделать для его работы химические анализы некоторых финляндских мраморов²⁷, что и было мною исполнено. Эти анализы напечатаны в работе П. А. Пузыревского в «Очерке геогностического описания Лаврентьевской системы»^и, ас этим вместе впервые в печати появилось и мое имя, что в свое время мне доставило очень большое удовольствие.

Наши лекции и дальнейшее мое пребывание в лаборатории Демидова шли по вышеописанному шаблону, мало уклоняясь от нормы.

Впрочем, был случай, который на несколько дней нарушил вышеуказанный порядок и был вызван чисто товарищескими отношениями. Случай этот касается моего большого приятеля покойного ныне С. М. Неклюдова. Он был сыном очень зажиточных родителей; отец его или управлял делами, или был помощником, в точности не помню, но знаю, что это был богатый помещик Псковской губернии. Однажды мать С.М. присылает ко мне с лакеем записку, в которой сообщает, что ее сын вторую ночь не ночевал дома и она не только сильно обеспокоена этим, но уже послала своих людей его разыскивать и просит и меня помочь ей в этом отношении. Я был знаком с семьей С. М., очень ее полюбил и потому, не медля, принял надлежащие меры. Записка матери Неклюдова была получена рано утром, до ухода моего в Университет, а потому я немедленно отправился туда с целью привлечь и товарищей по курсу к отыскиванию С. М. Когда я приехал на конке в Университет, уже большинство товарищей были в сборе, и я, прочтя им письмо матери Неклюдова, обратился к ним с просьбою помочь в этом деле. Тогда один из студентов нашего курса сообщил товарищам, что ему С.М. неоднократно рассказывал о прелестях поездки в лодке по Финскому заливу и что он часто это проделывает. Тогда мы, зная об обилии мелей в Финском заливе, предположили, не сидит ли где-нибудь на мели с взятою напрокат лодкой С.М. Об этом предположении я написал матери С. М., а значительная часть товарищей отправились как в Галерную Гавань, так и на острова с целью расспросить местных жителей Гавани, не видел ли кто из них катающихся или сидящих на мели в Финском заливе. Поехавшие по островам товарищи тоже стали наводить справки, не брал ли кто напрокат лодки. На одном из таких перевозов узнали, что дня три тому назад четыре молодых человека оставили задаток, наняли лодку и до сих пор не возвращались. По рассказам лодочников этого перевоза, трое были в офицерской форме (позднее оказалось, что это были студенты Медицинской академии), а четвертый был в штатском. Из этих же расспросов узнали, что лодка направилась на взморье. Об этом обстоятельстве и о том, что в описании штатского

этой компании можно было узнать С. М. Неклюдова, сейчас же дали знать его родителям. Эти последние наняли за большие деньги отдельный пароход для отыскания уехавших. Администрация парохода показала, что они совершили два рейса между Петроградом и Кронштадтом, но ничего подозрительного в Финском заливе не усмотрели. Почти одновременно с ответами администрации Пароходного общества родители С. М. были извещены, что сын их жив и доставлен в одну из больниц Галерной Гавани, откуда его и взяли домой с полуотмороженными руками и ногами.

Из позднейших рассказов самого С.М. выяснилось, что они с тремя товарищами медиками взяли лодку для катания на взморье. Там попали на мель и застряли так плотно, что даже вчетвером не могли лодку сдвинуть с места. На этой мели они провели двое суток, причем из трех медиков два были братья, кажется, Пушкаревы, фамилию третьего медика я не помню. Тщетные их попытки сдвинуть лодку с места заставили их выходить в воду, и все сильно намокли, тем более что были в городских костюмах.

В таком виде им пришлось провести в лодке первую ночь, а уже в это время начались утренние заморозки, и в первую же ночь скончался один из братьев Пушкаревых. На другой день С. М. и другой брат Пушкаревых еще двигались, тогда как четвертый их спутник впал в беспамятство и лежал пластом. В этот день упомянутый Пушкарев решился поискать от этой мели брод и направился к берегу, но, значительно не доходя последнего, вероятно, встретил более глубокое место, так как исчез в воде — утонул, и много позже тело его было выброшено на финляндский берег. С.М. пришлось еще одну ночь провести на этой мели, и наиболее обидно для него было то, что он видел снующие в Кронштадт и обратно пароходы, слышал благовест Исаакиевского собора, шум города и т. д., а специально нанятый для его отыскания пароход не мог их найти? С. М., по его словам, стал уже впадать в беспамятство, но, к счастью для него, два гаванских чиновника выехали на взморье на своей лодке — ловить дрова, относимые Невою. Они подъехали к казавшейся им пустой лодке, но увидели в ней три трупа, заговорили между собой, и один из них настаивал на немедленном отъезде. Тогда С. М., слыша вблизи человеческие голоса, застонал и этим обратил на себя их внимание; они вынули его из лодки и привезли в Гавань, где и доставили в больницу. У С.М. оказались полуотмороженными конечности, а затем и сильная простуда, но в конце концов [он] настолько оправился, что эта его поездка, кроме тяжелых воспоминаний, не имела для него никаких других последствий.

Этот случай с С. М. Неклюдовым выбил меня из моей лабораторной колеи; отыскание С. М., а равно и частое посещение больного на некоторое время отвлекли меня от обыденных занятий.

Вскоре после сдачи экзамена из минералогии, когда я чем-то был занят в минералогическом кабинете, проф. П. А. Пузыревский предложил мне сопутствовать ему: в геологической экскурсии в

Финляндию. К нам присоединились еще два моих однокурсника — Штукенберг, бывший потом профессором Казанского университета, и Ребиндерг²⁹. Мы объехали значительную часть восточной Финляндии, а в некоторых местах, как, например, на острове Пузунг-Сари у северного побережья Ладожского озера, нам были показаны некоторые приемы геологических экскурсий. Нужно сказать, что П. А. Пузыревский был довольно скрытный человек и, как оказалось впоследствии, эта его поездка была проверкою его раньше бывших здесь исследований, из которых он и составил в то время свою докторскую диссертацию, а потому и самая поездка была очень быстрая, но тем не менее для нас, начинающих ученых, очень полезная.

Еще в Петрограде П. А. Пузыревский советовал мне для первой самостоятельной экскурсии взять на Ладожском озере остров Валамо³⁰, так как относительно его существовало описание проф. Курторги³¹, который, собственно, был не геолог, а зоолог. В Петрограде я запасся открытыми листами и очень небольшими для этой цели денежными средствами, рассчитывая, что жизнь на Валамо дешевая: квартира и стол — даровые. На обратном пути с экскурсии, в Сердоболе³², я расстался с компанией, сел на пароход и поехал на Валамо.

В то время игуменом монастыря был Дамаскин из крестьян. Я прямо с пароходной пристани явился к нему и представил свой открытый лист; но, видимо, он понял меня только тогда, когда я сказал, что на Валамо я буду изучать камни. Оказалось, что он сам очень любил камни и что недалеко от монастыря у него есть небольшая, специально выстроенная для шлифовки камней изба, которую он часто посещает. После нашего разговора о камнях Дамаскин вызвал послушника и дал ему следующий наказ: «Поместить их (т. е. меня) там же, где живут дикари». Не расспрашивая о том, кто такие эти дикари, я пошел за послушником, и он привел меня к большой монастырской гостинице, где мы поднялись в самый верхний этаж, и там отвел мне свободную комнату. Он же предложил мне подать самовар и булки, от чего я не отказался, ибо не обедал, а трапеза в монастыре была окончена до прихода парохода. Монастырские булки, из просфирного теста, я нашел превосходными и отсюда заключил, что на Валамо я с голоду не пропаду.

Разложив перед собою довольно подробную карту острова Валамо, я стал обдумывать план своих предстоящих работ, но мысль о том, что меня поселили с какими-то «дикарями» и кто такие эти дикари, не давала мне покоя. Решение этой задачи затянулось, и только около 6 часов вечера я услышал на лестнице шум, хохот и разговор и слышал, как поднимается вверх целая компания. Дверь своей комнаты, выходящей на площадку лестницы, я нарочно оставил открытой, чтобы увидеть дикарей, на соседство с которыми меня обрек игумен. Смотрю и вижу, что эта компания состоит из 5 — 6 человек, одетых в штатское, и ничего общего с дикарями не име-

ет. Скоро им подали большущих размеров самовар, и, продолжая шуметь, компания, видимо, принялась за чаепитие. При самом начале последнего ко мне зашел крайне симпатичной наружности, весь обросший волосами, с обильной бородой человек и рекомендовался художником Шишкиным³⁴. Это и был наш известный пейзажист-лесовик И. И. Шишкин. Узнав, кто я такой и для какой цели на Валамо, он любезно пригласил меня на их чаепитие и познакомил меня со своими товарищами, среди которых были и его ученики. Оказалось, что И. И. довольно часто лето проводит для этюдов на Валамо и обыкновенно, в виде платы за свое здесь пребывание, дарит игумену свои картины, которыми, как я видел при первом знакомстве с Дамаскиным, увешана гостиная.

У компании кроме чая я нашел и довольно обильную закуску из всякой всячины, колбасы, сыра и масла, что совместно с прекрасным монастырским хлебом и булками представляло очень заманчивый материал для утоления голода. Я поллюбопытствовал узнать, как, при существующем строгом режиме монастыря, здесь допускается скоромное. На это получил ответ, что запасы скоромного им привозят из Сердоболя, а иногда и из Петрограда [привозит] капитан парохода и что первоначально и были некоторые пререкания с монахами, но им удалось завоевать это право. По-видимому, за употребление скоромного, а равно и за их довольно шумливый нрав их и прозвал игумен «дикарями». За этим чаепитием мне было предложено на время моего пребывания вступить к ним в артель, на что я с удовольствием согласился и пользовался этими чаепитиями две недели — вплоть до своего отъезда. Для более положительного питания мы должны были посещать общую монастырскую трапезу, где приходилось из общей чаши, подаваемой на четверых, доставать себе пищу. Мы, конечно, усаживались так, чтобы чашею пользоваться со своими.

В то время на Валамо был установлен Дамаскиным очень строгий порядок: ни один монах без благословения (разрешения) игумена не мог даже выйти из стен монастыря. Конечно, такой порядок не касался художников и меня, а потому приходилось совершать свои экскурсии среди пустынного острова.

И. И. Шишкин для своих этюдов любил выбирать наиболее дикие, заросшие уголки, так сказать, лесные трущобы, среди почти дикого и векового леса, где большею частью и работал в одиночестве. Если мы желали присутствовать за общей трапезой, то необходимо было услышать колокольный благовест, ибо перед каждой трапезой он был обязателен, и возвращаться в монастырь. Помню, как однажды, в воскресенье, [когда] я возвращался по такому звону и шел к монастырю по довольно узкой лесной дорожке, из соседнего леса раздался сильный окрик: «А сегодня у нас за трапезой пшенная каша!» Я сначала был несколько испуган этим окриком, но когда разобрал его слова, то разразился хохотом, увидав, что из лесной трущобы выходит И. И. Шишкин, которого я раньше

и не заметил. Я любопытно узнал, откуда ему известно, что за трапезой будет пшенная каша; на это получил ответ, что сегодня благовест праздничный, а по праздникам ежедневная гречневая каша заменяется пшенной. Мое здесь пребывание меня сильно сблизило с И. И., мы видимо друг друга полюбили и до конца его жизни сохранили самые приятельские отношения.

Почти одновременно со случаем СМ. Неклюдова ко мне обратился наш первый по геологии доцент Э. И. Гофман³⁵, вероятно по совету П. А. Пузыревского, с просьбой сделать для него несколько анализов сиверского остеолита (фосфорита)³⁶, ибо в это время Э. И. готовил свою докторскую диссертацию.

Этот анализ представлял очень большие трудности в определении в особенности количеств фосфорной кислоты, но эти трудности и заставили меня согласиться на просьбу Э. И. Гофмана. Я и не подозревал ранее, что простой химический анализ может произвести с человеком такой умственный переворот и отклонить его от одной и приковать к другой науке. Правда, хотя я еще лекций по геологии не прослушал, но прочел много геологических книг, в особенности меня привлекали книги Бишофа, Мора³⁷, а равно и отдельные работы ученых, в которых путем химических исследований были решены те или другие проблемы геологии. Эта предварительная подготовка, конечно, должна была много помочь такому переходу. Этот трудный анализ фосфорита занял у меня довольно много времени, но он же заставил меня обратить внимание и на другую сторону дела. Пересматривая куски фосфорита, я был поражен тем, что его скопления являются как бы в виде натеков, а потому я заподозрил и самый способ его происхождения из бывших здесь растворов. Еще продолжая анализ, я занялся вычислением, зная растворимость в воде углекислой и фосфорнокислой извести, в каком отношении эти два вещества должны быть в фосфорите. Такое вычисление дало мне вполне определенные цифровые данные. Когда окончены были несколько анализов, я взял из них среднее и занялся вычислением этого количества углекислоты и фосфорнокислой извести по данным растворимости этих веществ в воде, и когда при вычислении получилась та же цифра в содержании углекислой извести, что было и при теоретических расчетах, я так разволновался, что не только в этот день, но и долгих несколько дней не мог приняться за вычисление количества фосфорнокислой извести в фосфорите. С трудом поборов свое волнение, я все-таки произвел этот расчет, который тоже вполне совпал с теоретическими данными. Этот анализ показал мне ясно, что я уже обладаю таким точным экспериментальным средством, при помощи которого могу подтвердить или опровергнуть свои спекулятивные соображения относительно происхождения данной горной породы. С этими новыми для меня просветами я вполне отдался в своих стремлениях более подробному изучению минералогии и геологии,

Этот же анализ дал мне повод свести знакомство, а позднее и более близкие отношения с известным химиком-агрономом А. Н. Энгельгардтом³⁸. Вскоре после выхода в свет докторской диссертации Э. И. Гофмана, в которой и были помещены как анализ фосфорита, так и вывод о его происхождении, я получил от А. Н. Энгельгардта письмо, в котором он извещал о том затруднении, которое он и его ученики встретили в точном определении фосфорной кислоты в фосфорите, и [спрашивал], не приеду ли я в Лесное, где была при Лесном институте³⁹ лаборатория А. Н. Я в ближайшие дни туда доехал со своими реактивами и в присутствии Алексея Николаевича, его лаборанта Лачинова, работающего в лаборатории будущего министра земледелия Ермолова, и других показал тот метод, который я употребил для своих анализов; Мой показ их вполне удовлетворил, и меня очень благодарили, а А. Н. накормил меня обедом. Не буду более здесь останавливаться на моем знакомстве с Энгельгардтом, так как в дальнейшем изложении мне придется снова вернуться к этому.

Весною этого года со мною и некоторыми моими товарищами произошел еще один случай, рисующий отношение нашего высшего начальства того времени к студентам и их поступкам. У нас, студентов, был обычай изредка собираться вечерком у одного из товарищей, у которого была побольше квартира. Делалась складчина, на которую приготавлился ужин, запас бутербродов, водка и пиво. Наиболее излюбленным местом собрания для нашей компании была квартира нашего товарища, П. К. Решеткина, который занимал большую квартиру и жил с братом, окончившим Дерптский университет типичным буршем. Этот последний обыкновенно всегда присутствовал на таких собраниях и был заправкой нашего кутежа. Препровождение времени на таких собраниях обыкновенно сопровождалось разговорами и спорами то политическими, но большею частью научными. В этот раз мотивом для сбора была охота. С этой охоты один из товарищей, страстный охотник, привез [нам] двух им убитых лебедей для уничтожения. Конечно, ужин затянулся, и мы в 4-м часу утра всей гурьбой направились по домам. На углу Пантелеймонской и Моховой, а на последней и жил Решеткин, был трактир, над которым помещался какой-то публичный танцевальный зал. Как трактир, так и зал были довольно ярко освещены. Одному из товарищей пришла мысль зайти в трактир и выпить там сельтерской воды; почти все товарищи подхватили эту мысль, и мы вошли. В большой зале, где буфет, сидел только один полицейский офицер, дежуривший по танцклассу, и ужинал; как только мы вошли, он быстро вскочил со своего места и что-то шепнул буфетчику. Когда мы потребовали сельтерской воды, буфетчик отказал нам наотрез. Этот отказ сильно возмутил товарищей, и в несколько голосов мы стали требовать себе воды. В этот спор вмешался полицейский, и спор закончился составлением протокола, в который полицейский включил фразу, что мы были в нетрезвом состоянии.

Выходя из трактира, мы стали совещаться относительно протокола, и большинство решило сейчас же направиться к градоначальнику, чтобы убедить его, что мы в трезвом состоянии. Мы всей гурьбой отправились по месту жительства градоначальника, настояли на том, чтобы его разбудили и вызвали к нам. Он, заспанный и в халате, очень скоро вышел к нам, и когда мы изложили ему свою жалобу на полицейского, он необыкновенно вспылал, стал на нас кричать, доказывая неуместность нашего прихода и что он будет жаловаться на нас попечителю округа; при этом приказал дежурному записать наши фамилии. Надо вполне сознаться, что самое посещение градоначальника, в то время Трепова⁴⁰, с нашей стороны было не совсем уместно и что это самое посещение уже доказывало, что мы были не особенно трезвы. Тем более факт совершился, и мы разошлись по домам, вполне уверенные, что за беспокойство Трепова нам попадет.

Приблизительно через неделю каждый из нас получил повестку от инспектора студентов, в которой мы вызывались к известному часу ректором в Петровский зал Университета⁴¹. Ректор, в то время А. А. Воскресенский, довольно скоро пришел к нам и стал делать довольно строгим тоном нам выговор за беспокойство, которое мы причинили Трепову, и [сообщил], что последний жаловался попечителю округа. Попечителем в то время был граф Ливен, бывший студент Дерптского университета, а впоследствии министр государственного имущества⁴². Тогда один из нас спросил ректора, что сказал попечитель. На этом вопросе ректор, видимо, едва сдерживаясь от смеха, передал нам, что попечитель сказал: «Это в Дерпте бывает очень часто», а затем ректор быстро поклонился, повернулся и ушел. Этим весь инцидент посещения нами Трепова был исчерпан, и нас не подвергли наказанию.

К этому же времени надо отнести и некоторые изменения, происшедшие в моей домашней жизни. Помещение двух моих сестер и няняши в одной комнате мезонина с низким потолком было не особенно гигиенично. Хотя одна из моих сестер, Варвара, изучив переплетное ремесло, и открыла на артельных началах первую женскую переплетную, но жила у нас и приходила ночевать к нам. Все это принудило меня освободить, для нового их размещения, мою комнату.

Рядом с домом, где жили родители, был также их небольшой деревянный домик в три окна, выходящих на улицу, содержащий две квартирki. Одна из последних ходила в наем за 6 рублей в месяц. Вот я и стал убеждать родителей пустить меня за плату в эту квартирку, тем более что она была не занята. Родители долго сопротивлялись и не хотели брать с меня денег, но в это время я уже был несколько обеспечен в денежном отношении, и при помощи сестер мне удалось их уговорить, а затем я переселился в свое новое помещение. Оно состояло главным образом из большой русской печки, стоящей среди квартирki; с одной стороны ее, окнами во

двор, была угловая комнатка, а вокруг печки коридор. Отгородив последний для спальни, я и устроился. Домик был старый, давно не отремонтированный и очень холодный. В этом помещении я прожил до середины своего пребывания на четвертом курсе и в особенности испытал его неудобства зимою, а как раз в этом году она была очень холодная. Достаточно сказать, что однажды ночью, укутанный чем только возможно, я неожиданно был разбужен как бы выстрелом. Зажегши свечку, я увидел, что стоящий на столике, рядом с кроватью, графин с водою лопнул — оказалось, что вода в нем замерзла. Узнав об этом, мой отец приказал дворнику, который был и моею прислугой, усиленно топить русскую печь, что и застраховало меня от замерзания.

В начале моего пребывания на четвертом курсе (1866 г.) меня снова постигло некоторое изменение в моем существовании. Однажды я получил официальную бумагу из конторы Демидова, известующую меня о том, что весь дом отдан в найм итальянскому посольству и что я должен упаковать все вещи лаборатории для отправления в реальное училище Тагила. Таким путем лаборатория была закрыта, и, как я узнал позднее, в ее помещении посол устроил свой винный погреб. Это закрытие лаборатории лишило меня единственных постоянных материальных средств, и положение мое становилось весьма тяжелым. В это же время ассистент проф. П. А. Пузыревского Вреден⁴³, химик по призванию, перешел в нашу химическую лабораторию, а впоследствии был профессором химии в Горном институте. На эту вакансию меня и пригласил П. А. Пузыревский, заявив мне, что как студент я в настоящее время могу быть зачислен только как исправляющий должность ассистента. В это время и ассистенты получали также по 25 руб. в месяц, т. е. то же содержание, что я имел и у Демидова. Я, конечно, с благодарностью согласился и, чтобы не тратить много времени на свои переходы с Песков на Васильевский остров и чтобы жить ближе к минералогическому кабинету и находящейся при нем лаборатории, нашел себе небольшую квартирку в Загибенском переулке (ныне Волховский), а прислугой нанялась ко мне за 6 рублей в месяц старушка Фридман, мать одного из сторожей в Университете. Таким путем я мог все свое время отдать Университету как по должности ассистента, так и по дослушиванию лекций четвертого курса.

На четвертом курсе у нас было очень мало лекций, кажется, всего 10. [Из них] шесть лекций по геологии, которые читал Э. И. Гофман; второй год по возвращении своем из заграничной командировки Э. И. был крайне болезненный, как оказалось, [болен был] чахоткою, сильно кашлял, но читал свои лекции необыкновенно добросовестно, тщательно приготавливаясь и излагая предмет ясно и просто, но довольно медленно, что давало полную возможность записывать за ним лекции почти слово в слово. К сожалению для Университета и науки, этот год чтения лекций Э. И.

был и последним. Благодаря анализу фосфорита, сделанному мною для докторской диссертации Э. И., я несколько сблизился с этим профессором; неоднократно бывал у него на дому и видел, что Э. И. как человек холостой был отдан всею душою избранному им предмету. Ранняя смерть Э. И. лишила нашу родину одного из ряда выдающихся геологов. Умер Э. И. на пароходе, на Волге, во время своей поездки, по совету врачей, на кумыс в Самару, где и похоронен.

Ф. В. Овсянников⁴⁴ читал две лекции по физиологии животных, и две лекции по органической химии читал проф. Н. Н. Соколов⁴⁵, по образованию первоначально юрист, уже затем окончивший курс по естественному отделению физико-математического факультета. Проф. Соколов был, по-видимому, человеком крайне самонящим, очень строгим, он редко приходил в лабораторию, хотя и жил рядом с ней, имея здесь квартиру. В кабинете своем, дверь которого прямо выходила в лабораторию и днем всегда была открыта настежь, профессор обыкновенно возлежал на кушетке то с книжкою в руках, то, наичаще, окруженный тремя-четырьмя студентами — его любимцами, и проводил время в разговорах с ними. Случись со студентами, работающими в лаборатории и не состоящими в числе любимчиков, какое-нибудь недоразумение при опытах, идти к профессору для разъяснения было не особенно приятно. К нашему счастью, занятия в лаборатории органической химией не были обязательными, а потому и работали здесь 2 — 3 студента. Читал свои лекции проф. Соколов очень красноречиво, причем несколько первых лекций он посвящал философии Канта. От составления записок по органической химии я отказался, и товарищи избрали, если не изменяет мне память, Крупского⁴⁶, впоследствии посланного за границу, а затем бывшего профессором по прикладной химии в Технологическом институте.

Проф. Н. Н. Соколов пробыл в нашем Университете недолго. Был докторский диспут Д. И. Менделеева. Оппонентами ему были¹ А. А. Воскресенский и Н. Н. Соколов/Диспут был необыкновенно оживленный и собрал очень много народу и почти всех химиков Петрограда. Особенную энергию в нападении и отчасти злость и иронию выказал Н. Н. Соколов. Д. И. Менделеев, с непонятным для нас хладнокровием, почти каждое нападение парировал ясно и просто, так что его ответы возбуждали общие симпатии, и из этого диспута можно было сделать заключение, что Н. Н. Соколов не оценил и невзлюбил Д. И. Менделеева. Не так отнеслись, после провозглашения Менделеева доктором, публика и студенты, устроив ему форменную оvation. Студенты, задолго до его великих открытий, оценили Д. И. как выдающегося ученого. Что Н. Н. Соколов не оценил и невзлюбил Д. И. Менделеева, вскоре как бы подтвердилось, так как только что последний был выбран в профессора, как Н. Н. Соколов перевелся профессором в Одесский университет⁴⁷.

Помимо своих лекций, будучи студентом, я иногда, имея свободное время, заходил на лекции других факультетов, а некоторых из профессоров стал посещать постоянно. Меня особенно тянуло послушать лекции по философии, которую читал тогда протоиерей Сидонский⁴⁸. Читал он очень интересно и, главное, настолько ясно и медленно публично мыслил, что следить за ним мог всякий образованный человек. Но у него лекций было много, часть их совпала с нашими, и мне это было неудобно. Тем более что от товарищей-юристов я узнал, что в более короткой форме можно ознакомиться с тою же философией по лекциям проф. П. Г. Редкина⁴⁹.

П. Г. Редкий читал юристам «энциклопедию права», и в виде вступления к этому курсу он первое полугодие излагал им краткую историю философских учений. Кроме того, проф. П. Г. Редкий читал свои лекции ранним утром, которое у меня было свободно. Вот эти-то лекции я и выбрал для посещения.

Почтенный старик, уже в то время полуслепой, медленно входил в аудиторию и на кафедру с толсто набитым портфелем, доставал из него большую кипу бумаг и, разложив их перед собой и сильно над ними нагнувшись, начинал излагать свой предмет, постоянно следя за своим конспектом. Изложение лекций П. Г. было просто образцовое, хотя присутствие перед профессором конспекта и отвлекало мысль, [заставляя] думать, что он излагает чужие мнения. Но в короткое время приходилось убеждаться в полной самостоятельности той оценки, которую делал П. Г. различным философским учениям. За ним также мог следить всякий, нисколько не подготовленный к философии и лекции его слушали с полным вниманием. Много позже, когда я был уже доцентом, я очень сошелся с почтенным П. Г., и даже тогда, когда он покинул Университет и сделался управляющим уделов, я всячески заезжал к нему и мы вели всегда весьма оживленную беседу. Когда П. Г. умер вполне слепым и весьма преклонного возраста, то работавшая у него бывшая моя слушательница по Высшим женским курсам г. Сабинина⁵⁰ сообщила мне, что при разборе бумаг покойного П. Г., по поручению его наследников, она нашла одну из комнат в помещении уделов, буквально наполненную его конспектами с указанием числа, месяца и года, когда читалась данная лекция. Такая находка указывает, что П. Г. не только готовился к каждой лекции, но еще употреблял массу времени на писание конспекта, что, совместно, конечно, свидетельствует о необыкновенном трудолюбии П. Г.

Как бы в наследство от беспорядков в Университете 1861 г. достались и более позднему времени сходки⁵¹. Во все время моего пребывания в Университете, почти каждую неделю, я слышал, что тогда-то или тогда-то назначена сходка в такой-то аудитории. Большею частью эти сходки заканчивались столкновением с университетской инспекцией, и некоторые из студентов не только были наказаны, но и были случаи исключения их из Университета. Такой случай был с моим гимназическим товарищем Миклухо-Маклаем,

впоследствии путешественником. Как мне передавали, последний нанес какое-то физическое оскорбление помощнику инспектора, за что и был сейчас же уволен из Университета. Я на сходки не ходил, отчасти из-за недостатка времени, но главное — из сложившейся у меня нелюбви к многочисленной толпе. Такая моя нелюбовь к многочисленно собравшемуся народу продолжалась всю мою жизнь, и даже теперь, на старости лет, если я, идя по улице, на той же стороне ее увижу толпу, я перехожу на противоположную сторону, чтобы ее избежать. Такую нелюбовь я перенес и на сходки и один раз попробовал побороть свое предубеждение, но не мог и вскоре, едва протолкавшись чрез толпу, ушел от нее. Я объясняю эту нелюбовь своими тяжелыми впечатлениями со времен детства из воспоминаний пребывания в деревне. Каждый праздник мать брала всех нас на церковную службу, и мы большой компанией ехали в наш Бельский погост, но обратное путешествие всегда сопровождалось следующим: при возвращении чрез погост надо было проехать мимо кабака, перед которым мы находили громадную толпу народа, из которой довольно много было пьяных. Галдеж, брань и другие крики висели в воздухе; нашему кучеру приходилось кричать со всею силою «Берегись!», дабы не раздавить кого-нибудь; нередко мы при таком проезде видели и драку, а с ней и раскровавившихся людей. Эта же толпа, по мере приближения дня освобождения крестьян, все ожесточеннее и ожесточеннее стала относиться к помещикам, и при нашем проезде часто раздавались весьма оскорбительные для нас крики. Такую же толпу мы находили часто и на улице в нашей деревне; хотя здесь кабака, по строгому запрещению отца, и не было, но часть крестьян достаточно успевала напиться на погосте во время богослужения. И у нас, хотя крестьяне и снимали иногда шапки, но гам и шум, а иногда и драка — все это шло обычным порядком, а миновать эти оба проезда не было возможности. Я, будучи еще очень маленьким, всегда прижимался к матери как бы под ее защиту и теперь [все еще] помню о том страхе от толпы. Такую же картину безобразия толпы я видел и при крестьянских сходах на помочах, где в благодарность угощали водкою.

Кроме вышесказанного, я из рассказов товарищей об университетских сходках узнал, что в большинстве случаев они совершенно безрезультатны, а постановления их совершенно не отвечают действительному желанию студентов. Такие сходки обыкновенно затевали или убежденные политики, как было уличено, или провокаторы. Как те, так и другие набирали себе сторонников, обязывая их пробывать на сходке до ее конца. Большинство же студентов приходило на сходки или ради любопытства, или, очень редко, для протеста против постановлений сходки. Но эти последние, пробыв на сходке известное время, кто ради предстоящей лекции, кто для утоления голода и т. п., мало-помалу с нее уходили и оставались только сторонники той или другой партии, а потому руководители

сходки тянули ее иногда до вечерних часов, дабы побольше разошлось студентов, не могущих долго оставаться. При голосовании поставленных теми же руководителями вопросов оставшиеся сторонники их всегда голосовали согласно ранее полученному наказу, а потому постановления сходки не представляли мнения всего студенчества.

Тем не менее мне однажды пришлось пробыть на сходке короткое время, куда я пришел не ради ее, а ради слушания в этой аудитории предстоящей лекции по физической географии, которую нам читал Р. Э. Ленц⁵², сын нашего профессора физики и бывшего ректора. Когда я пришел в аудиторию, то она оказалась настолько уже набитою народом, что я застрял в дверях аудитории и на мой вопрос, почему собралась такая масса, один из моих товарищей и до некоторой степени один из инициаторов сходки сообщил мне, что сейчас составляют уже постановление об освистании и изгнании профессора, который якобы недостойн быть профессором, должность которого занимает по протекции своего отца. Тогда я стал доказывать моему товарищу, что постановление сходки неправильно, что проф. Р. Э. Ленц, не отличаясь особенным красноречием, читает нам лекции ясно, просто и весьма основательно, но это мое возражение осталось без последствий ввиду уже сделанного постановления сходки. Тогда же товарищ указал мне, что на первой скамейке у самой кафедры посажено им около 20 человек переодетых в штатское платье восточных людей, приведенных из конвоя Его Величества, которые первыми и начнут скандал. Действительно, только что вошел в аудиторию Р. Э. Ленц, как по команде раздались свистки и крики «Вон!». Р. Э., вероятно, предварительно предупреденный, совершенно молчаливо вошел на кафедру и стал ожидать прекращения криков. Но затем очень скоро крики прекратились, ибо раздался другой крик, что идет инспекция. Первыми бросились из аудитории переодетые конвойные и успели до прихода инспекции скрыться, затем стали уходить и другие, но уже в дверях стоял инспектор студентов⁵³ Озерецкий и переписывал выходящих студентов. Когда он был в дверях, он увидел меня и, зная мою фамилию, спросил: «И Вы на сходку?» — на что я отвечал, что пришел на лекцию профессора, но случайно, и не зная о сходке, попал на эту последнюю. За инспектором я прошел в аудиторию и уселся на одну из освободившихся скамеек слушать лекцию.

Водворив порядок и переписав довольно много студентов, инспекция оставила аудиторию, и проф. Ленц прочел нам свою лекцию даже более интересно, чем в другое время. После этой лекции мы окружили профессора и извинились перед ним за скандал; он, хотя, видимо, и [был] взволнован, [знал его] основания и довольно благодушно с нами побеседовал. После этого инцидента ничего [подобного] с проф. Ленцем студенты не повторяли, и он до конца читал нам свой лекции.

Выпускные экзамены у нас были назначены в два срока: первый — в мае, второй — в ноябре и декабре. На майский экзамен нас записалось всего двое — я и Неклюдов, остальные товарищи отложили экзамен на вторую половину. Экзамен мы сдали вполне благополучно. Неклюдов сейчас же подал прошение о приеме его на юридический факультет, который и окончил в два года; затем он был помощником присяжного поверенного, присяжным поверенным, а при введении выборных членов Государственного совета он был выбран от Псковской губернии.

Проф. П. А. Пузыревский, бывший в то же время и секретарем факультета⁵⁴, уже получил от меня вполне приготовленную кандидатскую диссертацию⁵⁵ об острове Валамо. Он нашел мою диссертацию настолько удовлетворительною, что уговорил меня сделать об этой работе доклад на предстоящем в декабре 1867 г. Первом съезде русских естествоиспытателей и врачей⁵⁶.

По утверждению меня кандидатом естественных наук проф. Пузыревский предложил мне сделаться его штатным ассистентом. В то же время я получил и другое предложение. От конторы Демидова я получил приглашение занять место преподавателя естественных наук в реальном училище Нижнего Тагила. Денежные вознаграждения за эти труды сильно отличались друг от друга. За место ассистента я должен был получать то же содержание, что и раньше, т. е. по 300 рб. за год, за преподавательскую деятельность мне предлагали за то же время 3000 рб., да подъемные, прогон и проч. По своей практике в репетировании я не чувствовал ни малейшего стремления к педагогии; она мне не нравилась. Кроме того, я уже вкусил душевную радость, а с ней и удовольствие, в занятии наукою, а потому без особых колебаний отказался от предложений демидовской конторы и сделался штатным хранителем минералогического кабинета нашего Университета.

В декабре 1867 г. состоялся, весьма оживленный по своей деятельности, Первый съезд русских естествоиспытателей и врачей. Наша геолого-минералогическая секция была весьма многочисленна. На одном из ее заседаний мне пришлось, не без волнения, сделать доклад об геогностическом строении Валамо. Мой доклад был встречен очень сочувственно, и секция постановила напечатать его в Трудах съезда, что и было выполнено. Не могу забыть выступления с речью в общем собрании съезда скромного и очень сведущего покойного проф. К. Ф. Кесслера, инициатора самих съездов, выбранного нами в президенты этого первого съезда. К. Ф. Кесслер выступил с речью, суть которой сводилась к взаимопомощи в животном царстве. Это выступление с подобным содержанием речи надо назвать крупным событием, ибо до того среди натуралистов вполне господствовало учение Дарвина, в котором, как известно, борьба за существование играла одну из выдающихся ролей. Не менее интересным было и непрограммное, вслед за речью К. Ф., выступление известного натуралиста Северцова⁵⁷, который рядом примеров из

своих наблюдений привел данные о такой взаимопомощи среди животных. Этот же съезд предоставил мне возможность свести знакомство с целым рядом русских геологов и минералогов, обыкновенно разбросанных по широкому нашему отечеству.

После съезда начались в Университете занятия во втором полугодий, и мне надо было вести со студентами занятия с паяльной трубкой, готовить коллекции для лекций, а равно и самому с некоторыми студентами работать в лаборатории кабинета, которую проф. Пузыревский вполне предоставил в мое распоряжение. В толь-ко что возникающий геологический кабинет, почти одновременно со мною, был назначен А. И. Венецкий⁵⁸, мой закадычный приятель и друг, ныне уже умерший.

А. И. Венецкий сильно увлекался палеонтологией, и в особенности аммонитами, которых привез чуть ли не полный мешок из Рязанской губернии. Он оставил после себя довольно видный след в изучении юрской системы⁵⁹ вышеупомянутой губернии, в которой и имел свое поместье. Это была широкая русская натура; он обладал выдающейся силой, и ему ничего не стоило серебряный рубль одной рукою согнуть вдвое. В то же время он поражал меня и своею замечательной памятью. Для примера укажу на то, что однажды, зайдя в возникающий геологический кабинет, я увидел коллекцию с этикетками уже определенных аммонитов и шутя заметил, что определить-то легко, но верно ли это. Тогда Венецкий дал мне одну из книжек классического сочинения на французском языке Д'Орбиньи и наизусть указал страницу определения такого-то аммонита, находящегося в этой коллекции, и просил меня взять его в руки и следить за произносимым им текстом определения. Опять-таки наизусть, почти слово в слово, он повторил описание определения данного аммонита и на французском языке, как и в подлиннике. Отличался он и замечательной добротой. Когда мать его (отец умер давно), весьма богатая помещица, спорадически высы-лала ему иногда даже по 3000 рб., он обыкновенно оповещал своих молодых земляков, учащихся в различных высших учебных заве-дениях Петрограда, чтобы они были к известному часу, обыкновенно вечером, в трактире «Лондон», находящемся в то время на углу Кадетской линии и Среднего проспекта. Это для них всегда обозна-чало ужин и пиво на счет Венецкого. Как приятель был приглаша-ем и я. Во время ужина Венецкий пересаживал к себе то одного, то другого из молодежи и, беседуя с ним, незаметно для многих вру-чал ему ту или другую сумму денег, смотря по нужде каждого. Обыкновенно такие ужины у них затягивались, даже после закры-тия трактира, на долгое время, я же, имея с утра занятия в кабине-те, уходил домой. Венецкий жил очень близко от меня, нанимая се-бе комнату у хозяйки. Мы обыкновенно видались каждый день, но после такого ужина он пропадал дня два, а затем приходил ко мне и первым делом спрашивал, что мы будем сегодня есть, ибо у него уже денег не было. На это он получал обыкновенно один ответ, что

у меня только и есть, что абонементная книжка в кухмистерскую Миллера, куда я его и вел и где кормили нас довольно сносно, хотя и миниатюрно, за 25 к. с персоны. На таком режиме приходилось довольно долго существовать и Венецкому — вплоть до получения консерваторского жалованья.

Видел я Венецкого ежедневно, у нас были с ним самые разнообразные разговоры как о научных предметах, так и житейские. Из этих разговоров можно было заключить, что предстоящая профессура не притягивает А. И.; он стремился только значительно расширить свой научный кругозор, а затем опять уйдет в деревню будет хозяйничать. Так и случилось, хотя несколько преждевременно. Однажды он получил из деревни телеграмму, извещающую об опасной болезни его матери; он очень ее любил, а потому немедленно уехал в деревню, заявив мне, что как только мать поправится, он вернется назад. Приехав в деревню, он застал мать при последнем ее пребывании в этом мире — она умерла на его глазах, о чем он известил меня телеграммой. С тех пор я не имел о нем по крайней мере месяца два никаких известий; он терпеть не мог писать вообще, а писем в особенности. Я же послал ему несколько писем, а также получаемое по его доверенности жалованье. Только по прошествии вышеуказанного срока я получил от него письмо, а с ним и прошение об отставке от службы в Университете.

В это время только что вводили в жизнь мировой устав, и А. И. Венецкий был единогласно избран в своем участке мировым судьей⁶² этой первой серии. Резиденцией была его деревня, где он мог одновременно и вести свое хозяйство. Надо прибавить здесь, что Венецких было два брата. Младший брат в то время был студентом Военно-медицинской академии, ему старший брат и выплачивал известную сумму денег, что в конце концов значительно расстроило финансовое состояние А. И. Венецкого.

Еще во время пребывания Венецкого в Петрограде в один из приездов ко мне я его познакомил с А. Н. Энгельгардтом. После этого знакомства приезды ко мне А. Н. значительно участились, ибо общим у них явилось сельское хозяйство и вообще экономическое положение России. Обыкновенно А. Н. приезжал ко мне к вечернему чаю, к которому обыкновенно приходил и Венецкий. Тогда моя прислуга, Фридман, посылалась, [после того как] подаст нам самовар, в колбасную за колбасой, сосисками и хлебом, а равно за пивом. Уже за чаем начинались оживленные разговоры и часто споры, которые большею частью затягивались до глубокой ночи, оба моих гостя располагались ночлегом у меня. А. Н. Энгельгардт был предоставлен довольно потасканный и дырявый диван, а Венецкий, за неимением другого помещения, стлал на полу пальто, а зимой свою медвежью шубу и располагался на них ко сну. Я, помня о раннем вставании, почти всегда уходил от них загодя и, смотря на их громкий говор, богатырски засыпал в соседней комна-те. Иногда мне приходилось уходить из дому, оставив своих знако-

мых еще спящими, но я знал, что Фридман купит им булки и подаст самовар. Точно так же и я [сначала один], а позднее с Венецким посещали в Лесном А. Н. Энгельгардта, но без ночлега, для которого возвращались домой. Наши свидания с А. Н. продолжались до его ареста и высылки из Петрограда. Косвенное влияние обаятельной личности А. Н. на меня не осталось безрезультатным, хотя и не в политическом отношении, которое, по моим наблюдениям, и у А. Н. было вполне умеренным.

Обязательные мои занятия у П. А. Пузыревского минералогией хотя и были мне крайне полезны для дальнейших моих работ, но все-таки геология притягивала меня сильнее. Перейти к постоянному занятию геологией после отставки Венецкого уже сделалось для меня легким. Еще весной Э. И. Гофман, уже крайне большой легкой чахоткой, был, по совету врачей, отправлен на кумыс в Самару, но, не доехав до последней, умер на пароходе. С его смертью и кафедра геологии, отделенная от минералогии только Уставом 1863 г.⁶³, сделалась свободной. Свободной оказалась и вакансия хранителя музея. Я совершенно откровенно рассказал П. А. Пузыревскому о своем стремлении быть вполне геологом и о том, что мне надо еще позаняться палеонтологией. Пузыревский вполне понял, что сопротивляться призванию человека не надо, и сам предложил мне место хранителя создающегося геологического кабинета. Мало того, по Уставу 1863 г. вводился институт оставленных при Университете для приготовления к профессуре⁶⁴. Пузыревский предложил мне и это место. Таким путем, я был первым оставленным при Университете, а с этим значительно возросли и мои материальные средства: вместо 30 рб. в месяц я стал получать 90 рб.

Зародыш будущего геологического кабинета был в то время и по помещению, и по коллекциям в крайне стеснительных условиях. Помещение — две небольшие комнаты, выходящие во двор — любезно отделил К. Ф. Кесслер от зоологического музея. В этом помещении было всего три шкафа с ящиками, далеко не заполненными. Я застал в них довольно значительную коллекцию, подаренную Университету Киприяновым. Это окаменелости северского остеолита (фосфорита), обработанные для своей докторской диссертации Э. И. Гофманом. Нашел здесь коллекции юрских окаменелостей Венецкого, очень небольшой запас окаменелостей от проф. Куторги и мое студенческое собрание силурийских окаменелостей с р. Волхова. Сюда же надо отнести еще очень небольшую коллекцию окаменелостей, купленную Гофманом за границей на свои скудные средства. Кабинету в то время, как и другим, отпускалось в год всего только 600 рб. И я первым делом с разрешения Пузыревского написал из-за границы небольшую коллекцию окаменелостей тех геологических систем, которых не было в кабинете. Кроме того, и библиотека кабинета была очень скудная; надо было и ее пополнить хотя бы некоторыми справочными книгами, что и было сделано.

Еще до утверждения меня в должности хранителя кабинета, что состоялось только восемнадцатого марта 1868 г., я по совету того же П. А. Пузыревского еще летом 1867 г. предпринял исследование западного побережья Ладожского озера. Университет дал мне на это исследование 60 рб. Этот год был крайне тяжелым для Финляндии вообще, а для восточной в особенности. Здесь был страшный голод, и люди почти исключительно питались известными финскими лепешками, наполовину с примесью оленьего мха, что придавало лепешкам крайне горький вкус. Я питался главным образом чаем и сахаром, взятым с собою, изредка покупал у финских ребятишек вороньи яйца. При недостатке средств приходилось совершать экскурсии пешком и встречать по дороге людей, умирающих от голода. Так что, отправляясь на экскурсию, я стал брать с собой избытки лепешек и раздавал их встречающимся голодным.

1867/68 учебный год я провел также крайне деятельно; так как проф. Пузыревский не нашел еще ассистента, то мне приходилось работать на два кабинета, помогая профессору. Зато материально, как указал выше, я был уже более обеспечен. Правда, к обыкновенному моему содержанию еще прибавлялись, хотя и очень небольшие, деньги. Так, я перевел с немецкого языка какую-то маленькую книжку аналитической химии, которую издал мой бывший гимназический и университетский товарищ П. К. Решеткин, да изредка делал небольшие рефераты в Горном журнале⁶⁵. Во всяком случае, в этом учебном году я должен отметить как главную свою работу — обработку коллекции, собранной мною на побережье Ладожского озера. Так как для этой работы нужна была химическая лаборатория, которой не было в геологическом кабинете, то я работал в минералогическом. В этом же году я ее закончил и напечатал под заглавием «Геогностическое строение западного побережья Ладожского озера».

Так как проф. Пузыревский в то время был и секретарем Минералогического общества, где печаталась моя работа, а следовательно, и редактором, то он раньше других с ней ознакомился и стал усиленно налегать на то, чтобы я скорее приступил к магистерскому экзамену, намекая, что диссертация на эту степень у меня готова. Таким путем, к обычным моим занятиям еще присоединилось и приготовление к магистерскому экзамену, который я и сдал в начале 1869 г. Лето 1868 г. я посвятил новой и довольно большой геологической экскурсии, на которую мне была отпущена сумма от Петроградского общества естествоиспытателей. От г. Каргополя, т. е. приблизительно от истоков р. Онеги, в лодке я проследил за геологическим строением этой реки вплоть до ее впадения в Белое море. Отсюда я, но уже на торговом корабле, проехал вдоль южного побережья этого моря до с. Сороки, откуда через Повенец и Петрозаводск вернулся домой. Не буду описывать в подробностях своих экскурсий, совершенных в течение с лишком срока лет, так как одно это составило бы целую книгу, а время мне

дорого, так как есть еще у меня ряд новых работ, как начатых, так и намеченных, а преклонный мой возраст грозит мне ближайшим уходом из этого мира. Впрочем, описание некоторых опасностей и неудобств геологических экскурсий в России читатель найдет далее в этой автобиографии.

В 1869 г. проф. Пузыревский стал усиленно настаивать на том, чтобы я представил как магистерскую диссертацию свое исследование о западном побережье Ладожского озера; но, сознавая, что моя работа для этого недостаточна, я долго не поддавался этому уговору. К настоянию Пузыревского присоединился и А. А. Воскресенский, и оба уговорили меня это сделать, что в конце концов мною и было выполнено. Те же профессора были и моими оппонентами на диспуте.

26 октября 1869 г. я женился на Марии Федоровне Ореус⁶⁶. Материальные средства все были те же, а потому потребовался сторонний заработок. Я продолжал делать рефераты, моя жена, сильно мне помогая, переводила с французского и немецкого языков статьи, мною ей указанные, и мы помещали их в различные журналы. Прислугою была все та же моя холостая — Фридман; так что в общем жизнь не представляла нам особых затруднений.

Вскоре после моей свадьбы я неожиданно как-то вечером был ошастливлен посещением меня одновременно К. Ф. Кесслером и Д. И. Менделеевым. Такое совместное посещение их показалось мне довольно странным, но вскоре выяснилось, в чем дело. Оба профессора стали меня уговаривать выступить приват-доцентом⁶⁷ по геологии и прочесть хотя бы несколько лекций. Я им довольно решительно заявил, что считаю себя недостаточно подготовленным и что считаю необходимым предварительно быть командированным за границу, по крайней мере на год. Оба в один голос заявили мне, чтобы я в этом году прочел бы, хотя в виде конспекта, несколько лекций, так как оставлять 4-й курс без геологии нельзя, а что на следующий год мне дадут и заграничную командировку. Последнее обещание, столь мною желанное, сильно поколебало мой отказ, но я все-таки просил дать мне хотя бы короткое время подумать. Через несколько дней с тем же предложением пришел ко мне и более близкий по предмету П. А. Пузыревский. Мы очень долго с ним беседовали, и он приводил мне ряд примеров, в которых чтение лекций некоторые профессора начинали еще раньше меня, не имея печатных работ, а для своих диспутов представляли только письменные работы.

Когда я высказал П. А. Пузыревскому свою заветную мысль по поездке за границу, то получил от него уверение, что стоит мне начать лекции, как в будущем году мне устроят заграничную поездку. Уговоры П. А. в значительной мере поколебали мою решимость, но я все-таки окончательное согласие свое просил отложить. Мне было всего 26 лет, окончил курс я недавно, знакомство с геологической литературой было недостаточно, но перспектива целый год поучить-

ся за границей все победила и я подал в факультет прошение о допущении меня к чтению лекций [по] геологии в качестве приват-доцента. В этом звании я был выбран и утвержден 17 января 1870 г., а уже 5 февраля того же года, т. е. раньше чем через месяц, я по инициативе самого факультета был избран в штатные доценты по кафедре геологии.

Глава IV

ПРОФЕССУРА

Сколько волнения я испытал не только при приготовлении к вступительной лекции, но в особенности перед нею: я серьезно даже подумывал, почти при выходе на кафедру, отказаться от профессуры и пойти куда-нибудь на завод. В то время строго соблюдался обычай среди профессоров факультета присутствовать на вступительной лекции. Стали мало-помалу приходить в минералогический кабинет, в аудитории которого я читал лекцию, наши профессора. Пришли Кесслер, Менделеев, Воскресенский, Пузыревский, Бекетов и другие, но ожидание их прихода сделало опоздание началу лекций на 25 минут.

Когда я взошел на кафедру, я уже никого не видел, а стал довольно быстро передавать содержание лекции, хотя и во время самого чтения нет-нет и мелькала у меня мысль уйти и бросить профессуру. Я заготовил для вступительной лекции очень большой материал и читал лекцию без всякого конспекта, но этого материала ило до конца лекции, т. е. звонка. Позднее такой по крайней мере три лекции. Вот после этой Лекций я на себе почувствовал недостатки нашего воспитания в противоположность английскому, где с ранней юности приучают молодежь к публичным речам. Мы же в этом отношении растём Прямо дикарями и крайне конфузится говорить и мыслить публичШ; Тем не менее мои покровители-профессора после лекции подходили ко мне и, не знаю искренне или нет, говорили, что я буду со временем прекрасным лектором. Дальнейшие мои лекции хотя и заставляли мейя волноваться, но не так, как лекция вступительная.

В следующее учебном году мне не удалось уехать за границу. Такая неудача вызвана тем обстоятельством, что никто не обратил внимания, каких курсах читалась геология. Лекции ее были распределены так: на третьем курсе читались динамическая геология и петрография, остальные отделы науки читались на четвертом курсе, а потому если бы я уехал в начале [18]70/71 учебного 'года, то два курса остались бы без геологии. Ввиду этого факультет

и поручил мне в предстоящий учебный год прочесть совместно лекции для третьего и четвертого курсов.

Предшествующий, т. е. первый год моих лекций был очень краткий; пришлось в этом новом году (1870/71) значительно его расширить и читать уже восемь лекций в неделю. Мне было очень трудно, и, говоря совершенно откровенно, записки, составленные мною по лекциям Э. И. Гофмана и дополненные по книгам, сыграли для меня решающую роль.

К концу учебного года вышла и моя заграничная командировка с 1 мая 1871 г. по 1 сентября 1872, г. Приняв экзамен от двух курсов, я стал с женою собираться за границу; Возни было много: надо было более чем на год ликвидировать всю свою обстановку и отказаться от квартиры. Избрание меня в штатные доценты несколько увеличило мои материальные средства, так как доцентский оклад давал уже мне 120 рб. в год, но с временной ликвидацией моего имущества все-таки был мал. Как я обошелся без долгов, которых вообще избегал и избегаю всю свою жизнь, не знаю.

Вернусь несколько назад. На Первом съезде русских естествоиспытателей и врачей было постановлено ходатайствовать перед правительством о разрешении основать ученые общества при университетах. Такое разрешение последовало только в конце 1869 г. Одним из первых открылось Петроградское общество естествоиспытателей¹. Инициатор съездов и основания Общества К. Ф. Кесслер на первом же общем собрании нового Общества, бывшем 28 декабря 1869 г., был единолично избран президентом Общества, а в секретари его избрали А. Н. Бекетова. Общество было подразделено на три отделения: минералогии и геологии; ботаники и зоологии, I спорадические общие собрания были для всех трех отделений. При открытии отделения минералогии и геологии тоже, по уставу, надо было выбрать председателя, члена совета и секретаря. Председателем отделения минералогии и геологии был выбран проф. Н. Н. Барбот-де-Марни, членом совета проф. П. А. Пузыревский, секретарем избрали меня. Пребывание мое в качестве секретаря «и деления убедило меня, насколько важно и необходимо орган» организовывать публичные собрания, в которых можно было бы мало помалу отвыкнуть от присущей нам конфузливости и высказывать открыто свои мнения. Я до известной степени этому секретарем значительно обязан в вышеуказанном отношении. Зная это по собственному опыту, в позднейшей своей деятельности я почти всегда старался провести в секретари отделения тех из моих ассистентов, которые страдали тем же недостатком, что и я. Таким путем развернулись силы у В. В. Докучаева², Н. А. Соколова³, П. Н. Венюкова⁴ и т. д., которые прежде до того конфузились перед публикой на своих докладах, что эти последние, несмотря на большой научный интерес, проходили малозамеченными. Петроградское общество естествоиспытателей, избрав меня своим президентом на пятое трехлетие, существует и до сих пор, вступив в 50-й год своего су-

ществования, и дало за это время по каждому отделению до 48 томов своих трудов. Оно основало три станции для летних работ: на Мурманск — морскую, в Бологом - пресноводную и степную⁵, кроме того, на средства отпущенные Императором Николаем II, произвело и продолжает дальше раскопки и побережье Северной Двины. Эти классические открытия покойного проф. В.П. Амалицкого⁶ первоначально производились под его непосредственным руководством.

А. А. Иностранцев. 1870-е годы

Командировка моя за границу хотя и была разрешена с первого мая 1871 г., но мы с женой не дождались этого числа. Приняв и начале апреля мой экзамен от студентов, я уже освободился раньше, и мы решили с женой остановиться па несколько дней в Варшаве. Поводом к ЭТОЙ остановке было мое желание посмотреть как некоторые коллекции Пуша и других, так и город, которого раньше ни я, ни жена не видали. Я только из поездки в деревню помню раннюю весну, но с тех пор, прикопанный к Петрограду гимназией, а затем Университетом, я весны вне города не видал. Эта поездка к югу постепенно открывала нам вес более и более сильное различие и весеннем пейзаже, и в Варшаве мы нашли уже в полном расцвете растительность, тогда как в Петрограде деревья стояли голыми, а р. Нева была еще покрыта, хотя уже и побуревшим, льдом.

В это время, правда, уже под конец (мир был заключен 10 мая), но все-таки продолжалась франко-прусская война, а потому в программе моей поездки за границу, к сожалению, исключалась возможность поработать в Германии и Франции. Главными моими центрами для работы и знакомства были выбраны Вена, Мюнхен, Цюрих и Прага, а в благоприятное время я рассчитывал посетить некоторые классические в геологическом отношении местности в Альпах и Италии. Маршрут в Вену шел чрез Варшаву: оттого мы в нее и попали. В Варшаве мы оставались несколько дней, с тем расчетом, чтобы первого мая быть уже на самой границе. Здесь я первым делом познакомился с профессорами, близкими мне по науке Юркевичем и Трейдосевичем при помощи которых я осмотрел имеющиеся здесь коллекции.

Описать в подробностях свое пребывание за границей в течет семнадцати месяцев я не могу, потому что это заняло бы и автобиографии много места, а равно и потому, что дневника не вёл. Остановлюсь только на последовательности моих переездов и вкратце о том, что видел и делал.

Скудость наших материальных средств (на всё время пребывания всего 1800 рб., да еще на двоих) уже заранее заставила ввести строгую экономию. Ездили мы за границей в третьем классе останавливались во второстепенных гостиницах. Для поездки третьем классе мы с женой запаслись в Петрограде надувными каучуковыми подушками, служащими нам днем для сидения, а если заставала ночь и можно было вытянуться на скамейке, то и под изголовье. Курьезно то, что наши спутники-туземцы каждый раз, как я надувал подушки, с любопытством следили за моей операцией желающие поболтать сейчас же говорили: «А, ну вот у Вас и не первый класс».

Переезжая границу, я, как, кажется, и всякий, кто первый раз ехал за границу, был поражен теми крупными различиями в обстановке, которая здесь чрезвычайно резко выступает. После наших жалких деревень с убогими избами, крытыми соломою, грязными улицами сразу попадаешь в местность, где или встречаются обширные села и частые города, или видны отдельные дома обыкновенно каменные, крытые железом, окруженные садом, с чистыми улицами. Такое резкое деление невольно возбуждает жалость к нашему отечеству, но воочию видишь его отсталость. Довольно строгая австрийская таможня первым делом осведомилась у нас в счет сладостей и табачных изделий. Я наивно показал начатую коробку с папиросами, и мне пришлось заплатить за нее вдвое против её стоимости. По дороге в Вену мы остановились и Величке с целью осмотра ее знаменитых соляных копей, описанных во многих сочинениях и их действительности могущих своими размерами поразить всякого. Пробыв здесь короткий срок, мы уже прямо приехали в Вену.

По приезде в давно для меня желанный город Вену мы с женой прежде всего отправились посмотреть самый город. Остановившись в небольшой, но чистенькой гостинице на Табороной улице*, мы вышли на эту последнюю, чтобы идти в Бург. Недалеко от нашей гостиницы мы увидели магазин готовых платьев. Я же, наслышавшись в Петрограде, что за границей платье дешево, а мое же к тому было порядочно изношено, решил купить себе готовый костюм. В этом магазине, в окне, мы увидели довольно приличную справную пиджачную пару с чрезвычайно дешевой на русские деньги ценой. Зашли в магазин, я это платье примерил, оказалось, что подогнать очень легко, дали задаток и велели принести в гостиницу. Через несколько дней, после отъезда из Вены, я сделал в новой паре, около

* Далее также: улица

Зальцбурга, небольшую экскурсию в горы, после которой оказалось, что на спине пиджака, по шву, образовалась громадная прореха. За границей, конечно, можно иметь и прочный костюм, но нужны указания местных жителей, чем я впоследствии и пользовался.

Посещение мною Бурга было вызвано желанием прежде всего ознакомиться с придворным минералого-геологическим музеем, в то время существовавшим. В этом музее я познакомился с хранителем его, известным знатоком венских третичных отложений Т. Фуксом¹¹. Этот последний, узнав, кто я такой, был не только до крайности любезен, но предложил мне свои услуги для совместного посещения некоторых интересных в геологическом отношении окрестностей Вены, а равно и предложил составить для меня краткую инструкцию, по которой я мог бы другие места осмотреть и отдельно. От Фукса я узнал, что выбранное мною время для посещения Вены не особенно удобно, ибо большинство геологов разъехались на экскурсии. Когда же я сообщил ему, что хочу в Вене пожить подольше и поработать или снова скоро приехать, то он рекомендовал мне для работы устроиться в Венском геологическом комитете. Уже на следующий день мы начали с Фуксом свои экскурсии, которых сделали четыре, ознакомившие меня довольно основательно с известными мне только по литературе и столь важными для параллелизации с русскими третичными образованиями отложениями Венского бассейна¹².

При посещении мною Геологического комитета я нашел также очень мало присутствующих. Директором этого учреждения в то время был Гауэр³, который очень сочувственно отнесся к моему желанию поработать у них, а на время рекомендовал меня единственному в то время не бывшему на экскурсии весьма обаятельному и милому геологу Мойсисовичу. Этот последний сообщил мне, что геологи комитета начнут съезжаться в конце сентября и начале октября и что обыкновенная кабинетная работа у них начинается с этого времени, а потому советовал мне часть лета посвятить знакомству с геологическим строением Альпийской горной цепи. При этом он же предложил мне и составить краткий маршрут для означенной экскурсии. Известный знаток и исследователь альпийского триаса, он действительно дал мне прекрасный материал для знакомства, за что я ему очень обязан, так как благодаря только его указаниям я в сравнительно короткое время получил впервые точное представление о вышеуказанных отложениях.

Подведя итоги своих расходов, мы с женою решили, что действительно надо и можно еще последовать совету Мойсисовича и совершить поездку в триасовую соленосную область Альпийской цепи. Осуществлению этой поездки помог и приезд в Вену наших хороших знакомых. Приехал Ватсон, помощник Корша¹⁵ по редактированию С[анкт]-Петербургских Ведомостей, с женою и стал нас соблазнять путешествием с ним по Тиролю, но я поставил усло-

вием, чтобы наше путешествие было по маршруту Мойсисовича. Ознакомившись с моим маршрутом, Ватсон вполне согласился на совместную поездку, и мы уже на третий день по приезде в Вену отправились через Гмунден, Ишль в Зальцбург. На меня, жителя равнины, горы произвели сильное впечатление, так как я впервые очутился в горной местности, а на жену мою — прямо впечатление угнетающее, от которого она и до сих пор не отделалась. Тем не менее все места, указанные мне Мойсисовичем, были тщательно осмотрены и, где можно, были собраны для Университета окаменелости и горные породы. Отдохнув несколько в Зальцбурге, мы тронулись далее в Инсбрук, откуда я сделал экскурсию в Циллерталь. После Инсбрука моею целью было посещение известной в геолого-минералогическом отношении долины Фааса, а потому нам пришлось совершить перевал чрез главный Альпийский хребет на Ботцен, т. е. проникнуть и на южный склон этой цепи гор. Здесь, как известно, на пути находился Бреннерский перевал, производящий сильное впечатление, в особенности своим спуском к югу, где железнодорожный путь делает ряд необыкновенно крутых поворотов, так что перебраться [через] некоторые из них скорее можно пешком, чем поездом, что мы в одном месте с Ватсоном и сделали.

Все наши переезды, ради экономии, мы делали днем и ездили все в поездах дешевых, т. е. медленных, ночи же проводили во второстепенных гостиницах. Это, конечно, делалось вне экскурсий научных, которые обходились значительно дороже. Эти переезды по железной дороге в значительной мере были отравлены нашими спутниками. Дело в том, что приближался день празднования юбилея папы Пия IX¹⁶, на котором ожидалось и совершилось провозглашение папы «непогрешимым». Так как западная Германия населена в большом количестве католиками, в особенности Бавария, и мир с Францией уже был подписан, то наплыв в поезда пассажиров, а в наш поезд и беднейших, был особенно значительный. Все это стремилось в Рим на юбилей. Эта публика иногда должна была ехать продолжительное время, не меняя своего костюма, а вероятно и белья, а потому вскоре после их посадки воздух в вагонах делался невероятно душливым. К этому надо прибавить, что довольно многие, в особенности духовенство, курили, несмотря на то «то наш вагон был для некурящих, сигары «Виргиния», пропитанные мускусом, что делало воздух еще более отвратительным. Мне, имеющему некоторый запас русских папирос, приходилось иногда потчевать соседей, желающих снова закурить «Виргинию», чтобы избавиться от аромата мускуса.

Наше краткое пребывание в чисто итальянском городе Триенте оставило во мне неизгладимое впечатление. Мы приехали в него вечером, заняли две соседние комнаты в небольшой гостинице; в одной из комнат, занятых мною с женою, был большой балкон, выходящий на довольно многолюдную улицу. Подкрепившись с дороги довольно дешевыми блюдами (макароны и ризотто), мы вернулись

в свои комнаты, а я один вышел посидеть на балкон. Скоро наступила темнота, но было необыкновенно тепло, а в воздухе носился сильный аромат каких-то цветов. Просто упоенный, я уселся на стуле, вдыхая в себя этот ароматный воздух. Довольно для меня неожиданно, как бы по команде, вдруг весь город очутился освещенным электричеством, а во всех многочисленных здесь церквях раздался колокольный звон, а с ним стали ясно доноситься и звуки церковных органов и пения в самих церквях. В общем все это было необыкновенно эффектно. Тогда я вспомнил, что это канун празднования юбилея Пия IX, и вызвал на балкон мою жену и наших спутников, и мы на нем просидели, несмотря на усталость с дороги, до поздней ночи, и даже среди ее были слышны музыка и пение. На следующий день мы узнали, что церковная служба была и всю ночь.

Во время звона и общей музыки от органов и пения в церквях изредка начинала где-нибудь на улице раздаваться веселая итальянская песня, поющая, • очевидно, каким-нибудь либералом. Эта песня, правда, очень скоро и прекращалась, по-видимому, оттого, что и сам певец был подавлен этим общим настроением и теми стройными и монолитными аккордами, что носились от церковной музыки в воздухе. Тем не менее это нарушение производило довольно оригинальное сочетание с церковного музыкой.

Триентом заканчивалось наше путешествие по маршруту Мойсисовича, и мне с женой надо было разрешить вопрос, что делать дальше. Возвращаться в Вену тою же дорогою было не время и дорого и скучно; выбрать же себе другое местопребывание несколько затруднительно. Близость Италии и не рассчитанные мною на северную ее часть расходы ставили меня в тупик. По совету моего спутника, который многократно бывал за границею, в Швейцарии, например в Кларане, в одном из пансионатов, мы можем прожить очень дешево и прикупить денег. Такой совет прекратил наши колебания, и мы решили обратиться в простых туристов и осмотреть Венецию, Милан и другие города северной Италии, что и совершили. Затем чрез Сент-Готардский перевал (тоннеля еще не было) по знаменитому наполеоновскому тракту перевалили в дилижансе во Францию, в г. Ст. Мишель, где и расстались с нашими спутниками, которые поехали в Париж, куда Ватсон для корреспонденции и был командирован, а мы в Женеву, а оттуда в Кларан. В Женеве мы оставались недолго ввиду экономии. Тем не менее я успел познакомиться с известным популярным естествоиспытателем Карлом Фохтом¹⁷, которого потом навещал в Женеве несколько раз. Крайне симпатичный толстяк, всегда в прекрасном расположении духа, вечно нас смешил своими рассказами.

В Кларане мы действительно устроились в одном из пансионатов, содержимых русским, Долматовым; за три, правда небольшие, комнаты со всем содержанием мы платили в сутки по шести франков с персоны, что дало нам возможность сберечь и сделать запас

из наших скудных средств. Днем я обыкновенно экскурсировал по маршруту, который дал мне в то время начинающий проф. Реневье¹⁸ в Лозанне, для ознакомления с молассами¹⁹ Швейцарии. Был я на экскурсии, где развиты триасовые соленосные образования. Рискнул я проникнуть, тоже пешком, и к знаменитому «Ледяному морю», что у меня заняло дня три. Видел этот знаменитый ледник, но на него не всходил, ибо для этого надо было брать проводника, что для меня было дорого. По вечерам, когда был дома, я был занят приведением в порядок и писанием своего отчета об исследованиях на севере России в 1869 — 1870 гг. Собранный там мною геологический материал уже был большей частью обработан, так что писать отчет затруднений не представляло; часть этого материала я успел определить еще в Вене, небольшая часть еще ждала обработки.

Мы приехали в Кларан уже после войны, под конец которой, как известно, германцы загнали армию Бурбаки²⁰ в Швейцарию. Значительная часть безоружных французов уже уехали домой, но некоторые еще были в Кларане, и, встречая их на улице, я заметил, что у многих на лицах красные пятна. Я спросил одного из французских солдат, что это значит, и узнал, что армия занесла в Швейцарию натуральную оспу. Узнали это и в нашем пансионе и настояли у хозяев на обязательной прививке оспы всем живущим. Мне привили ее одной и той же вакциной с женою, двумя англичанками и патером; у них у всех прививка дала блестящие результаты, у меня же никаких следов она не обнаружила. Интересно то, что два-три месяца спустя, когда я уже опять был в Вене, оспа проникла и туда, а сделанная мне прививка уже дала вполне определенные результаты.

Пробыв в Кларане около двух месяцев и скопив некоторую сумму денег, мы переехали в Цюрих, где прожили недели три. Богатейшая палеофитологическая коллекция Освальда Геера²¹, а равно и обширная коллекция третичных окаменелостей, собранная Майер-Эймаром²², предоставили любопытный материал для обзора. Познакомился я и с двумя вышеупомянутыми профессорами. Освальд Геер был уже довольно старым, но принял меня крайне любезно; он почти каждый раз считал своею обязанностью сопровождать меня при осмотре коллекций, и это сопровождение всегда было полно интереса из его разъяснений, но, с другой стороны, оно очень меня стесняло, так как я все-таки своими посещениями беспокоил старика. Совершенную противоположность проф. Гееру представлял проф. Майер-Эймар — это был довольно типичный швейцарский демократ, небрежно одетый и довольно грубый в обращении человек. Тем не менее он настолько был ко мне добр, что даже предложил ключи от коллекции, от которых я отказался. Такое предложение открыть для осмотра коллекции вообще за границей, а в Германии, Австрии и Швейцарии [особенно], надо считать за особую любезность. Осмотрев коллекции, я собрал сведения о главных

местонахождения ископаемых растений и узнал, что ближайшая остановка, откуда можно хоть каждый день совершать экскурсии в знаменитый Оенинген, — это маленький городок Штейн на Рейне, куда мы с женою и переехали. Почти каждый день в течение двух недель я посещал это место любопытных находок ископаемых растений.

Во время моего посещения Оенингена хозяйкою ломки была вдова г. Барт, от которой я узнал, что вся ломка абонирована О. Геером и что Барт не имеет права продать из ломки ни одного экземпляра до полной обработки флоры О. Геером. Уверив г. Барт, что я в этом деле не специалист и что буду собирать только остатки описанных уже растений, я получил от нее разрешение пройти на ломки и собирать коллекцию. Интересно, что О. Геер научил рабочих собирать эти остатки. Часть плит развитого здесь рухлякового сланца оставляются нерасколотыми до наступления морозов, и когда эти последние действуют на сланец, то он начинает распадаться по сланцеватости на тонкие плитки, на поверхности которых и обнаруживаются превосходные отпечатки растений.

Из г. Штейна я с женой проехал прямо в Мюнхен. Целью этой поездки было мое желание заняться исключительно расширением моих сведений по палеонтологии. Хотя мир между Германией и Францией и был заключен раньше нашего приезда, но тем не менее и у победителей еще жизнь не вошла в обычную колею; были довольно значительные людские потери, и даже среди ученого сословия выбыли навеки несколько молодых людей. Располагая всего одним месяцем пребывания в Мюнхене, мы все-таки нашли более выгодным на этот месяц нанять у хозяйки две небольшие комнатки, из которых одна выходила окнами на плац Максимилиана, с запахом более чистого воздуха, другая — во двор, превращенный искусственно в садик и занятый рестораном, из которого нам и доставляли довольно дешевый, но вкусный обед. Несколько надоедал оркестр, играющий по вечерам в этом ресторане.

Геологические коллекции Баварского государственного музея, помещавшиеся в то время в Старой академии, произвели на меня хорошее впечатление как обилием выставленных предметов, так и порядком в их расположении. Познакомившись с проф. Циттелем²³, в то время еще очень молодым, и выслушав его указания, я довольно энергично принялся за детальное знакомство. Все утро до обеда у меня уходило на это, а потом я много читал книг по палеонтологии; обыкновенно уже поздним вечером садился оканчивать отчет по моим исследованиям на севере России. Такой способ распределения времени в течение месяца принес мне большую пользу, и я мог со спокойной совестью уехать из Мюнхена в Прагу. Проф. Циттель, прощаясь со мною, выразил сожаление о моем отъезде. Я же, в свою очередь, просил его не оставлять своими советами, а равно и содействовать тем из моих учеников и учениц, которые будут с моею рекомендацией к нему присланы. Он выразил

полную готовность, и до его преждевременной смерти мои ученики находили у него сочувственный прием.

По приезду в Прагу я первым делом направился в Чешский университет, в геологический кабинет, чтобы позаниматься с проф. Кречи²⁴, известным мне по его работам, а в особенности по его продолжительной полемике с Баррандом²⁵, в конце которой должно было образоваться даже особое вмешательство комиссии. Барранд в заключение спора сам признал правильность объяснений Кречи. К моему великому сожалению, проф. Кречи находился в отъезде, был где-то далеко от Праги, и его возвращения скоро не ожидалось. В кабинете я нашел только его бывшего ученика, довольно известного своими исследованиями ящеров пермско-каменноугольного времени, Антонина Фритче²⁶. Очень обязательный человек, вполне мне заменил отсутствующего [профессора], и с ним мы совершили несколько экскурсий на места выхода силурийских отложений, подавших повод для вышеуказанного спора. После этого осмотра у меня не осталось никаких сомнений в правильности воззрений Кречи; кроме того, эти экскурсии дали мне возможность ознакомиться впервые с совершенно другим типом геологических образований, одновременные которым развиты в окрестностях Петрограда.

Кречи довольно известен в Богемии не только как геолог, но его считают и народным поэтом, выступающим под псевдонимом «Проккоп Рудный». Нередко его муза воспроизводила стихи, темой для которых служила геология. В одном из таких стихотворений был воспет каменный уголь и его экономическое и политическое значение.

Я нашел это стихотворение в популярной написанной для народа книжке Фритче под заглавием (1869, с. 100). Еще в начале семидесятых годов я просил нашего известного слависта, ныне покойного, В. И. Ламанского²⁷ перевести мне это стихотворение на русский язык, что он любезно и исполнил, а ныне этот перевод, из-за неразборчивости некоторых слов, был предупредительно просмотрен П. А. Лавровым²⁸. В ссылке^{1*} я приведу подлинный этот перевод, а сам беру на себя смелость это произведение Кречи дать

^{1*} Погруженный в глубине земной силою супротивных скал, со всеми своими подданными спал могучий владыка. Был Уголь-Царь великий, и старое пророчество говорит, что тому, кто его освободит, блистательная будет награда. Толпа отважных рудокопов стремится к горам, и глубже, глубже к затворам проникают уже их ряды. Пусть грозятся дикие воды и шум предательских газов, все же преодолел их угрозы сильный ум рудокопов. Тут царь, освобожденный от своего бремени, загорается в могучей силе и в благодарность своим освободителям дает власть над металлами. И говорит бодрому люду (народу), выступая вон из шахты: ты даровал мне свободу, будь же свободен и ты.

для русского читателя в виде стихотворения, по возможности придерживаясь подлинника:

Уголь-Царь

Глубоко погруженный в землю,
Под давлением мощных скал
Со всем своим народом
Уголь-Царь могучий спал.
Владыкою он был великим.
Народное преданье говорит:
Блестящая тому будет награда,
Кто пленного Царя освободит.
Толпа отважных рудокопов
Проникла к тем горам,
И дружный натиск сил рабочих
Привел их к пленника дверям.
Не страшны им предательские газы,
Не страшен вод подземных шум,
Преодолеть же все угрозы
Помог природный смелый ум.
Здесь Уголь-Царь освобожденный
В могучей силе запылал,
И в благодарность он рабочим
Власть над металлом даровал.
И говорит Царь смелому народу,
Из шахты бодро выходя:
Ведь ты принес мою свободу,
Так получи свою сполна.

Свободное от экскурсии время в Праге я проводил по утрам, знакомясь с коллекциями Чешского музея, где, между прочим, есть зал, названный Баррандовским и наполненный собранной последним обширной коллекцией. Но и помимо этого зала музей содержит так много интересного, что ближайшее с ним знакомство потребовало бы очень много времени. Осмотрел я и другие геологические музеи Праги, как-то: находящиеся при Богемском и Немецком университетах²⁹ и т. д.

По вечерам мы с женою обыкновенно ходили ужинать и повидать некоторых в так называемую в то время «Славянскую беседу». Особенный интерес иногда представляло здесь то, что после ужина, за кружкой пива, начинали общий разговор, а иногда и речи, хотя нами и трудно понимаемые в силу плохого знания чешского языка. Для знакомства с этими разговорами и речами распорядители этого клуба познакомили нас с двумя молодыми людьми, Ванжурой и Патерой, недурно говорившими по-русски, а когда их не было, приходилось иногда говорить с соседом, как иронично говорят, на общеславянском языке, т.е. по-немецки. Вышеупомянутые молодые люди не только были для нас переводчиками в клубе, но каждое утро приходил один из них к нам в гостиницу и предлагал разные услуги и часто служил прекрасным проводником по городу. Неред-

ко приходили в «Славянскую беседу» и чешские знаменитости, столь много сделавшие для отстаивания своей народности, это Палацкий и Ригер³⁰. Первый в то время уже был глубокий старик, тогда как второй — видный мужчина лет под пятьдесят. Когда в разговор вмешивались эти общие любимцы чешского народа, то наступала за столом общая тишина и было полное внимание, дабы не проронить ни одного слова, ими сказанного.

Пробыв около трех недель в Праге, мы выехали в столь желанную мне Вену. В этой последней я рассчитывал пробить все остальное время моей командировки, т. е. около десяти месяцев, а потому по приезде в этот город мы сейчас же наняли у хозяйки себе очень большую комнату в доме на набережной Дунайского канала. При этом я выбирал место нашего пребывания так, чтобы не тратить много времени на переход в Венский геологический комитет, в который из моей квартиры было не более четверти часа пешком.

Пришлось опять повидать директора Геологического комитета Гауэра и Мойсисовича и поблагодарить последнего за его маршруты по Тиролю. К этому времени большинство венских геологов уже были в городе, и мало-помалу мне пришлось познакомиться с целым их рядом. Первым делом я представился Э. Зюссу³¹, этому светилу венских геологов, человеку крайне приветливому и доброжелательному, который, в противоположность другим иностранным ученым, очень хорошо был освоен с научными работами русских геологов. Для этого он имел особого переводчика, который из наших работ делал ему экстракт. Познакомился я с Чермаком, Стихэ, Титце, Паулем, Динером, Битнером, Тула, Штуром³² и другими. Узнал здесь и Неймайера³³, женатого на красавице дочери Э. Зюсса и, кажется, уже в то время приглашенного на кафедру геологии в Мюнхен. Со многими из них до их смерти производили все время обмен нашими работами. Должен с удовольствием сказать, что вышеуказанные геологи, и даже те, с которыми я не был знаком, так радушно приняли меня в свою семью, что я этого никогда не забуду.

В Геологическом комитете мне отвели отдельный столик и снабдили прекрасным микроскопом для работы в комнате, где работал Недвецкий³⁴, получивший позднее кафедру геологии во Львове. Недвецкий был по происхождению галицийский малоросс, а потому мы часто с ним беседовали по-русски и, только не понимая иногда друг друга, переходили на немецкий язык. Время научной работы в Вене, как и вообще в заграничных университетских городах, распределено крайне рационально. На работу обыкновенно собираются к 9 часам и ведут ее непрерывно до 12 — времени обеда. В ресторанах в это время готовы по дежурной карте выборы обедов, а позднее надо уже питаться по общей карте и ждать очень долго. Покончив с обедом и перебравшись в кафе, где пробегали утренние газеты, ученые снова возвращались к работе и вели ее до 7 часов вечера.

Я, конечно, поступил тем же путем; но с тою только разницей, что на обед заходил за женой, равно как и по окончании дневного занятия мы ходили с ней ужинать в ресторан.

Моей целью пребывания в Вене было еще позаняться петрографией и закончить некоторые свои, уже отчасти сделанные, работы. Последнее мне удалось вполне исполнить в короткое время и напечатать на немецком языке в журнале Чермака.

Во время моих работ в Геологическом комитете я перезнакомился со всеми работающими там геологами, у нас установились скоро вполне товарищеские отношения, и вскоре меня единогласно избрали членом-корреспондентом Комитета. Один из геологов, довольно известный, Штур, по-видимому, желая сойтись со мною поближе других, неоднократно доказывал мне, что он славянин и что его родители носили фамилию Щур, происходящую от названия одной птицы, но немцы его фамилию переделали. Этот славянин ни на каком другом языке, кроме немецкого, не говорил и не умел читать. Тем не менее я его не разубеждал в его славянском происхождении. Записали меня и в члены Геологического общества Вены, собиравшегося спорадически между обедом и ужином. Первое их собрание было для меня очень поучительным. Для сообщения доклада полагалось всего 15 минут, и если докладчик его затягивал, то раздавался звонок председательствующего, но если и это не прекращало доклад, то начиналось общее шарканье ногами по полу, что уже заставляло докладчика скорее кончать. В заседании прений по поводу доклада не было, но в эти дни, после заседания, большинство отправлялись в какой-нибудь излюбленный ими ресторан, и там за ужином и пивом начинались дебаты по поводу докладов, а равно и на другие темы. Беседа иногда затягивалась до закрытия ресторана. Я припоминаю один случай, бывший со мною после одного из таких заседаний. Я ужинал рядом с Т. Фуксом, и мы разговорились с ним о разнокалиберном Населении Австрии. Фукс настаивал на необходимости забрать все племена в немецкие руки, ибо иначе, по его мнению, Австрия развалится. Я стоял за федерацию всех австрийских племен. Простой разговор обратился в спор, который до того затянулся, что слуги вынесли для нас на улицу особый столик и стулья, поставили запасные кружки, полные пивом, и одну, назначенную для полицейского, дежурившего по соседству. При этом слуги просили нас только заявить полицейскому, когда мы будем уходить, а сами, получив плату и на чай, удалились, предварительно закрыв ресторан.

Бывал я с женою и в гостях. Так, однажды Чермак и его жена просили нас запискою совместно пообедать в ближайшее воскресенье в довольно известном ресторане. Мы вовремя пришли и довольно оживленно провели сам обед, но когда дело дошло до расчета, то как Чермаку, так и мне подали по отдельному счету. Так что это приглашение вышло для нас на наш счет.

Был я на двух вечерах у Э. Зюсса, где собирались венские геологи и где главной [темой] разговора была геология, реже — политика. На первом вечере меня удивила ситуация: когда собралось довольно много гостей в большом зале квартиры Зюсса, из соседней комнаты вышли две женские прислуги, из которых одна несла поднос, уставленный большими кружками с пивом, а другая — [поднос] с бутербродами. Особенно любопытен был их второй выход, где на одном из подносов стоял ряд кружек с пивом, но кружки были все меньших и меньших размеров, до очень маленькой включительно. Оказалось, что у Зюсса очень многочисленное семейство и что эти кружки назначались детям по их возрасту. Потомство скоро и само явилось и довольно быстро, забрав кружки и бутерброды, скрылось.

Так как хозяин был страшно занятой человек, поскольку кроме Академии и Университета он был член парламента и, если я не ошибаюсь, ведал образованием в Южной Австрии, то гости расходились рано. К 11 часам вечера я уже был дома.

Однажды я рискнул пригласить некоторых венских геологов к себе на чашку чаю: это случилось вот по какому поводу. Жена и я сильно скучали о русском черном хлебе. Жена написала об этом моей матери, и та выслала нам громадный круглый хлеб. Сколько у меня было возни из-за него в таможене, где настойчиво хотели зарегистрировать его как пряник или другую сладость, но мне все-таки удалось отстоять его хлебную природу. Чай у нас был еще из России, разные закуски купили, а также несколько бутылок белого и красного вина. Моим гостям понравился наш хлеб, и они ели его как пряник, некоторые даже вприкуску с вином.

Мне крайне было интересно посетить хотя бы одну лекцию венского профессора, ибо я за границей не учился и не знал о том объеме предмета, который там излагает профессор. Для этой цели я избрал лекцию Э. Зюсса; сходил в Университет и узнал дни и часы чтения его лекций. Он читал свою лекцию с 9 часов утра. Я, конечно, пришел раньше, чтобы спросить у профессора разрешения на посещение лекций, и стал ждать его приезда. Когда Зюсс приехал и я изложил ему свою просьбу, то, по-видимому, он был этим моим желанием крайне удивлен и стал убеждать меня в том, что слушать его не стоит, так как он читает крайне элементарный курс. Но в конце концов, с согласия профессора, я пошел на его лекцию. Студентов было очень мало: 5 — 7 человек, не более, а сама лекция, как ее назвал Зюсс, была в высшей степени элементарна. Мысленно сравнив [ее] объем и содержание по тому же вопросу со своими лекциями, я был вполне удовлетворен, так как у нас изложение того же курса ведется много полнее. Кажется, недели через 3—4 я снова был на лекции Зюсса и опять вынес впечатление, что мое вышесказанное мнение было вполне справедливо.

Изредка наша жизнь в Вене разнообразилась зовами супругов Чермак по воскресеньям посидеть вечером в ресторане Протера или

в городском парке и послушать музыку. Оркестры в Вене наполнялись главным образом чехами, крайне вообще народом музыкальным. В городском парке в то время играл оркестр, дирижером которого был Страус³³, известный по нашему Павловску, а равно и некоторыми своими пьесами. Здесь его концерты тоже имели громадный успех, собирали многочисленную публику, и мы проводили здесь время с большим удовольствием.

Ездили мы с женою иногда по воскресеньям и загорать в Баден и другие окрестности Вены, но редко. Большую часть времени проводили крайне однообразно, и я успел в это время обработать одну из собранных мною в России коллекций. С середины октября погода стала сильно портиться; наступили холода и частые дожди. Это особенно усилилось в ноябре, когда изредка выпадал и снег, быстро тающий и дающий много грязи. В то время в Вене не было в обычае носить галоши; их даже нельзя было купить, тогда как у нас были привезенные из России. Я не знал об этом обычае, и однажды в сильный дождь мы с женою пришли в ресторан обедать в галошах и, чтобы не занести в него грязь, оставили их у портье. Только что мы отошли от него несколько, как услышали, что он кому-то говорит, что это пришли в ресторан турки. Такое заключение, по всей вероятности, портье вывел из обычая магометан при входе в мечеть оставлять свою обувь у дверей. Согласно такому венскому обычаю, я перестал носить галоши, а ходил в толстых экскурсионных сапогах. В середине ноября я возвращался как-то из Геологического комитета, когда шел сильный снег, тут же и тающий, и было сильно холодно, а теплого пальто у меня не было. Дорогою я сильно озяб и промочил себе ноги. Придя домой, я принял все меры предосторожности, но все-таки к вечеру у меня сильно поднялась температура, так что жена послала за доктором. Этот последний, выслушав меня, приказал назавтра не вставать с постели [и сказал], что сам придет вечером. Ночь провел я, по рассказам жены, с сильным бредом, а на другой день доктор определил у меня воспаление легких. Скоро о моей болезни узнали и мои коллеги по Геологическому комитету, и каждый день или кто-нибудь заходил к жене узнать о моем здоровье, или присылали нарочного. Кроме того, Чермак привел ко мне одного из молодых профессоров-медиков, который и стал меня лечить. В конце концов тот профессор стал у моей жены настаивать, чтобы она увезла меня немедленно, как он позволит мне встать с постели, куда-нибудь на юг, за Альпы. Из позднейших - рассказов жены я узнал, что, в силу существующего у меня уплотнения верхней части правого легкого, мне всякая новая простуда из-за сильного истощения грозит новою и очень серьезною опасностью. Как ни грустно было мне покинуть Вену и все свои расчеты, но волей-неволей пришлось подчиниться этому решению. Насколько ^ себя помню, это была в моей жизни первая серьезная болезнь и, к счастью, до сих пор и последняя. Мы с женой выбрали для дальнейшего нашего пребывания Рим, а если

позволят средства, то и Неаполь. Доктор дал нам рекомендации в Риме к своему бывшему университетскому коллеге — практикующему там врачу.

Некоторые из молодых геологов приехали на вокзал нас провожать, а Чермак прислал очень трогательное письмо моей жене и сожаление, что сам приехать не может. Хотя моя болезнь и нарушила все мои расчеты относительно пребывания в Вене, но я все-таки заявил сопровождающим меня коллегам, что если только оправлюсь, то рассчитываю опять приехать работать в Геологическом комитете.

Нигде не останавливаясь, мы приехали в Рим в середине декабря, и, рассчитывая прожить в нем сравнительно долго, до полного моего выздоровления, мы оставались в гостинице короткое время и наняли себе у хозяйки на улице Бабуина, близ площади дель-Пополо, две комнаты. Мы здесь были единственными жильцами у очень услужливой и приветливой итальянки. Муж ее был местным извозчиком у какого-то посланника и имел свои экипажи и лошадей; он возвращался домой только к ночи. Как я узнал позднее, он в то же время был председателем очень большого рабочего союза. У них было двое детей: сын лет 18, служивший и игравший на трубе в оркестре национальной гвардии и тоже дома бывавший урывками, так как жил в казармах, и дочь лет 15, которую мать и определила для мелких услуг нам. Здесь же мы условились с хозяйкою и о нашем пропитании. Каждое утро она приходила к жене за заказами для обеда. Первоначально жене было очень трудно, и то при помощи словаря, объясняться с хозяйкой, но благодаря особенным лингвистическим способностям она скоро освоилась и стала заказы производить очень быстро.

Мы застали в Риме прекрасную погоду: было вполне тепло, а где солнце, то и жарко. Другого костюма [кроме того], что был для комнаты, не надо было и для улицы. Наблюдалось только довольно значительное различие, градусов на пять, между теневою и солнечную сторонами. К нашему счастью, спальня наша приходилась на солнечную сторону. Правда, по ночам было значительно холодно, но переносная ручная печка, отапливаемая продаваемыми здесь в изобилии сухими лозами винограда, довольно быстро нагревала комнату. Растительное царство почти не замерзло; на горе Пинчио, подъем на которую шел недалеко от нас с площади дель-Пополо, в полном наряде были пальмы, а весь склон горы покрыт уже в цвету шиповником. Во все время нашего пребывания здесь погода не менялась и очень редко выпадал, но не холодный, дождь.

О какой-нибудь серьезной работе, я чувствовал и сам, мне не приходилось и думать, но тем не менее мы купили в Вене несколько специальных книг для ближайшего ознакомления с субапеннинскими отложениями Пиренеев (окрестности Рима), а равно и с Везувием и его окрестностями. В Риме мы встретили наших русских знакомых по Кларану — доктора Якушкина, брата известного со-

бирателя русских песен³⁶, с женою. Еще в Кларане Якушкин был настолько в силе, что даже иногда сопровождал меня в небольшие экскурсии, хотя я и знал от его жены, что у него чахотка. В Риме же я застал его уже самостоятельно не встающим с кресла и почти в последней степени своей болезни. Познакомились благодаря Якушкиным и с некоторыми русскими художниками, здесь работающими, — Чижовым и Орловским³⁷. В особенности мне нравился Чижов, студия которого была от нашей квартиры в расстоянии ходьбы не более 20 минут, а потому я навещал его там часто. В это время он довольно вдохновенно лепил свою известную группу «Крестьянин в беде», за успехом которой мне невольно пришлось следить и видеть самый процесс скульптурного творчества. Чижов заставил меня, вероятно для памяти, вылепить кирпич и поместил его к подножию главной фигуры статуи³⁸. Позднее, уже в Петрограде, Чижов прислал мне на память это свое произведение из терракоты ив несколько уменьшенном виде.

Любопытна была для меня одна психологическая сторона в болезни Якушкина — его постепенно нарастающее, но скрытое, сознание беспомощности медицины. Чрезвычайно умный человек, Якушкин дошел до того, что принимал внутрь какую-то темную жидкость, и когда я, в отсутствие его жены, спросил его, что это за напиток, он мне сознался, что принимает какие-то декокты от чахотки, приносимые ему одним итальянцем. Протянул Якушкин недолго и через 2 — 3 недели после нашего приезда скончался. Еще несколько раньше этого его жена просила меня дать его брату телеграмму о безнадежном состоянии больного, что я и сделал.

Совместно с художниками мы похоронили доктора на одном из ближайших итальянских кладбищ. Его, хотя и ожидаемая, смерть произвела на его жену прямо отчаянное впечатление, которое выражалось несколько раз попытками к самоубийству. Один раз Орловский застал ее лежащей на полу в полусознательном состоянии, но скоро заметил, что она настолько сильно каким-то шнуром затянула себе горло, что почти остановила дыхание; ему пришлось с трудом перерезать этот шнур ножиком. Чижов несколько раз отбирал от нее шнурки и веревки, а я опять застал ее на полу, но, уже зная причину, скоро освободил ее горло. Все это заставило меня с женой и художниками распределить дежурства и, кроме того, дать вторую телеграмму с просьбою о присылке какого-либо лица, которому мы могли бы сдать жену доктора. В этом деле особенно нам помогла моя жена, которая свои дежурства взяла по ночам и в комнате страдалицы и своими уговорами все-таки производила известное ей успокоение.

Спускаясь однажды по витой лестнице Якушкиных, замененный по дежурству Чижовым, я заметил, что несколько впереди меня спускается водовоз, разносящий по квартирам воду. Наконец до слуха моего дошло, что кто-то этого водовоза спрашивает по-русски, не здесь ли живут Якушкины? Тогда я, в свою очередь, сверху

кричу, что да, живут здесь, но что водовоз по-русски не понимает; тогда следует мне снизу выклик, что он только что и умеет говорить, как по-русски. Когда я заглянул вниз, то увидел, что по лестнице поднимается мужчина в енотовой шубе, а за ним и дама в лисьем салопе. Это оказался брат покойного доктора, а дама, уже старушка, — бывшую гувернантку жены доктора. Доставил гостей по принадлежности и, желая жену доктора оставить наедине с бывшею ее гувернанткою, я предложил приезжему пойти со мною на гору Пинчио, чтобы полюбоваться видом на Рим. Он, по видимому, понял мою мысль, но хотел во что бы то ни стало надеть на себя и енотовую шубу, несмотря на то что на нем была толстая пиджачная пара. Я его едва убедил, да и то заявив ему, что вокруг него соберется толпа из любопытства. Это, кажется, подействовало, и мы отправились. Якушкины тоже жили недалеко от Площади дель-Пополо, но в другой улице, нежели мы, поэтому скоро мы стали подниматься на гору. Дорогой приезжий успел сообщить мне, что при их выезде из Орловской губернии было 30° мороза, и мороз их сопровождал почти до Вены, от которой к югу уже стало несколько теплее, но все-таки было холодно; перепал снег и дождь. Когда мы стали подниматься на Пинчио, мой спутник поминутно срывал цветы шиповника, и когда я спросил его, что это он делает, ибо срывать цветы запрещено объявлением, он мне откровенно заявил, что первоначально не поверил их растительной природе, а думал, что это цветы искусственные. Когда мы поднялись на гору и уселись на скамейку под пальмами, с великолепным видом на Рим, мой спутник не выдержал и горько заплакал. Я заинтересовался причиной его слез и подумал, что это он оплакивает смерть брата, и когда я его спросил, что вызывает его слезы, он произнес следующее: «За что бедная Россия так обижена и помещена в холод, тогда как есть такие прекрасные местности, как Италия, где в декабре на открытом воздухе распустились цветы». Ему, видимо, было больно за матушку Россию.

Этот приезд родственников покойного несколько снимал с нас взятую ответственность за жизнь вдовы. Сообщив родственникам о некоторых попытках вдовы на ее смерть (т. е. о попытках самоубийства. — *И. Т., В. П.*), мы прекратили свои дежурства. Дня через три мы уже провожали вдову и ее спутников на железной дороге в их прямой путь в Россию.

Еще в Вене профессор, меня лечивший, узнав, что мы едем в Рим, дал жене моей адрес и письмо к своему бывшему по университету товарищу, практикующему врачу, и обещал еще заранее написать ему письмо. Здесь это было очень кстати, ибо медицина в Италии в то время стояла на очень низкой ступени развития, и было много шарлатанов, ибо степень доктора медицины раздавалась, по общим отзывам, совершенно зря. Жена моя, во всяком случае, хотела, чтобы опытный врач меня выслушал. Единственную помощь мне мог оказать мой коллега по Университету проф. Джунскорди,

но он куда-то уехал недели на три. Приглашенный ко мне рекомендованный врач заявил моей жене, что бывшее воспаление легких не оставило никаких последствий, кроме сильного истощения организма. Но он сильно настаивал [на том, чтобы] переждать в Риме время холодов и уже тогда постепенно передвигаться на север. Он также советовал мне по возможности меньше заниматься умственным трудом.

С возвращением проф. Джунскорди в Рим я уже не мог удержаться и сделал с ним несколько экскурсий в ближайшие окрестности Рима на субапеннинские образования. Особенно я облюбовал один искусственный разрез за Ватиканом, в местности, известной в итальянской литературе под названием «Сауа Уа^сапа», куда часто отправлялся и один для сбора окаменелостей, но большую часть времени я тратил на прогулки для осмотра древностей, которыми очень богат Рим.

Часто в сопровождении Чижова мы обходили значительное количество производящихся здесь раскопок древностей, и некоторые указания скульптора мне были крайне поучительны. Изредка с Чижовым и нашими женами мы по воскресеньям уходили за город, где обыкновенно в самой простой трактирии и закусывали, запивая дешевым легким итальянским вином. Для этих поездок Чижов, хорошо знающий и окрестности Рима, выбирал более живописные местности, откуда часто открывались превосходные виды на окрестности.

В Риме мы скромно встретили и новый, 1872 год. В это время в городе был устроен грандиозный карнавал, и я не один раз ходил на улицы им любоваться. На карнавале допускается как из окон, так и с балконов домов забрасывать уличных прохожих, как и обратно, цветами и конфетти. Конечно, и здесь находились довольно нахальные люди, которые позволяли себе бросать сырые яйца, а иногда и апельсины, и причиняли иногда довольно сильные повреждения людям. Наняв окно или балкон дома, можно было избежать такой неприятности, но они на Корсо сдавались за весьма солидную плату, которая для меня была невозможна. Особенно часто бросание сырыми яйцами сосредотачивалось на духовных лицах, часто по необходимости переходящих Корсо по какой-нибудь другой улице. Бросание конфетти также причиняло известную боль, но меня это не остановило, т. к. желание познакомиться с карнавалом [было сильнее], и я несколько дней любовался ряжеными процессиями и прохожими, которые ехали по Корсо.

От зрелища пускания без седоков лошадей вдоль Корсо я уходил. Лошади были покрыты местами нарывными и вонзенными в них иглами; этот варварский обычай, столь радующий итальянцев, которые криками еще ускоряли бег лошадей, мне был противен.

Из Вены тем временем я на мои запросы получал ответы, в которых меня отговаривали пока возвращаться, так как там стояли холода и худая погода.

Во время карнавала приехала в Рим моя сестра Елизавета вместе с мужем, маленькой дочкой и бонной. Они остановились здесь проездом повидать нас и посмотреть наскоро Рим, а потому поселились в гостинице. Конечной целью их поездки был Неаполь. Их приезд в значительной степени изменил мои планы. Сестра и зять стали усиленно нас звать поехать с ними в Неаполь, где намеревались вместе с нами поселиться на частной квартире, а потому представлялась и сама жизнь более дешевою. В Риме же занятие даже литературной работой было для меня невозможно. Геологический кабинет Университета был настолько бедно обставлен, а в особенности его библиотека, что не было даже некоторых необходимых справочных книг. То же надо сказать и о центральной университетской библиотеке. В то же время я чувствовал полное восстановление своих физических сил, а с ними и возможность экскурсий, которые для меня были более важны, чем литературные занятия, которые я мог восполнить и позднее.

Доводы сестры и зятя меня мало соблазняли, но Везувий и область Флегрейских полей⁴⁰ для геолога, никогда не видавшего ни ныне действующих, ни потухших вулканов, представляли, в свою очередь, сильный соблазн. Возможность увидеть эту вулканическую область все победила, и мы, с грустью простившись с нашей милой хозяйкой и с [ее] семьей, покинули Рим.

Этот переезд у меня оставил только то воспоминание, что железнодорожный путь часто выходил на вершины оголенных известняков Апеннин, почти лишенные растительности. Только изредка одинокою встречалась, крайне характерная по своей форме, итальянская сосна. Картина резко изменилась, когда мы стали спускаться с Апеннин к Неаполю. Окрестности Везувия, который слабо дымил, явились покрытыми довольно роскошною растительностью, что невольно наводило на мысль, что вулкан своими потоками лавы оплодотворяет окрестности. Так оно и есть в действительности, ибо химический состав лавы дает более плодородную почву сравнительно с известняками. Интересно то, что при спуске сверху иногда чрезвычайно отчетливо наблюдается известного цвета полоса растительности, приуроченная к определенному древнему лавовому потоку Везувия, — это разведенный на потоке виноградник.

По приезде в Неаполь нам недолго пришлось оставаться в гостинице, так как мы довольно скоро нашли себе частную квартиру. Хозяин ее, владелец здесь находящегося ювелирного магазина, сдавал всю свою квартиру, отправив свое семейство куда-то в окрестности. Квартира была в первом этаже и вход через магазин; помещалась она на набережной, продолжением известной «Santa Luzia», и против нее был «национальный сад», являющийся просто широким бульваром, обсаженным весьма роскошною растительностью. Наш хозяин был настолько любезен, что привел к нам повара русского посланника, который за довольно дешевую плату согласился ежедневно из горячей печи приносить нам обед из трех блюд. После

ды; хозяин привел нам и женщину для услуг, которая должна была пребывать у нас с утра до вечера, когда и уходила домой. Все комнаты на набережную занял мой зять с семейством; мы с женой за невысокую плату взяли большую комнату, выходящую на двор.

Предоставив нашим женам и прислуге приводить в порядок помещение и разбирать наши крфера, я с зятем А. А. Гинкекало, кажется уже на следующий день нашего приезда, ранним утром нанял извозчика на Везувий и обратно. А. А. тоже был натуралист и тоже из второй гимназии. Он был старше меня года па два и по выпускам, но избрал себе другую специальность. Он управлял всеми именьями графа Воронцова-Дашкова⁴¹ и был и отпуску. Интерес к Везувию у него был также весьма значительный, и он тоже никогда в жизни не видал действующего вулкана.

Везувий в то время слабо дымил, указывая этим, что он все-таки продолжает свою работу действующего вулкана. Довольно тяжелое впечатление произвели на нас те ближайшие окрестности вулкана, где уже исчезает всякая растительность и где видны только почти черного цвета лава и темно-серый вулканический песок и пепел. Изредка на этом фоне видны белые или желтые пятна от выщелоченной поваренной соли и восстановленной серы. Такая-то безжизненность особенно и поражает, занимая при этом вокруг вулкана довольно значительное пространство.

Достигши обсерватории, я сделал визит се директору Пальшерри⁴², которого, к сожалению, не застал: он был в городе. Познакомился я с его молодым ассистентом, который очень усиленно звал меня приезжать почаще и сам вызвался сейчас же проводить нас на вершину вулкана. Описывать наше восхождение, а равно и состояние в то время Везувия я не буду, так как все это давно описано. Скажу только, что мы, сильно уставшие, вернулись в обсерваторию, где нас угостили кофе.

Я позднее несколько раз один был на Везувии и, конечно, познакомился с весьма любезным Пальниери, который предлагал мне, когда это будет мне удобно, даже ночевать в обсерватории. Показав мне свои сейсмографы, Пальниери несколько раз обращал мое внимание на их усиленную работу, предполагая, что близко и более сильное извержение вулкана. Не останавливаюсь больше па Везувии, потому что еще в Риме, знакомясь с этим вулканом главным образом по книге Roma⁴³ «Der Vesuv», в которой этот ученый довел историю происхождения и деятельности вулкана до 1857 г., я задался целью восполнить со временем недостаточность [сведений о вулкане!], а потому еще в Риме собирал материал о деятельности Везувия с вышеупомянутого года до наших дней. В Неаполе я дополнил не найденным в Риме материалом эту работу и в конце концов напечатал ее в журнале Министерства народного просвещения⁴⁴. Кроме того, как в этой статье, так и в других местах, о чем будет сказано далее, я довольно подробно описал изученные мною

подготовительные процессы в Везувии перед его сильным извержением.

Несколько иное было с областью Флегрейских полей, о которых я имел только указания в той же книге Рона. Других сведений у меня не было, а потому эта область отняла у меня довольно много времени. Флегрейские поля расположены довольно близко от Неаполя на берегу Бийского залива, но сообщение с ними довольно продолжительное, ибо брать извозчика было не по средствам. Я осмотрел здесь почти все потухшие вулканы, кончая знаменитым Сольфатарой⁴⁵, в который чуть-чуть не провалился. В то время у меня еще не было подробной карты этой местности, я достал ее позднее. Обыкновенно путь в Сольфатару идет от г. Поццуоли через размытый бок этого вулкана, который закрыт воротами, открываемыми только за отдельную плату. Я же в первый раз шел от Мон-те-Астры, и ко мне навязался проводник, хотя я усиленно от него отказывался. Когда мы поравнялись с Сольфатарой, но были на другой стороне от входа в вулкан, проводник стал советовать мне не делать обхода, а подняться на конус и затем спуститься в его кратер, и что будто бы проводник это проделывал не раз. Я имел неосторожность послушаться: благополучно поднялся на вершину и стал спускаться в кратер, но сильный звук, издаваемый впереди меня, а главное, пары и газы, в "которых я начал задыхаться, остановили мой дальнейший спуск, я быстро отошел от этого места в сторону, где и спустился в кратер. Оказалось, что по рекомендации проводника я спускался прямо к знаменитому отверстию Сольфатары, находящемуся в том его боку, где был я. Увидав свою ошибку, проводник необыкновенно быстро куда-то скрылся. Усевшись на скамью, стоящую против отверстия Сольфатары, я стал прислушиваться к звукам, которые оттуда исходили. При незначительном воображении можно в этих звуках различать крики то мужчин, то женщин, то детские голоса. Поэтому неудивительно, что у древних народов сложилось мнение, что это место — вход в ад, куда, по преданиям, ушел Орфей в погоню за Вулканом, похитившим его супругу Пенелопу⁴⁶. Наступили уже сумерки, когда я хотел уйти из Сольфатары, но единственный правильный вход, заделанный воротами, и его калитка были заперты. Мне пришлось довольно долго стучать, чтобы открыли, но пришедший к калитке сторож стал раньше допрашивать, кто стучит и как я попал в Сольфатару, не заплатив ему одной лиры, которая полагается за вход. По-видимому, он сначала даже был испуган, вероятно, приняв меня за выходца с того света. Впрочем, все кончилось благополучно: он вручил мне входной билет, я же, заплатив за него, дал ему еще лиру на чай.

Для осмотра потухших вулканов этой области очень удобно поселиться в маленьком городке Поццуоли, лежащем почти в центре Флегрейских полей. Правда, удобств этот город представить не может; надо поселиться в простой трактирии на его пристани — этим, во всяком случае, выигрывается много времени сравнительно

с посещениями этой области из Неаполя. Из Поццуоли я обыкновенно и свершал свои экскурсии. Этому же городу я обязан и тем, что стал есть устрицы, которыми раньше пренебрегал. После одной из продолжительных экскурсий я, страшно голодный, пришел в трагторию Поццуоли и попросил что-нибудь поесть; в трагтории кроме вынутой из моря корзинки со свежими устрицами ничего другого не оказалось. Волей-неволей я стал их уничтожать, и когда надо было произвести расчет, то оказалось, что я съел около сотни этих сравнительно небольших средиземноморских устриц. Мне они очень понравились как своею питательностью, так и дешевизною. Жена моя очень их полюбила, и мы довольно часто взамен завтрака ходили на Санта-Лучиа, где на берегу моря, на открытом воздухе, и закусывали устрицами.

Дождались мы в Неаполе и пасхи по новому стилю и устроили себе разговение, хотя раньше и не постились. Обед, приносимый нам поваром, хотя и был свежий и хороший, но по вечерам все-таки компания наша хотела еще питания, а на улицах в изобилии продавали в то время горячие яйца, вот эти последние и были нашим ужином, запиваемым очень дешевым, но хорошим местным вином, которое получали из одного погреба, нами отведанного. Вся наша семья не смела пить простую воду без примеси этого вина.

Все-таки я продолжал посещения и Везувия и его обсерватории, на которой с марта по сейсмографам наблюдалось довольно значительное усиление деятельности вулкана. С внешней стороны эта деятельность обнаружилась появлением широкой трещины у подножия вулкана, выходящей в долину Ампио-дель-Ковалло; из трещины выступал небольшой поток лавы, а из самого кратера уже стали парами и газами спорадически выбрасываться камни. В одно из таких моих посещений я на вершине вулкана встретил проф. Э. Зюсса с несколькими студентами, совершавшими с профессором свои геологические экскурсии по Италии. Наша встреча была вполне сердечная, но компания Зюсса в тот же вечер уезжала на Сицилию, чтобы посмотреть и Этну. Впрочем, о дальнейшей деятельности вулкана я говорить не буду, потому что я был здесь также случайным свидетелем и весьма сильного извержения Везувия в ночь с 26-го на 27 апреля. По этому поводу, а равно и о подготовительных процессах я написал большую статью, которая была помещена в фельетоне Коржеского в С[анкт]-П[егербургских] Ведомостях от 21 мая 1872 г. за № 126. Кроме того, это же описание вошло и в вышеупомянутую мою историю Везувия с 1857 г. до наших дней.

Считаю необходимым упомянуть, что в своих экскурсиях на Везувий я собирал образцы из лавовых потоков различных извержений вулкана, и мне удалось, несмотря на наш скорый отъезд после сильного извержения, добыть себе и несколько образцов лавы этого последнего. Этот материал я предполагал обработать уже в Вене.

Дольше оставаться в Неаполе мы не могли, и в этом отношении причиною была моя жена. Приближалось время появления па свет

нашего первого ребенка, а эту процедуру, при слабой подготовке итальянских врачей, произвести здесь мы боялись. Тем более что с венским профессором-акушером уже все было подготовлено. Кажется, на третий день после сильного извержения Везувия, когда еще в воздухе носился вулканический пепел, мы выехали из Неаполя. Я избрал обратный наш путь через Анкону, где рассчитывал сесть на пароход, чтобы избежать для жены тряски железнодорожного поезда. Из Анконы пароходом мы должны были попасть в Триест, из которого До Вены переезд очень быстрый и сравнительно короткий.

Наши средства не позволяли нам ехать в отдельном купе первого класса, что следовало бы ввиду положения моей жены; мы ехали во втором классе. В то время как на итальянских, так и на австрийских железных дорогах можно было, [дав] порядочно на чай обер-кондуктору, получить отдельное купе, что мы и сделали. Покуда железнодорожный путь шел прямо в Рим, поезд совершал свой бег совершенно правильно, но когда наш вагон отделили и поезд пошел на восток, в Анкону, здесь уже начался порядочный беспорядок. Вместо пяти минут поезд иногда стоял на станции полчаса и т. д. При этом такой беспорядок, несколько напоминающий наши подобные провинциальные железные дороги, был большею частью вызван волею обер-кондуктора. Так, например, было и с нами. Не помню, на какой-то из станций поезд должен был стоять пятнадцать минут. Когда подъезжали к этой станции, к нам в купе постучался обер-кондуктор и любезно заявил, что на этой станции можно хорошо пообедать, а когда я заметил, что пятнадцати минут для нас мало, он откровенно сказал: «Кушайте сколько хотите времени и запейте обед кофе, я подожду». На станции я приказал подать бутылку вина обер-кондуктору, и мы не торопясь, по расписанию приказавшего, поели, выпили кофе и тогда поехали, так что наш поезд простоял по крайней мере сорок минут.

Мы приехали в Анкону под вечер накануне прохода мимо этого города парохода, идущего в Триест. Но узнав, что пароход уже пришел, я сейчас же отправился занять отдельную двухместную каюту. Пароход стоял на якоре в порядочном расстоянии от города; я взял лодочника и поехал. Прислуга, которую я встретил primero на пароходе, по-видимому, из венских немцев, мне указала, что билеты можно получить у капитана парохода, который теперь внизу в столовой. Я спустился туда и застал капитана с его двумя помощниками за трапезой. Извинившись за беспокойство, я просил его дать мне отдельную каюту. Эта моя просьба была произнесена на немецком языке, так как пароходная компания принадлежала австрийскому Ллойдю. Капитан парохода сразу страшно взволновался и с негодованием ответил мне по-итальянски, что он не понимает немецки. Тогда я перешел на французский язык, и капитан сейчас же приказал одному из помощников показать мне каюту и выдать билеты.

Пароход отходил от Анконы очень рано, и мы еще раньше уже были на пароходе и в своей каюте, но здесь моя жена заметила, что перевозчик украл у нее небольшой саквояж, хотя и не содержащий каких-либо богатств, но все-таки с вещами, ей в дороге нужными. Устроившись в каюте, мы поднялись на палубу любоваться Адриатикой, тем более что погода стояла превосходная.

Конечно, мы с женой разговаривали между собой по-русски, а капитан парохода, очень видный и красивый брюнет, все время ходил по палубе и, видимо, прислушивался к нашему говору. Вдруг он неожиданно подошел ко мне и на чистом русском языке сказал, что стыдно было мне обращаться к нему по-немецки, [на] языке, который, как равно и самих немцев, он от души ненавидит. На это у меня был простой ответ: «Вы капитан немецкой компании австрийского пароходства, как это видно из пароходных объявлений, на каком же другом языке я мог к Вам обратиться?» Тут же я его спросил, где он выучился так хорошо говорить по-русски, и узнал от него, что он этому языку выучился на родине, а родиной его была восточная граница Австрии, где все говорят только по-русски, и что он считает, что мы говорим на его родном языке, а не он на нашем, так как Кирилл и Мефодий, выходцы с его родины, принесли к нам русский язык. Познакомившись с нами, он был до чрезвычайности любезен и за всякой трапезой в столовой он приглашал нас к своему столу и ухаживал за нами самым радушным образом. Оказалось, что и помощники капитана, а равно и большинство команды парохода — все того же происхождения, что и наш капитан. В довершение всего, что произошло уже в виду Триеста, он вызвал всю команду наверх и здесь, по-русски командуя, показал нам какой-то морской маневр.

Таким путем мы прибыли в Вену. Не имея еще постоянного помещения, поселились временно в знакомой нам гостинице, на улице Табор. Скоро нашли и частную квартиру, еще ближе к Геологическому комитету и опять на набережной Дунайского канала, против Разумовского моста. Наша хозяйка оказалась уроженкой Моравии, пожилая женщина, но несколько подозрительная. Она занимала довольно большую квартиру в несколько комнат; мы, занимая две комнаты, и были ее единственными постоянными жильцами. В остальных комнатах днем обыкновенно бывали какие-то молодые женщины и часто австрийские офицеры и штатские. В конце концов я узнал стороной, что наша хозяйка просто была сводней. Все это, как и хищнические склонности хозяйки, обнаружилось много позднее. Не буду более останавливаться на моей хлопотливой здесь частной жизни, а перейду к своему делу.

По приезде в Вену я нашел в Геологическом комитете письмо от П. А. Пузыревского, в котором он извещал меня о смерти моего первого ассистента Сперанского¹⁷. Это известие меня очень поразило, так как скончавшийся был здоровый и крепкий человек. Правда, письмо объясняло и самую причину смерти, независимо от кре-

пости здоровья. Эта причина была зараза черною оспою, которую, по-видимому, [он] получил на экскурсии. Очень талантливым и работающим по призванию был [этот человек], и хотя он успел напечатать только одну работу, но я вполне был уверен, что из него вышел бы прекрасный работник для геологии. Меня особенно мучило, что до некоторой степени я являюсь как бы виновником его смерти. [В письмах моих к нему] я очень настаивал, чтобы каждую весну он ездил собирать по известняковым ломкам окрестностей Петрограда окаменелости для музея, что он и делал и где-то там и заразился. В письме к П. А. Пузыревскому я просил сделать представление об утверждении на освободившуюся вакансию ассистента В. В. Докучаева, который, окончив курс, работал у меня в кабинете и которого я хорошо узнал.

Я снова водворился в Геологическом комитете — и опять за тем же столом и с тем же микроскопом — и принялся за обработку лав различных извержений Везувия, включая сюда и лаву ночного потока с 26-го на 27 апреля. Эта моя работа также напечатана в Вене на немецком языке. По окончании этой работы я до отъезда обрабатывал свои коллекции, собранные в России.

Среди лета я получил от В. В. Докучаева письмо, прямо меня ошеломившее. В этом письме он сообщает о смерти П. А. Пузыревского, скончавшегося после непродолжительной болезни в полном расцвете научных сил. Это известие заставило нас с женою долго оплакивать эту близкую мне потерю. Установившиеся очень теплые наши отношения, почти родительская обо мне его забота — все это делало указанную потерю для меня незаменяемою. Правда, при содействии того же П. А., я уже твердо стоял на своих ногах, но внезапное прекращение тех дружественных отношений, которые установились между нашими близкими друг другу предметами, а равно и беспосильство о моем зародышевом геологическом кабинете — все это сильно меня заботило. По университетским правилам, уезжающий в отпуск или командировку профессор, заведующий учебно-вспомогательным учреждением, обязан передать свой кабинет другому профессору, остающемуся в Петрограде. Такая передача мною и была сделана П. А. Пузыревскому. С его смертью, а равно и за смертью Сперанского кабинет остался без присмотра, ибо новый ассистент В. В. Докучаев еще не был выбран. Его избрание должно было состояться только при начале учебного года. К моему счастью, я узнал, что добрейший К. Ф. Кесслер взял кабинет под свою охрану.

Со смертью П. А. явилась у меня еще новая забота: кто будет его заместителем? Мне представлялось крайне важным, чтобы заместитель сохранил то же дружественное отношение к геологическому кабинету, которое имел П. А., ибо без взаимной помощи столь близких предметов весьма было бы трудно вести преподавание. Единственным заместителем был М.В.Ерофеев⁴⁸, защитивший свою диссертацию на магистра, когда я был на четвертом кур-

се. Это и совершилось — М. В. Ерофеев был избран и доценты по минералогии.

26 июля 1872 г. у нас появился первенец — сын Михаил. Еще недели за две до родов наша хозяйка стала увеличивать плату за квартиру, и это увеличение самым нахальным образом все делалось больше и больше по мере приближения родов. Мне впервые и жизни пришлось прибегнуть к займу. Я просил брата жены и одного моего другого товарища прислать мне денег на поддержку. Написал я тому и другому потому, что была летняя пора и кто-нибудь, у кого я просил денег, мог отсутствовать, а потому я написал и тому и другому. К нашему счастью, они оказались на своих местах и оба прислали денег. Я сказал «к счастью», так как благодаря нашей хищнице нам не хватило бы от одного денег для возвращения из-за границы, а присланной и тем и другим суммы только что явилось достаточно для расчета с нашей хищницей и для приезда.

После одного из заседаний Венского геологического общества, дня за три-четыре до нашего отъезда из Вены, мы по обыкновению собрались ужинать в довольно многочисленной компании, в ресторане. Я воспользовался случаем и в краткой речи благодарил венских геологов за честь принятия меня в их семью, и за установившиеся между нами вполне дружеские и товарищеские отношения. Мне в ответ последовало несколько речей, в которых очень сочувственно отзывались о русских геологах.

Вскоре мы наконец вырвались от нашей хищницы-хозяйки, порядочно испортившей наше хорошее впечатление о Вене. Впрочем, в семье не без уroda. Мне удалось достать отдельное купе до пашей границы, но у нашего младенца, о чем я и сообразил раньше, не было паспорта и он не был прописан и в моем. На случай его крестин уже в Петрограде я изял у профессора-акушера свидетельство о рождении у меня сына. Это последнее, после некоторых хлопот на границе у начальства, и сыграло роль паспорта.

Наше возвращение в Россию состоялось в августе 1872 г., через 15 дней после появления на свет моего первенца. Надо было добыть хотя бы маленькое отдельное купе в железнодорожном поезде, иначе доктор жену и ребенка везти не позволял. Это мне удалось устроить, но на русской таможне, где я пошел просить начальство осмотреть в вагоне наш ручной багаж и дозволить моей жене не выходить из купе, до моего прихода в купе вторглись нижние чины таможни и довольно бесцеремонно заставили жену показать им новорожденного. Было довольно холодное утро, и нам простудили ребенка, так что по приезде в Варшаву необходимо было пригласить врача. Благодаря любезности моих коллег восстановлением здоровья ребенка занялся один из профессоров детских болезней. Тем не менее это задержало нас недели на полторы и потребовало довольно много денег.

В Петрограде, за неимением собственной квартиры, мы временно остановились у моих родителей, в их домике на Песках, где сестры уступили нам свою комнату. Уже на другой день приезда я отправился на Васильевский остров отыскивать для нас квартиру, а равно и посмотреть, что случилось без меня с зарождающимся музеем. Квартиру я нашел в тот же день, а мой музей, после виденных мною аналогичных заграничных, показался мне ужасно жалким. Кроме того, за смертью моего ассистента А. П. Сперанского у меня уже был новый — В. В. Докучаев, избранный по моей рекомендации, но в мое отсутствие.

Во всяком случае, в музее были некоторые дополнения. Пришла часть моих коллекций из-за границы, коллекция, собранная Сперанским, а также и из Смоленской губернии, собранная Докучаевым. Хлопоты с нашим переездом на квартиру и ее устройство заняли довольно много времени, так что я успел освободиться только к концу августа, т. е. к началу лекций.

Масса впечатлений, вывезенных мною из-за границы, как-то: знакомство со многими профессорами, осмотр многих музеев, отдельные геологические экскурсии в разных местностях, некоторое ознакомление с характером лекций по моему предмету заграничных профессоров — все это подняло до некоторой степени и мой дух, и лекторский талант. По позднейшим откровенным отзывам моих слушателей, до и после поездки за границу разница в чтении лекций была крайне значительная. Не могла не приниматься и неприятная сторона к приятному состоянию духа — это новые отношения с минералогическим кабинетом. Когда я, после поездки, посетил мне довольно близкий когда-то кабинет, я встретил чуть ли не враждебное отношение и [в ответ] на мою просьбу давать, до присылки из-за границы, некоторые коллекции, образцы которых необходимы для показа студентам, встретил форменный отказ. После смерти П. А. Пузыревского был избран магистр М. В. Ерофеев. Пузыревский питал ко мне почти родительские чувства, здесь же я встретил отсутствие даже видимой любезности и должен был понять, что рассчитывать на какую-нибудь помощь столь близкого к геологии предмета с этой стороны нечего.

Причина такого отношения так и осталась для меня до сих пор неизвестною. Вероятно, личная антипатия ко мне М. В. Ерофеева играла здесь роль.

Произошли некоторые изменения и в самом факультете. Если я при выборе меня в доценты нашел наш факультет в блестящем составе, так как здесь были Д. И. Менделеев, К. Ф. Кесслер, А. Н. Бекетов, Ф. В. Овсянников, П. А. Пузыревский, А. В. Советов, А. С. Фаминцын, П. Л. Чебышев, О. И. Сомов, А. Н. Савич и А. Н. Коркин и еще другие, то в новом составе количество известных профессоров в мое отсутствие еще увеличилось; прибавились А. М. Бутлеров, Н. П. Вагнер и И. М. Сеченов⁴⁹. Этот блестящий состав факультета, после избрания бывшего декана К. Ф. Кесслера

в ректоры университета, избрал в деканы Л. П. Бекетова, и я был удостоен чести избрания в секретари факультета, в которых и пребывал в течение десяти лет, оставив секретарство только при новом режиме, когда ввели должность декана по назначению⁵⁰.

Еще из-за границы я послал свою рукопись об исследованиях на севере России в 1869 и 1870 гг. в Петроград для напечатания ее как отчета Обществу естествоиспытателей в Трудах Общества и по приезде нашел ее оконченную печатанием. Имея в виду обязательно написать и представить, для получения большего оклада экстраординарного профессора⁵¹, еще докторскую диссертацию, я решил эту готовую работу представить в факультете как докторскую диссертацию. Ближайшим компетентным лицом для ее рассмотрения и заключения был профессор ближайшей кафедры, т. е. минералогии. Таковым состоял, как упомянуто выше, магистр М. В. Ерофеев. На это лицо факультет и возложил обязанность дать отзыв к моей работе. В это время Министерство народного просвещения очень строго замещало вакансии доцентов и профессоров, а в нашем факультете было всего три штатных доцента, из которых один был математик. Вакансия же экстраординарного профессора была только одна, на которую и надо было выбрать кого-нибудь из доцентов. У меня докторская диссертация была готова, а у М. В. Ерофеева ее не было до самой его смерти; он умер магистром. Ерофеев для отзыва держал мою диссертацию два месяца, не давая никаких заключений; распространял ли он о ней неблагоприятные слухи, мне неизвестно. Ввиду продолжительности представления отзыва я обратился к декану А. Н. Бекетову с просьбою или поторопить Ерофеева с представлением отзыва, или [предложить ему] признать свою некомпетентность. Ерофеев счел долгом, несмотря на продолжительное изучение моей диссертации, признать свою некомпетентность. Так как я представил в факультет свою диссертацию официально, а ввиду продолжительности ее рассмотрения могли распространиться слухи, что Ерофеев признал свою некомпетентность из нежелания дать неодобренный отзыв, то я настоял перед деканом, чтобы моя работа была разослана компетентным профессорам других университетов с просьбою дать о ней отзывы. Для этой оценки моя работа была послана проф. Щуровскому⁵² в Москву, проф. Леваковскому⁵³ в Харьков, проф. Феофилактову " в Киев и профессору Горного института Барбот-де-Марни. От всех них были получены мотивированные отзывы в смысле, вполне благоприятном для моей работы, и факультет признал ее достойной быть допущенной к защите на степень доктора. Проф. Феофилактов в частном письме ко мне предложил защищать диссертацию в Университете Св. Владимира. После этих отзывов уже сама моя настойчивость сделалась неуместной, так как требование диспута в Петрограде, за отсутствием оппонентов, для факультета было бы обременительным. Я решил защитить свою диссертацию, по зову К. М. Феофилактова, в Киеве, списался с ним, и он же назначил мне бли-

жайшее воскресенье для диспута. Приехав в субботу в Киев, я на другой день защитил диссертацию (27 апреля 1873 г.) и был признан доктором минералогии и геологии. Ученая степень как магистра, так и доктора официально носила наименование магистра или доктора минералогии и геогнозии. Университет Св. Владимира был в этом отношении новатором и взамен геогнозии впервые ввел настоящий термин — «геология». После диспута я в тот же день был приглашен на обед с профессорами физико-математического факультета к любезному им декану И. И. Рахманинову⁵⁵, а поздно вечером уже ехал в железнодорожном вагоне обратно в Петроград.

Приобретение мною степени доктора уже дало возможность факультету заняться рассмотрением вопроса о занятии 'единственной вакансии экстраординарного профессора. Нас было, как видели выше, всего в факультете по штату три доцента, из них в данный момент только двое были докторами — доцент по математике и я, третий (Ерофеев) был магистр, а следовательно, не подлежал баллотировке. Математики факультета в экстраординарные профессора предложили своего математика, натуралисты — меня. По произведению баллотировки я получил наибольшее число шаров и был избран; но и математик, хотя получивший меньше шаров, все-таки был выбран. После моего избрания я встал в факультете и благодарил за честь избрания, но в то же время предложил просить Министерство об утверждении хотя бы сверхштатным экстраординарным профессором и математика, также факультетом избранного. Факультет, а равно и совет Университета изъявили полное согласие, а Министерство отпустило надлежащие средства для этого.

После этого события М. В. Ерофеев недолго оставался в нашем Университете и скоро перешел в Университет в Одессу, позднее сделался профессором Лесного института в Петрограде, где и умер. На освободившуюся с уходом Ерофеева должность мною был предложен факультету бывший мой ассистент магистр В. В. Докучаев, который и был выбран в штатные доценты. При такой замене отношения между геологическим и минералогическим кабинетами снова изменились и опять, как и при П. А. Пузыревском, сделались, как и должно было быть у близких предметов, вполне дружественными.

Только 20 октября 1880 года появилась в факультете вакансия ординарного профессора, на которую я и был избран. Следовательно, семь лет пришлось просуществовать на мизерном окладе экстраординарного профессора. Тем не менее к этому времени я уже оставил лекции в Технологическом институте и читал только в Университете и на Высших женских курсах³⁶, т. е. имел до 10 лекций в неделю. Военно-медицинская академия меня избрала в доценты в этом же году, и я читал в ней до выслуги 25 лет своей службы (т. е. 13 лет), после оставления которой у меня оставались тоже 10 небольших теоретических лекций: в Университете и двух военных академиях⁵⁷.

О своей дальнейшей университетской деятельности скажу здесь очень немного, предоставляя другим произвести эту оценку. Десять лет я нес обязанности секретаря факультета, да такое же количество лет я, по избранию совета, был университетским судьей, первоначально с А. Д. Градовским и О.Ф.Миллером⁵⁸, а затем, за смертью А. Д., — с его заместителем Н. С. Таганцевым. По избранию совета за мою пятидесятилетнюю службу Университету мне пришлось перебивать почти в сотне разнообразных комиссий. Особенно были обременительны возникающие спорадически и обыкновенно бесплодные комиссии по пересмотру университетского Устава. У меня сохранилась в памяти та обида и даже насмешка, которую профессуре преподнесла последняя комиссия И. Д. Делянова⁵⁹. Незадолго до утверждения Устава 1883 г., после объезда и собирания сплетен в провинциальных университетах, который совершил И. Д. со своей правой рукой — Георгиевским⁶⁰, мы, профессора Петроградского университета, последними получили повестки явиться в Министерство в комиссию И. Д. для дачи показаний о достоинствах и недостатках университетского Устава 1863 г. В моей повестке обозначено было время 11.15 утра, и когда я явился туда, то в приемной застал нашего профессора К. А. Поссе⁶¹, который тоже был вызван, но к 11.30 утра. Итак, мне давалась ровно четверть часа на изложение перед комиссией достоинств и недостатков Устава 1863 г. Разве это не была насмешка над петроградскими профессорами?

Членом Совета министра народного образования я был назначен , 11 сентября 1904 г. Моя главная деятельность по этой должности, по избранию Совета министра, была сосредоточена главным образом в постоянной ревизионной комиссии по пенсионной кассе народных учителей. Кроме этой обязанности мы также участвовали в различных комиссиях, назначенных министром, а равно обязательно присутствовали и в его Совете, где решались дела, для которых министр уполномочен не был. Совет собирали различные министры, пережитые мною в качестве члена Совета, различно: то очень часто, то изредка, а некоторые даже Совет совершенно игнорировали. Членом Совета я пробыл десять лет, и в это время сменилось (?) * министров. Совет министра прекратил свое существование с наступлением революции.

Не ведя [в свое время] дневники и имея такую массу обязанностей не только по Университету, но и по своей общественной деятельности, я решительно не могу, без постоянных возвращений назад, представить читателю дальнейшую свою жизнь в хронологическом порядке; и представляется значительно легче мои воспоминания сгруппировать в отдельные категории, которым я и дал по их содержанию соответствующие заглавия.

Количество министров автором не указано

Глава V

УСТРОЙСТВО ГЕОЛОГИЧЕСКОГО КАБИНЕТА И В НЕМ РАБОТАЮЩИХ

Одним из первых предприятий, по возвращении моем из-за границы, была забота о создании и расширении геологического кабинета. Выше было уже указано, в каком состоянии я застал зародыш этого учреждения. Без соответствующего оборудованного музея профессор сразу лишается возможности правильно функционировать и как ученый — из-за отсутствия всяких средств сравнения, и как педагог — за невозможностью в натуре показать студенту преподаваемый объект. Познакомившись с рядом выдающихся заграничных музеев, я задался целью по возможности расширить кабинет и снабдить его коллекциями, без которых невозможно было вести преподавание. Не было, например, совершенно петрографических коллекций, при этом чтение лекций по петрографии было возложено на геолога. Довольно полная коллекция в этом отношении была и минералогическом кабинете, но, как мы видели выше, в пользовании ею мне было отказано. Для выписки из-за границы такой коллекции нужны были время и деньги. Последние мне отпустил факультет, но время тянулось и преподавание шло, надо было показывать. Для первого начала нужны были образцы хотя бы самых обыкновенных горных пород, а потому я стал предпринимать весенние поездки по шоссейным дорогам окрестностей Петрограда, где и собирал первую фазу раздробленных валунов, употребляемых для мощения шоссе, т. е. в виде более или менее крупных обломков. Эта коллекция, конечно, представляла мало разнообразия, но она могла служить материалом для знакомства с наиболее распространенными горными породами, а равно и для практических занятий студентов по определению состава породы. Позднее мне удалось приобрести для кабинета и более полную петрографическую коллекцию.

Также я стал хлопотать о расширении и самого помещения кабинета. Временное помещение, при зоологическом кабинете, было крайне тесное, кроме того, и сами зоологи нуждались в отведенных комнатах. Все это в конце концов дало возможность перенести несложные коллекции того времени во второй этаж Универ-

ситета, почти под то помещение, где был зародыш кабинета. Но явилось новое препятствие. Собираемый материал не находил для себя мебели, не было [ни] лишних шкафов, ни витрин, а часть коллекций лежала прямо открыто на столах, довольно подержанных и отысканных эскуторами в сараях Университета, и подвергалась пыли и возможному хищению.

Первая прекрасная витрина явилась в моем кабинете довольно оригинальным способом. Однажды в кабинет пришел М. В. Сидоров и, познакомившись со мною, просил определить ему несколько горных пород и образцов руд, что я чрез несколько времени для него и исполнил. Из разговоров Сидорова мне пришлось убедиться, что я имею дело с довольно оригинальным и страстным поклонником нашего севера России, где он в течение уже нескольких лет отыскивает полезные ископаемые, а в особенности увлекается рудами. Это увлечение рудами, по-видимому, было вызвано известными ему месторождениями серебряной руды на Медвежьих островах. Сидоров стал ежегодно осенью привозить мне различные образцы и однажды, как бы в виде намека, дал понять, что за мой труд по определению он готов и платить. Я категорически заявил ему, что об этом не может быть и речи, но он может, если хочет, сделать что-нибудь для созидающегося музея, например, подарить шкаф или витрину. Сидоров очень этому обрадовался и просил меня указать, для какой цели пожертвовать кабинету деньгами. Я уже давно сам составил проект центральных витрин, о которых мечтал для кабинета. Чертежи были готовы, готова была и смета столярного мастера Вунша. Я показал все это Сидорову и указал на возможную стоимость этой витрины в 500 руб. Сидоров просил меня немедленно заказать эту витрину за его счет, что мною и было исполнено. Вот таким путем явилась в геологическом кабинете первая витрина, построенная на частные средства.

Когда я официально довел до сведения факультета об этом пожертвовании Сидорова, то встретил и в факультете полное сочувствие и поддержку.хлопоты факультета увенчались успехом, и мне ежегодно стали отпускать особую сумму для постройки витрин и шкафов. Таким путем мне удалось единственную комнату в три окна обратить в некоторое подобие музея. Другие комнаты были для этого неудобны. Рядом с большою комнатою была небольшая — для работы мне и ассистенту, а к ней примыкали две полутемные комнаты, выходящие в верхний университетский коридор. Весьма скоро и вновь построенные по стенам витрины наполнились коллекциями. При этом я помещал в витрины под стеклами только русские коллекции, а заграничные помещал в глухие ящики, устроенные под витринами. Порядок выставки русских коллекций я выбрал, размещая их по геологическим системам, где была бы возможность переходить от древнейших геологических отложений к новейшим.

В течение нескольких лет мне пришлось пробыть в этом помещении, ежегодно совершая летом свои экскурсии и собирая материал для университетской коллекции. Я всегда считал совершенно недопустимым, заведя музеем, из аналогичных предметов составлять и собственную коллекцию. К этому же времени относится и завезенный мною обычай производить обмен дубликатами русских пород и окаменелостей с заграницей, как меня почти весела просили мои коллеги.

Созидающийся музей довольно часто посещал известный палеонтолог и профессор Горного института Э. И. Эйхвальд¹. Нередко он у нас и занимался собранными, но не определенными ещё силурийскими окаменелостями. Э. И. Эйхвальд сам обладал большою коллекциею русских окаменелостей, большинство которых были оригиналы, описанные им в его «Lithaea Rossica». Однажды Э. И. Эйхвальд, придя ко мне в кабинет, показал мне письмо, полученное им из Америки, если не изменяет мне память, от миллиардера Пибоди, который предлагал купить у Эйхвальда его коллекцию для созидающегося нового университета в Америке за десять тысяч долларов, [и сказал, что он] не захотел выпустить коллекцию из России и готов продать ее в наш Университет за 6000 рублей. Такое предложение для созидаемого мною музея было прямо находкой. Но где взять для этой покупки денег? Я откровенно сообщил об этом Эйхвальду и получил его совет все-таки просить ходатайства Университета перед министром финансов об отпуске такой суммы, сопровождая просьбу приложением американской) письма. Кроме того, Э. И. сообщил мне и некоторую возможную закулисную историю этого дела. В то время министром финансов был Рейтерп³, домашним врачом и приятелем которого был известный и то время в Петрограде доктор Здекауер, с которым Эйхвальд также был дружен и которого он уже ознакомил с предложением Пибоди и со своим желанием. Такое сообщение уже открывало мне надежду на возможность этого предприятия, а потому я принял и со своей стороны все меры. Просил факультет и совет о таком ходатайстве, а когда узнал от Эйхвальда, что Здекауер уже говорил с Рейтерном об интересующем меня предмете, то поехал и сам к министру. Узнав о причине моего приезда, Рейтерн мне сказал, что он слышал о патриотическом поступке Эйхвальда и прикажет отыскать для покупки надлежащие суммы. Радость моя после этого заявления министра была просто чрезмерная, ибо, как упомянуто, в этой коллекции было значительное количество редких окаменелостей России. Кроме того, таким приобретением университетская коллекция сразу обогащалась сотнями окаменелостей из различных геологических систем и из различных местностей России. Один прием этой коллекции и привоз её в Университет заняли у меня, ассистента и работающих в кабинете двух окончивших курс около одного месяца. Но когда я привез и составил ящики в музее, то загромоздил его до такой степени, что все проходы между витринами были ими

заняты. Разбирать привезенные материалы при таких условиях и при недостатке мебели было решительно невозможно, а потому я обратился к ректору с просьбой посмотреть на громоздкость привезенного и дать совет, что мне делать. В то время ректором был добрейший К. Ф. Кесслер, и когда я привел его в помещение геологического кабинета, то он лично убедился в полной невозможности разобрать здесь коллекцию и сказал мне, чтобы я ходатайствовал о более обширном помещении для музея и что для этого открывается возможность. Увеличения помещения требовали и другие кабинеты Университета. Так, физический кабинет был до крайности стеснен, а потому ему еще раньше отвели для практических занятий довольно значительное помещение в третьем этаже, но и оно оказалось недостаточным. Тогда проф. Ф. Ф. Петрушевский⁵ стал хлопотать о приспособлении не занятой в то время части петровской постройки внутри двора, известного под названием (?) *, что и представилась возможность сделать. Вот на освобождающиеся от практических занятий по физике комнаты, где было несколько зал, ректор и указал мне как на вполне подходящее помещение, о котором пришлось снова хлопотать и достичь успеха. В это помещение пришлось переехать только через год, и самый переезд занял много времени, но зато я мог вполне рассчитывать на возможность значительного расширения музея. Правда, не хватало для этого мебели, т. е. витрин, куда была бы возможность систематически разместить весь материал и этим, во всяком случае, защитить его от расхищения. После переезда в новое помещение, еще не открывая ящиков с коллекцией Эйхвальда, я снова просил ректора пожаловать в кабинет и показал ему неубранные коллекции, а равно и скопившиеся ящики. Тогда ректор заявил мне, чтобы я хлопотал об отпуске специальных сумм на постройку витрин, но просил бы не сразу, а частями, что мною и было выполнено.

Этот процесс создания нового музея в то время в России можно уподобить следующему: вполне раздетый человек, закутанный только в одну шинель или шубу, приходит к какому-нибудь благодетелю и неожиданно распахивает свое прикрытие. Благодетель в ужасе и дает просителю денег на покупку пиджачной пары; проситель, нарядившись в пиджак, но без белья, снова приходит, и благодетель дает ему денег на белье и т. д. Вот так же и мне пришлось создать геологический кабинет, приспособляя его к имеющемуся помещению, совершенно в противоположность тому, как это делалось и делается в Западной Европе, где для данного музея специально возводили со всеми нужными приспособлениями здание. Здесь же приходилось довольствоваться тем, что было под рукою.

Надо добавить, что когда центральная библиотека Университета была переведена в дальний от р. Невы конец здания и отделена брандбауэром, то к моему помещению прибавили еще три комнаты,

* Название неразборчиво.

из которых в самой большой я устроил аудиторию, разместив под стеклом в витринах наиболее характерные экземпляры с надписями, дабы в свободное от лекций время эти предметы мозолили глаза студентов и помогали бы их запоминанию.

В одной из двух остальных комнат я устроил специальную для кабинета библиотеку, а другую отвел профессору.

Пополнение коллекций шло также очень успешно. Как мне, так и ассистенту летние экскурсии давали много материала. Кроме того, каждый год, заканчивая курс, на последней лекции я обращался к слушателям с просьбой не забывать свою «*alma mater*» и собирать, где возможно, окаменелости и горные породы для университетского музея. На мой призыв неоднократно приходилось встречать сочувствие и присылку иногда очень любопытного научного материала.

Хотя Министерство народного просвещения того времени не очень поощряло естествознание, но иногда было и милостиво. Так, благодаря отпущенной им сумме были покрыты расходы на покупку ископаемых рыб у проф. Роговича⁶. В Париже умер большой любитель естественно-исторических коллекций Бутенев⁷ и завещал эти последние Министерству народного просвещения. Министр И. Д. Десянов⁸ просил меня разобрать эти коллекции и разместить их по моему усмотрению. Эти коллекции были привезены на рождественские праздники в первое реальное училище, где я, совместно с тремя помощниками, занимался все праздники размещением означенных коллекций. Для геологического кабинета было отобрано много французских коллекций горных пород, для минералогического кабинета — много минералов, да, кроме того, из коллекции Бутенева мы составили три минералогические коллекции для вновь открываемых реальных училищ. Для геологического кабинета приобрели еще довольно редкую коллекцию из собрания Бутенева — это два полных шкафа с раковинами ныне живущих моллюсков, необходимых часто для сравнения с ископаемыми.

Возникшее при Университете Общество естествоиспытателей также немало содействовало увеличению коллекций. В уставе Общества находится указание, что за неимением у Общества своего музея все коллекции, собираемые экскурсантами, поступают в соответствующие университетские музеи. Благодаря этому указанию в постепенно увеличивающемся количестве экскурсантов от Общества геологический кабинет нашего Университета приобрел немало очень ценных, а иногда и редких коллекций.

Многие из наших известных путешественников — Пржевальский⁹, Певцов¹⁰, Фритче¹¹; Лопатин¹² и друг, привозили, главным образом из Азии, геологические коллекции, определением которых занимались как я сам, так и некоторые из ассистентов. Эти коллекции также сделались собственностью геологического кабинета.

Лично мною пожертвована, кроме всех других, вся коллекция находок при работах на новых Ладожских каналах — останки до

исторического человека каменного века, — послужившая для составления моей книги. Для этой коллекции была заказана особая витрина, в которой она и размещена и составляет в своем роде *unicum*.

Возникшая при Кабинете Его Величества¹⁴ в 1894 г. Геологическая часть также дала кабинету обильный материал. Так как заведование этой частью было поручено мне и Кабинет Его Величества не имел для Геологической части особого помещения, то все собранные коллекции были подарены нашему Университету. С лишком двадцатилетнее существование Геологической части сильно обогатило кабинет алтайскими коллекциями.

Если относительно быстро увеличивались коллекции музея, то нельзя сказать о быстром приведении их в порядок для выставки в витрины. Винить в этом некого, ибо для музейного дела тоже надо иметь призвание, а перебивавшие за мое время ассистенты не все обладали таким призванием. Тем не менее из бывших моих ассистентов довольно много сделали В. В. Докучаев, П. Н. Венюков, В. П. Амалицкий, Н. И. Каракаш¹⁵ и Г. Г. фон Петц¹⁶ — все, к сожалению, ныне умершие. В настоящее время выставлено все, что было возможно по размерам помещения и имеющимся витринам и шкафам. Но еще громадный материал, частью уже обработанный, я должен был поместить в особые, вне музея находящиеся, запасные комнаты; туда же поместил и алтайские коллекции — подарок Кабинета Его Величества.

Разрастание моего музея, приобретение коллекции Эйхвальда стало привлекать для посещения музея лиц, не принадлежащих к составу Университета. Многие из молодых ученых проверяли здесь свои определения окаменелостей и пород; но и старые ученые и профессора приходили и работали в кабинете. Укажу на Н. П. Барбот-де-Марни, Ф. Б. Шмидта¹⁷ и В. И. Мёллера¹⁸, И. Ф. Синцова¹⁹ и других. Некоторые из приезжих геологов считали долгом сделать визит кабинету. Так, Абих²⁰ каждый свой приезд посещал и осматривал кабинет. Особенно курьезным, раз в год — осенью, было посещение кабинета академиком Бронтоли²¹, прозванным геологами Бранть-Риносерос (от латинского *Rhinoceros* — носорог), в отличие от другого, ему неродственного, невысокого Брантилонгисимус²² (*longissimus* — длинноногий). Посещение первого, отвлратно говорящего по-русски, всегда сопровождалось такой фразой: «Был шум, что мамуд (или носорог) находил и Университету его подарил» и при этом [он] просил показать ему, если была таковая, эту находку. Меня смущало начало его фразы, но, зная школу, откуда вышел Бранд, даже думающий по латыни, я пришел к заключению, что он переводил буквально латинскую фразу «*fuma erat*» не как «был слух», а как «был шум». Заходил не раз и академик Г. П. Гельмерсен²³ для бесед по исследованию Олонецкого края и неоднократно делал мне довольно прозрачные намеки о том, что я его наследник по кафедре.

Финляндские и шведские геологи очень часто посещали кабинет и нередко довольно долго знакомились с коллекциями северной России. Точно так же и случайно приехавшие иностранные геологи считали долгом сделать нашему музею визит и осмотреть. К предстоящему в [1897] году Международному геологическому конгрессу в Петрограде мною и моими ассистентами был составлен гид с кратким описанием содержания кабинета и издан Университетом на французском языке для раздачи членам Конгресса. Петрографическая секция Конгресса даже имела несколько заседаний в аудитории нашего кабинета.

Никогда в своей жизни я не сводил специального знакомства с педагогией, а, как читатель видел раньше из моего гимназического периода, умел ладить с молодежью. В обращении со студентами в своем руководстве их занятиями я придерживался личного опыта. Этот опыт, как увидим дальше, дал возможность и части университетской молодежи стать специалистами моего предмета.

Геология читалась и читается на старших курсах, где народ уже достаточно зрелый и где в известной степени уже определились призвания, а потому здесь много легче произвести и среди студентов известную сортировку, т. е. определить, что данное призвание есть действительное, а не временное увлечение. По отдельным предметам желающие быть специалистами являются спорадически. Бывают годы, что из многолюдного выпуска по геологии являлся один, а иногда и ни одного, тогда как в другие годы из малочисленного выпуска являлось до трех и более. Для специалистов прежде я делал практику по кандидатской диссертации, а позднее, когда ученая степень кандидата была уничтожена²⁴, по зачетному сочинению. Кроме того, [из] студентов старших курсов допускались для специальных работ у меня в кабинете только те, что сдали экзамены из минералогии и прошли практику количественного химического анализа. Обыкновенно у студентов двух старших курсов мало времени для специальных работ, так как у многих есть еще обязательные практические занятия, а равно и так называемые (?) * предметы, экзамены по которым они не сдавали, а это надо сделать до выпускного экзамена. Наконец, надо было готовиться и к этому последнему. Только очень старательные студенты приходят к Вам для специальных работ. Вот тогда и начинается с ними беседа о том, какая часть геологии их больше всего интересует, так как обнять все ее части студенту не под силу. Из этих разговоров прежде всего узнается степень интеллигентности и развития данного студента. Бывали случаи, что уже первый разговор давал мне возможность сразу определить пригодность такого студента для занятий геологией. Здесь как бы по русской поговорке «Рыбак рыбака видит издалека» определялся будущий специалист. Но обыкновенно, продолжая с пришедшим к Вам студентом разговор, спрашиваешь

* В рукописи неразборчиво.

его, есть ли у него своя тема, и иногда узнаешь, что некий студент предшествующее лето проводил в такой-то местности России, где и собрал небольшую коллекцию окаменелостей или горных пород, которую и желал бы описать для зачетного сочинения. Сообразно его сборам и засаживаешь его за определение собранного материала, указав ему и соответствующую литературу. Если своей темы нет, то даешь ему свою тему, как пример: обработать какую-либо еще не определенную коллекцию кабинета. По личному своему студенческому опыту я обыкновенно наблюдал за деятельностью такого студента издали, предоставляя ему большую самостоятельность и не признавая необходимым водить его на помочах. Но, конечно, в случае какого-либо недоразумения или обращения ко мне шел ему на помощь. Таким путем мало-помалу и в значительной мере самостоятельно у данного студента являлась работа, которую он и представлял мне как или кандидатскую, или зачетную. Во всяком случае, по этой первой работе я не всякому студенту предлагал быть оставленным при Университете для приготовления к профессорскому званию. Для последнего мне необходимо было убедиться, обладает ли студент тем, как французы называют, «священным огоньком», который необходим для определения истинного призвания. Иногда очень небольшая тема, но разработанная с огоньком, решала дальнейшую судьбу студента. Так, между прочим, один из таких пришедших ко мне студентов показал мне сталактиты, которые он собрал под Троицким мостом Петрограда, и просил позволения обработать эту коллекцию у меня. Эта тема меня удивила, тем не менее я ему это разрешил, и в конце концов из его исследования вышла настолько интересная работа, что была напечатана, а сам автор был оставлен при Университете и ныне уже приготовил и магистерскую диссертацию.

У меня обыкновенно было очень мало случаев, где мне самому приходилось заговаривать о возможности оставления при Университете по окончании выпускных экзаменов. Точно так же я очень редко представлял в факультет для оставления при Университете только что окончивших курс, а предлагал достойному этого студенту поработать без оставления и стипендии в кабинете по крайней мере еще год, и это делалось не ради какого-либо препятствия, а только ради убеждения как бывшего студента, так и меня, что мы оба не ошибаемся в настоящем призвании. Частным образом работающий в кабинете без всяких проволочек может свободно его оставить, убедившись в своей ошибке. Мне нередко приходилось много хлопотать о таком бывшем студенте, чтобы доставить ему, по уходе из кабинета, какое-либо место. Бывали случаи и почти обратного порядка. Так, из одного малочисленного выпуска явились ко мне трое желающих специализироваться, и все имели свои темы. Интересно то, что все трое были не только одного Университета выпуска, но и одной гимназии. Двое из этих трех шли в своей работе весьма самостоятельно и спокойно, но третий довольно скоро раз-

очаровался в своей теме, а это разочарование перенес и на свою дальнейшую деятельность. Он пришел ко мне и заявил, что ошибся в своем призвании и что уходит. Тогда мне пришлось его убеждать попробовать свои силы на другой теме, и в этом отношении я его уговорил и дал ему ту тему, которую, между прочим, хотел заняться и сам. Начав работать, этот третий заметно успокоился, а к концу своей работы перестал и думать об уходе. Со временем из него вышел довольно видный геолог, сделавший у нас интересные открытия.

Особенно неприятно было иметь дело со «скороспелками», как я их мысленно называл, т. е. со студентами первых двух курсов, являющимися иногда ко мне с просьбой допустить их к занятиям в кабинете. Такие студенты иногда и приносили коллекции, собранные или купленные ими, и просили их определить. Таких студентов все-таки приходилось удалять, предварительно доказав им, что для занятий геологией необходимо предварительное знакомство со всем циклом тех наук, что читаются до четвертого курса, и нужен, кроме того, также стаж работы в кабинете, что указано раньше. Собранные же ими коллекции я предлагал временно оставить в кабинете для определения их опытными лицами. Для специальных же работ пришлось их приглашать только тогда, когда они дойдут до четвертого курса и сдадут необходимые экзамены. Из своей многолетней практики я помню одного первокурсника, который явился ко мне с прекрасной коллекцией третичных окаменелостей, с которой он был настолько знаком, что знал как родовое, так и видовое наименование каждого экземпляра. Я, несмотря на это, поступил и с ним, как с вышеуказанными, также объяснив ему свой взгляд на специализацию. К сожалению, узнал позднее, что один из бывших моих ассистентов, достигший самостоятельной деятельности, взял этого студента под свое покровительство. Этот студент с большим трудом окончил университетский экзамен; успел опубликовать несколько работ, но, несмотря на значительный промежуток времени, не дал магистерской диссертации, а в своих работах обнаружил только довольно узкую специальность, тогда как в обращении приобрел необыкновенный апломб и самоуверенность.

Мне приходилось иногда давать приют в кабинете и так называемым мною «беженцам», т. е. окончившим курс где-нибудь в провинциальном университете, но не нашедшим поддержки у соответствующего профессора или даже встретившим гонения. Были и окончившие заграничные университеты, но с них я обыкновенно требовал, частным образом, коллоквиума, хотя такие приезжие являлись ко мне уже с напечатанными за границей работами. Из «беженцев» некоторые были мною оставлены при Университете, получали и стипендию, работали в кабинете, сдавали магистерские экзамены и защищали у меня обе диссертации. Таким способом они органически были связаны с моим кабинетом на несколько лет. Некоторые из них, если можно так сказать, породнились с кабинетом.

К сожалению, должен прибавить, что был случай, о котором расскажу дальше, когда такой «беженец», получив все возможное, повернулся к кабинету спиной и не хотел его больше знать.

Работали у меня в кабинете частным образом и женщины, мои бывшие слушательницы с Высших женских курсов, и некоторые из них дали очень интересные работы, о которых они сделали доклад в Обществе естествоиспытателей, где их работы и напечатаны. Особенно призванием и усердием отличалась Э. В. Соломко²⁵, которая проводила в кабинете очень много времени. Первоначально она занялась петрографией и, пройдя основные методы определения горных пород, обработала собранные ею же самой породы горы Исатки в Полтавской губернии. Истинное ее призвание обнаружилось несколько позднее, когда она познакомилась более детально с палеонтологией, которой и отдалась вполне. Для своей работы она выбрала как из собственных коллекций, так и из университетской юрские кораллы Крыма, за которыми и засела крайне усердно. Для сравнения она использовала и другие коллекции этого рода в Петрограде, но все это ее мало удовлетворило, и она решила осмотреть и соответствующие коллекции за границей.

Для этой цели я дал ей рекомендацию к проф. Циттелю, и она уехала в Мюнхен, где любезно была принята профессором и устроена для работы при музее университета, где и закончила свою работу. Получить высшую ученую степень доктора для женщин в Баварии, как и у нас, в то время было нельзя, а потому она переехала в Швейцарию, которая давала женщинам такую ученую степень по защите диссертации. В Цюрихе у проф. Майера-Эймара она защитила диссертацию и была признана доктором геологии. Еще в Мюнхене она познакомилась с греком Сапперидис²⁶, командированным своим правительством для приготовления к профессуре, кажется, филологом. После защиты своей диссертации она вскоре вышла за него замуж и уехала с мужем в Афины. Из этого города я неоднократно получал от нее письма, в которых она жаловалась на то, что в Афинах почти полностью отсутствует геологическая литература и что поэтому работать по геологии там очень трудно. Вскоре я получил от ее мужа извещение, что после первых родов Э. В. скончалась, прожив с ученою степенью доктора, к нашему общему сожалению, крайне мало.

Весьма интересно было однажды появление у меня в кабинете довольно пожилого господина, изъявлявшего желание снова начать свои ученые работы. Таковым явился ко мне князь А. А. Прозоровский-Голицын²⁷. Он окончил у нас курс кандидатом лет двадцать тому назад и кандидатскую свою диссертацию по геологии писал у меня в кабинете. Из его рассказов я узнал, что он единственный сын очень богатых родителей, имеющих подмосковную [усадьбу], и что он уже с университетской скамейки хотел посвятить себя занятию геологией, но отец настоял на его общественной службе. Он был предводителем сперва уездного, а затем и губернского дво-

рянства²⁵, но эта служба его далеко не удовлетворяла, и он продолжал, но исключительно по книгам, следить за геологией. Князь достиг в своем придворном свете известного положения и был в то время уже церемониймейстером Высочайшего Двора²⁹. Он, схоронив отца, просил меня снова принять его в кабинет на правах студента. Я, хорошо помня его еще студентом, отвел ему в кабинете столик и дал полную возможность повторить на практике [ряд] задач. Работал он чрезвычайно усердно, иногда по 8 — 9 часов в день, и даже приобрел себе в Париже превосходный микроскоп. При приближении лета он просил меня указать какую-нибудь местность в Крыму, где собирался провести лето для специальной работы. Я, из личных воспоминаний своего знакомства с Крымом, указал ему на гору Карадаг, представившую мне раньше некоторую нерешенную задачу. Осенью А. А. возвратился с очень большой петрографической коллекцией, за обработку которой и засел с тем же азартом, что и раньше. К весне следующего года он, окончив обработку, сообщил мне о результатах, которые, по моему мнению, были настолько интересны, что я настоял на сообщении их в отделе геологии и минералогии Петроградского общества естествоиспытателей. Таковой доклад был сделан А. А. и напечатан в протоколах Трудов Общества. Благодаря его работе впервые мы узнали, что в Крыму в известное геологическое время не только были подземные извержения (лакколиты), о которых уже было известно, но что гора Карадаг, как показали исследования А. А., является размытым остатком настоящего наземного вулкана. А. А. на одном из годовых общих собраний был избран в секретари Общества, где, как придворный, много содействовал Обществу, а на 25-летие его существования он привез в общее собрание известие о присвоении нашему Обществу наименования «Императорское». К сожалению, какие-то семейные раздоры запретили ему жить в Петрограде, и он уехал в Москву, где скоро от огорчения, как я слышал, его разбил паралич, а затем он преждевременно скончался оставив после себя единственный научный след — работу о горе Карадаг.

Привожу список фамилий только тех из работавших в течение пятидесяти лет в геологическом кабинете, которым я заведовал, кто оставил в науке след своими печатными работами. Этот список составлен мною по памяти, никакой раньше записи не было, а потому я извиняюсь перед теми, которых, может быть, и пропустил, а равно извиняюсь и перед теми, фамилии которых в этом списке упомянуты совершенно правильно, но сами упоминаемые, может быть, этого и не хотели:

Агафонов В. К.
Адамсон А. Ф.
Амалицкий В. П.
Андреев М. С.
Андрусов Н. И.

Аншелес О. М.
Баклун О. О.
Богачев В. В.
Бубнов С. Н.
Венюков П. Н.

Глинка С. Ф.
Голубцева В. В.
Гориздро З. Ф.
Докучаев В. В.
Земятченский П. А.

Златковский В. К.	Прозоровский-Голицын А. А., кн.	Соколов Н. А.
Каракаш Н. И.	Полканов А. А.	Соломин Н. Н.
Коленко Б. З.	Поленов Б. К.	Соломко Э. В.
Кудрявцев Н. В.	Попов Б. А.	Сущинский П. П.
Ламанский В. В.	Пчелинцев В. Ф.	Таганцев В. Н.
Лебедев И. И.	Рачковский И. П.	Тимофеев В. М.
Левинсон-Лессинг Ф. Ю.	Романовский Е. О.	Толмачев И. П.
Леман В. Н.	Рогон В. Г.	Ферхмин А. Т.
Лукашевич Г. Д.	Рябинин В. Н.	Фохт К. К.
Лукшо П. Я.	Семенов [В. П.]	Чайчинская А. Ф.
Макеров Я. А.	Сибирцев Н. М.	Чураков А. Н.
Маргаритов В. П.	Слупский Е. Н.	Чхотуа Д. Д.
Матвеев К. К.,	Смирнова Н. Н.	Шенберг А. К.
Петц Г. Г., фон	Сперанский А. И.	Яковлев С. А. ^м

Из этого общего числа 57 преждевременно скончались 18 человек. Из того же количества были и есть среди профессоров и преподавателей Университета и других высших учебных заведений 24 человека и геологами в Геологическом комитете — 5. Из этого списка остались верными науке 42 человека.

В самом начале моих университетских лекций я упорно отказывался читать где-нибудь в другом заведении; но упорное настаивание А. Н. Бекетова читать, хотя бы по две лекции в неделю, в устроенных им курсах для женщин поколебало меня в этом отношении. Я вполне сочувствовал широкому университетскому образованию женщин, а потому главным образом меня и побудила просьба А. Н. Нам не было разрешено называть эти курсы женскими или для женщин, а дали для них наименование «Лекции для лиц обоего пола». Читать лекции приходилось только по вечерам во Владимирском училище. Собиравшаяся публика состояла главным образом из женщин, среди которых мужской персонал терялся. Среди мужского персонала я заметил присутствие отставных военных, в числе которых были и генералы. Этих последних я избрал, совершенно случайно, как бы барометром своих лекций. Обладая здоровыми и довольно зоркими глазами, я обыкновенно читал лекции, смотря на публику, и вот когда замечал, что кто-нибудь близко к дремоте, то вводил в лекцию какой-либо оживляющий вопрос и этим довольно скоро прекращал неприятное для лектора состояние слушателя. Наблюдение за слушающей Вас публикой полезно и в другом отношении: такое наблюдение в значительной степени отучило меня от скороговорки, которою я обладал в начале чтения своих лекций. В этом отношении особенно было полезно, излагая лекцию, следить за теми, кто эту лекцию записывает, и когда замечалось, что записывающий не успевает за Вами, тогда невольно быстрота речи задерживалась, а затем [речь] продолжалась уже более спокойно.

Ничтожное в то время денежное содержание по должности доцента и даже экстраординарного профессора, появление в моей се-

мье второго сына и постепенное удорожание жизни — все это создавало значительный недостаток в денежных средствах, об увеличении которых пришлось подумать. Для профессора, конечно, небольшой легкий доход представляют лекции в других заведениях, а потому, когда меня пригласил Технологический институт читать по две лекции в неделю, я скоро согласился, хотя мое жилище [было] на большом расстоянии от института и [содержание] 500 рб. в год было сравнительно мизерным.

В то время хождения в народ большинство студентов Технологического института носили красные рубашки и высокие сапоги. Такою здесь являлась моя аудитория, обыкновенно сильно шумливая. Кроме того, студенты, нисколько не стесняясь начавшейся лекцией, с топотом входили в аудиторию и, конечно, этим сильно мешали лектору. Боже избави сделать замечание такому входящему — сейчас был бы скандал, но мне удалось привести эту разнузданную молодежь к порядку. Когда во время чтения лекции входил с шумом такой молодец, я умолкал и продолжал молчать не только все время, покуда он пробирался к своему месту, но некоторое время и дальше. Другие слушатели невольно оборачивались в сторону входящего и иногда шикали, но это общее внимание сильно конфузило входящего, и иногда, усевшись на свое место, он в окраске лица не уступал цвету своей рубашки. В сравнительно короткое время мне удалось таким приемом отучить входить в аудиторию во время чтения лекций, и обыкновенно часть опоздавшей публики слушала лекцию, стоя в дверях и не решаясь войти в аудиторию.

Несколько позднее я получил приглашение читать лекции в Николаевской инженерной академии³¹ и также в количестве двух часов в неделю. Я принял это приглашение и таким путем довел прибавку к своему университетскому содержанию до 1000 рб. в год. В 1880 г. я был избран в доценты Военно-медицинской академии, где и был утвержден в упомянутой должности с окладом в 1200 рб., а в 1883 г. таже Академия выбрала меня и в экстраординарные профессора. Здесь тоже пришлось читать только две лекции в неделю, и это позволило уже довести увеличение моего университетского содержания почти до двух раз.

Наконец, последним местом, где я читал тоже по две лекции в неделю, была Академия Генерального штаба³². Начальник Академии, глубокоуважаемый мною М. И. Драгомиров³³, давно приставал ко мне, чтобы я читал у них геологию. Лектором у них был академик Шренк³⁴, которым, по-видимому, М. И. был очень недоволен. Я решительно отказывался, считая себя вполне обеспеченным имеющимся заработком и не желая еще отнимать время от своих специальных работ. В то же время я считал и неудобным содействовать удалению Шренка из Академии — могли принять замену Шренка мною за интригу.

В одну из суббот, довольно поздно ночью и в сильный мороз, я на извозчике подвозил М. И. Драгомирова домой. Мы возвраща-

лись после сытного ужина у нашего общего приятеля В. В. Самарского-Быховца³⁵. Я жил в 8-й линии Васильевского острова, а М. И. в Академии, в то время у Николаевского моста, а потому нам было по пути. М. И. опять заговорил дорогою о моем чтении лекций в Академии генерального штаба, но я, по вышеизложенным соображениям, продолжал отказываться. Тем не менее на другой день вечером я с курьером получил официальную бумагу от делопроизводителя Академии, в то время полковника Сухомлинова³⁶ — будущего военного министра, в которой излагалось, что академик Шренк отказался от чтения лекций и что просят меня, как давшего согласие начальнику Академии, назначить дни и часы моих лекций. Меня это ужасно возмутило, и я немедленно поехал к М. И. Драгомирову. Последний меня встретил со свойственной ему иногда ядовитой улыбкой и заявил мне, что это дело решилось и что иначе Академия будет без лектора. Волей-неволей пришлось подчиниться и сократить свои лекции, т. е. отказаться от лекций в далеко отстоящем от меня Технологическом институте.

За всю свою жизнь из всего чтения лекций я читал 15 лет в Технологическом институте и Военно-медицинской академии, 20 лет на Высших женских курсах до закрытия здесь естественно-исторического отделения, по 25 лет в Инженерной и Генерального штаба академиях. В настоящее время я читаю только в одном моем родном Петроградском университете.

Сравнивая состав бывших моих аудиторий по внимательности и уважению к профессору, я могу поставить на первом плане военные Академии, где, очевидно, военная дисциплина приучила слушателей быть в аудитории до прихода профессора. На втором плане стоят Высшие женские курсы, где уже вполне самостоятельно были заведены свои порядки и тишина на лекциях была идеальная; с кашлем даже не приходили на лекции. Университетские лекции читались и читаются только на старших курсах, вполне дисциплинированных, а потому и порядок на лекциях у меня никогда не нарушался. На последнем плане в этом отношении я поставил Технологический институт.

Не могу на старости лет удержаться, чтобы не рассказать о некоторых случаях, бывших в моей педагогической по Университету деятельности. Эти рассказы я включаю сюда с целью предупредить вступающих на арену профессуры моих молодых товарищей, дабы они заранее были готовы к различным случайностям подобного рода и чтобы неожиданные неприятности не омрачали их деятельности.

У меня за все время профессорства было только одно недоразумение со студентами, несмотря на строгость моего экзамена. Дело было так: после одной моей лекции ко мне в рабочий кабинет вошли три студента, из которых один был сыном известного нашего профессора. Один из вошедших обратился ко мне со словами, что студенты просят меня не обращаться с ними так фамильярно, как

обращаюсь я. Когда я спросил, мнение ли это всего курса или нескольких студентов, сначала произошла заминка, но один из них откровенно заявил, что нет, не от курса, а от них троих. После такого вступления я потребовал от них доказательства моей фамильярности, но на это никакого логического объяснения не получил, и мне пришлось, в свою очередь, объяснить им, что я смотрю на студентов как на младших моих товарищей, из которых некоторые, может быть, чрез три-четыре года будут уже моими коллегами по профессуре. Что же касается фамильярности, то пусть пришедшие ко мне студенты постараются отличить ее от добрых товарищеских отношений, а я своего обращения не изменю. Ушли от меня они несколько сконфуженными. Много позднее я узнал и истинную подкладку этого обращения. Один из моих действительных коллег устроил в одной из приличных пивных еженедельные беседы с некоторыми студентами, и эти трое были его постоянными соучастниками. Там и было решено вышеуказанное ко мне обращение студентов.

Но еще опаснее задеть неосторожно самолюбие магистранта. Примером того может служить В. О. Ковалевский³⁷, составивший себе крупное имя исследованиями об ископаемых копытных животных. Окончив правоведение и занимаясь затем издательской деятельностью и переводами, В. О. скоро уехал за границу и там, по преимуществу в Англии, стал работать по палеонтологии, где и опубликовал несколько выдающихся работ. Затем задумал магистривать в России, чтобы получить кафедру. Для магистерского экзамена он выбрал один из провинциальных университетов, куда и приехал экзаменоваться, но потерпел неудачу. Очевидно, профессора не пожелали принять во внимание предшествующие работы В. О. После такого инцидента В. О. написал мне письмо с просьбою исходатайствовать ему перед факультетом право держать экзамен у нас. Получив такое разрешение, В. О. благополучно сдал у меня свой экзамен и защитил магистерскую диссертацию, на которой оппонентами были К. Ф. Кесслер и я. Но случай с В. О. в провинциальном университете не забылся, и заговорившее у В. О. самолюбие заставило его описать это происшествие и издать в отдельной брошюре под заглавием «О моем магистерском экзамене».

Со мною по поводу магистерского экзамена были случаи иного рода. Я взял себе за правило допускать к защите магистерские диссертации только тех авторов, которые сдавали у меня экзамен, так как по совести считал необходимым убедиться на экзамене в подготовке магистранта, хотя всегда главные вопросы экзамена были направлены на темы, о которых уже раньше у экзаменуемого были работы. Не державших у меня магистерского экзамена я частным образом и дружелюбно отклонял от защиты диссертации у меня и советовал защищать там, где сдан был экзамен. В действительности оказалось, что это мое отклонение задевало самолюбие авторов, и оно, часто во всю их жизнь, ими не забывалось. Таких случаев у меня было три: с г. г. Н., П. и А.³⁸ Первые двое держали магистер-

ский экзамен в другом университете, а потому письменно я и просил их защищать свою диссертацию в том же университете. Но оказалось, что задето было их самолюбие, — очевидно, они думали, что я не одобряю их работу. Г[осподин] Н., ныне покойный, всю свою жизнь, даже в энциклопедическом словаре, где работал, раздразжался только от звука одной моей фамилии и в мелких заметках в библиографии или умалчал мои работы, или вообще умалчивал о них. Только однажды, и то в выноске, в своей работе он выступил с критикой, на которую получил с моей стороны отповедь. Не довольствуясь нападками на меня, он перенес ненависть и на моих учеников, в частности на В. В. Докучаева, Ф. Ю. Левинсон-Лессинга, В. П. Амалицкого, от которых также печатно получил надлежащее нравоучение.

Второй, г. П., сам не выступал никогда против меня печатно, но после выхода в свет первого тома моей «Геологии» на нее, по видимому, он натравил свою супругу, выступившую под псевдонимом М. П., с критикой. На эту критику я тоже дал отповедь.

Еще пример оригинальной реакции или обиды самолюбия, или что-то другое обнаружил один из [господ] «беженцев», продолжительное время работавший в моем геологическом кабинете. Окончив провинциальный университет, г. А. бежал от притеснений профессора и явился ко мне с просьбой [разрешить ему] заниматься у меня. Я на это согласился и познакомил его с товарищами, работавшими в кабинете. Отвел ему стол для занятий и выхлопотал у факультета и совета возможность оставить его для приготовления к профессоруре. Затем начались его занятия в кабинете, и он чрез некоторое время держал у меня экзамен на магистра, у меня же защищал и диссертацию, после которой засел и за изготовление докторской. Както однажды я подошел к его столу с каким-то вопросом. Мы стали беседовать, и он предложил для докторской диссертации какое-то из своих произведений. Я, зная, что он в данное время сидит за интересной и большой монографией и что он человек вполне обеспеченный по жене, совершенно добродушно посоветовал ему дать для докторской диссертации приготовляемую монографию, которая была близка к концу; г. А. никаких доводов к ускорению получения им степени доктора мне не представил. Так и было сделано, и его монография была принята к защите у меня как докторская диссертация. Я и забыл об том разговоре, но, как оказалось позднее, г. А. озлобился на меня за этот разговор, и когда он уже был профессором в одном из провинциальных университетов, он совершенно игнорировал как меня, так и геологический кабинет, в котором провел за занятиями все-таки несколько лет. Только от других я узнавал, что г. А. бывал в Петрограде часто. Об обиде его я узнал много позднее из случайной с ним беседы, где он довольно определенно заявил мне, что я препятствовал более раннему получению им докторской степени. Долгое время г. А. от всяких выступлений публично или печатно против меня воздерживался, но в не-

ский экзамен в другом университете, а потому письменно я и просил их защищать свою диссертацию в том же университете. Но оказалось, что задето было их самолюбие, — очевидно, они думали, что я не одобряю их работу. Г[осподин] Н., ныне покойный, всю свою жизнь, даже в энциклопедическом словаре, где работал, раздражался только от звука одной моей фамилии и в мелких заметках в библиографии или умалчал мои работы, или вообще умалчивал о них. Только однажды, и то в выноске, в своей работе он выступил с критикой, на которую получил с моей стороны отповедь. Не довольствуясь нападками на меня, он перенес ненависть и на моих учеников, в частности на В. В. Докучаева, Ф. Ю. Левинсон-Лессинга, В. П. Амалицкого, от которых также печатно получил надлежащее нравоучение.

Второй, г. П., сам не выступал никогда против меня печатно, но после выхода в свет первого тома моей «Геологии» на нее, по видимому, он натравил свою супругу, выступившую под псевдонимом М. П., с критикой. На эту критику я тоже дал отповедь.

Еще пример оригинальной реакции или обиды самолюбия, или что-то другое обнаружил один из г[оспод] «беженцев», продолжительное время работавший в моем геологическом кабинете. Окончив провинциальный университет, г. А. бежал от притеснений профессора и явился ко мне с просьбой [разрешить ему] заниматься у меня. Я на это согласился и познакомил его с товарищами, работавшими в кабинете. Отвел ему стол для занятий и выхлопотал у факультета и совета возможность оставить его для приготовления к профессуре. Затем начались его занятия в кабинете, и он чрез некоторое время держал у меня экзамен на магистра, у меня же защищал и диссертацию, после которой засел и за изготовление докторской. Как-то однажды я подошел к его столу с каким-то вопросом. Мы стали беседовать, и он предложил для докторской диссертации какое-то из своих произведений. Я, зная, что он в данное время сидит за интересной и большой монографией и что он человек вполне обеспеченный по жене, совершенно добродушно посоветовал ему дать для докторской диссертации приготовляемую монографию, которая была близка к концу; г. А. никаких доводов к ускорению получения им степени доктора мне не представил. Так и было сделано, и его монография была принята к защите у меня как докторская диссертация. Я и забыл об том разговоре, но, как оказалось позднее, г. А. озлобился на меня за этот разговор, и когда он уже был профессором в одном из провинциальных университетов, он совершенно игнорировал как меня, так и геологический кабинет, в котором провел за занятиями все-таки несколько лет. Только от других я узнавал, что г. А. бывал в Петрограде часто. Об обиде его я узнал много позднее из случайной с ним беседы, где он довольно определенно заявил мне, что я препятствовал более раннему получению им докторской степени. Долгое время г. А. от всяких выступлений публично или печатно против меня воздерживался, но в не-

давно вышедшей статье его, где он говорит, между прочим, о плохой подготовке у нас геологов, в одном месте счел долгом бросить камень и в меня. Так, говоря о существующих на русском языке учебниках по геологии, он сказал: «У нас нет даже порядочного учебника по исторической геологии». Между тем мой второй том «Геологии» весь посвящен исторической геологии, и в это время он уже весь был распродан в 4-м издании. Из слов г. А., и мой курс принадлежит к разряду «непорядочных». А. был профессором двух университетов, и его обязанность была предупреждать студентов о непорядочных учебниках. Может быть, на словах он это и делал? Но, имея определенное мнение, важное и для студентов других университетов, он обязан был выступить печатно с критикой моего учебника, а этого не было. Обвинение моего курса чисто голословное и не дает мне права дать на это какой-либо ответ. Весьма интересно то, что при составлении первого еще издания II тома, я привлекал и г. А. к работе о неогеновых образованиях России, которыми он почти исключительно и занимался. Спрашиваю теперь, где «непорядочность»: в моем ли курсе или в том профессоре, который не рискнул выступить печатно с критикой непорядочного учебника? Это была его священная обязанность, которую я, в свое время, по такому же поводу и исполнил.

В этом примере крайне странно объяснять только обиженным самолюбием А. эту неожиданно возникшую нелюбовь к человеку и к окружающей его обстановке, к человеку, ему вполне сочувствующему и приложившему все старания, [чтобы] дать ему возможность достичь профессуры. Я думаю, как это не раз приходилось слышать в жизни, что есть люди, которые, достигши известного положения, начинают ненавидеть своего покровителя, человека, которому они обязаны, во всяком случае, быть благодарными. Может быть, и А. принадлежал к составу этих последних? Ну да Бог с ним!

Расскажу еще один и последний в моей профессорской деятельности неприятный случай. У меня работал г. Я. и был оставлен при Университете, а затем и сверхштатным ассистентом. Сдал магистерский экзамен и был мною рекомендован преподавателем геологии в одно высшее учебное заведение. Еще когда он работал в кабинете студентом, я доставал ему уроки, а позднее давал выходные геологические экскурсии. Однажды г. Я. сделал в одном ученом обществе доклад, на котором я присутствовал, о вопросе, которым я давно занимаюсь. Не посоветовавшись со мною, не ознакомившись с литературой вопроса, он в своем докладе сделал грубейшую ошибку. Я стал ему возражать и показал собранию всю неточность и ошибочность [его] взглядов. На другой день, увидев его в кабинете, я обратился к нему с выговором, что он, не посоветовавшись со мною, сделал этот доклад. На этом совете я бы частным образом показал ему несостоятельность его выводов, и не надо было бы мне публично делать возражение. На это я получил от г. Я.

ответ: «Вы не признаете несогласия с Вашим мнением, а потому вчера и возражали». На что я заметил, что не только люблю добро-совестную критику своих работ, но прошу и впредь этим не стес-няться, ибо правильная критика ведет только к выяснению той за-дачи, которою занят исследователь. На другой день г. Я. прислал мне довольно резкое письмо с мотивами, изложенными выше, и просил уволить его от должности сверхштатного ассистента, что и было исполнено. Для протокола заседания общества г. Я. даже не дал своего доклада, а этот обычай в обществе существует с его ос-нования; конечно, и мне не пришлось давать мое возражение на не-напечатанный доклад. С тех пор г. Я., проработавший в геологиче-ском кабинете несколько лет, совершенно его игнорирует, а при встрече со мною отворачивается в сторону.

Вот подобного рода неприятности с лихвой искупаются другими проявлениями чувства к своему профессору. Не буду перечислять целый ряд благодарственных писем от бывших моих учеников в дни 25-, 35- и 50-летнего юбилеев, это было бы слишком утоми-тельным. Расскажу только несколько случаев не заслуженных мною оваций, при этом совершенно неожиданных. Первые из них были в Новочеркасске. После моих экскурсий в восточной части Екатери-нославской губернии и прилегающих местностях Донецкой области я в конце лета приехал в Новочеркасск для некоторых переговоров с атаманом. Об этом приезде как-то узнали, и на другой день ко мне явилась депутация от бывших моих слушателей с просьбою завтра вечером приехать в клуб для собеседования. На другой день по приезде в клуб я встретил большое скопление моих слушателей по Университету, Технологическому институту, Медицинской ака-демии и двум академиям военным.

Первоначально пришлось вести беседу то с одним, то с другим, но вскоре распорядители попросили меня к столу, чтобы совместно поужинать. Вот за этим ужином и начались хвалебные речи, конечно, преувеличенные, относительно моих заслуг. Мне за каждую речь оставалось только благодарить. Ужин этот, конечно, затянул-ся, и, несмотря на мою просьбу, меня не отпустили. Совершенно такой же случай был со мной в Тифлисе, где мне устроили овацию в ресторане сада Муштало и где было еще больше моих бывших слушателей. В Тифлисе этим не удовольствовались. Так как мне, при исследовании предполагаемой перевальной дороги чрез Глав-ный Кавказский хребет, пришлось прожить довольно долго в этом городе для снаряжения нашей экспедиции, я почти каждый день получал от семейных моих слушателей приглашения то на обед, то на ужин. Пришлось невольно довольно многих обидеть и не по-ехать под тем или другим предлогом. Городской голова (армянин) угостил меня в довольно многочисленном армянском обществе ти-пичным армянским обедом и превосходным кахетинским вином. Был выбран для этого обеда один из присутствующих — почтенный армянин в «тулумбаши». То же повторилось и в Одессе, где я про-

вёл по приглашению города, довольно долго летом 1899 г. по поводу исследования причин оползней, от которых страдал этот красивый город. В Одессе также был один случай, крайне приятный для меня. Однажды в номер гостиницы, где я жил, мне подадут карточку г. Н., профессора юридического факультета местного Университета. Я просил немедленно его принять и узнал от него, что, несмотря на окончание им юридического факультета, по его словам, он не пропустил ни одной из моих лекций, так они его заинтересовали, а потому, узнав, что я в Одессе, он и пришел благодарить меня за прошлое.

Еще оригинальный со мною был случай, который хотя и не касается моей педагогической деятельности в Университете, но тем не менее связан с другою моею университетскою деятельностью. Както в начале лета, когда моя семья со всей прислугою выехала из Петрограда, я зашел пообедать в один из ресторанов. Только я успел заказать себе обед, как к моему столику подходит какой-то очень приличный господин и рекомендует присяжным поверенным Б. Фамилия его мне была знакома. Поводом его прихода к моему столику было выражение благодарности за исключение, его и его сына по университетскому суду из Университета. Я был десять лет избираем советом Университета судьей вместе с А. Д. Градовским и О. Ф. Миллером, позднее, за смертью А. Д., его заместил Н. С. Таганцев. Я был до крайности удивлен этою благодарностью и просил г. Б. объяснить мне, за что я заслужил ее. Из объяснения Б. я узнал, что как он, так много позднее и его сын совершенно науками в Университете не занимались, а специально устраивали сходы и вообще вели себя в Университете скандально. Только благодаря их изгнанию из Университета и отец, а позднее и сын очнулись от своих поступков и стали заниматься наукою, что и привело их в конце концов к окончанию на правах вольнослушателей Университета.

Глава VI

ОБЩЕСТВЕННАЯ СЛУЖБА

В течение продолжительной жизни мне неоднократно приходилось по просьбе давать советы по вопросам практической важности и касающимся геологии отдельным лицам, правительственным учреждениям, различным обществам и городам и даже присутствовать как эксперт-геолог на судебных разбирательствах.

Всеи многочисленности советов и экспертиз я не помню, упомяну только о тех, которые сохранились у меня в памяти. Одним из первых был совет относительно постройки постоянного моста чрез р. Мету. Затем пошли запросы и экспертизы: по обводнению Ливадии; [для] суда между Царскосельскою и Круговою железными дорогами; [о] фильтрации артезианского колодца в Брянске; запрос командующего войсками Красносельского лагеря о хорошей воде; просьба Русского физико-химического общества об осмотре железных месторождений с. Зиновьева; [запрос для] судебного процесса между Морским ведомством и Городским управлением о «Синифложской мели»; просьбы г. Одессы о борьбе с оползнями; комиссии по снабжению г. Москвы хорошей водою; [по устройству] канализации и снабжению водою г. Петрограда; об увеличении каптажа Друскеникских минеральных источников; о снабжении водою Ставропольских степей, о каптаже нарзана в Пятигорске; по Сурамскому перевалу; по прогнозированию и исследованию предполагаемой железной дороги чрез Главный Кавказский хребет. Точно так же и некоторые земства обращались ко мне с просьбою произвести геологические исследования их земель. Так, Олонецкое земство просило меня исследовать Повенецкий уезд, Орловское земство — об исследовании Кромского уезда. Нижегородское земство просило меня составить почвенную карту губернии, но я, вполне поглощенный геологией и зная, что мой ассистент В. В. Докучаев крайне интересуется этими вопросами, рекомендовал земству обратиться к нему, что и было сделано. Это послужило одним из толчков для занятий почвами, где В. В. Докучаев сделал так много для нашей Родины.

Не буду входить в подробности вышеперечисленных экспертиз, но считаю долгом рассказать о некоторых из них, как не опубликованных, так и тех, которые рисуют отношение обращающихся к

эксперту, или о тех, где совместно со мною в экспертизе участвовали некоторые из наших выдающихся ученых.

Самую первую была моя экспертиза по постройке мстинского моста, когда довольно поздно вечером в моей квартире раздался звонок, а затем мне сказали, что пожилой господин очень просит, по спешному делу, принять его. Оказалось, что это был главный инженер, управляющий Николаевской железной дорогой Кёниг¹. Начав с извинений за позднее время своего посещения, он объяснил мне, что только крайняя необходимость по делу железной дороги его к этому вынудила. Затем он рассказал и самую причину своего приезда. В то время, после [того как сгорел] временный деревянный мост чрез р. Мету, строился постоянный каменный мост. При этой постройке один из кессонов пришелся на самое дно здесь довольно мелководной речки, где встретил выбивающийся со дна необыкновенно обильный водою один, а может быть, и несколько ключей. Это обстоятельство заставило строителей мало-помалу увеличивать атмосферное давление в кессоне, и оно уже было настолько велико, что рабочие едва его переносили и могли работать в кессоне очень короткое время, да и оно оплачивалось неизмеримо дорого. Он сообщил мне и цифры этой дороговизны, но я этого не помню.

Осталось у меня впечатление чего-то колоссального. В заключение своего сообщения Кёниг просил меня дать совет, как бороться с этим явлением, и [сказал], что правление дороги не стесняется в средствах, так как кессон поставить на это место необходимо, иначе все начатые раньше постройки надо будет уничтожить, что вызовет громадную трату денег. Я был первоначально крайне озадачен такою просьбою и просил Кёнига дать мне время подумать. На это Кёниг просил меня, чтобы я, если придумаю какое-нибудь средство немедленно, будет ли то днем или ночью, сообщил ему об этом. Я же, со своей стороны, просил его — если придумаю такое средство* и сообщу ему — сообщить мне о результатах. Когда уехал Кёниг, действительно крепко призадумался над этим вопросом. Меня настолько заинтересовал страшный расход богатой Николаевской железной дороги, сколько положение рабочих, так как мне была известна так называемая «кессонная болезнь», а с нею страшный вред для здоровья.

Часу во втором ночи мне пришла такая мысль: заложить в мелководном дне р. Меты с каждой стороны кессона, под него, по одной косо буровой скважине, чтобы перехватить ниже основан кессона струю или струи ключевой воды и дать им выход вне кессона с тем расчетом, что атмосферное давление в кессоне больше чем в реке. Если же эти четыре буровые скважины не перехватят струю ключевой воды, то новыми таковыми же скважинами, по соседству с первыми, постараться перехватить их и т. д.

Я сейчас же, встав с постели, написал Кёнигу письмо, изложив в нем свою мысль, но был в затруднении с доставкой ему ат

письма. Будить в это время усталую прислугу я не хотел, и, вспомнив об услужливом семейном швейцаре нашего подъезда, я спустился к нему и предложил за хорошую плату сейчас же отвезти это письмо, что он и сделал. Наутро, когда я уходил из дому, [он] передал мне благодарственное письмо Кёнига и не взял с меня денег, заявив, что Кёнига пришлось разбудить и что, прочтя мое письмо, тот дал ему сто рублей. В своем письме Кёниг сообщил мне, что он в тот же день уезжает на работы и повезет с собою буровые инструменты. Через недели три-четыре, точно не помню, я получил от Кёнига благодарственное письмо с извещением, что третья скважина перехватила ключевую воду и что они работают в кессоне при нормальных условиях. На этом еще наши отношения не закончились.

Весною этого же года я получил от А. И. Венецкого приглашение вместе с моей семьей провести лето у него в Рязанской губернии, где для нас приготовлен особый флигель. Я сам имел намерение этим летом продолжить свои исследования по работам на новых Ладожских каналах, но предварительно решил проводить свою семью к Венецкому. Для переезда в Рязань я взял для семьи и себе билеты 2-го класса, а для двух прислуг — 3-го. Когда мы приехали на Николаевский вокзал, я усадил семью в буфет, чтобы накормить их перед дорогой. Неожиданно вижу выходящего Кёнига, и он, увидав меня, быстро ко мне направился, и первым его вопросом было: а куда я везу свою семью и почему я не известил его об этом? Я на это ответил, что не имею никакого права извещать железные дороги о своем отъезде.

Тогда Кёниг наговорил мне массу любезностей за мой совет и указал, что Николаевская дорога невознаградиво за него обязана, а потому он просит меня не торопиться с посадкою моей семьи в вагон, а подождать его; куда-то он удалился, а затем пришел за нами сам и с проводниками. Оказалось, что для нас прицепили особый директорский вагон, куда он вытребовал и нашу прислугу. Перед самым расставанием Кёниг передал мне запечатанных два конверта: один для передачи начальнику Рязанской железной дороги; другой, адресованный мне, с просьбою вскрыть его, когда поезд тронется. В моем конверте находился годовой бесплатный билет 1-го класса в отдельном купе. Другое письмо я передал начальнику Рязанской железной дороги, который распорядился дать нам отдельный вагон 1-го класса до Рязани. Даровой билет я получал каждого 1-го января нового года вплоть до смерти Кёнига. После его смерти прекратилась и высылка билета. Очевидно, это была плата мне за сообщение своей идеи.

Мое первое участие в комиссии как эксперта-геолога относится к 1875 году — это по вопросу об обводнении Ливадии, куда я был командирован по Высочайшему Повелению и по желанию министра Двора графа Адлерберга². Комиссия состояла из эксперта — гор-

ного инженера проф. Н. П. Барбот-де-Марни, инженера А. И. (?)*, двух управляющих Ливадией, Ореандой и меня. Председателем комиссии был назначен Н. П. де Марни, я же — секретарем комиссии. Мое более близкое знакомство с Н. П. началось с Первого съезда русских естествоиспытателей, а в особенности нас сблизило открытие Общества естествоиспытателей при Университете, где Н. П. был председателем отделения минералогии и геологии, а я — секретарем. Совместная наша работа в этом отделении в значительной мере сблизила нас и дала возможность короче узнать друг друга.

Командировка в Ливадию представила мне две выгодные стороны. Во-первых, открывалась возможность лично ознакомиться с геологическим строением цепи Таврических гор, которых я еще не видал; во-вторых, мать моя, страдавшая ревматизмом, требовала лечения, и давно доктора советовали ей для этого Сакские минеральные грязи. Сообразно вышеуказанному я и распорядился: взял свою семью и мать и отвез их в Саки, с тем чтобы после лечения матери они приехали ко мне в Ялту.

Приехав в Ялту и посетив управляющего Ливадией, я узнал, что, несмотря на отсутствие Двора и придворных, для нас в Ливадии нет места, хотя все флигеля были свободны. Н. П. Барбот-де-Марни еще не приехал, а потому я один нанял небольшую дачку на окраине Ялты, и когда приехал Н. П., я предложил ему одну из комнат, в которую он и переехал. Дня через два после его приезда мы начали с ним экскурсии, и первое посещение Ливадии вышло почти скандальным. С нас потребовали какие-то билеты для входа, даже после того как мы объяснились с управляющим, а потому мы решили дать телеграмму министру Двора с просьбой дать знать управляющему Ливадией г. Горбинову, что мы командированы для нужд Ливадии и чтобы нам открыли в нее свободный вход. Дня через два мы снова приехали в Ливадию, и на этот раз перед нами, без всяких просьб, были открыты ворота, и когда мы подъехали к дому управляющего, то он оказался сама любезность. Вероятно, это был результат телеграммы министру.

Почти ежедневно мы с Н. П., обыкновенно верхами, стали делать первоначально в ближайших, а затем и в дальнейших окрестностях экскурсии; в особенности часто мы посещали Яйлу и несколько раз по различным направлениям пересекали Таврические горы. Эти экскурсии, к которым иногда примыкал и Г. Н. Потанин³, живший в то время в Ялте, а равно и совместная жизнь с Н. П. еще более сблизили нас. Я всегда относился к нему душевно за его крупные работы по геологии России, а равно и за его мирный и симпатичный характер. Узнав ближе, Н. П. меня прямо любил и посвящал в своих рассказах в очень интимные стороны своей жизни.

* В рукописи неразборчиво.

Еще в Петрограде как-то Н. П. приехал ко мне и просил меня, вращающегося среди медиков, рекомендовать ему врача, так как его иногда беспокоят сердечные припадки. Я указал ему на Эйхвальда в то время довольно известного практика, а сам я этому доктору написал частное письмо. Сейчас же после визита к Эйхвальду (довольно грубо обращающемуся со своими пациентами) Н. П., чуть не плача, приехал ко мне и рассказал, что Эйхвальд очень внимательно его осмотрел и прописал целый ряд средств и известный режим. Но когда Эйхвальд, провожая Н. П. в переднюю, увидел, что его пациент надевает новую шубу, то не выдержал и сказал: «Вам гроб заказывать было нужно, а не шить новую шубу». Это страшно расстроило Н. П., и он заехал ко мне поделиться своим горем. Мне долго приходилось уверять Н. П., что это только манера Эйхвальда запугать пациента и заставить его лечиться. Тем не менее я в Ялте обратился к доктору Дмитриеву с просьбой осмотреть его и сказать свое мнение, а это надо было сделать вот почему. После экскурсий мы возвращались не прямо домой, а предварительно купались в море. После нескольких дней купания я заметил, что Н. П. сильно ослабел, неохотно по утрам вставал с постели и т. п. Доктор Дмитриев запретил Н. П. купаться в море и только ввиду его просьбы разрешил два раза в неделю купаться, но только при условии — окунуться и сейчас же выходить из моря. За этим предписанием доктора я зорко следил и иногда чуть ли не насильно выгонял Н. П. из воды. Тем не менее сердечная болезнь Н. П. развивалась, и в начале зимы он умер в Вене, куда поехал для сравнения собранного им геологического материала. Эта совместная жизнь вполне привела нас к дружбе, и мне удалось довольно коротко узнать выдающегося русского геолога, принадлежащего к украшению науки в России, и сильно пожалеть об его ранней смерти.

Расскажу еще об одной экспертизе и главным образом потому, что в ней мне пришлось принять участие совместно с незабвенным нашим знаменитым химиком Д. И. Менделеевым. Дело было так: как-то, когда я был у себя в геологическом кабинете, приходит ко мне служитель от Д. И. и приносит от него записку в сопровождении нескольких образцов руд. В этой записке Д. И. просил меня сообщить, будут ли присланные им образцы шпатовым железняком или нет? Сделав сейчас же пробу, я убедился, что присланные образцы — сферосидерит, и сейчас же написал ответ. Через полчаса пришел ко мне в кабинет Д. И. и привел с собою г. Анциферова, которого и рекомендовал мне как владельца этой руды, и прибавил, что г. Анциферов обещал пожертвовать значительную сумму денег Русскому физико-химическому обществу, если последнее признает его находку важною для промышленности.

На одном из ближайших заседаний Русского физико-химического общества Д. И. в присутствии г. Анциферова сообщил об этой находке и об обещании [Анциферова], а присутствующие химики быстро разобрали образцы руды для подробного анализа. При этом

было решено просить Д. И. совместно с геологом осмотреть это рудное месторождение. Общество просило меня принять в этой поездке участие в качестве эксперта-геолога и сделать это, если возможно, скорее. Это заседание было в конце ноября или в начале декабря, хорошо не помню; но помню, что Анциферов заявил, что в этом году в Орловской губернии зима бесснежная и осмотр оврагов и балок вполне возможен и что он поставил много рабочих для их очистки. Так как наступили рождественские каникулы и мы были более или менее свободны, то и решили с Д. И. предпринять поездку в Зиновьево, имение Анциферова. Этот последний на другой день заседания уехал к себе, чтобы нанять рабочих на случай выпадения снега и вообще для нашего приезда.

Не буду останавливаться на подробностях поездки, сообщу только о том, что уже на железной дороге Д. И. стал значительно оживленнее и много веселее, чем обыкновенно. Мы почти всю дорогу разговаривали и совершенно незаметно ее проехали. По-видимому, с отрешением от обыденной жизни ее заботы покинули Д. И., и он был совершенно другим человеком, чем в Петрограде. От г. Орла нам был приготовлен легкий крытый возок, запряженный четверкой лошадей. Ехать пришлось почти сплошь по гололедице. Один раз наш возок опрокинулся, но все обошлось смехом, и других последствий не было. Подъезжая под вечер к Зиновьеву, мы еще издали увидели над ним как бы зарево — оказалось, что рабочие Анциферова, собранные из соседних деревень в количестве до сотни, разложили костры для согревания. Сам Анциферов встретил нас в усадьбе и накормил хотя и поздним, но прекрасным обедом, после которого мы довольно скоро разошлись на ночлег. Мне была отведена комната рядом с комнатой Д. И., и мы, по обоюдному согласию, имея мало времени для осмотра, сговорились встать в 6 утра и начать экскурсию. Я просил Анциферова к этому времени приготовить легкие кошечки в одну лошадь, рассчитывая в них осмотреть дно оврага, на котором был снег. В 6 утра меня разбудили и был подан самовар; заварив чай, я стал будить Д. И., но, несмотря на все мои старания, он оставался глухим. Отвечая мне: «Сейчас, сейчас», он затем поворачивался на другой бок и засыпал. Провозившись с этим процессом до 7 часов утра, я решил выехать один из Зиновьева по Дубровинскому оврагу, где, по рассказам, лучше всего в его склонах было обнажено залегание руды. Осмотр этого оврага продолжался до 12 ч. дня, когда я выехал к Дубровинскому погосту. Холодный и голодный, я приказал вести меня к местному священнику, с которым я познакомился, и обратился к его супруге с просьбою меня накормить, что она любезно и исполнила. Назад я возвращался по другому оврагу, где также была обнаружена руда. Это возвращение продолжалось до сумерек, и около 6 — 7 ч. вечера я приехал в Зиновьево. Под конец последней поездки пошел снег, и когда я вошел в переднюю, довольно шумливо отряхиваясь, из комнаты быстро выскочил Анциферов, замахал руками и просил не

шуметь, так как Д. И. еще спит — он не вставал с моего отъезда, т. е. проспал около 20 часов.

Я знал, что Д. И. иногда целые ночи проводит за чтением или писанием, а когда чем-нибудь особенно увлечен, то не спит подряд и несколько ночей; знал, что он после этого тут же, в рабочем кабинете, не раздеваясь, сваливается на диван и спит чуть ли не целые сутки. В рабочий кабинет Д. И. был прямой ход из лаборатории, а мне как секретарю факультета неоднократно надо было поговорить с Д. И. и с ним поговорить. В период сна Д. И. охранял особый служитель, состоящий при Д. И., который в обыкновенное, благодушное настроение профессора назывался Алексей Петрович, но когда профессор был не в духе, то просто Алешка. Заявление Анциферова меня несколько не удивило, и я с таким же шумом вошел и в комнату, где спал Д. И., так как раздался его оклик: «Где спички и кто шумит?» На мой ответ, что я возвратился с экскурсии, Д. И. был очень сам удивлен продолжительностью своего сна и стал мне выговаривать довольно раздраженно, отчего не разбудили его? Здесь вмешался Анциферов, и дело уладилось. Оказалось, что нас ожидали с обедом, за которым я и рассказал Д. И., что я видел и что завтра покажу и Д. И. то, что более достойно осмотра. Имея очень мало времени и стремясь попасть домой к встрече Нового года в своем семействе, мы каждый день осматривали ближайшие окрестности Зиновьева, а по вечерам Д. И. обыкновенно заводил речь о практическом применении этой руды и об экономическом положении края, а в особенности о топливе.

Окончив осмотр этих месторождений, мы дня за три-четыре до наступления Нового года решили возвращаться домой. Нам подали тот же возок, опять с четверкою лошадей, и мы рассчитывали приехать в Орел часа за два-три до прихода скорого поезда. Так как почти все время господствовал сильный ветер, сдувавший выпавший снег, то на дороге гололедица была еще более значительная. Тем не менее мы ехали без приключений, хотя и опоздали на целый час на скорый поезд. Было досадно, но делать было нечего, надо было ждать до раннего утра другого, более тихого поезда. Пужинав в буфете, мы с Д. И. расположились в комнате 1-го класса на короткий ночлег. Д. И. скоро заснул; мне что-то не спалось, и только что я задремал, как услышал на станции сильный шум: люди бегали, хлопая дверями; раздавались многочисленные голоса и т. д. Я встал, чтобы узнать, что такое, и услышал, что скорый поезд, на который мы опоздали, чрез две станции от г. Орла потерпел сильное крушение, что было много убитых и раненых и что отправлен уже санитарный поезд с рабочими для очистки пути. Проснувшись от этого шума и Д. И., которому я сообщил об этом известии, и радовался, что хоть мы избегли подобной участи.

Наш поезд, в силу этого крушения, также был задержан часов на пять, и когда проезжали мимо места крушения очень медленно, так как путь еще не был вполне очищен, то увидели действительно

страшную картину. Некоторые из вагонов были поставлены почти вертикально, полуразбитые другие лежали на боку, и в одном месте видно было тело человека, сплющенного между двумя вагонами. Наиболее пострадали вагоны 1-го и 2-го классов. Сама судьба, в виде гололедицы, нам покровительствовала и спасла для России самого знаменитого химика, которому в силу этого со временем представилась возможность сделать для науки еще целый ряд крупнейших научных открытий. Почти накануне наступления Нового года мы были уже в своих семьях.

Не могу удержаться, чтобы попутно не рассказать об одном эпизоде, хотя ничего общего с экспертизой и не имеющем, но касающемся того же Д. И. Менделеева. Как-то я зашел к нему по какому-то делу и застал его в превосходном настроении; он даже шутил, что было крайней редкостью. Это было вскоре после его знаменитого открытия закона периодичности элементов. Я, воспользовавшись этим благодушным настроением Д. И., обратился к нему с вопросом, что натолкнуло его на знаменитое открытие, на что он сообщил, что уже давно подозревал известную связь элементов между собой и что много и долго думал об этом. В течение последних месяцев Д. И. перепортил массу бумаги с целью отыскать в виде таблицы эту закономерность, но ничего не удавалось. В последнее время он усиленно снова занялся этим вопросом и, по его рассказу, был даже близок к этому, но окончательно все-таки ничего не выходило. Перед самым открытием закона Д. И. провозился над искомою таблицей целую ночь до утра, но в ночь ничего не вышло, он с досады бросил работу и, томимый желанием выспаться, тут же в рабочем кабинете, не раздеваясь, повалился на диван и крепко заснул. Во сне он увидел вполне ясно ту таблицу, которая позднее была напечатана. Даже во сне радость его была настолько сильна, что он сейчас же проснулся и быстро набросал эту таблицу на первом клочке бумаги, валявшемся у него на конторке. Я это сообщение Д. И. привожу здесь потому, что вижу в нем один из превосходных примеров психического воздействия усиленной работы мозга на ум человека.

Еще об одном случае экспертизы расскажу потому, что она была произведена без всяких формальных сношений, а просто словесно. Во время моих работ на Кавказе по геологическому исследованию предполагаемой перевальной дороги через Аркитский перевал я получил от начальника этих изысканий письмо. В этом письме он очень просил меня немедленно приехать для совета к Сурамскому перевалу, работами по постройке тоннеля которого он заведовал. Когда я туда приехал, то узнал, что тоннель уже закончен работами и что ждут министра путей сообщения к его открытию. Но это открытие задерживается чем-то, что инженеры не понимают, ибо спорадически в одном месте тоннеля [вслед] за сильным треском из его свода вываливается облицовка.

Осмотрев наскоро геологическое строение иурамского перевала, я убедился, что весь хребет сложен из довольно круто падающих слоев, дающих полную возможность атмосферной воде проникать внутрь тоннеля. Образцы же горной породы в том месте, где наблюдалось выпадение из свода тоннеля камней, представили мне глину, опыты с которой там же показали мне, что эта глина с большой жадностью поглощает воду. Если мне не изменяет моя память, то по объему это поглощение в 5—6 раз больше объема глины. Такое увеличение объема, конечно, должно было обнаружить на своде облицовки страшное давление, которого она не выдерживала, и этим обстоятельством была вызвана та катастрофа, по поводу которой я был вытребован. Я посоветовал для предупреждения дальнейших обвалов сделать в этой глине над сводом тоннеля большую выемку, в которую бы могла разбухающая глина расширяться, а затем сделать в этом же своде небольшие отверстия, чтобы в случае, если глина наполнит пустое пространство, она могла бы выжиматься небольшими партиями. Инженеры решили последовать моему совету, и я уехал к своей работе. С тех пор я больше не слышал о каких-либо происшествиях с Сурамским тоннелем, а в газетах прочел, что он был благополучно открыт министром.

Глава VII

МОЕ УЧАСТИЕ В ОБРАЗОВАНИИ ГЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМИТЕТА И ГЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЧАСТИ ПРИ КАБИНЕТЕ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

Давно уже среди геологов зрела мысль о необходимости, подобно Западной Европе, Америке и даже Японии, создать и для России особое геологическое учреждение, которое ведало бы систематическим изучением геологического строения нашей Родины, составляло бы в этом отношении ее описание, геологические карты с нанесением на них полезных ископаемых и т. п. В бытность министром земледелия графа Ливена кто-то сообщил [ему] о вышеуказанной необходимости. В один из дней я получил приглашение прибыть к вечеру к графу Ливену' на совещание по этому поводу. Здесь я нашел исключительно профессоров горного института (Гельмерсена, Барбот-де-Марни, В. Г. Ерофеева², Еремеева, Мёллера и других). Из не принадлежащих к горным был я один. Наше совещание продолжалось целый вечер, и в конце концов граф Ливен сам избрал комиссию из трех лиц, которой и поручил выработать проект устава будущего учреждения. Участие в комиссии граф просил принять В. Г. Ерофеева, В. И. Мёллера и меня. Старейшим из нас был В. Г., которого мы с В. И. просили быть нашим председателем и собирать нас по мере необходимости. Вначале все шло вполне благополучно, и мало-помалу мы выработали, конечно, заимствуя многое из заграничных подобных же учреждений, первый проект Устава Геологического комитета. Он потребовал все-таки известного просмотра и некоторых редакционных поправок. Сделать это вызвался В. И. Позднее мы с В. Г. узнали, что В. И. не только сделал исправления [в проекте], но самостоятельно и отвез его графу Ливену. Мы с В. Г. полагали — об этом знал и В. И., — что составили только проект Устава, и думали созвать находящихся в Петрограде геологов, чтобы подвергнуть его совместному подробному рассмотрению и исправлению. Граф Ливен, вероятно, привезенный В. И. проект Устава принял за окончательный [вариант] и необыкновенно быстро провел утверждение его в законодательном поряд-

ке. Таким путем был организован Геологический комитет и напечатан его Устав. При знакомстве с утвержденным Уставом я был поражен и обижен тем неожиданным изменением, которое в нем нашел. Это изменение касалось прав занятия должности старшего геолога или горным инженером, или магистром минералогии и геогнозии. Ничего подобного в нашем проекте не было, и откуда явилось такое приравнение магистра к горному инженеру, я до сих пор не знаю. Для получения звания горного инженера у нас надо было истратить из своей жизни пять лет и то для того только, чтобы получить довольно энциклопедическое образование по горной части, особенных трудов по геологии здесь не требуется. Кто знает процедуру получения [степени] магистра минералогии и геогнозии, тому известно, что из своей жизни надо затратить много больше времени и труда. Через мои руки прошло достаточное количество магистров, и я знаю, что кроме четырехлетнего студенческого курса надо потратить еще время на специальные работы и подготовиться к магистерскому экзамену. Наиболее кратчайший срок для этого — 2 — 3 года, а затем надо еще приготовить магистерскую диссертацию, на которую опять надо время, и от которой требуются известные самостоятельные исследования и обобщения, и которая защищается публично. Из этого видно, что различия между горным инженером и магистром минералогии и геогнозии очень велики. В подобного рода изменении в Уставе я усмотрел до известной степени умаление ученой степени магистра и довольно сильно был возмущен этим обстоятельством. Тем не менее Устав был утвержден и первым директором был назначен академик Г. П. Гельмерсен.

Вскоре после этого назначения Г. П. приехал ко мне и просил принять место старшего геолога в Комитете. От этого приглашения я с благодарностью, но решительно отказался. Мотивов для отказа у меня было достаточно. Я являлся одним из составителей первого Устава, а потому принятие места старшего геолога могло вызвать некоторые подозрения в том, что известные льготы Устава я провел для себя. Затем, я привык работать вполне самостоятельно и выбирать научные темы, меня интересующие и увлекающие, а не подчиняться хотя, может быть, и справедливым, но чужим требованиям. В утвержденном Уставе, как сказано выше, я усмотрел известное умаление достоинства университетской ученой степени и возвышение звания горного инженера. Устав открывал для этих последних широкое поприще, и предвиделась возможность наполнения всего состава будущего Геологического комитета горными инженерами, а университетским геологам [оставалось] быть в меньшинстве, а может быть, и в одиночестве, а один в поле не воин. Наконец, я чувствовал себя неспособным, при отсутствии собственного увлечения, вести геологическую съемку и в особенности в местностях, не представляющих для меня научного интереса. Следить же за правильным ходом деятельности Геологического комитета предоставлял мне [возможность] самый Устав, согласно которому профессора мине-

ралогии и геологии Петроградского университета, а равно и соответствующие профессора Горного института и Академии наук входили в состав присутствия Комитета. Изложив все это Г. П., я получил уверения в его глубоком сожалении о моем отказе и просьбу рекомендовать ему университетского геолога для замещения места старшего геолога. Я рекомендовал ему В. В. Докучаева и московского магистра С. Н. Никитина. В. В. Докучаев тоже отказался, и, как я узнал позднее, отказался и наиболее достойный из русских геологов Н. П. Барбот-де-Марни. На имеющиеся по Уставу три вакансии старших геологов и были утверждены В. И. Мёллер, А. П. Карпинский³ и С. Н. Никитин.

Много позднее мне снова пришлось принять участие в пересмотре Устава Геологического комитета. Этот пересмотр происходил в Межведомственной комиссии под председательством товарища министра Д. П. Коновалова⁴. Я был назначен министром народного просвещения как делегат от Министерства. Этот Устав был довольно детально рассмотрен и утвержден, и в нем нет тех обид университетам, что в первом Уставе, а при назначении геологов введен вполне правильный критерий — по их предшествующим работам.

В" конце 1893 г. ко мне обратился начальник Кабинета Его Величества П. К. Гдима-Левкович с просьбою организовать и взять на себя заведование по геологическому исследованию земель Кабинета. После личного неоднократного и совместного с ним обсуждения этого вопроса оказалось, что Кабинет на эти исследования может ежегодно тратить не более 12 000 руб. Ограниченность средств не могла не отразиться на самой широте исследования, а потому мы выбрали в первую очередь Алтайский горный округ, в котором Кабинет считал не менее 40 миллионов десятин. Этот округ, кроме того, в то время весьма энергично заселялся переселенцами. Летом 1894 г. я для выработки подробной программы и [ввиду] настоятельных нужд в исследовании округа был командирован на Алтай. В помощь мне были приглашены проф. Университета Св. Владимира П. Н. Венюков и горный инженер В. И. Плечнер; этот последний был со мной в командировке как знаток картографии, ибо он до своего образования в Горном институте предварительно окончил Межевой институт в Москве.

Наша поездка продолжалась до середины сентября, и в результате ее явилось Положение, напечатанное в 1-м томе Трудов Геологической части, об основании при Кабинете особой Геологической части, которое и было утверждено министром Двора в 1894 г. Кроме меня как заведующего еще были назначены два геолога для ежегодных геологических исследований — Б. К. Поленов, ныне профессор -Пермского университета, и магистр геологии Г. Г. ф. Петц, приват-доцент Петроградского университета. Такое назначение, однако, не лишало права Геологическую часть приглашать для ускорения исследований геологов и со стороны. Таковыми были

проф. Венюков, проф. Тенфильев, Толмачев, Макиров, Яковлев и Тимофеев⁵.

Хотя по Положению Геологической части заведующий и был свободен от непосредственных исследований, так как на него была возложена обязанность общего направления работ, а также редактирование Трудов Геологической части и составление геологической карты, тем не менее для того же ускорения в работе я брал на себя совершенно те же задачи, что были и для геологов.

Положением весь Алтайский округ был разделен на квадраты, имеющие в длину 75 верст и в ширину 90 верст, т. е. 6750 кв. верст, для исследования которых полагалось одно лето. Исключением из этого, с одной стороны, были местности, представляющиеся однообразными в своем геологическом строении, и такие местности геологами иногда захватываются по два и даже по три квадрата. С другой стороны, горные местности, сравнительно малонаселенные и лишенные дорог, часто не представляли физической возможности произвести на одном квадрате геологические исследования, а потому допускалось исследование такого пространства иногда и за два года. По составлении программы в первую очередь должна была быть исследована местность, где лежит довольно известный Кузнецкий бассейн⁶, содержащий богатые залежи каменного угля, границы распространения которого не были определены; затем предполагалось исследование наиболее заселенных равнинных местностей, а уже за ними остальных областей и рудных месторождений.

К несчастью как для науки, так, в особенности, и для Геологической части один из геологов — Г. Г. фон Петц, столь много потрудившийся для Кабинета, погиб в 1908 году на своей работе на Алтае. Неожиданный разлив небольшой речки, которую переходили вброд в сухое время, поглотил нашего ученого. Кабинет почтил его работы постановкою памятника на месте его гибели. После смерти Г. Г. вакансии геолога Кабинета, с согласия начальника, не была замещена, а на отпускаемую сумму приглашался еще геолог или двое со стороны.

В вышеупомянутую сумму — 1200 рб. — не входил расход на напечатание исследований и издание геологических карт. Этот расход Кабинет покрывал особыми суммами по мере надобности. Таким способом мне удалось под моей редакцией и при моем участии напечатать полностью 8 томов сочинения под заглавием «Труды Геологической части Кабинета Его Величества» и заготовить для 9-го тома 20 печатных листов и издать 5 листов в десятиверстном масштабе геологических карт. Но отчасти войны, а главным образом — революция остановили все дело. Еще в начале революции, когда были конфискованы владения Кабинета, а все геологические исследования переданы были Горному департаменту, дело наше как будто налаживалось. Была организована комиссия из представителей Горного департамента, Геологического комитета, куда был приглашен и я. Выслушав меня, доказавшего, что к этому времени гео-

логические исследования Алтайского округа почти закончены, но обработка собранного материала, а равно и составление описаний требуют еще некоторого времени, комиссия решила дать два года на окончание работы, а меня просили на прежних условиях сохранить за собою общую редакцию как «Трудов», так и геологических карт. С уничтожением в Петрограде Горного департамента и перенесением его, под каким-то другим названием, в Москву, где заведование горным делом было поручено никому не известному Федоровскому⁷, деятельность Геологической части должна была заглохнуть. Несмотря на многочисленные мои запросы, я никакого письменного ответа не получал. Один раз был у меня присланный из Москвы член Совета и заявил мне, что надо продолжать работу и что я, как только он возвратится в Москву, получу об этом и письменное заявление. Но и после переговоров с этим членом Совета я и до сих пор ничего из Москвы не получал.

Наша работа в Алтайском горном округе вполне точно определила границы распространения Кузнецкого бассейна, занимающего приблизительно 19 000 кв. перст и составляющего громадные богатства этого края. Отдельные работы геологов представили и другой интерес. Найден был новый, хотя и небольшой, бассейн с каменным углем, составлена упомянутая выше геологическая карта, а равно мы теперь имеем некоторые указания и относительно золотоносных россыпей.

Мне наиболее обидно то, что Алтайский округ геологически нами изучен, но надо года два-три на приведение в порядок неизданного материала и нужны средства для этого. Дали бы то и другое, то, вероятно, вместо 9 томов появилось бы 12 и мы имели бы весьма полное геологическое описание и геологическую карту этого интересного округа.

Глава VIII

СЛУЖБА г. ПЕТРОГРАДУ

Для общественной жизни уделять много времени я был не в состоянии — его у меня и было очень мало. Оно почти все поглощалось лекциями и специальными работами. От публичных лекций, с чтением которых ко мне энергично приставали, я всегда отказывался и никогда их не читал. Тем не менее и со мной, как и со всяким другим, могли быть случаи, когда раз установленное положение должно быть, в силу хотя бы нравственных причин, порушено. Такое нарушение относительно моего родного города и произошло со мной по поводу выбора места для устройства новых загородных кладбищ для Петрограда.

Незадолго до того случая, о котором я хочу рассказать, город без всякого участия гигиенистов и других специалистов основал два новых загородных кладбища — Успенское и Преображенское. По геологическим условиям этот выбор представлял чрезвычайную разницу. Первое из этих кладбищ было вынесено на высокую террасу, со склоном и стоком вод к Финскому заливу. Второе вынесено было вверх по р. Неве, выше города, и расположено в ближайшем соседстве с рекою, питавшей в то время, как, к сожалению, и ныне, наш город. Кроме того, кладбище было расположено в долине р. Невы, а из этой долины все стоки подземных вод имели направление к реке. Такой выбор месторасположения новых кладбищ и начавшееся их заселение вызвали в самой городской Думе неблагоприятные толки, о чем я узнал из газет — другого источника у меня не было. Ко времени этих толков я, занимаясь изучением геологического строения окрестностей Петрограда и в особенности долины р. Невы, почти закончил свои наблюдения. В этих последних, в связи с бывшими работами наших гигиенистов, одним из факторов была сводка моих наблюдений над загрязнением по различным причинам воды в Неве.

Получив из своих наблюдений вполне определенный вывод о том, что в будущем Преображенское кладбище, в силу закрытия других (кроме Преображенского), должно представить быстрое заселение, а с ним и возможность отравления воды в Неве, я считал своим долгом как специалист выступить со своим мнением и нечат-

но. В 1878 г. 24-го марта в № 83 газеты «Голос» я опубликовал длинное свое письмо с изложением результатов моих исследований, где в числе причин загрязнения воды в Неве была указана возможность со временем участия в этом загрязнении и вод, стекающих с Преображенского кладбища. Это мое письмо вызвало переполох в городской Думе. Вскоре ко мне приехал один из весьма энергичных и умных деятелей Думы И. И. Домонтович¹, и после продолжительной беседы и он убедился в неправильности выбора места для кладбища. Была Думою снаряжена комиссия под председательством И. И., куда были приглашены гигиенисты и я. Под руководством проф. А. П. Доброславина даже было произведено вскрытие одной из могил первого захоронения, кажется, через 3—4 года, и труп найден в том состоянии, которое гигиенисты называют «обмыливанием». Конечно, по молодости этого кладбища доказать цифровыми данными уже существующий вред было невозможно, но, насколько мне помнится, приглашенные специалисты не одобрили самый выбор места для будущего кладбища. На этом дело и заглохло. Кладбище находится на том же месте, что и раньше, но почему-то отделение для захоронения евреев придвинуто еще ближе к р. Неве. Итак, более сорока лет тому назад я невольно вступил в связь с своим родным городом и этим дал повод городскому управлению довольно часто обращаться ко мне с довольно разнообразными запросами, иногда даже и не касающимися моей специальности, но требующими ответа.

Первый городской голова Лихачев², которым я был приглашен в новую комиссию по снабжению города хорошею и здоровою водою, красноречиво доложив нам о плохом гигиеническом состоянии Петрограда, просил помочь в отношении хорошей воды. Кроме меня, из специалистов участвовали геологи Горного института. Мы довольно единогласно указывали на две возможности такого снабжения — ключевые воды Царскосельских высот и Ладожское озеро, но делали предпочтение первым. Такой выбор с нашей стороны был обусловлен тем, что ключевые воды, выбивающиеся из Царскосельских высот, являются естественно профильтрованными, а потому и более чистыми, тогда как ладожские воды принадлежат открытому бассейну. Но наряду с этим мы настаивали, что для окончательного решения надо произвести детальные исследования и того и другого источника, а для этого нужны довольно большие средства. При Лихачеве на этом наши заседания и прекратились. Не буду вдаваться в подробности других призывов меня, другими городскими головами, укажу только на то, что благодаря Ратькову-Рожнову³ были отпущены Думою первые Суммы для исследования ключевых вод Царскосельских высот, а для исследований был приглашен М. И. Алтухов⁴, заявивший о себе довольно многочисленными исследованиями по водоснабжению других городов. Результаты этих исследований явился обширный том, иллюстрированный картами и графиками, в котором авторы доказывали полную воз-

возможность снабдить Петроград в достаточном количестве водою. В то время было предъявлено требование о сравнительно очень небольшом количестве воды, а если учесть колоссальный рост населения города и будущую необходимость иметь воды много больше, вывод Алтухова заставлял задуматься, хотя перспектива иметь прекрасную ключевую воду и была заманчива.

Вопрос о канализации города поднимался только в самых общих чертах, и только в проекте Линдлея⁵ он получил некоторую реальную почву, но и то благодаря городскому голове. Надо заметить, что отцы города того времени вообще мало заботились о гигиенической стороне нашей резиденции, и одна комиссия сменяла другую, и это до того долго тянулось (почти тридцать лет), что, говоря совершенно откровенно, я почти потерял всякую уверенность в том, что наш город будет канализован и снабжен хорошою водою. Этот мой скептицизм даже иногда выражался и на моих лекциях, а именно тогда, когда приходилось знакомить студентов с ночвеиною водою. Говоря о вреде, приносимом загрязненной почвой водой населению, и увеличении от этого смертности, я в утешение моим слушателям говорил, что, может быть, к следующей геологической эпохе и наш город будет канализован и снабжен здоровою водою.

Оба вопроса, как о ключевой воде или воде Ладожского озера, явились резко выдвинутыми, когда был городским головою избран Н. А. Резцов. Широко образованный, сам техник по образованию, человек в высшей степени добросовестный, энергичный работник, он необыкновенно быстро повел дело. Так как по поводу исследований М. И. Алтухова пошли толки, главным образом касающиеся того, что его определение количества ключевых вод было произведено в дождливый год, а что в другое время этих вод будет недостаточно, то Н. А. настоял на проверке исследований Алтухова и на образовании особой комиссии как по снабжению водою, так и по канализации. И в ту, и в другую комиссию были приглашены не только отдельные лица, по городской голова просил принять участие и различные правительственные учреждения и частные ученые общества для присылки (доставки) в комиссии делегатов, что и было исполнено.

Кроме того, Н. А. Резцов пригласил для составления первоначальных проектов как канализации, так и водоснабжения выдающихся специалистов, и эти проекты подверглись в соединенной комиссии предварительному обсуждению. Проверочные исследования площади питания Царскосельских ключей, произведенные под непосредственным наблюдением Геологического комитета, за это время успели обнаружить и некоторые дефекты исследований М. И. Алтухова, из которых главнейший, как указано выше, был случайный, ибо М. И. производил свои расчеты в год очень дождливый. Но кроме того, эти же проверочные испытания показали присутствие на этой площади значительного количества провальных

ям, нахождение которых должно в значительной степени влиять, хотя и спорадически, на чистоту ключевых вод. Примеры из жизни некоторых городов, лежащих на площади питания ключей, действительно указывают на возникновение и здесь иногда эпидемических болезней. Все это заставило произвести исследование и вод Ладожского озера, которое дало весьма благоприятные результаты.

Вопрос о том, который из источников питания водою должна выбрать городская Дума, был поставлен и в ней самой. Здесь обнаружилось два течения: одно — усилить добычу воды из р. Невы и подвергнуть эту воду химической и физической обработке; другое — воспользоваться неиссякаемым запасом ладожской воды. Не буду говорить о прениях по этому вопросу, бывших в Думе, но укажу на то, что сторонники ладожской воды победили и Дума решила воспользоваться этим последним. Для осуществления последнего решения была избрана менее многочисленная комиссия, в которую был выбран и я, а председателем был избран весьма энергичный А. И. Гучков. Параллельно с этим и правительство для контроля и утверждения наших предложений назначило особую свою комиссию, в которую, между прочим, был приглашен и Н. А. Резцов, в то время уже замещенный новым головой И. И. Глазуновым⁶.

А. И. Гучков собирал нашу комиссию чуть ли не по три раза в неделю, мы рассматривали уже готовые проекты водоснабжения ладожскою водою, а затем пересылали наши решения в Правительственную комиссию. В конце концов довольно скоро было закончено рассмотрение всего проекта как в нашей, так и в Правительственной комиссии и даже утверждено городскою Думою, что и дало возможность приступить к самому его сооружению. Не случись война, а затем и революция, город Петроград был бы в настоящее время снабжен прекрасною и здоровою водою Ладожского озера.

Вопрос о канализации г. Петрограда, как наиболее сложный, сильно затормозился, хотя прекрасный проект Рузского и был готов. Одной из причин тормоза было отсутствие у города планов существующих подземных сооружений (т. е. указания на места прокладки старой водопроводной сети, телефонной, телеграфной и друг.), а другою причиной указывали выбор самого места для вывоза нечистот из города. Те же причины не дали нашим комиссиям закончить свою работу и заставили их прекратить свою деятельность.

Кроме вышеупомянутого моего участия в этой комиссии мне пришлось с самого основания Государственной Думы и все последующие выборы быть председателем выборного бюро Васильевского острова. Таковым же председателем я был и при выборах в гласные городской Думы⁷. Таковое постоянное председательствование в комиссиях дало мне основание, конечно в шутку, называть себя «хроническим председателем выборного бюро Васильевского острова». Хотя сами выборы и отнимали у меня всего два-три дня, но

хлопот с ними было очень много и довольно утомительно. Тем не менее благодаря хорошему подбору состава комиссии наше бюро за все выборы не получило никаких замечаний и дело сходило совершенно гладко. В одной из таких комиссий я был избран в гласные Петрограда, что повторилось и при новых выборах. Таким путем я был гласным 12 лет, и только революция невольно прекратила здесь мою деятельность.

За последнее время моего пребывания гласным я много и усиленно хлопотал о применении для мощения улиц Петрограда взамен безобразной и непрочной булыжной мостовой так называемого шокшинского кварцита⁸. В особенности я рекомендовал применять его для тех улиц, где обыкновенно бывает усиленное движение грузов, а равно и для устройства тротуаров. Шокшинский кварцит способен легко раскалываться на плиты, из которых уже легко выбивать кубической формы куски для мощения. В виде опыта уже некоторые домовладельцы, и в том числе бывший владелец дома, где я живу, по моему совету применили шокшинский кварцит и устроили из него себе тротуар, имеющий красный или красноватый цвет, а поверхность самих плит покрыта отпечатками следов волн. Такие тротуары, прослужившие иногда несколько лет, при сравнении с нашими обыкновенными известняковыми прямо поражают своею ненарушенностью. Известняковая плита в короткое время является изъеденною дождями, а потому и неровною, дает много обломков, а с ними и материал для пыли. Шокшинский кварцит почти неразмываем атмосферными агентами, а по твердости в десятки раз превосходит известняки. Моя идея была крайне сочувственно принята особою городскою комиссиею, и проф. Белелюбский⁹ подверг шокшинский кварцит в своей лаборатории различным техническим исследованиям и признал исследованный им материал необыкновенно прочным. Если бы при мощении улиц и при изготовлении тротуаров применяли бы цемент [для скрепления кварцитовых плит], то мы имели бы те и другие прямо неизносимыми. Что касается стоимости применения шокшинского кварцита для вышеуказанных нужд города, то укажу на следующее. В коренном месторождении шокшинский кварцит встречается уже на р. Свири и занимает от этой последней к северу громадную площадь, ограниченную западным побережьем Онежского озера. Следовательно, во многих местах этой площади в недалеком расстоянии от берега реки можно найти шокшинский кварцит и устроить его ломку. Таковое предприятие мог бы взять, для удешевления, на себя и самый город, арендуя для этого известный участок. Для ознакомления и обдумывания последнего предложения на р. Свирь мостовую комиссию и был командирован специалист-техник, но о результатах его поездки ничего не знаю и узнать не мог. Нахождение в сравнительной близости от Петрограда обширной площади этого кварцита и полная дешевая его доставка водою, мне кажется, не должны осо-

бенно удорожить применение этого материала. Конечно нельзя сравнивать мощение булыжным камнем с ним, это будет дороже, но [если] принять во внимание крепость шокшинского кварцита, [то] выгода будет за ним, а не булыжным камнем.

Глава IX

ОБ ИЗДАНИИ МОИХ РАБОТ

Относительно публикации моих работ могу сказать, что я был довольно счастлив. Большинство специальных исследований довольно скоро бывали напечатаны в Трудах отделения минералогии и геологии Петроградского общества естествоиспытателей и старейшего из обществ — Минералогического. Это последнее напечатало и мой объемистый труд «Геологические очерки Повенецкого уезда Олонецкой губернии и его рудных месторождений», снабдив его первыми в России тремя таблицами микроскопических препаратов горных пород в красках, изготовленными литографией Мюнстера. Этот труд составил VII том «Материалов для геологии России» и был довольно скоро израсходован Минералогическим обществом.

Вскоре после выхода в свет вышеуказанного сочинения я получил из Лейпцига от известной фирмы «Энгельмин и К^о» предложение некоторую часть книги перевести на немецкий язык, и фирма напечатала перевод на свой счет; при этом мне было предложено приличное вознаграждение. Как редактора для немецкого издания фирма рекомендовала мне Кальковского, в то время ассистента проф. Циркеля¹. Я, конечно, согласился, и отдельная книга на немецком языке скоро появилась готовою, и для меня было особенно удивительно, что моя книга необыкновенно быстро была распродана, так как чрез год я получил от фирмы Энгельмин полный расчет. Несколько другую картину представили некоторые мои дальнейшие издания.

После моих находок при постройке Ново-Ладожских каналов собрана была большая коллекция, занимающая ныне отдельную витрину в геологическом кабинете нашего Университета². К обработке этой коллекции, заключающей флору и фауну времени жизни здесь доисторического человека каменного века, а равно костяки и черепа самого человека и разнообразные его изделия из дерева, рога, костей, глины и камня, надо было пригласить и специалистов. Помочь мне согласились К. Ф. Кесслер, А. П. Богданов, Д. Н. Анучин, М. Н. Богданов, Тихомиров и И. Ф. Шмальгаузен³. Всю остальную часть предоставлялось обработать мне самому и сделать из всего обобщение. К сочинению надо было изготовить ряд рисунков,

фототипических таблиц и карту. Для этой цели я обратился к известному нашему граперу Мата¹, резчику по дереву Зубчаинову, а таблицы взялись изготовить Шерер и Наболец⁶ В Москве. Благодаря такой солидной помощи обработка материала коллекции была проведена довольно быстро и в 18.. году можно было перейти к печатанию. Остановка была из-за добычи средств для напечатания. Здесь пришлось, как и при устройстве геологического кабинета Университета, прибегнуть к ряду разнообразных ходатайств на тему, что денег надо было много, чтобы обставить издание надлежащим образом. Это последнее требовалось потому, что находка коллекции была единственной и России по разнообразию своего содержания. Ее можно было бы сравнить с знаменитыми находками спайных построек Швейцарии, где изделий человека было найдено, конечно, много больше, но где остатки самого человека почти отсутствовали. Я должен был показать свою коллекцию бывшему в то время председателем Совета Министров Н. Х. Буше⁷, а затем и двум министрам (народного просвещения и финансов). Благодаря этому мне была отпущена на издание сумма в 5000 руб., которая и была поглощена с избытком, и таким способом явилась и свет моя книга «Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера». Через месяц я случайно узнал, что эта книга изъята духовною цензурою из всех публичных библиотек. Долгое время я не мог узнать о причине этого запрета; много позднее я узнал, что это распоряжение было сделано за тот мой расчет, который приведен в книге, о времени жизни и побережье Ладожского озера доисторического человека каменного века". Интересно то, что я, приводя расчет! других иностранных ученых о времени жизни на земле доисторического человека каменного века, подвергаю их критике и доказываю неправильность самого основания для такого расчета. Точно так же я, сделав расчет и относительно жизни на земле ладожского человека, показываю, что этот расчет совершенно произвольный. Тем не менее этот запрет в значительной мере должен был сократить количество читателей моей книги.

Считаю здесь уместным напомнить некоторый пробел и предисловии к вышеупомянутой книге. Некоторые критики этой последней, признавая известную заслугу открытия, тем не менее ставили мне в упрек то, что я поместил и своей книге восстановленный облик ладожского человека. Причина этого помещения, о которой я, к сожалению, не сказал в предисловии, заключалась в следующем: когда я получил предложение от М. П. Клодта¹ восстановить по наиболее сохранившему черепу облик ладожского человека, и из изучения пак всей обстановки, окружающей нашего человека, так и его изделий из разнообразных материалов пришел к заключению, что нав] человек должен был Представлять наибольшее сходство как по образу жизни, так, вероятно, и по наружности с жителями лесов североамериканскими индейцами. Об этом выводе я еще никому не говорил, и когда М. П. принес мне свою реставровку, то меня и в

Витрина с Ладожской коллекцией в геологическом музее Университета

ней поразило это СХОДСТВО с североамериканскими индейцами. Такими различными путями мы пришли к одному и тому же выводу. Вот почему я и поместил этот облик к своей книге.

Что же касается моей книги «Через Главный Кавказский хребет», то здесь никаких затруднений не было, и Управление казенных железных дорог довольно широко пошло навстречу этому изданию и снабдило его прекрасными фототипиями с моих фотографий, а равно и геологической картой и профилем.

Не могу обойти молчанием и причины появления в свет моей «Геологии». Составление этой книги было начато мною давно, но шло вяло, так как мое увлечение специальными работами отнимало много времени.

Поводом к скорейшему составлению и выпуску в свет этой книги послужило манным образом следующее обстоятельство.

Как-то раз, незадолго до окончательных студенческих экзаменов, мне надо было что-то достать в аудитории, где в это время готовились студенты. Во время моего появления я заметил среди студентов какой-то переполох — они закрыли и прятали какую-то книгу. У первого стола сидел студент, работавший у меня, — князь Прозоровский-Голицын, которого, видимо, этот переполох не коснулся. Я подошел к нему с вопросом, нет ли у него каких-нибудь неясностей по поводу курса и экзамена, и в то же время я взял лежащую перед ним переплетенную книгу. Книга эта оказалась записками, составленными по моим лекциям, и Прозоровский объяс-

нил мне, что студенты в складчину все время курса нанимали и приводили стенографа, который и составил им записки, литографированные потом по способу Алисова. Такой способ, конечно, был нелегальный, так как моего разрешения не было и о записках я ничего не знал. Я мог бы составителей преследовать судом, но я этого не сделал, а просил студентов дать мне один экземпляр, что они и исполнили.

Просматривая на досуге эти нелегальные записки, я нашел в них довольно много неточностей, а иногда даже и неясностей. Приведу один пример такой колоссальной неясности. В том месте записок, где мне надо было рассказать, как Мидендорф объясняет те взаимоотношения, которые, по его мнению, были между триасовыми пятипальными и четырехпальными следами животных и которые он назвал сотрапезничеством, указав при этом, что и среди ныне живущих как белых медведей, так и песцов существуют такие же отношения. В записках эти отношения стенограф назвал «тропуничеством», вероятно, оттого, что следы шли один за другим и даже иногда в пятипальном следе был след четырехпального, т. е. шли по одной тропе. Объяснение этого стенограф дал еще нелепее: он говорит в записках, что «четырепальный питался обедками пятипального животного».

[Наличие] ряда неверностей, а подчас и неясностей вроде вышеприведенного, в силу отсутствия какой-либо редакции, сильно меня возмутило и заставило, ради пользы самих студентов, в ближайшее время заняться обработкой лекций, что и было для первого тома мною сделано в сравнительно короткое время. Но надо было найти средства на издание. Университет дал мне для изготовления клише для первого тома 800 рб., да позднее столько же и для второго. Типография М. М. Стасюлевича¹⁰ согласилась плату за набор и печатание получить с доходов от продажи книги; оставалось найти средства для покупки бумаги. Тогда я вспомнил, что для издания двух предыдущих моих книг я получил, по ходатайству Университета, бумагу из экспедиции заготовления государственных бумаг. Я просил ректора снестись с экспедицией, которая согласилась не только дать бумагу, но и ждать уплаты [за нее] с выручки [от] продажи книг. Бумага нужна была, ради многочисленных рисунков, хорошая, что сравнительно дешево и сделала экспедиция. Соответственно всем расходам была назначена и цена за первый том 4 рб. 50 к.; в томе было 40 печатных листов, набором до 40 000 букв. За склад издания при типографии с меня потребовали уступки по 30% с книги, т. е. мне на покрытие всех остальных расходов, а равно и вознаграждение оставалось 3 рб. 15 к. с экземпляра. Таким же путем и тоже на бумаге экспедиции мне пришлось издать и II том и осуществить, при тех же условиях, второе издание двух томов. Но относительно третьего издания случилась со мною большая неприятность.

Как раз во время ходатайства Университета в экспедицию по поводу третьего издания в ней произошли очень крупные перемены.

Старый управляющий бумажною фабрикою экспедиции за многочисленные просчеты был смещен, а на его место приглашен знаток бумажного производства Н. А. Резцов, бывший мой слушатель в Технологическом институте и даже работавший у меня в университетской лаборатории, а позднее — городской голова Петрограда. Н. А., получив наше ходатайство от директора экспедиции, очень скоро приехал ко мне и детально объяснил, что изготовление той бумаги, что я получал, для самой экспедиции обходилось около 15 рб. за стопу, а я получал всего по 4 р. 50 к. и что из целого ряда подобных отпусков и сложился тот колоссальный просчет, который обнаружил контроль. Я, конечно, должен был отказаться от всякой возможности получить бумагу из экспедиции и, по совету того же Н. А., обратился к фабрике Печаткиных. Мало-мальски необходимую бумагу я здесь нашел, но по 6 рб. 50 к. за стопу — более дешевая бумага совершенно не годилась для рисунков. Назначать более дорогую цену за мою «Геологию*», ввиду необходимости ее для студентов, я не считал возможным, хотя уже третье издание было значительно дополнено и введен мелкий шрифт. Плата за стопу бумаги 6 рб. 50 к. вместо 4 р. 50 к. легла тяжелым гнетом на финансовый расчет, и пришлось все [потери] и убытки принять на себя. В силу такого положения от третьего, четвертого и пятого изданий первого тома моей «Геологии» в виде вознаграждения я получил гроши. На первом томе пятого издания я прекратил и самое издание, дав ему «Предисловие к пятому и последнему изданию». Такое заглавие в предисловии едва ли читатель найдет в какой-либо другой книге, а причина этого заглавия объяснена мною в самом предисловии.

Глава X

ПОЕЗДКИ НА МЕЖДУНАРОДНЫЕ ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОНГРЕССЫ

Поездки за границу, а с этим знакомства с новыми местностями и людьми, бесспорно, должны плодотворно отразиться на дальнейшей деятельности путешественника. При моей специальности знакомство с новыми местностями, интересными в геологическом отношении, конечно, содействовало расширению моего научного кругозора, а новые знакомства с товарищами по науке могли только помочь такому расширению. Мне в этом отношении особенно посчастливилось благодаря возникновению международных геологических конгрессов.

Развитие сравнительно молодой науки геологии шло довольно самостоятельно в различных странах. Италия, Англия, Германия и Франция были главными рассадниками ее деятелей. Тем не менее не было никакой согласованности между этими работниками, а потому мало-помалу создающаяся научная терминология представила много неясностей и даже противоречий. Давно уже созрела потребность установить более или менее общепринятую терминологию, а также условиться и относительно составления общедоступных геологических карт. Слух о созыве в Париже в 1878 году I Международного конгресса вызвал среди геологов полное сочувствие. Мне удалось быть на таких конгрессах в Париже, Болонье, Берлине, Лондоне, Петрограде и в Вене, на всех этих конгрессах я был удостоен чести избрания в вице-президенты со стороны России. Здесь нахожу неуместным говорить о научном значении этих конгрессов. Об этом говорят сами по себе те объемистые тома о деятельности каждого конгресса, которые были изданы после его окончания. Здесь я коснусь только событий, касающихся меня лично.

Получив приглашение на I Международный геологический конгресс в Париже, я передал его своему начальству, и оно командировало меня туда. Имея в виду как посещение некоторых геологов, так и осмотр музеев и местностей, знакомству с которыми мне при первой заграничной командировке помешала война, я испросил эту командировку намного раньше начала самого Конгресса.

Посещение Берлина, где мне удалось познакомиться с Берихом, Ротане, Дамесом¹ и другими геологами, оставило у меня довольно

неприятное впечатление. В то время у северных немцев, вероятно под впечатлением бывшей войны, еще сохранялось какое-то несочувственное отношение к французам, и мне приходилось выслушивать очень ироничные о нем (Международном геологическом конгрессе. — В. П., И. Т.) отзывы и сомнения относительно успешности самого Конгресса. Мне в особенности хотелось свести знакомство с профессором Циркелем и с Г. Креднером², с которыми был знаком только по письмам. После довольно короткого осмотра берлинских музеев я направил свой путь в Лейпциг — место пребывания двух вышеупомянутых ученых.

В Лейпциге я нашел уже совершенно другое отношение к Конгрессу. Небольшое [расстояние], отделяющее Берлин от Лейпцига, делает немцев прямо неузнаваемыми. Начиная с последнего города во всех более южных немецких городах я встречался с крайне экспансивными и необыкновенно дружественно ко мне расположенными немцами. Первое мое личное знакомство с Циркелем произошло в минералогическом кабинете Университета, где я застал его окруженным студентами, выправляющими свои матрикулы. Циркель, получив мою визитную карточку, моментально прекратил запись и вышел ко мне с извинением, что он торопится развязаться со своею обязанностью, но что я должен буду к часу дня прийти в известный ресторан, где он обедает, и там за обедом мы с ним и потолкуем. Когда я пришел в назначенное им место, оказалось, что для меня приготовлен прибор и что здесь столуются и другие профессора и между ними и два брата Креднеры, из которых мне и хотелось повидать Г. Креднера. Большинство профессоров были уже здесь, и Циркель познакомил меня со всеми ими. Обед прошел настолько оживленно, что я увидел здесь немцев совершенно другими, чем в Берлине.

Циркель представлял собой довольно солидную фигуру. Он был высокого роста, средней полноты, темный шатен с несколько рыжеватым оттенком. Имел густые усы и — в то время — небольшие бакенбарды, которые позднее он сбрасывал. Был крайне тщательно причесан с пробором и одет безукоризненно хорошо. В общем, его фигура, с несколько военной выправкой, напоминала отставного военного из русских остзейских провинций.

Но особенно приятное воспоминание сохранилось о его отношении к людям. Всегда благожелательный, спокойный, даже в спорных вопросах, и полный любви к науке, он уже с первых шагов нашего знакомства стал звать меня «своим любимым другом» и предлагал даже сейчас переехать к нему на квартиру, но я с благодарностью отказался, так как рассчитывал пробыть в Лейпциге недолго. После первого нашего личного знакомства я уже в Петрограде нашел три письма Циркеля и его фотографическую карточку с надписью: «Mit besten grus» *, а после посещения им России и

* С наилучшими пожеланиями (нем.).

Международного конгресса в Петрограде он прислал мне очень крупную свою фотографию с надписью: «In unvandelbaren Dank-barkeit**».

Значительную противоположность Циркелю представлял Г. Кред-нер. Это был среднего роста брюнет, небрежно причесанный и одетый в пиджачную пару не первой молодости. Крайняя его экспансивность, полная горячности, в особенности в спорах, где он буквально не давал возможности противнику говорить, не делали особенного удовольствия последнему. Тем не менее в его вспышках не было и капли ненависти — это была просто манера говорить, и его, во всяком случае, можно было убедить, когда он был неправ. Из его разговоров и из осмотра им небольшого музея можно было убедиться в его искренней любви к геологии, что он и доказал своими учебниками. Ко мне он отнесся вполне товарищески и предлагал несколько совместных экскурсий, воспользоваться которыми я, к сожалению, не мог, ибо уже по-другому распорядился своим временем.

Осмотры геологических музеев Лейпцига заняли сравнительно немного времени, и по моей просьбе Циркель не только дал мне маршрут для кратчайшего посещения гранулитовой области Саксонии³, но и познакомил меня лично со своим ассистентом Кальковским, бывшим редактором моей немецкой книги. Кальковский как раз уезжал в гранулитовую область и предложил мне сделать с ним несколько экскурсий.

Условившись с Кальковским о времени нашей совместной поездки, я простился с Циркелем и Креднером и благодаря их любезности осмотрел в короткое время то, на что без их указаний потратил бы очень много времени.

После осмотра гранулитовой области, по другому маршруту Циркеля, я выехал на р. Рейн с целью осмотра потухших вулканов «Лаакерского озера»⁴. Здесь мой маршрут был настолько детально написан, что, следуя ему буквально, я мог в течение какой-нибудь недели, частью пешком, частью в дилижансах, осмотреть крайне интересную для меня местность и собрать коллекцию.

Приехав в Париж и сведя личное знакомство с Мишель-Леви⁵, я узнал от него, что Конгресс отложен на две недели. Надо сознаться, Париж, в котором я оказался впервые, произвел на меня довольно тяжелое впечатление, и я сильно тяготился [необходимостью] еще две недели ждать в нем начала Конгресса, а потому попросил Мишель-Леви дать мне маршрут для посещения некоторых потухших вулканов Оверны⁶. Он дал мне такой маршрут, но рекомендовал мне обратиться в Клермон-Ферранне к проф. Жульену⁷, читающему здесь лекции в местном факультете. Профессор Жульен крайне любезно меня принял и, просмотрев маршрут Мишель-Леви, несколько его сократил ввиду [того, что мне] необходимо [было]

* С наибольшей благодарностью (нем.).

быть к открытию Конгресса в Париже. Здесь также, отчасти пешком, отчасти в дилижансе, мне удалось осмотреть часть цепи Пюи и даже быть на вершине Пюи-де-Дам, а равно и собрать коллекцию для университетского музея. С этим багажом я и возвратился накануне открытия Конгресса в Париж.

Не буду описывать сам Конгресс, ибо без ведения дневника было решительно невозможно запомнить в этой сутолоке всех деталей. Упомяну только о двух важных для моей науки вопросах, поднятых на Конгрессе. Это вопрос о единообразии геологической терминологии и вопрос об издании общей геологической карты Европы. Сутолока во время Конгресса была ужасная, что было обусловлено главным образом тем, что время Конгресса совпало со временем нахождения в Париже всемирной выставки. Для помещения Конгресса был отведен «Трокадеро», находящийся на самой выставке, что дало возможность геологам осматривать на досуге и эту последнюю. Масса иностранцев, съехавшихся в Париж на выставку, а равно и туземцы из любопытства очень часто посещали и наши заседания, и это вносило значительный беспорядок.

Не могу не рассказать об одном эпизоде, бывшем со мною на выставке. Во время перерыва одного из заседаний Конгресса я пришел в находящийся на выставке русский ресторан выпить чаю и уселся за один из столиков. Очень скоро после этого я заметил, что какой-то французский офицер внимательно на меня смотрит, а затем, чуть ли не в упор, несколько раз прошел мимо меня, довольно нахально меня осматривая. Я уже приготовился сделать ему замечание, если бы он еще раз повторил свое хождение. Но тут произошло следующее: этот офицер прямо подошел ко мне и на чистом русском языке сказал: «Здравствуй, Иностранцев, и неужели ты не узнаешь своего гимназического товарища Шамбара?» Тогда я действительно его признал и пригласил к своему столику. Шамбар рассказал мне, что по окончании гимназии он тоже поступил в Петроградский университет на математическое отделение физико-математического факультета. Почти в самом начале лекций его как французского подданного потребовали во Францию для отбывания воинской повинности. Я действительно припомнил, что в начале семестра встречал его в Университете, но затем потерял из виду. Оказалось, что по приезде в Париж он попал в состав той армии, которую посылал в Мексику Наполеон IIIe на помощь Максимилиану⁹. Уже на пути в Мексику Шамбар был произведен в офицеры и в этом звании провел всю кампанию, которая затянулась чуть ли не на три года. По возвращении в Париж ему предстоял выбор: или возвратиться в Россию и поступить опять в Университет, или продолжать военную службу во Франции. Возвращение в Россию и в Университет ему не улыбалось, ибо, по его признанию, он потерял интерес к математике, а потому он решил остаться во Франции. Этому решению способствовало и то предложение, которое он получил по своему возвращении. Ему предложили командование одним

из батальонов, стоящих в Алжире, и довольно солидный оклад содержание. Во время свидания со мною он только что приехал в отпуск на выставку. Из его рассказа я узнал, какую убийственную тоску вселяют крайние колонии Франции в Алжире, на границе Сахары, где и стоял его батальон, и какую миссию его батальон правит. Он обязан ежегодно собирать с кочующих племен дань для Франции. Эта дань выражается главным образом в отнятии у кочующих племен скота. Когда батальон набирает скота достаточное количество, то сам же и гонит скот к северной границе Сахары. Неоднократно случалось и Шамбару встречать на обратном пути батальона туземцев, но уже вооруженных, и те, в свою очередь, делали нападение на батальон и иногда успешно, т. е. отбивали свой скот. Меня очень заинтересовало, как Шамбар не разучился русскому языку, так как его пребывание среди французов было по крайней мере лет пятнадцать. На этот вопрос Шамбар сообщил мне, что со времени возвращения во Францию он выписывает < Вестник Европы > и заставляет себя каждый день читать вслух одну или две страницы. Благодаря такому приему Шамбар сохранил полную правильность в русской речи, и по его разговору трудно было бы признать его иностранцем. Благодаря этой встрече я выдался с Шамбаром, вплоть до моего отъезда из Парижа, чуть ли не каждый день, и он был проводником в незнакомом мне Париже.

Кроме заседаний Конгресса [мы посещали рауты, на которые] нами были получены приглашения как от некоторых геологов (Гебера, Годри¹⁰ и т. д.), так и от некоторых министров, а мне, как вице-президенту России, не подобало не присутствовать. Скучнейшее времяпрепровождение эти рауты: приглашают на чашку чая, для которого надо нарядиться во фрак и явиться вовремя, а затем можно чрез полчаса незаметно и удалиться. Эти переодевания во фрак были для меня крайне утомительны, так как я остановился в Париже очень далеко от центра — в Латинском квартале. Отсрочка времени открытия Конгресса на две недели отсрочила на такое же время и назначенные экскурсии, а мне надо было возвратиться в Петроград к 15 сентября, и потому я немедленно по закрытии Конгресса и возвратился домой.

Подводя итоги этой моей поездки за границу, я в конце концов остался ею вполне доволен. Помимо личного знакомства с выдающимися французскими геологами (Гебер, Годри, Лаппаран¹¹, Станислав-Менье, Мишель-Леви и т. д.) я познакомился с некоторыми геологами Англии, Америки и Италии, с которыми вступил в обмен своими работами, а по последним иногда и письмами. Кроме того, попутно помимо гранулитовой области Саксонии мне удалось посетить еще две области потухших третичных вулканов и собрать коллекции. Этот успех я считал прямо блестящим.

Международный геологический конгресс в Болонье, бывший в 1881 году, я посетил совместно с бывшими в то время моими ассистентами П. Н. Венюковым и Н. А. Соколовым; эти последние впер-

вые поехали за границу. Путь наш шел через Вену, по которой, как читатель мог видеть раньше, я мог служить хорошим проводником. Я показал моим спутникам все главные геологические коллекции Вены и познакомил их с некоторыми геологами. Из Вены, через Земмеринг, мы без остановки приехали в Венецию. Наш приезд как раз совпал с открытием здесь Международного географического конгресса. Мы приехали накануне утром, а вечером должен был к открытию Конгресса приехать итальянский король. День нашего приезда мы употребили на первое знакомство с этим оригинальным городом, а вечером устроились у окон верхнего этажа гостиницы Св. Марка, где мы жили, для наблюдения за площадью того же имени, где было громадное скопление народа к приезду короля. Дождались мы и этого приезда, причем очень были удивлены, что когда король вышел на балкон для приветствования народа, этот последний свой ответ королю выразил не криками «Vivat», а только аплодисментами.

За вышеуказанное удовольствие мы заплатились довольно дорого, так как не приняли во внимание нахождение в Венеции москитов и то обстоятельство, что копоть от иллюминации на площади Св. Марка, куда и выходили наши окна, заставляла москитов подниматься все выше и выше и забираться в открытые окна. С усталости от приезда и от продолжительного хождения по Венеции мы заснули богатырским сном, но пробуждение наше было печальным. Мы были до того искусаны москитами, в особенности голова и лицо, что сделались просто неузнаваемыми, и даже надеть шляпу было невозможно. Все-таки мы успели осмотреть довольно интересную выставку, находящуюся при возникшем Географическом конгрессе, и на другой день выехали в Болонью. Здесь* записавшись в члены Конгресса и повидав знакомого мне по Парижу будущего председателя Конгресса Капелини¹², я от него получил указание о предполагаемой нами экскурсии в Каррару¹³ на ломки знаменитого мрамора. Так как мы приехали в Болонью за несколько дней до начала Конгресса, то у нас было время и для поездки в Каррару, куда и самим Конгрессом была намечена экскурсия, но только после его окончания.

Эта ломка мрамора, заложенная в мезозойских отложениях, поражает своей грандиозностью и размерами тех глыб мрамора, которые отделяются взрывами от коренной горной породы. Эти глыбы свободно катятся к находящемуся внизу ручью, протекающему по глубокому оврагу. На этом ручье устроен целый ряд довольно примитивных мельниц, где при помощи простых приспособлений вода в ручье силой своего течения придает горизонтальное движение большой деревянной раме, в которую вставляются железные полосы, могущие и переставляться в зависимости от толщины плиты или кусков нужного мрамора. Это приспособление спорадически поливают водою и песком, и в сравнительно короткое время глыба

мрамора, иногда до 4 кв. метров, бывает распилена на ряд плит или кусков нужной величины.

До этой поездки в Каррару мне пришлось раньше видеть много ломок у нас в России. На Урале, в Финляндии и в Олонецкой губернии на этих ломках меня всегда поражала примитивность приема распиловки мраморных глыб. Почти во всех вышеуказанных местах эти глыбы пилят как дрова два человека, а прежде изредка поливают место распиловки водою с песком. Между тем почти всегда в ближайшем соседстве есть или ручей, или речка, движением воды которой можно было бы воспользоваться и этим путем ускорить и удешевить и самую распиловку. Сравнение способа обработки мрамора даже таким простым способом, как у итальянцев, с нашим русским невольно навело нас на грустные мысли о нашей отсталости и об отсутствии всякой предприимчивости даже в таком простом деле. Между тем запасы мрамора у нас громадны, хотя и нет каррарского, но на Урале есть совершенно белый, хотя и более кристаллический. Великолепный мрамор и в Олонецкой губернии, где одна Тивдия могла бы снабдить большие города России превосходными цветными плитами. Правда, мрамор Тивдии довольно тверд (от присутствия кварца), но при применении воды ручья или речки, конечно, и он дал бы требуемые результаты.

Мы возвратились в Болонью накануне открытия Конгресса, которое не отличалось особой торжественностью, да и самый Конгресс прошел довольно скромно. Необыкновенно скучный город Болонья несколько не оживился от нашего Конгресса, а последний представил тот существенный интерес, что представители различных стран привезли свои заключения о главнейших научных терминах и об единообразии геологических карт, т. е. ответы на поднятые на Парижском конгрессе вопросы. Некоторые из этих положений и были пробаллотированы и приняты Конгрессом.

Не принимая участия в экскурсиях после Конгресса, я со своими спутниками, простившись со знакомыми геологами, направился домой. На Земмеринге мы чуть ли не замерзли, а потому должны были несколько разориться и купить себе по теплему пальто, так как даже и здесь было холодно.

Несмотря на ироничное, как видели раньше, отношение берлинских немцев к I Международному геологическому конгрессу в Париже, III Конгресс, по приглашению германского правительства, состоялся в 1885 году в Берлине. В экскурсиях до и после Конгресса я не мог участвовать и пробыл в Берлине только все время Конгресса, где в одном из заседаний и сделал свой доклад, а затем возвратился домой.

Значительно больший интерес представлял для меня предстоящий в 1888 году такой же конгресс в Лондоне. Он открывал мне возможность познакомиться с не виданной еще мною страной, осмотреть очень старинные геологические учреждения города и свести более близкие знакомства с английскими геологами. Не владея раз-

говорным английским языком, я совершил эту поездку совместно с бывшим моим ассистентом Ф. Ю. Левинсон-Лессингом, прекрасным и услужливым спутником, вполне владеющим английской речью. Нигде не останавливаясь, мы чрез Флисинген достигли Лондона.

Раньше списавшись с устроителями Конгресса, мы нашли в Лондоне оставленные нам комнаты в одном из отелей, очень близко находящемся от Университета, в котором и была сосредоточена деятельность Конгресса. Здесь же мы встретили и других геологов, с некоторыми из них я уже был знаком по первым конгрессам. Особенно я был доволен встречей с очень симпатичными бельгийскими геологами — Ван-ден-Броком и Рюто^м. Эти последние, узнав о том, что мы впервые посетили Лондон, сейчас же предложили нам совершить до обеда по городу совместную поездку. Конечно, такое предложение мы приняли с благодарностью. Эта поездка оставила во мне неизгладимое впечатление своим разнообразием. Мы ехали на верхушке дилижанса, спустились где-то на улицу, где сейчас же устроились в подземный железнодорожный поезд, который скоро явился надземным, так как из тоннеля он прямо очутился на крышах домов, по которым мы и ехали, или врезался в верхний этаж и затем опять скрывался в тоннеле. Этот поезд доставил нас к мосту чрез р. Темзу, где мы сейчас же сели на паром и где-то снова в поезд и таким путем возвратились домой. Как это наше разнообразие в передвижении, так и необыкновенно людное движение на улице и полное послушание махонькой палочке полицейского — все это было просто поразительно. Я такое движение в городах вообще видел впервые в своей жизни, а потому действительно был поражен всем этим. Оба бельгийских ученых были настолько любезны, что и остальное время Конгресса руководили нами по осмотру города, а равно были нашими спутниками в экскурсии после Конгресса и в их страну — Бельгию.

Открытие самого Конгресса было здесь более торжественно, хотя и здесь как самый Конгресс, так и его рауты, а с ними и переодевания во фрак, были довольно утомительны. Английские геологи отнеслись к нам вполне по-товарищески и неоднократно приглашали нас запросто (т. е. не во фраках) на обеды. К сожалению для меня, большинство английских геологов ни на каком другом языке, кроме своего родного, не говорили, так что бывали случаи, что их жены служили переводчицами. Это, между прочим, было на обеде у известного английского петрографа Тилли¹⁵, где супруга хозяина была моей переводчицей. На этом Конгрессе я познакомился и с некоторыми американскими геологами, а также опять встретился с Циркелем, большим поклонником Англии. Циркель остановился в другом отеле, очень далеко от нашего, а потому мы встречались с ним только на заседаниях.

Во все время нашего пребывания в Лондоне стояла превосходная теплая и ясная погода, так что я даже стал сомневаться в существовании туманного Лондона. В конце концов я все-таки его уви-

дал и увидел в настоящем виде. В самый день отъезда на экскурсию после Конгресса утром в комнатах было настолько темно, что пришлось зажечь электричество.

Мне надо было до отъезда еще пройти в бюро Конгресса в Университет, и когда я вышел на улицу, то сразу попал в непроницаемое облако; не видно было даже соседних горящих фонарей. Достаточно сказать, что расстояние от отеля до Университета, которое я обыкновенно проходил в 5—6 минут, потребовало в этот раз не менее двадцати минут и то почти ощупью.

После Конгресса я принял участие только в экскурсии в Сев[ерный] Уэльс. Эта поездка была организована довольно широко: нам был предоставлен отдельный поезд, который останавливался только в тех городах, где надо было произвести геологический осмотр, или в городах, где для нас был устроен раут, на котором уж нам разрешалось присутствовать в дорожных костюмах. Так, между прочим, было и в городе Честер, где на рауте мы должны были выслушать несколько речей и где нам предложили угощение из сладостей и вина. Мои бельгийские коллеги и с ними я были очень голодны, а потому решили незаметно скрыться с раута и поискать в городе того хорошего сыра, который в России и Бельгии носит название этого города. Мы обошли несколько лавок, но находили настолько неудовлетворительный по виду и вкусу сыр, несколько даже не напоминающий нам Честер, что возвратились в наш отель, где основательно закусили, запив очень хорошим элем.

Особенно интересным было посещение некоторых ломок камня, из которых одна прямо поразила своею грандиозностью. Эта ломка кровельного сланца¹⁶ представляет собой гигантскую воронку, работавшие на дне которой люди казались нам сверху карликами. На этой ломке нас встретил и сам хозяин, один из известных своим богатством лорд Пенкрин¹⁷, совместно с двумя своими дочерьми и пригласил нас к себе вечером в соседний замок, построенный среди обширного превосходно содержимого парка. Замок обставлен со всевозможною роскошью и целою фалангою ливрейных лакеев. Посетив вечером этот замок, мы провели в нем, среди разнообразных угощений за открытыми буфетами и речами, время до ночи и отсюда в особых экипажах вернулись для ночлега в соседний городок. В этом приезде была и комическая сторона. Так, при приезде и при входе в громадный зал, где ждали нас лорд и его дочери, парадно одетый швейцар с алебардой спрашивал вашу фамилию и сейчас же входил в зал, где громко и объявлял ваш приход. Фамилии наши перевернулись им самым невозможным образом, и мы это слышали. Каждая из дочерей лорда старалась занимать гостей и в конце концов вела гостя в свой кабинет, где просила оставить свое факсимиле и что-нибудь написать. Я написал по-русски, а на словах перевел на французский язык — видимо, остались довольны. Когда собралось много наших, то по приказу лорда широко открылись двери в соседний зал, уставленный открытыми буфетами и от-

дельно стоящими столиками. За буфетом стояли очень нарядные дамы, которые и предлагали гостям самую разнообразную еду и вино. Хозяин, крайне любезно взяв меня под руку, повел в этот зал, пригласив остальных следовать за ним. За буфетом уже на подносах налито было шампанское, и хозяин провозгласил тост за здоровье гостей; я отвечал тостом за здоровье хозяина. Усевшись за столик, мы довольно основательно закусили, а затем, уже довольно поздно, простились и, поблагодарив хозяина, возвратились на ночлег.

В этой экскурсии особенно поразило всех нас одно из грандиознейших сооружений, какие мы только видели в своей жизни. Это гигантский мост чрез пролив, отделяющий остров Энглези от Англии. Я думаю, что по длине конструкции это единственное в Европе сооружение. Остров Энглези был конечной целью нашей экскурсии, после которой мы и возвратились, нигде не останавливаясь, в Лондон.

Организаторы нашей экскурсии, на мой взгляд, сделали только ту ошибку, что в расписании остановок для осмотра интересных в геологическом отношении мест было отведено мало времени. Эта ошибка произошла, по-видимому, от неправильного расчета, так как последний был основан на быстром ходе экскурсантов. В силу этого многие геологи отставали от остальных и опаздывали на поезд, и им приходилось, иногда даже на товарных поездах, нагонять нас на ночлеге. В остальной организации поездки была безукоризненна, и благодаря ей мне удалось впервые увидеть еще интересную часть провинциальной Англии.

Из Лондона, по приглашению Ван-ден-Брока и Рюто, мы обратный путь свой в Петроград предприняли чрез Брюссель и совершили эту поездку совместно с вышеуказанными бельгийскими геологами. В Лондоне к нам присоединились и два киевских профессора — Теофилактов и Армашевский¹⁸.

Осмотр различных геологических учреждений и их коллекций в Брюсселе под руководством таких опытных и знающих ученых представил нам много поучительного. Особенный интерес представила нам выставка знаменитых игуанодонтов. Знаток их Долло¹⁹ сам демонстрировал нам эту выставку отпрепарированных животных, но он этим не удовлетворился, а повел нас в свою препаровочную, где мы увидели скелет игуалидонтов в различные фазы обработки, а равно и громадные глыбы с этими животными, еще не тронутые рукою человека. В некоторых глыбах можно было легко заметить, что погребенные животные лежали в положении, где концы их конечностей сходились вместе, т. е. совершенно в том же положении, которое наблюдается часто в трупе палой лошади. Долло сообщил нам и о самом способе препарирования, им усовершенствованного.

Всем этим не удовлетворились наши приятели-геологи и предложили нам еще сделать поездку по Бельгии с целью осмотра некоторых интересных в геологическом отношении мест, на что мы с

дельно стоящими столиками. За буфетом стояли очень нарядные дамы, которые и предлагали гостям самую разнообразную еду и вино. Хозяин, крайне любезно взяв меня под руку, повел в этот зал, пригласив остальных следовать за ним. За буфетом уже на подносах налито было шампанское, и хозяин провозгласил тост за здоровье гостей; я отвечал тостом за здоровье хозяина. Усевшись за столик, мы довольно основательно закусили, а затем, уже довольно поздно, простились и, поблагодарив хозяина, возвратились на ночлег.

В этой экскурсии особенно поразило всех нас одно из грандиознейших сооружений, какие мы только видели в своей жизни. Это гигантский мост чрез пролив, отделяющий остров Энглези от Англии. Я думаю, что по длине конструкции это единственное в Европе сооружение. Остров Энглези был конечной целью нашей экскурсии, после которой мы и возвратились, нигде не останавливаясь, в Лондон.

Организаторы нашей экскурсии, на мой взгляд, сделали только ту ошибку, что в расписании остановок для осмотра интересных в геологическом отношении мест было отведено мало времени. Эта ошибка произошла, по-видимому, от неправильного расчета, так как последний был основан на быстром ходе экскурсантов. В силу этого многие геологи отставали от остальных и опаздывали на поезд, и им приходилось, иногда даже на товарных поездах, нагонять нас на ночлеге. В остальной организации поездки была безукоризненна, и благодаря ей мне удалось впервые увидеть еще интересную часть провинциальной Англии.

Из Лондона, по приглашению Ван-ден-Брока и Рюто, мы обратный путь свой в Петроград предприняли чрез Брюссель и совершили эту поездку совместно с вышеуказанными бельгийскими геологами. В Лондоне к нам присоединились и два киевских профессора — Теофилактов и Армашевский¹⁸.

Осмотр различных геологических учреждений и их коллекций в Брюсселе под руководством таких опытных и знающих ученых представил нам много поучительного. Особенный интерес представила нам выставка знаменитых игуанодонтов. Знаток их Долло¹⁹ сам демонстрировал нам эту выставку отпрепарированных животных, но он этим не удовлетворился, а повел нас в свою препаровочную, где мы увидели скелет игуалидонтов в различные фазы обработки, а равно и громадные глыбы с этими животными, еще не тронутые рукою человека. В некоторых глыбах можно было легко заметить, что погребенные животные лежали в положении, где концы их конечностей сходились вместе, т. е. совершенно в том же положении, которое наблюдается часто в трупе палой лошади. Долло сообщил нам и о самом способе препарирования, им усовершенствованного.

Всем этим не удовлетворились наши приятели-геологи и предложили нам еще сделать поездку по Бельгии с целью осмотра некоторых интересных в геологическом отношении мест, на что мы с

благодарностью и согласились. Не буду говорить об этой поездке, так как она носила исключительно специальный характер. Упомяну только об одном факте, указывающем на находчивость рабочих при обработке некоторых добываемых камней. Так, на одной из ломок диабаз²⁰ рабочие давно подметили известную правильность раскола этого камня от удара молотом и своей практикой довели до того, что с чрезвычайной быстротой из вполне неправильной глыбы камня выбивали совершенно правильный куб и, что особенно интересно, даже приблизительно тех размеров, которые и были нужны. Эта ломка, находясь недалеко от моря, снабжала массу городов прекрасным готовым камнем для мостовых.

На V Конгрессе в Вашингтоне (1891) я не был; не был и на VI Конгрессе в Цюрихе (1894), но не считал возможным отказаться от участия в VII Конгрессе в Петрограде. Это я считал своей священной обязанностью и долгом ввиду любезности хозяев тех конгрессов, где я был, а потому хотел и с своей стороны отвечать такою же любезностью.

Несмотря на мое участие в организации этого Конгресса, могу сказать, что как самый Конгресс, так и экскурсии были организованы, сравнительно с предыдущими конгрессами, на весьма широких и дешевых началах, которые, может быть, и уступали несколько американцам, на конгрессах которых я не был. Почетное председательство на этом Конгрессе принял на себя великий князь Константин Константинович²¹, и А. П. Карпинский был председателем; на меня выпала честь быть вице-председателем. Распорядительный комитет просил меня заняться устройством геолого-минералогической выставки при Конгрессе. С развитием наших конгрессов постепенно установился обычай устраивать при помещении конгресса такие выставки, на которых как минералогии и геологии выставляли предметы, достойные внимания, так и различные геологические учреждения присылали для выставки свои издания и карты. К таким выставкам примкнули и продавцы различных минералогических и геологических предметов, как-то: минералов, горных пород, окаменелостей и инструментов. Хотя и отведено было для выставки довольно большое помещение, но его едва хватило, при этом пришлось значительно потеснить выставляемые предметы.хлопот с выставкой тоже было довольно много именно потому, что присылаемые и привозимые предметы часто попадали на выставку во время Конгресса, и для них часто почти не находилось места.

В одно из воскресений во время Конгресса от Двора Его Величества была предложена гостям поездка в Петергоф для его осмотра. На одном из пароходов вице-адмирала совершили гости эту поездку. В самом Петергофе были открыты все фонтаны, и во дворце был предложен гостям довольно обильный завтрак, но без накрытых приборов. Продолжительное хождение по парку и предстоящий завтрак без усаживания были очень утомительны, в особенности для пожилых людей. При любезном содействии смотрителя дворца

мне удалось в одной из соседних комнат приготовить накрытый стол, за который я и усадил более почтенных и известных геологов. Завтрак был превосходный, но исключительно с русским шампанским. За этим столом наши гости провели время очень оживленно, как и в общей зале, после чего мы на том же пароходе возвратились в Петроград.

Во время Конгресса был устроен дневной перерыв для поездки членов, по приглашению финляндского правительства, на Иматру. В специальном ускоренном поезде члены Конгресса были доставлены по назначению, и после осмотра побережья р. Вуоксы и Иматры на открытом воздухе дан был обед в классической для Финляндии «сексты» и с подобающими речами.

Для раздачи членам Конгресса краткого гида с планами минералогического и геологического кабинетов, мною составленного и изданного на французском языке, наш факультет дал надлежащие средства. Кроме того, по петрографической секции члены Конгресса собирались у меня в аудитории при геологическом кабинете.

Из наиболее крупных экскурсий после Конгресса укажу на экскурсии по р. Волге и Каме на Урале, по Волге — на Кавказ с посещением Арарата и чрез Батум осмотр восточного побережья Черного моря и южного берега Крыма. Конечным пунктом была Одесса. С целью организации встречи геологов я должен был при начале вышеуказанных экскурсий поехать в Крым, где мне и удалось устроить прием у князя Голицына, в Ялте, Ливадии, Массандре и Севастополе.

В восточной части Крыма таковыми организаторами приемов были другие. По закрытии Конгресса некоторые из геологов, узнав, что я не могу предпринять совместно с ними полную поездку с экскурсией на Кавказ, взяли с меня слово, что я примкну к их экскурсии по осмотру южного берега Крыма, что я и исполнил, присоединившись к ним в г. Керчи.

Эта поездка была организована так, чтобы интересные в геологическом отношении места можно было бы осмотреть днем, а ночью совершать переезд от одного пункта до другого. На специально нанятом Конгрессом пароходе «Ксения» более известные геологи были размещены по отдельным каютам; так же были помещены и те геологи, которых сопровождали их жены; в небольших каютах поместили по два человека, а остальные размещены были в общих каютах.

С большим удовольствием я снова встретился с приятелями в г. Керчи, где мне уже была отведена на пароходе очень удобная каюта на палубе, предназначенная обыкновенно почтовому чиновнику. После экскурсии в окрестностях представители г. Керчи устроили для гостей довольно торжественный прием в городском саду, где на открытом воздухе был приготовлен завтрак, поражающий изобилием рыбных блюд, и в особенности обилием свежей икры. Эта последняя наполняла собою целые суповые миски, обставлен-

ные, вероятно по ошибке, глубокими тарелками. Меня особенно поразило то, что, когда пригласили к завтраку, наши гости с особенным азартом накинудись на «caviar russe» и прямо накладывали себе полные глубокие тарелки. Я усмотрел в этом приеме угрожающее явление, что позднее и оправдалось ночью на пароходе. У нас даже не хватило для этого случая надлежащих капель (Боткина, Иноземцева, Гофмана и др.) для заболевших, и в некоторых случаях пришлось даже, при остановках, прибегать к помощи докторов.

Состояние моря необыкновенно благоприятствовало нашей поездке по осмотру южного берега Крыма. Погоды стояли превосходные, и море было как зеркало. Последнее обстоятельство дало возможность нашему пароходу приставать к берегу даже в таких местах, где, по словам капитана парохода, он бы не решился [в другое время] подойти за версту.

Среди экскурсантов, кроме жен и дочерей геологов, были и другие женщины, совершающие самостоятельно экскурсию, но таких, к счастью, было немного и то американки. Еще в Керчи ко мне обратились две американки, помещенные вместе в одной каюте, с жалобой друг на друга и с просьбой их разъединить и дать иное помещение, чтобы не быть им вместе. Положение было очень затруднительно, так как все комнаты были заняты, а устроить какой-либо обмен было нельзя. К счастью, любезность одного из помощников капитана меня выручила. Этот последний уступил одной из дам свою каюту, что их вполне удовлетворило.

Среди пассажиров на пароходе «Ксения» мною встречены были чрезвычайно разнообразные элементы, среди которых были люди, по-видимому, ничего общего с геологией не имеющие. Такой состав был вызван тем, что запись в члены Конгресса велась без контроля и некоторые записывались ради дешевой платы за экскурсии, в которых и принимали участие. За сравнительно небольшую плату можно было совершить продолжительный путь — осмотреть Волгу, Кавказ и побережье Черного моря и получить дорогой пропитание: весь избыток расхода оплачивала администрация Конгресса из сумм, отпущенных правительством. Такие непричастные к геологии лица чаще других заявляли разнообразные претензии, как, например, относительно корма. Мне самому пришлось убедиться, что нас кормили прекрасно. То же я слышал от моих сотрапезников по обеденному столу, а потому эта жалоба была сама неправда. Среди публики была группа галицийских поляков, которая заняла собою целый стол и которая крайне странно сторонилась остальных пассажиров, и особенно своих хозяев — русских. Этим поступком они нарушили один из параграфов нашего съезда, которые должны содействовать сближению народов, а не отталкиванию. Уже в г. Керчи мне стал жаловаться заведующий хозяйством экскурсии химик Лебединцев, что эта группа постоянно заявляла о своих претензиях. Я просил Лебединцева при первой такой претензии сообщить мне, что он вскоре и сделал. Тогда я вызвал к себе в каюту

троих из жалобщиков и заявил им, что при первой новой их претензии я попрошу всю нашу публику избрать трех судей для разбора, и если претензии не имеют основания, то при первой же остановке я всех жалобщиков высажу на берег. Мое заявление, видимо, произвело на эту группу впечатление, так как после все их жалобы прекратились. Во всяком случае, [запись] людей на самый конгресс, а равно и запись на экскурсии нужно [производить] только после строгого контроля над их предшествовавшей деятельностью.

Во время этой поездки за нашим столиком обыкновенно обедали капитан парохода, Мюррей, Гейки^а, Циркель, братья Креднер и я, и как-то однажды за обедом кто-то из наших гостей поднял вопрос: почему мы, русские, не называем друг друга по фамилиям, а как-то для них непонятно по-другому? Пришлось им объяснять, что у нас не принято звать по фамилиям и что это считается фамильярностью и неделикатностью, а зовем друг друга по имени, прибавляя к нему имя отца. Тогда Г. Креднер спросил Циркеля, как звали его отца, и первый назвал его Фердинандом Ивановичем или как-то в этом роде. Нашим гостям, по-видимому, понравился этот обычай, и довольно скоро наши спутники стали отзываться на зов по имени-отчеству и даже стали называть так друг друга.

На остановке в имении князя Голицына, известного винодела, мы также были очень приветливо встречены женою хозяина, который был в отлучке, угостившей нас на открытом воздухе, у самых погребов, своим шампанским и завтраком. По-видимому, русское шампанское очень понравилось нашим гостям, а хозяева его не жалели; оно откупоривалось в [больших количествах], а была жаркая погода и было пролито его так много, что к концу завтрака под нашими ногами было оригинальное болото из этого напитка. В довершение всего для угощения гостей еще было прислано на пароход несколько ящиков шампанского. За этим вином мы иногда дорогою и вспоминали гостеприимных хозяев.

Приезд наш в Ялту, где также была приготовлена встреча, был довольно неудачен. Пристань ялтинского мола была сплошь занята несколькими пароходами, так что нашему пароходу нельзя было пристать, об этом и заявил наш капитан и предложил, в ожидании освободившегося места, подрагировать где-нибудь в море. На нашем пароходе, главным образом для знаменитого знатока океанов — Мюррея, было устроено приспособление для драгирования на глубинах. Для предстоящего драгирования мы отъехали от Ялты верст на двадцать к югу, где и была заброшена драга. Улов был крайне оригинальный: вместе с грунтом драга вытащила женский ботинок, покрытый ныне живущими *Mutilus*^М, женскую подвязку и чулок, что доставило много смеху нашим гостям. Другая неудача заключалась в том, что накануне нашего приезда случился пожар, при котором была совершенно уничтожена электрическая станция, и город остался в темноте. Прием нам был приготовлен с электрической иллюминацией вечером в публичном саду. Нам пришлось

приставать к ялтинскому молу почти в полной темноте, но тем не менее мы были в полуосвещенном фонарями ресторане и на приеме, впрочем короткое время. На другой день гости были приглашены для осмотра Ливадии и Массандры, куда и ездили в придворных экипажах и где также нас угощали продуктами местного виноделия.

Последнюю нашу остановкою был Севастополь, где представители города, главным образом наши славные моряки, показали гостям город, раскопки Херсонеса и Георгиевский монастырь²⁴ с его ближайшими окрестностями, накормили экскурсантов в своем клубе, а вечером прислали нам на пароход оркестр морских музыкантов, дали нам концерт, под конец которого были организованы и танцы. Таким путем мы повеселили и наших дам, среди которых появились и дамы из Севастополя по рекомендации моряков. Поздней ночью мы покинули Севастополь и направились в Одессу, совершив здесь наш последний переезд.

На другой день у нас на пароходе было общее прощание, благодарственные от гостей речи и взаимные обещания снова встретиться на следующем конгрессе. Циркеля и братьев Креднеров, уезжающих прямо домой, я проводил до вокзала. Я сам остался в Одессе по случаю с целью сходить в баню и несколько передохнуть от парочной сутолоки. В этот день вечером я спустился в столовую нашего отеля поесть и совершенно для себя неожиданно увидел сидящих за отдельным столиком с чашками кофе и бутылками какого-то очень дорогого коньяку Гейки и Мюррея. Оказалось, что их дальнейший путь был не домой, а в Италию, в Одессе же им пришлось ожидать прямого сообщения два дня. Они любезно пригласили меня к их столику, где я и поел, а с ними стал пить кофе. Первоначальною темою их разговора было выражение мне благодарности, в особенности за поездку по Черному морю. Мюррей, как известно, очень богатый человек, разошелся до того, что предложил мне, даже за его счет, приехать к нему в Эдинбург. Я, конечно, с благодарностью отклонил это приглашение. Простившись с ними уже окончательно, я на другой день выехал в Петроград.

На следующий, VIII Конгресс, бывший опять в Париже (в 1900 г.), я поехать не мог, занятый своею экскурсиею, но на Конгресс (IX) в Вене (в 1903 г.) я поехал как с целью повидать симпатичных мне венских геологов, так и для свидания с Циркелем и другими, с которыми предварительно списался. Останавливаться на этом Конгрессе я не буду, так как повторялось в приеме нас то же, что и на других конгрессах. Город устроил роскошный обед в своей ратуше. В экскурсиях я тоже не участвовал, а прямо вернулся из Вены в Петроград.

Венский конгресс был для меня последним. После этого Конгресса, несмотря на их периодическое возобновление через каждые три года, я больше не ездил. Причин для этого у меня было довольно много. Самый преклонный мой возраст, уже требующий для поездки известного комфорта, требовал и увеличения расходных

сумм. На эти поездки нам выдавали настолько скудные средства, что их не хватало даже на одно пропитание. Прибавлять своих денег я не мог за неимением какого-либо излишка. [Отказу от] посещения дальнейших конгрессов содействовало и то, что последние совершенно уклонились от первоначальной своей задачи по единообразию геологической терминологии и были пополнены главным образом сообщениями о специальных работах, о которых я мог узнать, хотя и позднее, из тех томов, которые издавались после каждого конгресса. Для получения Трудов конгрессов я продолжал записываться и в их члены. Особенно тяжело было мне посещать конгрессы в последнее время, так как очень быстро стали убывать из этого мира мои старые приятели-геологи. Умерли Циркель, Г. Креднер, Лаппаран, Капелини, Зюсс, Мойсисович, Чермак, Коген²⁵, Лоза и др. Правда, взамен их появились новые, но старые традиции и знакомство мое с такими выдающимися учеными как-то не особенно увлекали на эти новые знакомства. Эта быстрая убыль моих старых коллег особенно сильно затормозила мои дальнейшие поездки.

Мне особенно приходилось пожалеть, что не удалось посетить несколько конгрессов в Америке, куда меня настойчиво звали товарищи, американские геологи. Эту страну я посетить не мог, как упомянуто выше, за неимением больших средств, которые нужны были для этого.

Во всяком случае, посещение международных геологических конгрессов оказало на меня сильное влияние. Личное знакомство с выдающимися учеными, обмен мыслями, а иногда даже и мимолетный разговор давали мне совершенно новое освещение какого-либо вопроса, о котором я прежде не думал. То же посещение конгрессов в различных местах 3 {ападной] Европы дало мне возможность видеть многое из того, что я знал только по книгам, а такой личный осмотр должен был в более энергичной форме запечатлеть виденное. В настоящее время я с особенным удовольствием и благодарностью, выводя эти строки, вспоминаю о бывших конгрессах и о тех людях, с которыми свел знакомство, а ушедшим в могилу скажу: «Вечная вам память».

Глава XI

ЗАБОТА О РАСШИРЕНИИ КАФЕДРЫ ГЕОЛОГИИ В НАШЕМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Мое увлечение и занятия геологиею как раз совпали с периодом ее сильною развития. Появился ряд выдающихся сочинений, довольно определенно указывающих на предстоящее и ближайшем будущем не только еще большее развитие некоторых отделов, но и выделение их в самостоятельные науки. Большинству профессоров геологии в наших университетах приходилось крайне усиленно работать, чтобы следить за этим развитием и не отставать от движения науки. В России только в одном бывшем Горном корпусе, преобразованном в Горный институт, преподавался независимо один отдел ее — палеонтология. В заграничных университетах, хотя бы как цикл геологических знаний, палеонтология преподавалась, но это преподавание в большинстве случаев падало на того же профессора, который читал геологию.

У нас в России, как упомянуто выше, только университетским Уставом 1863 г. произведено было отделение минералогии от геологии, т. е. была еще первая фаза распада крайне обширной области знаний, а выделения из геологии ее отделов в то время даже и не предполагалось. Как сейчас упомянуто, в России только в Горном корпусе отдельно преподавалась палеонтология, преподавание которой вошло обязательным, в виде особой кафедры, и к Уставу преобразованного Корпуса в Институте, и даже кроме профессора по этой кафедре был назначен адъюнкт-профессор. Также были утверждены этим Уставом и кафедры минералогии и геологии по два преподавателя на каждую. Это разделение геологии как бы [показывало заботу] правительства о приготовлении минералогов и геологов, а университетским Уставом 1878 сторона дела как бы игнорировалась. Но не задача Горного института готовить геологов; если они являлись оттуда, то это чисто счастливая для науки случайность. Молодые люди, поступающие в Горный институт, идут туда не ради геологии, а ради приобретения владений по горнозаводской и рудной теории и практике, а такое расширение минералого-геологических сведений для будущего практика уже является

чистым обременением, в особенности если принять во внимание всю программу, прямо непреодолимую, всего проходимого там курса. Вот почему и надо пробыть пять лет в Институте, когда сравнительно не особенно сложное дело горного инженера требует, например, во Фрейбергской горной школе всего трех лет пребывания [там], а горное дело идет в Германии едва ли не впереди всех других стран, во всяком случае лучше, чем у нас.

Чистая наука, в виде геологии, должна быть сосредоточена в университетах, где к ее занятиям есть полная подготовка.

Все предметы естествознания, на которые опирается геология, в университетах читаются полностью, чего не может дать Горный институт. Если ввести более обширные курсы естествознания в этом Институте, то он превратится в факультет одного из открытых у нас сравнительно недавно политехнических институтов, где сделаны горные отделения.

В мое пребывание во время командировок за границей, по крайней мере в тех странах, которые были доступны мне во время войны или сейчас после нее, на большинство профессоров была возложена обязанность читать всю геологию, не возлагая на другого обязанности читать ее отделы. На повторные мои поездки за границу начиная с 1878 г. показали мне, что в Западной Европе уже вполне определилась палеонтология, выделившись в отдельный цикл знаний, и уже имела довольно много своих представителей.

Перед моей поездкой на Первый международный конгресс в Париж я был вызван очень любезным письмом бывшего в то время министром или его товарищем И. Д. Делянова, который просил меня во время этой командировки, попутно, собрать в Париже некоторые сведения о реальном образовании во Франции. Не обременяя себя писанием отчета по последней просьбе И. Д., я по возвращении из-за границы посетил его и изложил ему просимые данные. После этого сообщения я рассказал ему о самом Конгрессе и в конце повел речь о желательности выделения и у нас палеонтологии в отдельную профессию, ибо уже и в то время равномерно следить одному профессору за полным развитием геологии было крайне затруднительно. И. Д., энергично замахав руками, стал уверять меня, что это не пройдет и что министр финансов ни за что не пропустит такого ходатайства, ибо вообще на образование в России отпускаются деньги крайне скудно и неохотно.

Начиная с 1878 г. я неоднократно указывал на отдельного профессора, преподающего палеонтологию в Горном институте, ведя частные разговоры с довольно многочисленными и часто сменяющимися министрами народного просвещения, но обыкновенно получал уверения в вышеуказанном духе И. Д. Делянова. Пришлось волей-неволей нести до чрезвычайности трудную задачу — самому вести свои специальные работы и в то же время, по возможности, следить за литературой всех отделов геологии.

Приближаясь к семидесятилетнему возрасту, я задумал совершенно прекратить чтение лекций и перейти на пенсию. Это было задумано как под влиянием преклонного возраста, так и из-за прямой невозможности¹ проследить за полным развитием различных отделов моей науки. Я все-таки рассчитывал продолжить занятия геологией в том предположении, что меня как штатного все-таки не выгонят из созданного мною музея, ибо для меня лишение музея было бы равносильно лишению занятия наукою, а потому я стал зондировать почву о возможности замены меня двумя профессорами. При этом предполагал одному поручить геологию с палеонтологией, другому — петрографию.

До этих хлопот чтение лекций приходилось до известной степени маскировать, передавая чтение лекций по палеонтологии приват-доценту. Эта маскировка заключалась в том, что факультет в то время не поручал чтение обязательных курсов приват-доцентам, а поручал им курсы только рекомендованные¹. Подобные рекомендованные курсы палеонтологии я и уговаривал некоторых магистров и докторов читать в помощь мне в нашем Университете. Начал ее читать П. Н. Венюков и читал до назначения его профессором в Университете Св. Владимира. Его сменил Г. Г. фон Петц, который продолжал чтение этого курса до своей несчастной гибели на Алтае. За Г. Г. возобновлены эти лекции Н. И. Каракашем, который тоже их читал до своей смерти. Только сравнительно недавно, по моему ходатайству, факультет избрал для этой цели уже штатного доцента П. А. Православлева².

Во время моей зондировки у г[оспод] министров, по моему счастью, товарищем министра народного просвещения был назначен В. Т. Шевяков³. В. Т., бывший мой коллега по Университету, долгое время жил и преподавал за границей, а потому был хорошо осведомлен о преподавании там геологии и палеонтологии. Он очень сочувственно отнесся к моему предстоящему ходатайству и советовал сейчас же его привести в исполнение. Я представил в факультет двух кандидатов, выбранных мною из состава провинциального университета и, конечно, согласно и их желанию перейти в Петроград. В факультете и совете Университета оба моих кандидата при баллотировании прошли блестяще. Но когда их представили для утверждения в Министерство, то там почему-то произошла заминка? Министр Кассо⁴ не утвердил одного из представленных кандидатов⁵, а это неутверждение повело к отказу у нас от кафедры другого профессора, так как и ему было бы невозможно читать все отделы геологии и он был в этом отношении некомпетентен. Это неутверждение одного из кандидатов было более чем странно, ибо этот кандидат был, как указано выше, одним из профессоров провинциального университета, а следовательно, если он был вреден в политическом отношении для Петрограда, то равносильно и для провинции?

Отказ в утверждении министром одного из представленных кандидатов сделался известным в Университете среди лета, когда не представлялось возможности хлопотать о новом кандидате, которого еще предстояло наметить и с ним списаться. Так как геология читалась студентам 4-го курса, то оставлять их без знания этой науки, а следовательно, и без экзамена не представлялось возможным, а потому декан факультета и просил меня продолжить чтение лекций и в следующее полугодие. Ради интереса студентов и Университета я согласился и тяну эту лямку до сих пор, хотя в Предисловии к 5-му изданию I тома моей «Геологии» я публично высказал свой взгляд на это дело и заявил о дальнейшем прекращении выхода моей книги в свет.

Мое представление в факультет и в совет только двух кандидатов на замещение моей кафедры было обусловлено осторожностью и советами В. Т. Шевякова, ибо представление большего числа повело бы к полному отказу. Я на это согласился, предполагая, что мои заместители сумеют со временем еще увеличить количество преподавателей по геологии. Это я считал необходимым тоже. С лишком пятьдесят лет тому назад, когда я начал читать лекции, только одна палеонтология пользовалась как бы известною самостоятельностью, хотя, по моему мнению, только с капитального сочинения Циттеля (1876 г.) можно признать за ней самостоятельность и теснейшее ее примыкание к зоологии и ботанике. Петрография только что зарождалась, и ее начало мы видели в первых трудах англичанина Сорби⁶ (1858 г.), за которым уже шли немецкие ученые, как Циркель, Розенбуш⁷, Коген и т. д. В настоящее время петрография может считаться вполне самостоятельной областью знаний, представляющей теснейшую связь между минералогией и геологией. Такой отдел геологии, который в то время начала моих лекций и не думали выделять, — сейсмология в настоящее время привлекает к себе внимание астрономов и физиков, внесших в нее высшую математику, и также является уже весьма самостоятельной (см. курс лекций покойного князя Голицына). Еще менее в то время обозначался отдел геологии — почвоведение, который в настоящее время уже требует для знакомства [с ним] отдельного преподавателя и стал на место связи между геологией и чистой агрономией. Вот что развилось и стало самостоятельно на моих глазах во время преподавательской деятельности. За всем этим надо было следить.

Хотя почему-то, как упомянуто выше, по крайней мере в Петроградском университете, преимущество преподавания минералогии и геогнозии и было предоставлено горным инженерам, но мы и много раньше имели целую серию университетских геологов. Достаточно вспомнить имена Эйхвальда, Пандера⁸, Куторги, Борисяка, Фельдманова, Ливоковена и др., чтобы видеть, что задолго до 1863 г., т. е. до университетского Устава, разделившего кафедру минералогии на две, мы имели весьма видных в науке геологических деяте-

лей. Такое самостоятельное выделение явилось не зря, а вызвано было все-таки помимо личных интересов исследователей известными общественными требованиями, которые особенно сильно стали сказываться в более позднее время.

Так, возникновение Геологического комитета сразу потребовало дополнить кадры горных инженеров университетскими геологами. Многие земства стали обращаться в университетские ученые общества с просьбою [произвести] исследование] их уездов и целых губерний в геологическом отношении с целью указания полезных ископаемых, там имеющихся. С легкой руки В. В. Докучаева пошли теми, же земствами приглашения и для почвенных исследований, а затем некоторые губернские города стали устраивать и собственные геолого-почвенные музеи, для которых опять-таки приглашались только университетские геологи. Возникновение кадров [для] гидрогеологических исследований нашей родины также потребовало очень большого количества универсантов. Немало университетских геологов работает в качестве геологов-консультантов и геологов-разведчиков в различных горнопромышленных предприятиях, например], по разведке нефтяных, угольных, рудных, золотоносных, каменно-соляных, строительных материалов и др[угих] месторождений. Так это обращение к университетским деятелям произошло у нас, так наблюдалось оно и в Зап[адной] Европе, где также питомцы университетов зачастую для себя избирали карьеру на поприще практической, или прикладной, геологии. Уже сам по себе факт, что питомцы университетов оказываются преемственными работниками в области практической геологии, свидетельствует о том, что в нормальных случаях им по силам справиться с предъявляемыми таким работникам научно-техническими задачами. Я далек от мысли, что в задачи университетского преподавания геологии входит подготовка практиков для тех или иных горнопромышленных предприятий. Это задача [горных институтов].

Глава XII

ОПАСНОСТИ И НЕУДОБСТВА ЭКСКУРСИЙ

В разговорах с весьма многими знакомыми и даже с профессорами, но других факультетов, мне неоднократно приходилось ощущать зависть к нашим летним экскурсиям. Они высказывались в том духе, что будто бы эти поездки по России есть своего рода как бы отчасти увеселительные. Большинство завидующих, очевидно, не вникали в то обстоятельство, что эти поездки далеки от увеселительных по такой стране, как наша малокультурная Россия, что это тяжелый труд, часто сопряженный с большими опасностями. Этому последнему, конечно, подвергаются и другие натуралисты, но больший риск в этом отношении принадлежит геологам. Зоолог или ботаник может миновать место, геолог же должен во что бы то ни стало, для точности своей работы, это место посетить и осмотреть. Укажу, как пример, на следующее: представьте себе, что Вы следите какую-нибудь речку или ручей и нигде не встречаете выходов на дневную поверхность горных пород. Наконец Вы увидели на противоположном берегу скалу, т. е. нужный для осмотра материал; доступа к этой скале, кроме как со стороны реки, другого нет, и случай этот Вами наблюдается в совершенно пустынной местности. Скалу осмотреть во что бы то ни стало нужно, и Вы, если совершаете эту экскурсию пешком, должны искать брода, а иногда и до пояса в воде добираетесь до этой скалы и берете образцы камня. Конечно, лучше на лошади, но опасности и на ней часто не избегают.

В особенности такие случаи опасны в горных странах, где текущие воды обладают значительной скоростью и у слабонервного могут вызвать головокружение; но такие воды еще опаснее тем, что часто совершенно неожиданно, благодаря выпаданию обильного дождя в верховьях, быстро наполняют свое русло водою, и ничтожный поток обращается иногда в многоводную и быструю речку. Трудности такого перехода чрез речку еще содействует то, что русла их обыкновенно завалены массою камня, покрытого водорослями, а следовательно, скользкого и совершенно неудобного для подошвы ног ваших или лошади. Эти примеры я привел к тому, что при совершении подобного рода предприятия на Алтае погиб геолог Г. Г. фон Петц.

В числе опасностей и неудобств экскурсий, знакомых читателю, укажу на несколько случаев, бывших со мною в течение почти сорока лет путешествий по различным местностям России.

Особенно тяжело бывает геологу по вечерам, когда он, усталый и голодный, возвращается во временную остановку. Надо себе приготовить пищу и место для сна и в то же время по черновым наброскам писать дневник, что для геолога составляет существенную необходимость, ибо удержать в памяти все детали, наблюдаемые на экскурсии, нет никакой возможности. Чем подробнее дневник, тем со временем много легче писать свой подробный отчет об экскурсии, и часто внесенные в него (в дневник) мелочные наблюдения дают новое освещение. То же надо сказать и о пище. Не везде можно найти какое-либо разнообразие. Главную пищу составляет хлеб, а в голодной Финляндии в 1867 г., как видели выше, и того не было. В этом отношении экскурсии в Западной Сибири куда много удобнее.

Там есть так называемая «земская квартира». Для этого почти в каждой деревне отводится чистая и нежилая изба, где и останавливаются едущие по делам. Сибирский крестьянин значительно богаче европейского, а потому у него можно найти довольно разнообразные продукты для питания. Не любят они, в особенности женское население, чиновников, которых узнают по фуражке с кокардою и очень мало и неохотно обслуживают им. Но когда убедятся, что вы не чиновник, то запанибрата все, что есть, к вашим услугам. Мне одна хозяйка такой земской квартиры, где мне пришлось пробыть, делая разъезды в стороны, около недели, отказала первоначально продать даже яйца. Но когда убедилась, что я собираю камни и ищу руду, то уже к утреннему самовару являлось обильное угощение в виде шанежек — лепешек из белого теста, белый и черный хлеб, масло и яйца. В некоторых местах при отъезде моем из деревни даже отказывались от платы; приходилось эту последнюю оставлять им насильно. В других местах, как, напр[имер], в Повенецком уезде Олонецкой губернии, [у нас были] для питания только хлеб да молочные продукты. Везти с собою консервы крайне неудобно как из-за дороговизны, так и из-за стеснения в передвижении. Так, в Олонецкой губернии, где во время моих экскурсий было очень мало дорог, приходилось, как там говорят, «поступать», т. е. идти пешком, а вашу кладь на спине тащат обыкновенно женщины, и по подорожной на тройку лошадей вам назначают шесть женщин. Поэтому всякий лишний груз представляет обременение, даже и при возможности верховых экскурсий. То же могу сказать и относительно моих экскурсий на Кавказ, где для перевозки продуктов питания используют специальные приспособления, нанимают лишних лошадей, проводников и т. д.

На тех же экскурсиях, в особенности в лесистых местностях, иногда открывается возможность заблудиться. Это было со мною в том же Повенецком уезде Олонецкой губернии. Мне во что бы то

ни стало надо было осмотреть в южной части местность между Сег[озером] и Выгозером. Расспросив в деревне относительно возможного пути между этими озерами, я взял лодку с надлежащим количеством женщин для гребли и стариком-проводником, и мы на этой лодке проплыли верст тридцать к указанному нам пункту, где в местной избушке оставили всю свою кладь, состоящую из хлеба и рыбы. Отсюда, распределив нашу кладь на спинах женщин, мы начали «поступать» по едва заметной и нам тоже указанной тропе. По деревенским рассказам, мы должны были прийти к небольшому озеру, где надо было развести костер, чтобы по этому сигналу к нам съехала лодка из небольшой деревни с противоположного берега. Пешеходное расстояние мы определили в шесть верст. Мы шли этой тропинкой и хорошим ходом три часа и действительно пришли к берегу озера, изрезанного многочисленными заливами, но никакой деревни с нашего берега не было видно. Развели костер, но никто не приезжал к нам на выручку; провели здесь в девственном лесу первую ночь и по совету проводника развели еще два костра, но не помогло и это. Погода стояла все время отвратительная, лил дождь и было очень холодно, а главное, у нас не было никакой пищи. На другой день я разбил свою компанию на две части, чтобы обойти озеро и с которой-нибудь стороны отыскать нужную нам деревню, и если какая-либо партия ее не найдет, то вернуться им на место нашего ночлега. Надо ко всему этому прибавить, что как в то время, так и сейчас географические карты этой местности крайне неверны и то озеро, где мы были, даже на них не показано. Обе группы к ночи опять возвратились к своим кострам, ничего не найдя. Произвели поиски и на другой день, и тоже без результата. Я решил провести здесь еще ночь, а наутро вернуться к первоначальному пункту, т. е. к Выгозеру. У меня и у сопровождающего меня Е. И. Слупского были непромокаемые пальто, а у проводников ничего подобного, и они, совершенно промокшие, постоянно сушились у костра, при этом женщины в значительной степени испортили свои костюмы и постоянно плакали. Только на заре этой ночи я увидел на озере лодку, стал кричать, и она к нам подъехала. Оказалось, что жители деревни никаких костров, благодаря изрезанности берегов озера заливами, не видали, а выехали на косьбу случайно. Они по партиям перевезли нас к себе, где благодаря их охоте мы нашли массу дичи, которой и напитались. Два дня нашего пребывания в лесу единственной пищею у нас была морошка, в изобилии растущая по многочисленным болотам этого лесного края. Интересно то, что я и Е. И. переносили холод и голод довольно хладнокровно, но сопровождающие нас крестьяне были прямо в отчаянии и все время плакали; плакал даже старик-проводник. Деревня, куда мы приехали, состояла всего из четырех изб, но тем не менее дала возможность нам достать пищу, напиться чаю и, благодаря разгулявшейся погоде, мы с Е. И. расставили свои складные кровати у стога сена и вполне выспались. Из этой деревни уже воз-

можно было верхом проехать к Сегозеру. Этот переход обошелся мне в денежном отношении очень дорого, так как пришлось сопровождающих меня вознаградить не только за проводы, но и за испорченные костюмы.

Не менее неприятностей в таких экскурсиях представляли и встречи с дикими животными как в Олонецкой губернии, так и на Алтае, в лесах этих местностей приходилось встречать то одиноких, то семейных медведей, но так как я большею частью был с проводниками, то мы поднимали общий крик, от которого зверь всегда бежал, а иногда даже во время бега страдал от «медвежьей болезни».

В черте Алтая, где мы этим именем называли девственный лес, растущий на горах, мне неоднократно приходилось встречаться с беглыми с Сахалина каторжниками, но они обыкновенно убегали в лес, бросая иногда разведенный ими костер и свой камелек над ним. Только усиленный зов и призыв совместно выпить чаю иногда мог вызвать их из леса, чтобы выпить с ними чаю и побеседовать. Никаких попыток к грабежу никогда не было — всегда мы расставались по-приятельски.

В экскурсиях по многочисленным местностям России иногда представлялись шансы и утонуть при переездах в лодках, (?) * чрез речку на лошадях или, как указано выше, пешком. Со мною было несколько таких случаев, где я был очень близок к подобному концу. Расскажу о некоторых, о которых хорошо помню.

Первый из таких случаев был со мною в 1869 году, когда я спускался по р. Онеге к Белому морю. У меня была куплена в Каргополе лодка и наняты для проводов два человека, из которых один был опытный вожак по этой реке, имеющей около 400 верст. Большею частью плавание наше было вполне благополучно, но на пути предстояли еще крайне опасные Бирючевские пороги, о которых довольно часто заговаривал и наш проводник. Наконец мы достигли и этих последних, но прежде чем пуститься в дальнейшее плавание, надо было обыкновенный руль заменить, по настоянию вожака, на так называемую «потесь». Это вместо руля помещают длинное и плоское бревно, которым и делают довольно быстрые повороты лодки. Снарядивши лодку потесью, мы стали спускаться вниз по реке, но этот спуск встретил в порогах довольно сильный встречный ветер, который в значительной степени мешал управлению потесью. Когда мы достигли наиболее опасного места порога, где вода каскадом падает в реку, лодку уже несло боком прямо на выдающуюся из реки скалу, и если бы вовремя, с сильным напряжением, наш вожак не налег на потесь, то нас бы не было. Проскочив удачно мимо скалы и попав в тихий плес, мы очутились в лодке до сиденья в воде; надо было пристать к берегу и отлить воду.

Другой случай был со мною уже несколько более неприятный, и произошел он на небольшой болотной речке, одном из притоков

* В рукописи неразборчиво.

А. А. Иностранцев на строительстве Ново-Ладожских каналов.
1879 г.

р. Южный Выг и Олонецкой губернии. Я и спутник мой Е. И. Слупский были верхом на простых деревенских седлах с веревочными стременами; проводники были пешими. Когда мы подъехали к вышеуказанной речке, то один из проводников, указав рукою, какого направления надо держаться, чтобы не потерять брода, стал снимать с себя сапоги. Е. И. ехал впереди и сейчас же направил лошадь в реку; моя лошадь пошла за лошадью Е. И. До середины речки лошади шли по колена в воде, но отсюда же стали плыть; очевидно, Е. И. потерял брод. Когда его лошадь достигла малинного противоположного берега, она начала карабкаться на берег и наконец довольно энергично выскочила на пего; при этой скачке Е. И. свалился с седла на прекрасную цветущую травку луга. Думая, что и меня ожидает подобная участь, я едва успел вытащить из веревочного стремени одну только правую ногу, левая же застряла в стремени. Моя лошадь также делает усилия выскочить, но опрокидывается вместе со мною назад в воду. Дальше я чувствую, что меня сильно тянет за левую ногу, и делаю усилие её освободить.

К моему счастью, веревка у стремени оказалась гнилою, и я ее, вероятно, при помощи лошади, оборвал. Но когда выплыл на поверхность воды, то оказалось, что я чем-то прикрыт. Деревенские

седла представляют собой только один деревянный остов, а потому для большего удобства при поездках на них мы настилали свои пледы. Вот мой плед меня и прикрыл в реке. Когда я освободился, то оказалось, что я был у самого берега, но ногами достать дна не мог, точно так же, как ни пробовал карабкаться, задеть ногами что-нибудь упорное не мог; ноги все время скользили по скользким корням и корягам. В это время поспешил и Е. И. и проводники и помогли мне выбраться из речки. Берега этого заливного луга оказались образованными из нанесенных речкою сучьев, кореньев и коряг. Воображаю, в каком виде меня вытащила бы за ногу лошадь, если бы не оборвалось стремя? Я до такой степени наглотался воды и совершенно промок, что долгое время кашлял, чихал и плевался. Промок я настолько основательно, что находящуюся у меня на груди замшевую сумку с бумажными деньгами надо было выжимать, а деньги сушить. К моему счастью, день был жаркий, и мы на втором же лугу расположились сушить меня и пить чай. Расскажу еще об одном случае, бывшем со мною на р. Оби. Через эту речку из Томска в Барнаул идет почтовый тракт, а я и ехал в этот последний город... Р[ека] Обь, как и многие другие реки, питающиеся запасами снегов в своем верховье, имеет два периода половодья... Вот ко второму половодью мы выехали на р. Обь к небольшой деревне, лежащей против известной в Сибири крупчатки Горохова, через которую и идет почтовый тракт. Содержатель парома отказался в тот же день перевезти нас к крупчатке, указывая на необыкновенно быстрое в тот день течение р. Оби, бороться с которым на своем пароме, двигаемом только одною лошадию, он не может. Пришлось в этой деревушке ночевать, отдав приказ, что если представится маломальская возможность переехать через реку назавтра рано утром, то нас разбудить. В некоторых местах р. Оби есть превосходные паромы, идущие по проволочному канату и передвигаемые самою рекою. Здесь же паром был самый примитивный; две лодки, скрепленные на некотором расстоянии друг от друга деревянным помостом, а самый паром приводился в движение одной лошадию. Очень рано утром мы свой тарантас погрузили на такой паром и стали очень медленно подниматься вверх по реке, у левого ее берега, с тем расчетом, что сильное течение в реке снесет нас к надлежащему пункту. Мы поднялись версты па две выше крупчатки и только тогда решились начать пересекать реку, направляя паром к правому берегу. Сначала все шло благополучно, но когда мы стали приближаться к крупчатке Горохова, то увидели, что течение реки нас несет не прямо к берегу, а на железную баржу для погрузки хлеба, стоящую на якоре несколько ниже крупчатки. Это течение несло с необыкновенной быстротой наш паром как раз на острый нос баржи, и этот последний должен разрезать наш паром на две части. Наше положение было критическое и настолько опасное, что громадная масса народа высыпала на берег из крупчатки, а некоторые бросились и на баржу, чтобы подать нам какую-

нибудь помощь. Но они были бессильны, и, как говорили потом нам, мы должны были погибнуть, ибо при такой быстроте течения воды спасти нас им бы не удалось. Мы на пароме и сами обрекли себя на гибель. На наше счастье, случилось довольно моментально следующее: баржа стояла на якоре носом против течения, от которого шла стальная цепь к якорю, и вот наш паром ударяется об эту цепь, которая срывает несколько досок помоста парома, но зато своею упругостью отбрасывает нас к самому берегу, и мы застреваем между им и баржою. Берег здесь весьма крутой, так что надо было сделать особое приспособление, чтобы снять с парома наш тарантас. Только благодаря якорной цепи мы были спасены. Обступившая нас толпа рабочих с крупчатки, во главе с ее владельцем Гороховым, как один человек, стала нас уверять, что только такая случайность спасла нас от гибели. Несмотря на то что это происшествие было около 4 часов дня, мы, отказавшись от приглашения Горохова остановиться у него, прошли в земскую квартиру, где, напившись чаю и расставив складные кровати, я и мой спутник той экскурсии В. П. Семенов-Тянь-Шанский улеглись, сильно взволнованные, спать и проспали до 10 часов вечера, когда нас разбудили. Горохов прислал за нами экипаж и письмо с просьбою у него поужинать. На другой день рано утром мы уехали в Барнаул.

Русский крестьянин вообще не любит больницы, а в малонаселенных местах их и совершенно нет; нет и врачей. Точно так же тот же крестьянин не верит и в заразные болезни и заразных не изолирует, а потому остановка в крестьянских избах требует известной осторожности, без которой легко схватить заразу. Так, к сожалению, как упомянуто выше, было с моим первым ассистентом Сперанским. Он среди довольно жаркого лета 1871 г. отправился собирать, по моей просьбе, для геологического кабинета силурийские окаменелости в окрестностях Павловска. После сбора он, усталый и сильно утомленный жарою, захотел выпить молока и зашел в одну из изб д. Поповки, где хозяйка согласилась продать ему одну бутылку. Выпивая в избе свое молоко, он услышал на печке какие-то стоны и спросил хозяйку, кто там страдает и чем? Она ответила, что там лежит ее муж, больной оспою. Конечно, Сперанский поторопился уйти, но, приехав в Петроград, почувствовал вечером жар, а через три дня умер от черной оспы. Я был в то время за границей.

Зная эти условия, я, за исключением чистых земских квартир Сибири, редко ночевал в крестьянских избах во время своих экскурсий, а обыкновенно уходил со своею складною кроватью в один из сараев, находящихся на дворе, и там проводил ночь. Такое избегание изб, необходимое вообще, особенно было необходимо на севере России, как, например, в посадах побережья Белого моря, ибо там является и другой враг человечества — клоп. Интересно то, что поморы большею частью люди зажиточные и живут в двухэтажных деревянных домах. Второй этаж обыкновенно нежилой и обстановка его прямо образцовая: мебель из Норвегии, белые занавески на

окнах, столики покрыты чистыми белыми скатертями и видимая чистота всюду. Но наступают сумерки, и из всех щелей начинают выползать крупные клопы и тараканы. Скатерти покрываются почти сплошь двигающеюся массою насекомых, так что и думать было нечего о ночлеге в таких комнатах и надо было ночевать или в сарае, над сараем, а в холодное время и в подызбице в сообществе складов хлеба и большущих крыс.

Во всей северной России кроме клопов и тараканов врагами экскурсантов являются и другие насекомые. В Олонецкой, Архангельской, Вологодской и других смежных губерниях отравляет существование экскурсантов мошка, едва заметная для невооруженного глаза; она выбирает на вашей голове, и в особенности на лице, самые нежные места: за ушами, у глаз, на шее и т. д. и довольно незаметно впивается в ваше тело... В месте укуса образуется опухоль, вызывающая сильный зуд. Комар, по крайней мере, своим жужжанием предупреждает экскурсанта. Местные жители для работы в окружающих их лесах имеют специальное приспособление, состоящее из холщового шлема, у которого личная часть затянута сеткою; но это приспособление сильно мешает при ходьбе дыханию, и я его не употреблял. В таких местностях у геологических разрезов приходилось разводить костер и закуривать сигару, и только тогда можно было вносить в записную книжку свои наблюдения. При ходьбе же я обыкновенно накрывал под фуражку голову носовым платком, который своими колеблющимися концами мешал мошке меня кусать. После одной дневной экскурсии в начале июля иногда человек до того бывает искусан и лицо его [становится таким] опухшим, что [он] делается прямо неузнаваем. Я припоминаю, как однажды мой спутник по Олонецкой губернии Е. И. Слупский был до того искусан мошкою, что на утро другого дня я его не узнал: все лицо его было опухшим, в особенности около глаз, которые являлись в виде щелей. Местные жители обыкновенно освобождаются от зуда и опухоли банею. После дневной работы в лесу, вечером, они идут в баню и выпотением избавляются от этих укусов. Этот прием проделал и Е. И. и действительно скоро после бани принял свой обыкновенный вид.

В средней и южной России ночным врагом экскурсанта является блоха. Я помню, как однажды во время дождя поместился на ночь со своею складною кроватью в пустом хлебном амбаре в Рязанской губернии. Через каких-нибудь полчаса я выскочил как угорелый из этого рассадника блох и затем до перемены белья и костюма чувствовал их укусы. То же самое со мною, Н. П. Барбот-де-Марни и Г. Н. Потаниным было в Крыму, на северном склоне Таврических гор, где мы думали воспользоваться для ночлега любезным приглашением одного мурзы². Н. П. скоро заснул и не слышал укусов блох, я же и Г. Н. не могли перенести этой пытки и скоро покинули свое помещение и переселились ночевать на открытый воздух двора.

На Кавказе, во время моих геологических исследований предполагаемой перевальной железной дороги чрез Главный Кавказский хребет, с вышеуказанными насекомыми у меня был трагикомический случай. Будучи на участке этой дороги, детальным исследованием которого занимался покойный Н. И. Каракаш, мы вместе с ним и сопровождающим меня моим старшим сыном Михаилом Александровичем³ днем совершили довольно большую боковую экскурсию и поздно вечером, было уже темно, приехали в большой ингушский аул. Расставлять палатки, как я обыкновенно ночевал вне аулов, было невозможно, а Н. И. вспомнил, что в этом ауле живет один его знакомый богатый ингуш, и предложил нам поехать к нему, что мы и сделали. Хозяин встретил нас, узнав Н. И., очень радушно и сейчас же заставил хозяек готовить нам довольно разнообразные угощения, в числе которых был и классический шашлык. Накормив нас, он предложил для ночлега нежилую, отдельно стоящую во дворе большую саклю, предназначенную обыкновенно для почетных гостей; туда мы и переселились и расставили свои кровати для ночлега. Только что мы улеглись на кровати, как сын мой моментально с нее соскочил, уверяя, что его страшно кусают. Вскоре и я и Н. И. почувствовали то же самое; зажгли свечи и увидели необыкновенное обилие блох, при котором пропала и всякая охота здесь спать. Но откуда мы расставляли постели и разговаривали, наши хозяева и весь дом давно погрузились в глубокий сон. Посоветовавшись, мы решили, пользуясь теплою ночью, вынести наши кровати на двор и там попробовать заснуть. Но только что Н. И. открыл дверь нашей сакли, как на него с сильным лаем набросились две громадные овчарки, он едва успел захлопнуть дверь, от них спасаясь. Оказалось, что в каждом дворе этого аула держали овчарок — днем на цепи, а вечером предоставляли им свободу в своем дворе. Такой обычай держать овчарок в этом ауле был вызван близостью к нему большой казацкой станицы, и казаки нередко по ночам воровали у ингушей лошадей, что иногда делалось и обратно. И так мы попали буквально в плен этих овчарок и блох; овчарки не давали нам возможности даже открыть очень близко к земле устроенные окна — сейчас же пытались ворваться и в комнату. Делать было нечего, и мы, зажегши все имеющиеся у нас свечи, стали заниматься ловлей блох и освидетельствованием того, откуда они явились. Сакля была очень большая, и оказалось, что у глухой ее стены была сложена груда перин и тюфяков, которые, вероятно, и были таким источником. Так, не спавши, мы и провели ночь, откуда хозяин не посадил своих овчарок на цепь.

На границе Екатеринославской губернии и земли Войска Донского на меня было нападение и целой стаи овчарок, охраняющих большую отару овец. Я спасся от этого нападения только благодаря тому, что поблизости был невысокий каменный забор, на который я вскочил и [на нем] дождался прихода пастухов, которые укротили бешенство овчарок.

В Западной Сибири экскурсант сильно страдает от укусов оводов и слепней, там даже за вашим тарантасом летит целая стая этих насекомых; часть их успевает сесть на лошадей и кусать их до крови. Да и самому седоку в тарантасе стоит несколько зазеваться, чтобы получить очень болезненный укус. Во время поездки в тарантасе я обыкновенно защищался от укусов этих насекомых, отмахиваясь свежей сорванной зеленой веткой.

Из приведенных примеров читатель может сделать заключение, насколько непохожи наши экскурсии на увеселительные поездки, как это думают некоторые, [и насколько] это большой и тяжелый труд.

Но несмотря на это, почти непрерывное пребывание на свежем воздухе в течение 2 — 3 месяцев, обилие разнообразных движений (пешком, на лошади, гребля в лодке, лазанье по горам и т. п.), умеренная, однообразная, но здоровая пища — все это в значительной мере искупает указанные неудобства и опасности. В течение моей жизни я почти непрерывно в течение сорока лет экскурсировал по России и думаю, что* помимо здоровой моей природы, этого единственного наследства, полученного мною от родителей, постоянным экскурсиям я в значительной мере обязан столь продолжительной жизнью, которая застает меня в настоящее время, а по тому я без особой горечи вспоминаю даже те неприятные стороны экскурсии, о которых я рассказал выше.

Глава XIII

О ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

Для более полной картины при характеристике моей жизни я считаю долгом в самых общих чертах рассказать кое-что и о своей частной жизни. По известной поговорке «Скажи, с кем ты живешь, и я скажу, кто ты» можно до известной степени составить себе представление о том человеке, узнать которого мы хотим.

Я, как человек вполне здоровый и вечный оптимист, иногда прямо жаждал быть в обществе людей. К сожалению, в большей части домов, куда меня звали, собравшаяся компания засаживалась за карты, которые я никогда не любил и не играл в них. Когда меня выбрали в свой состав Военно-медицинская академия, я задумал объединить всю профессуру Петрограда где-нибудь на нейтральной почве. Думал сперва переизменить университетских профессоров прежде с медициной, а затем привлечь сюда и профессоров других высших учебных заведений. Такую нейтральную почву я выбрал на Васильевском острове; против Николаевского моста в то время был французский очень приличный ресторан. Я вступил и переговоры с хозяином этого ресторана и поставил условие: в первую субботу после 20-го числа зимнего сезона [сдавать нам] зал и одну из прилегающих комнат, а в 11 часов давать нам легкий ужин из двух блюд за 1,5 рб., но без закуски и вин: последние выговорил возможность получать за отдельную плату. Хозяин согласился и, надо сказать правду, прекрасно исполнял свое обещание.

Первоначально собирались как наши профессора, так и медики довольно энергично, но, к сожалению, и здесь потребовалось поставить столики для карточной игры, ибо были и такие жаждущие. Среди медиков, по прошествии каких-нибудь трех месяцев, стало раздаваться все громче и громче выражение желания заменить эти вечеринки обедами, так как большинство народ женатый и хотели бы вечера суббот проводить в своей семье. На одном из наших ужинов я и поставил этот вопрос на баллотировку, за ужином было в этот раз много медиков, а потому и приговор был в пользу наших собраний на общий обед. Но надо заметить, что и раньше, на общих ужинах, можно было заметить довольно большое различие между медиком и университетским профессором. Большинство медицин-

ских профессоров были практики, люди богатые, некоторые из них после первого блюда требовали себе шампанского, чего университетский профессор позволить себе не мог, и это обстоятельство довольно сильно стало влиять на последних и заметно стало их уменьшение за ужином. Не будучи гастрономом, я, как только решились ужин заместить обедом, отказался от распорядительной обязанности и был выбран проф. А. П. Доброславин. На таких общих обедах мало-помалу замечалось уменьшение университетских профессоров, и сделалось их очень мало, когда А. П. Доброславин перенес эти обеды в только что возникший докторский клуб. На эти обеды из университетских профессоров до своей смерти приезжали Андреевский, Янсон и Овсянников¹ и был и я. Но при дальнейшем развитии этого предприятия мало-помалу изменился и самый характер обедов, так как на них принимали и не профессоров, а просто практикующих врачей и эти обеды превратились в товарищеские докторские обеды, среди обедающих остался я один не медик. Когда закрылся и докторский клуб, то эти обеды перенесли в ресторан Кюбо, где они и просуществовали до начала последней войны и где распорядителем был проф. Н. В. Сиротинин².

Театр я вообще посещал редко и то только по настоянию моих близких — посмотреть какую-нибудь новую пьесу или послушать новую оперу. Изредка, в зимний сезон в назначенные дни, я должен был посещать званые вечеринки у некоторых хороших знакомых. Бывал я на вечеринках у Д. И. Менделеева и М. И. Драгомирова³, а позднее — у его заместителя по Академии, у Г. А. Леера⁴, у А. Д. Градовского и некоторых других.

У Д. И. Менделеева собирались почти исключительно художники⁵, среди которых были И. И. Шишкин, Крамской, Ярошенко, Репин, Мясоедов, барон Клодт⁶ и другие. Из наших профессоров почти постоянным посетителем был Ф. Ф. Петрушевский и реже я, а еще реже А. Н. Бекетов. За стаканом чая начинался разнообразный разговор о событиях дня. Весьма интересно знакомил Д. И. между собой своих гостей. Он отличался, видимо, совершенной неспособностью запомнить имя и отчество своих гостей, а потому, начав знакомить, часто говаривал: «А ну, как Вас зовут, а впрочем знакомьтесь сами». Несколько оживлялась беседа позднее, когда подавали дешевое русское крепкое вино и бутерброды. У М. И. Драгомирова и Г. А. Леера я перезнакомился с большим количеством выдающихся русских военных разных сортов оружия. А. Д. Градовский жил недолго и крайне рано сошел в могилу для глубокой горести нашей Родины. У него собирались различные представители газет и некоторые литераторы, и беседы иногда затягивались до поздней ночи.

Особенным оживлением отличались редкие вечеринки у В. В. Самарского-Быховца, принадлежащего к знаменитой плеяде первого набора русских адвокатов. Здесь собиралось многочисленное и крайне разнообразное общество. Так как В. В. был в то время и

профессором и Училище правоведения, то было много правове­дов и другой учащейся молодежи. Я, помню, здесь истрепал еще правове­дом будущего министра юстиции Щегловитого⁷. У В. В. были две взрослые дочери, а потому много было и их подруг. Обилие моло­дежи, требующей движения, скоро сводило нечеринку к танцам, за которыми и проводили время иногда до раннего утра. Для играю­щих в карты были столики, а остальную публику занимал хозяин, не признающий карт напрочь... В. В. был необыкновенный хлебо­сол и сам очень тонкий гастроном, знал рецепты многих оригиналь­ных блюд, а потому его ужин и закуска отличались как разнообра­зием, так и обилием блюд. За ужином молодежь была отделена от взрослых, но среди и тех и других было большое оживление, и иногда дело доходило до общей застольной песни, начинавшейся с знаменитой «Чарочка моя» и т. д. Уехать до ужина — это значило нанести обиду хозяину.

Мне иногда приходилось обедать и в гостях у С. С. Трубачева, на их званых обедах я перезнакомился со многими драматическими артистами частных театров, но здесь же более тесное знакомство свел и с нашим знаменитым К. А. Варламовым*, с которым был знаком и раньше. Варламов, узнав от хозяйки дома, что я любитель щей и каши, которых и он был большим поклонником, стал до­вольно часто, т. е. раза четыре в зимний сезон, звать меня к нему обедать оригинальной запиской, на которой обозначалось, что в воскресенье такого-то числа будут «щиикаша». У него спорадически собирались артисты Императорских театров, с которыми мне при­шлось перезнакомиться.

Подряд, в течение многих лет, я должен был обедать 19 февра­ля у моего старого друга и сверстника Н. С. Таганцева⁹, день рож­дения которого совпадал с днем освобождения крестьян. Здесь я встречал большое общество, среди которых были как министры (Коковцов, Манухин, Ермолов¹⁰ и др.), так и назначенные и вы­бранные члены Государственного совета и сената. Под копен обеда словоохотливый хозяин держал речь, на которую следовали отпеты, касающиеся то освобождения крестьян, то здоровья хозяина и его семьи, то и более веселого содержания. После обеда и здесь боль­шинство садилось за карты, а остальной народ, выпив стакан чая, уезжал, что обыкновенно делал и я.

Перезнакомился я и с оперными артистами благодаря моему по­сещению В. М. Лаппо-Сноражаненкого? и М. А. Михайловой, в замужестве Ван-Путерен. В этих двух местах собиралось довольно много наших оперных артистов (Н. Н. Фигнер с женою, Славина, Долин, Майборода и друг.)¹¹.

Однажды мне пришлось отличиться и в мазурке с М. Г. Са­виной¹². Дело было так: в Благородном Собрании был устроен кон­церт и бал с лотереей аллегри¹³ и пользу Высших женских курсов; я, как их профессор, получил почетный билет и приехал па этот вечер, чтобы внести в кассу и спую лепту. Сейчас же меня ириста-

Л. А. Иностранцев в своем рабочем кабинете. Май 1912 г.

шин ассистировать к М. Г. Савиной, торгующей аллегри. Мы с нею были знакомы давно, а потому и много болтали. Когда, после концерта, начался бал и заиграли мазурку, то к М. Г. быстро какой-то франт с предложением протанцевать с ним. По-видимому, этот франт был М. Г. просто противен, и она решительно ему заявила, что мазурку танцует со мною. Я на публичных балах никогда не танцевал, и с самой гимназии, где у нас был обязательный танцкласс, я этого упражнения не производил. Представьте мой ужас от такого заявления М. Г. Савиной? Когда франт удалился, я обратился к М. Г. и заявил, что она, идя со мной танцевать рискует прокалиться, по она не поверила и, взяв меня за руку, повела в зал. Наше появление произвело среди молодежи сильную сенсацию, и некоторые даже стали аплодировать. Наш танец сошел настолько гладко, что вызвал общие аплодисменты. Ко-

нечно, эта орация была устроена не по поводу тому, что на таких вечерах главная публика — студенты и курсистки, из которых некоторые знали и меня, и, увидав М. Г., вообще прекрасно танцующую и общую любимицу, они нашей комбинации и аплодировали. Хотя я долго не мог простить М. Г. этот поступок.

Посещая своих знакомых, я считал своею обязанностью ответить, по мере сил и возможности, приглашением и к себе. Для этого в зимний сезон мы назначили некоторые вечера по пятницам и устраивали прием. Таких ужинов, как у Самарского-Быховца, я предложить не мог, но и после моих гости уходили сытыми и вообще собирались довольно постоянно. Общество было крайне разнообразное, но и здесь надо было позаботиться о зеленых столиках и картах. Не играющие в карты, как я слышал позднее, находили у нас бывать за удовольствие.

После вышеуказанных посещений, которые я называл «оживляющими», я с новой энергией и надолго как бы под впечатлением уборов совести уходил в свои занятия в геологическом кабинете. Этот кабинет я мысленно называл «моею раковиной» и, как улитка, в ней закрывался от внешней жизни. Эта моя раковина, помимо моего природного оптимизма, до некоторой степени оберегала меня от всяких внешних неприятностей. Во время разгара последней революции и гонения интеллигенции я сидел в своей раковине и производил ряд химических анализов, а потому был сильно занят, что в значительной степени отстранило меня от происходящих событий и порождаемых ими грустных мыслей.

В заключение моей автобиографии считаю долгом сообщить и выразить еще раз мою глубокую благодарность ряду ученых обществ, почтивших меня высокой честью — избранием в свои сочлены. Почетным членом меня избрали следующие общества естествоиспытателей, состоящие при университетах или другие: Харьковское, Киевское, Казанское, Московские — как [Общество испытателей природы], так и Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии], Петроградские — как состоящие при Университете [Общество естествоиспытателей и Антропологическое], так и Антропологическое [при Военно-медицинской академии] и Минералогическое [при Горном институте]; Общество любит[елей] естествознания] Урала, Олонецкое; вновь открытое при Пермском университете [Общество] избрало меня первым и единственным до сих пор почетным членом. Две военные академии — Николаевская инженерная и Николаевская военная — избрали меня почетным членом их конференций.

Членом-корреспондентом избран: Филадельфийской академией естественных наук, Геологическим институтом Вены и Российской Академией наук .

Все эти почести для меня чрезмерные, и, вступая в 76-й год своей жизни, я должен сознаться, что этот акт для меня представляет громадную важность, ибо приводит к сознанию, что трудился я на пользу Науке и Родине не даром и что все неприятные стороны моей жизни этим совершенно изглаживаются.

КОММЕНТАРИИ

Предисловие

¹ Например, «Дневники и воспоминания петербургских ученых», в которой вышло уже три книги.

² Речь академика А. П. Карпинского // Тр. Ленинградского о-ва естествоиспытателей. Л., 1924. Т. 39, вып. 4. С. 20.

³ Левинсон-Лессинг Ф. Ю. О работах А. А. Иностранцева в области петрографии//Там же. С. 23.

⁴ См.: Прозоровский В. А. Общая стратиграфическая шкала: создание, современное состояние, перспективы развития // Вестник СПбГУ. Сер. геол. и геогр. 1995. Вып. 3. С. 10-11.

* Игнатъев А. А. Пятьдесят лет в строю. М., 1948. С. 114—115; Из воспоминаний зоолога Александра Михайловича Никольского // Из истории биологических наук. М.; Л., 1966. С. 84. ⁶ ПФА РАН, ф. 300, оп. 2, ед. 19.

⁷ Однако в передаче С. И. Романовского история создания этой организации существенно отличается от версии А. А. Иностранцева (см.: Романовский С. И. История создания Геологического комитета // ВСЕГЕИ в развитии геологической науки и минерально-сырьевой базы страны. 1882 — 1982. Л., 1982.) Мы приводим здесь содержание исследования СИ. Романовского, признавая большее его соответствие действительности. Оно пока зывает, что организация Геологического комитета была длительным и отнюдь не простым процессом.

Впервые о желательности создания государственной геологической службы в России высказался профессор Горного института академик Г. П. Гельмерсен в 1863 г. в статье «Современное состояние геологии в России», опубликованной в Горном журнале: «Если бы у нас образовалось государственное учреждение наподобие австрийской Geologische Reichsanstalt или английского Geological Survey, то немедленно явились бы геологи для занятий». Основная цель его — систематическое изучение геологии России по общему плану и прежде всего составление геологической карты страны.

Идея создания самостоятельного геологического института становится популярной, и в течение 8 лет преимущественно профессорами Горного института предлагается несколько различных проектов его организации. Для их обсуждения и выработки согласованного документа была образована компетентная комиссия во главе с акад. Г. П. Гельмерсеном. Параллельно новый проект устава был подготовлен директором Горного института В. Г. Ерофеевым, впервые предложившим название «Геологический комитет».

В 1874 г. академики Г. П. Гельмерсен и Н. П. Барбот-де-Марни подали докладную записку с итогами работы комиссии, в которой обосновывали необходимость создания самостоятельного государственного геологического учреждения. Ряд членов комиссии привели особые мнения. В 1876 г. комиссия подала 2-й вариант докладной записки, так как на первый Горный департамент не реагировал. Министр государственного имущества этот вариант забраковал.

В 1878 г. подавался очередной проект устава будущего Геологического комитета, составленный на сей раз Горным департаментом. Его одобрил министр государственного имущества, но министр финансов отказался обеспечить его финансирование. Тогда директор Горного департамента Ф. И. Россели предложил профессору Горного института В. И. Мёллеру создать новый проект, исключая недостатки предыдущих. Последний в 1880 г. предложил два варианта «Положения о геологическом отделе Горного департамента», упомянув при этом, что решение по ним необходимо для сообщения на 2-й сессии Международного геологического конгресса в Болонье (в 1881 г.).

Таким образом, в 1880 г. появился очередной, 9-й вариант — «Пояснительная записка к проектам устава и штата Русского геологического института». Она была подписана В. И. Мёллером и А. А. Иностранцевым, а также, после внесения некоторых изменений, В. Г. Ерофеевым.

7 ноября 1881 г. ее одобрил Государственный совет, а 19 (31) января

1882 г. Александр III утвердил Положение и штаты Геологического комитета России. Так в нашей стране появилось первое государственное геологическое учреждение, открывшее новую эру в развитии отечественной геологии.

⁸ *Формозов А. А.* Начало изучения каменного века в России. Первые книги. М., 1983. С. 71.

⁹ *Дьяконова-Савельева Е. Н.* Некоторые страницы из истории Ленинградского общества естествоиспытателей за 90 лет его деятельности // Тр. ЛОЕ. 1960. Т. 21, вып. 1. С. 38.

¹⁰ *Формозов А. А.* Указ. соч. С. 70—84; *Столяр А. Д.* Вклад профессора А. А. Иностранцева в развитие первобытной археологии России // Вопросы геологии и археологии: Тез. докл. между нар. симпоз., посвящ. 150-летию со дня рождения А. А. Иностранцева. СПб., 1994. С. 51—54.

¹¹ *Тихонов И. Л.* К вопросу о роли А. А. Иностранцева в становлении палеозоологической школы в С.-Петербургском университете // Вопросы геологии и археологии: Тез. докл. между нар. симпоз., посвящ. 150-летию со дня рождения А. А. Иностранцева. СПб., 1994. С. 55—57; *Он же.* Петербургская палеозоологическая школа (Этапы формирования) // Санкт-Петербург и отечественная археология: Историогр. очерки. СПб., 1995. С. 100-120.

¹² Из воспоминаний зоолога Александра Михайловича Никольского // Из истории биологических наук. М.; Л., 1966. С. 84.

¹³ См.: Геологическая наука в Санкт-Петербургском университете. СПб., 1996.

¹⁴ *Кузнецов С. С.* Александр Александрович Иностранцев. Л., 1969. С. 4.

¹⁵ *Формозов А. А.* Указ. соч. С. 72.

¹⁶ ПФА РАН, ф. 347, оп. 3, ед. 204.

¹⁷ *Стеклов В. А.* Переписка с отечественными математиками: Воспоминания. Л., 1991. С. 290.

¹⁸*Сорокин П. А.* Долгий путь: Автобиографический роман. Сыктывкар, 1991. С. 144.

¹⁹Лосский Н. О. Воспоминания. Жизнь и философский путь. СПб., 1994. С. 226.

²⁰Сорокин П. А. Указ. соч. С. 145.

²¹Исторические кладбища Петербурга. Справочник-путеводитель. СПб., 1993. С. 298.

²²Дерюгин К. М. Отчет секретаря о деятельности Петроградского общества естествоиспытателей за 1917, 1918 и 1919 гг. // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. 1993. Т. 91, вып. 1. С. 148.

²³Левинсон-Лессинг Ф. Ю. Профессор А. А. Иностранцев // Тр. ЛОЕ. 1924. Т. 39, вып. 4. С. 4.

²⁴См.: Вопросы геологии и археологии: Тез. докл. междунар. симпоз., посвящ. 150-летию со дня рождения А. А. Иностранцева. СПб., 1994.

²⁵Соколов В. А. Александр Александрович Иностранцев. 1843 — 1919. М., 1981; О» же. Создатель школы карельских геологов: Очерк о жизни и деятельности профессора А. А. Иностранцева. Петрозаводск, 1976.

²⁶Марголис Ю., Прошин Г. Новое о гражданской казни Н. Г. Чернышевского: Из неизвестной автобиографии А. А. Иностранцева // Рус. лит. 1964. МБ2. С. 101-105.

²⁷Д. И. Менделеев в воспоминаниях современников. М., 1973. С. 26—33.

Глава I

¹Фарфоровый завод (ныне завод им. М. В. Ломоносова), основанный в 1744 г., — старейшее в России предприятие этой отрасли.

²Анкудинов Иван (1786—после 1830) — живописец по фарфору, в 1796—1804 гг. учился в школе при Императорском Фарфоровом заводе, затем работал там по 1820-е гг.

³Иностранцев Александр Петрович (1793—1879) — капитан фельдъегерского корпуса (см. коммент. 5), отец А. А. Иностранцева.

⁴Церковь Знамения на Невском проспекте — церковь Входа Господня в Иерусалим («Знаменская»), построена архитектором Ф. И. Демерцовым в 1794—1804 гг., уничтожена в 1940 г., находилась на углу Знаменской ул. (ныне ул. Восстания) и Невского пр. (сейчас на этом месте находится наземный вестибюль станции метро «Площадь Восстания»).

⁵Фельдъегерский корпус — основан в 1796 г. как военная часть вспомогательного назначения для доставки важнейших бумаг и депеш как в пределах Российской империи, так и за границу. Первоначально состоял из одного офицера и 15 фельдъегерей (курьеров), к концу царствования Николая I имел три роты с 22 офицерами и 30 фельдъегерями.

⁶Карель Филипп Яковлевич (1806—1886) — лейб-медик Николая I с 1849 г., окончил Дерптский университет, в 1832 г. начал службу батальонным врачом лейб-гвардии гренадерского полка, затем заведовал госпиталем лейб-гвардии конного полка.

⁷Военное инженерное училище — основано в 1819 г. под названием Главное инженерное училище, позднее стало называться Николаевским инженерным училищем.

⁸Боресков Михаил Матвеевич (1829—1898) — генерал-лейтенант, электротехник, закончил в 1849 г. Главное инженерное училище, в Крымскую кампанию 1854—1855 гг. руководил

устройством подводного минного
заграждения на Дунае и подрывными работами в крепостях Измаил
и Килик. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. заведовал
минной частью действующей армии. С 1884 г. — председатель
Комиссии по применению воздухоплавания, голубиной почты и
сторожевых вышек в военном

искусстве. Энергично занимался формированием воздухоплавательных команд, с этой целью ездил во Францию, где совершил несколько полетов и приобрел для России два воздушных шара. В конце жизни был заведующим гальванической частью инженерного ведомства. Автор ряда трудов по минному делу.

⁹ *Смольный институт* — закрытое женское учебно-воспитательное заведение для дочерей дворян с 6 до 18 лет, открыт по инициативе И. И. Бецкого в 1764 г. при Воскресенском (Смольном) женском монастыре. В 1859—1862 гг. инспектором института был К. Д. Ушинский, осуществивший ряд прогрессивных мероприятий.

Елизаветинский институт — бывший Патриотический институт.

⁰ *Пепиньерка* — вероятно, дежурная воспитательница. Этого слова нет в словаре В. И. Даля.

¹ *Доброславин Алексей Петрович* (1842 — 1889) — известный ученый-медик и общественный деятель, выпускник и профессор (с 1876) Медикохирургической академии. С 1874 по 1880 гг. издавал журнал «Здоровье» — первый в России научно-популярный гигиенический журнал. Был председателем одной из секций Общества охранения народного здоровья с момента его создания (1878). Вместе с А. А. Иностранцевым входил в комиссию по устройству городских кладбищ.

² *Араго (Arago) Жак-Этьен-Виктор* (1790—1855) — французский писатель и путешественник, участник кругосветного путешествия на корабле «Урания» в 1817—1820 гг. Автор ряда книг, в т. ч. переведенных на русский язык.

³ *Мартынов Александр Евстафьевич* (1816—1860) — выдающийся русский драматический актер, один из основоположников русской школы сценического реализма, с 1836 г. в труппе Александрейского театра. О нем см.: *Алышшуллер А.* Александр Евстафьевич Мартынов. М.; Л. 1959.

Каратыгин Василий Андреевич (1802—1853) — великий русский драматический актер, ведущий актер-трагик Александрейского театра со времени его открытия (1832). О нем см.: *Альперс Б.* Театр Мочалова и Щепкина. М., 1979.

Шумский Сергей Васильевич (1820—1878) (настоящая фамилия — Чесноков) — русский драматический актер, ученик М. С. Щепкина, работал в Малом театре (Москва). Актер «без ампула», сыграл много разнообразных ролей в пьесах Островского, Мольера и др. О нем см.: *Кони Ф.* Русский театр в Петербурге // Пантеон. Т. 3, № 6. СПб., 1852.

⁴ Вероятно, автор имеет в виду одну из многочисленных откликнувшихся на события Крымской войны пьес в жанре исторической драмы, популярных в 1840—50-е гг., но быстро сошедших со сцены. См.: История русского драматического театра: В 7 т. Т. 4. (1846-1861). М., 1979.

⁵ *Чертовы пальцы* (*Belemnitella mucronata*). — Так часто называют построенные из кристаллов кальцита и арагонита внутренние скелеты белемнитов — внутрираковинных головоногих моллюсков, характерных для мезозойских морей. Отмеченный А. А. Иностранцевым вид *Belemnitella mucronata* Arh. типичен для морей маастрихтского века мелового периода геологической истории Земли (74 — 63 млн. лет тому назад), обычно сохраняется в отложениях песчаника мела в южных частях Европейской России или

на соседних с ней (на юге) территориях.

^б Старший брат матери А. А. Иностранцева Семен Михайлович Добровольский окончил в 1835 г. кандидатом юридический факультет Петербургского университета, преподавал законоведение во многих военных

болезни, выехал в Карлсбад, после возвращения жил в Грузино, где занимался устройством хозяйства. См.: Отечественная история. М., 1994. Т. 1. С. 99-100.

²⁷ *Медико-хирургическая академия* — старейший медицинский вуз России. Создана в 1786 г. на базе госпитальных школ, открытых в Петербурге в 1733 г. при Адмиралтейском и Военно-сухопутном госпиталях. В 1881 г. преобразована в Военно-медицинскую академию.

²⁸ *Николаевский вокзал* — ныне Московский вокзал в Санкт-Петербурге.

Глава II

¹ *Постельс Александр Филиппович* (1801 — 1871) — ученый-минералог и педагог, выпускник (1823) и адъюнкт-профессор (1831 — 1847) Петербургского университета, хранитель минералогического кабинета Петербургской АН и ее почетный член. В 1826—1829 гг. участвовал в кругосветном путешествии на шлюпе «Сенявин» под командованием Ф. П. Литке. Собрал большие естественно-исторические коллекции. С 1847 по 1856 гг. директор 2-й Петербургской гимназии, с 1863 г. член Совета министра народного просвещения. Автор многих научных трудов, в т. ч. учебных пособий по естествознанию. О нем см.: *Анастасенко Г. Ф.* История одной минералогической коллекции. СПб., 1993. С. 58 — 65.

Оценка А. Ф. Постельса А. А. Иностранцевым, видимо, необъективна, т. к. другие источники оценивают его деятельность на посту директора 2-й гимназии очень высоко. См., например: *Маев Н.* Из прошлого 2-й Петербургской гимназии// Русская школа. 1894. Т. 1, № 2. С. 29 — 39. Вероятно, причиной этого является то обстоятельство, что А. Ф. Постельс общался в основном с гимназистами старших классов, а во времена его директорства Иностранцев был еще в младших классах.

² *Своекоштные полупансионеры* — пансионеры, полностью оплачивающие свое пребывание в гимназии.

³ *Воронов Андрей Степанович* (1819—1875) — русский педагог, выпускник Петербургского университета, преподавал в Пскове и Петербурге, возглавлял ученый комитет Министерства народного просвещения. Именно при нем были введены либеральные уставы 1860-х гг.

⁴ *Соколов.* — Может быть, имеется в виду Соколов Виктор Иванович (1835—1899) — выпускник Главного педагогического института. Преподавал математику, географию, русский язык, сотрудничал в журнале «Учитель». *Авенариус.* — Сведений нет.

⁵ *Ведомство Императрицы Марии.* — IV отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии было открыто 26 октября 1828 г. Оно заменило канцелярию Императрицы Марии Федоровны (созд. 1796), находилось под покровительством Их Императорских Величеств и управлялось статс-секретарем. В 1844 г. при нем был учрежден учебный комитет. В октябре 1854 г. IV отделению было присвоено наименование «Ведомство учреждений Императрицы Марии, состоящих под непосредственным Их Императорских Величеств покровительством». В 1860 г. Утверждено Положение о Главном управлении Ведомства. Ведомство занималось делами по призрению детей и взрослых, по призрению слепых и глухих, по женскому воспитанию и образованию, по воспитанию юношества, по оказанию врачебно-медицинской помощи.

⁶*Пески* — район Санкт-Петербурга к востоку от Знаменской ул. (ныне ул. Восстания), одно из наиболее высоких мест в городе.

⁷*Рота Измайловского полка*. — Ротами Измайловского полка назывались параллельные улицы, расположенные в месте его квартирования (ныне Красноармейские улицы).

⁸*Майков Владимир Николаевич* (1845—1888) — писатель-этнограф, выпускник Царскосельского лицея. Преподавал французский язык во 2-м кадетском корпусе, исследовал антропологию и этнографию финно-угорских народов, в частности мордвы.

⁹*Эвольд Владимир Федорович* (? —1891) — преподавал историю во 2-й гимназии. Окончил филологический факультет Петербургского университета. Увлекался ботаникой, являлся одним из членов-учредителей Ботанического отделения Петроградского общества естествоиспытателей. Открыл первое реальное училище и был его директором.

¹⁰*Фан-дер-Флит Петр Петрович* (1839—1904) — физик, учился во 2-й гимназии; выпускник (1862), приват-доцент (1873), профессор (1880) Петербургского университета;

Поссе Константин Александрович (1847 — 1928) — математик, окончил 2-ю гимназию; выпускник (1868), приват-доцент (1873), профессор (1883) Петербургского университета, почетный академик Петербургской АН (1916);

Боргман Иван Иванович (1849—1914) — физик, учился во 2-й гимназии; выпускник (1870), приват-доцент (1877), профессор (1888), ректор (1905 —1910) Петербургского университета.

Выпускниками 2-й гимназии были также Клейбер Иосиф Андреевич (1863—1892), приват-доцент Петербургского университета по кафедре астрономии и геодезии; Педашенко Дмитрий Дмитриевич (1868—?), приват-доцент Петербургского университета по кафедре зоологии; Петри Эдуард Юльевич (1854—1899), антрополог, профессор (с 1887) Петербургского университета по кафедре географии и этнографии, преемник (с 1894) А. А. Иностранцева на посту председателя Русского антропологического общества при Петербургском университете.

¹*Сент-Илер Карл Карлович* (1834-1901) - зоолог, выпускник (1856) Петербургского университета, ученик С. С. Куторги. С 1856 г. — учитель естественных наук во 2-й гимназии, в 1870—1877 гг. — преподаватель естественных наук на женских педагогических курсах, в 1877—1897 гг. — директор Петербургского учительского института. Автор учебников по зоологии, редактор русского издания «Жизни животных» Брэма.

²*Пузыревский Платон Алексеевич* (1830—1871) — выдающийся минералог, геолог. В 1848 г. поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета, который окончил в 1852 г. со степенью кандидата биологии. Стал преподавателем естественных наук Лесного института, но, заболев тифом, в 1853 г. был отправлен для излечения в Италию. Там увлекся геологическими объектами и в 1854/55 г. слушал лекции по геологии во Фрайбургской горной академии. Вернувшись в Россию, стал проводить химико-минералогические исследования в Петербургском университете и в 1857 г. защитил магистерскую диссертацию. В 1858 г. утвержден доцентом по кафедре минералогии и геодезии Петербургского университета. После ухода из Университета Э. К. Гофмана в 1863 г. П. А. Пузыревский назначается исполняющим обязанности экстраординарного профессора. В 1866

г. защищает докторскую диссертацию на тему «Очерк геогностических отношений Лаврентьевской системы Выборгской губернии» и утверждается ординарным профессором.

207

Отличаясь высокоактивной деятельностью в Университете и в различных научных обществах, он резко оживил кафедру и создал научную школу, давшую целую плеяду даровитых ученых. Пузыревский положил начало разделению единой кафедры на две самостоятельные, которые после его смерти возглавили его ученики М. В. Ерофеев (кафедру минералогии) и А. А. Иностранцев (кафедру геологии и палеонтологии). Он был, по существу, первым настоящим профессором минералогии Петербургского университета, в отличие от предшествовавших ему соинтересов, чьи интересы в значительной степени принадлежали не Университету, а другим ведомствам. П. А. Пузыревский, несомненно, является родоначальником минералогической школы Петербургского университета — одной из ведущих в нашем Отечестве. О нем см.: *Докучаев В. В.* Биография П. А. Пузыревского // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Санкт-Петербургского университета. Т. 2. СПб., 1898; *Курбатов С. М.* История кафедры минералогии Ленинградского государственного университета. Л., 1972. 88 с.

^a *Страхов Николай Николаевич* (1828—18%) — магистр зоологии, писатель, философ, преподавал в Духовной семинарии г. Харькова. Образование получил в Московской Духовной академии.

[#] *Эбергарт Федор* — танцевал в Императорских театрах (1829—1830).

^b В 1854 г. военная муштра по предписанию Николая I была введена не только в гимназиях, но и в университетах, отменили ее только в 1856 г. при Александре II.

^b *Коломна* — район в западной части центра Петербурга.

^v *Комитет цензуры*. — Во главе общей цензуры стояло Главное управление по делам печати, находившееся в Министерстве внутренних дел, при Главном управлении состояли канцелярии. Главному управлению были подчинены цензурные комитеты, делившиеся на внутренние и иностранные. Они состояли из председателей и цензоров и находились в городах Праге, Москве, Варшаве, Тифлисе, Риге, Киеве, Одессе и других.

^b *Майков Аполлон Николаевич* (1821 — 1897) — поэт. В Петербурге с 1834 г. Учился на юридическом факультете Петербургского университета. С 1837 по 1841 гг. работал в Министерстве финансов, после 1844 г. И до конца жизни работал в Комитете иностранной цензуры. Был идейно близок к славянофилам. Участник панславянского движения. О нем см.: Некролог // Журнал Министерства народного просвещения. 1897. Мс 4. Отд. IV. С. 53.

Полонский Яков Петрович (1819—1898) — поэт, прозаик, мастер лирического и бытового романа, учился на юридическом факультете Московского университета. В Петербурге жил с 1851 г., с 1860 по 18% гг. работал в Комитете иностранной цензуры. О нем см.: *Покровский В. И.* Полонский, его жизнь и сочинения.

⁹ *Демидов Павел Павлович* (1839—1885) — представитель богатейшего рода уральских промышленников Демидовых. В 1860 г. окончил юридический факультет Петербургского университета. Меценат, известный своей щедростью, тратил большие суммы на благотворительность. В 1872 г. С разрешения императора Александра II принял пожалованный ему итальянским королем титул князя Сан-Донато. Почетный гражданин Флоренции.

²⁰ *Кесслер Карл Федорович* (1815 — 1881) — русский зоолог и ихтиолог, выпускник (1838), профессор (с 1861) и ректор (1867-

1873) Петербургского университета, один из организаторов съездов русских врачей и естествоиспытателей, организатор и первый президент Петербургского общества естествоиспытателей.

208

" *Космо-Демьяновский переулоч* — находился между слоновой Суворовский пр.) и Дегтярной улицами.

"*Пирогов Николай Иванович* (1810—1881) — хирург и анатом, исследования которого положили начало анатомо-экспериментальному направлению в хирургии, основоположник военно-полевой хирургии. Выпускник (1828) Московского университета, профессор (1836—1840) Дерптского университета, член-корреспондент Петербургской АН (с 1847), профессор (1841 — 1856) Медико-хирургической академии и руководитель созданной им при Академии клиники госпитальной хирургии. Принимал участие в обороне Севастополя (1854). Затем попечитель Одесского и Киевского учебных округов. О нем см.: *Штрайх С. Я.* Николай Иванович Пирогов. М., 1949.

²³ Вероятно, имеется в виду *Заболотский-Десятовский Павел Парфентьевич* (1814 — 1882) — доктор медицины, заслуженный профессор Медико-хирургической академии, почетный и неперменный член Военно-медицинского ученого комитета, совещательный член Медицинского совета МВД, член многочисленных ученых обществ, тайный советник. Автор многих трудов по хирургии, судебной медицине и гигиене, лечению венерических заболеваний. Первым в России стал употреблять хлороформ как анестезирующее средство при операциях. Основатель музея при Академии.

²⁴ *Ткачев Петр Никитич* (1844 — 1886) — русский революционер, один из теоретиков народничества, литературный критик. Учился во 2-й гимназии. В 1861 г. поступил на юридический факультет Петербургского университета, но вскоре был исключен за участие в студенческих волнениях. В 1862 г. подал прошение о восстановлении, но восстановлен не был. В 1868 г. сдал экстерном экзамен за курс обучения на юридическом факультете. С 1873 г. в эмиграции. О нем см.: *Шахматов Б. М.* П. Н. Ткачев. Этюды к творческому портрету. М., 1981.

Лопатин Герман Александрович (1845—1918) — русский революционер-народник, друг К. Маркса, член Генерального совета 1-го Интернационала, первым перевел на русский язык «Капитал» К. Маркса, в 1866 г. (на год раньше Иностранцева) закончил естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета.

²⁵ Возможно, имеется в виду *Шванебах Петр Христианович* (1846 — 1908) — выпускник Училища правоведения, чиновник Министерства финансов, в 1903—1905 гг. товарищ министра земледелия и государственного имущества, сенатор, член Государственного совета с 1906 г.

²⁶ Осенью 1861 г. в результате крупных политических выступлений студентов Петербургский университет был закрыт по приказу Министерства народного просвещения с согласия царя и фактически возобновил свою работу только в 1863 г., после принятия нового университетского Устава. См.: История Ленинградского университета. Очерки. Л., 1969. С. 70 — 76.

²⁷ *Петрушевский Василий Фомич* (1829—1891) — генерал-лейтенант, постоянный член Артиллерийского комитета Главного артиллерийского управления. По окончании 1-го кадетского корпуса в 1848 г. Преподавал химию в Павловском и Пажеском корпусах, с 1856 по 1858 гг. читал курс теоретической химии в Михайловской артиллерийской академии, с 1864 г. преподавал химию наследнику престола Александру Александровичу. С 1871 г. стал начальником Петербургского патронного завода. Автор

целого ряда изобретений, в особенности артиллерийской техники, среди них боковой раздвижной прицел, береговой дальномер, он же впервые применил нитроглицерин в подводных минах. В конце 1860-х гг. создал устройство электрического освещения для крепостной и осадной артиллерии.

Ходнев. — Сведений нет.

²⁸ А. А. Иностранцев, вероятно, имеет в виду пьесу «Булочная, или Петербургский немец» — водевиль П. А. Каратыгина в одном действии. (СПб., 1843).

²⁹ Ошибка автора: в год освобождения крестьян ему было 17,5 лет, а не 16.

³⁰ 8-я *Рождественская улица* — ныне 8-я Советская улица, между Греческим проспектом и Новгородской улицей.

³¹ Вероятно, А. А. Иностранцев ошибся: на Песках была приходская церковь Рождества Христова, разобранная в 1934 г. Она находилась на углу 6-й Рождественской (ныне 6-я Советская) улицы и Красноборского переулка, а церковь Рождества Богородицы была во 2-й гимназии, где он учился. См.: Храмы Петербурга. Справочник-путеводитель. СПб., 1992. С. 44, 92.

³² *Кони Анатолий Федорович* (1844—1927) — известный юрист, литератор, судебный и общественный деятель, сенатор, член Государственного совета, академик (с 1900), профессор (1918—1922) Петроградского университета. В 1865 г. окончил Московский университет. Широкую известность приобрел после вынесения оправдательного приговора по делу Веры Засулич, покушавшейся на жизнь петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова. Автор пяти томов очерков и воспоминаний «На тернистом пути» (1912-1929).

Миклухо-Маклай Николай Николаевич (1846—1888) — ученый-этнограф, антрополог, зоолог, общественный деятель и известный путешественник. В 1863 г. поступил на физико-математический факультет Петербургского университета, но в 1864 г. за участие в студенческих сходках был отчислен, завершил образование в университетах Германии. С 1871 по 1883 гг. совершил серию путешествий в Новую Гвинею, Меланезию, Микронезию, на Филиппинские острова и в Индонезию, где провел значительные этнографические и антропологические исследования. О нем см.: *Чуковская Л. Н. Н. Миклухо-Маклай.* М., 1954.

³³ *Рюрик* — полупоупендарный варяг, основатель княжеской династии на Руси. Легенда о существовании подземного хода из каменной крепости Старой Ладуги на другой берег реки Волхов (хотя она построена в XII в., т. е. намного позднее времен Рюрика) весьма распространена среди местных жителей Старой Ладуги до сих пор.

³⁴ Может быть, *Нечаев Александр Афанасьевич* (1845—1922) — врач-терапевт, профессор, главный врач Обуховской больницы.

День покушения А. Н. Соловьева на императора Александра II — 2 апреля 1879 г.

Глава III

¹ По Уставу 1863 г. физико-математический факультет Петербургского университета делился на математическое и естественное отделения (разряды).

² *Лещ Эмилий Христианович* (1804—1865) — физик и электротехник. Профессор (с 1836) и первый выборный ректор (с 1863) Петербургского университета, академик Петербургской АН. Знаменит установлением «правила Ленца» — определения направления индуцированного тока, разработал методы для расчета электромагнитов, исследовал вертикальное распределение температуры и солености воды в океане и др. О нем см.: *Лежне-*

ва О. А., Ржонский Б. Н. Эмилий Христофорович Ленц (1804—1865). М; Л., 1952.

³ Начиная с 1860-х гг. среди русской молодежи стали чрезвычайно популярны идеи Д. И. Писарева о противопоставлении естествознания обскурантизму гуманитарных наук. Образ студента-естественника, «лягушек режущего», нашел свое яркое отражение в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети».

⁴ *Школа гвардейских подпрапорщиков* — готовила офицеров для регулярной кавалерии и казачьих частей. Основана в 1823 г., с 1826 г. называлась Школой гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. В 1857 г. переименована в Николаевское училище гвардейских юнкеров, которое в 1865 г. преобразовано в Николаевское кавалерийское училище и Николаевский кадетский корпус.

⁵ *Воскресенский Александр Абрамович* (1809—1880) — химик-органик, член-корреспондент Петербургской АН с 1864 г. Окончил Главный педагогический институт в Петербурге в 1836 г. Адъюнкт (1838), профессор (с 1843), ректор (1865-1867) Петербургского университета. С 1867 г. попечитель Харьковского учебного округа.

⁶ Имеется в виду книга Н. И. Кокшарова «Лекции по минералогии» (СПб., 1863). Кокшаров Николай Иванович (1818-1892) – российский геолог и минералог. Окончил Институт корпуса горных инженеров в Петербурге (1840), затем был профессором (1851 — 1855) и директором (1872—1881) Горного института. Экстраординарный (с 1858) и ординарный академик Петербургской АН и многих зарубежных АН. С 1865 г. директор Русского минералогического общества. Автор одной из первых геологических карт Европейской России (1840).

⁷ *Бекетов Андрей Николаевич* (1825—1902) — ученый-ботаник, общественный деятель, член-корреспондент (с 1895) Петербургской АН. Закончил Казанский университет (1849). Приват-доцент (с 1860), профессор (с 1863), декан физико-математического факультета (с 1870), ректор (1876—1883) Петербургского университета, один из организаторов Петербургского общества естествоиспытателей и Высших женских курсов. О нем см.: *Щербакова А. А.* Андрей Николаевич Бекетов. М., 1958.

Известное сочинение... — Курс ботаники для университетских слушателей. Ч. 1. СПб., 1862-1864; Ч. 2, вып. 1. Однодольные. СПб., 1871.

⁸ *Фаминцын Андрей Сергеевич* (1835—1918) — ботаник-физиолог, профессор Петербургского университета, академик Петербургской АН. В академии организовал лабораторию — первое специальное учреждение России по физиологии растений.

⁹ *Гофман Эрнст Карлович* (1801 — 1871) — минералог, геолог, окончил Дерптский университет, участвовал в качестве геолога в кругосветном плавании на шлюпе «Предприятие» под командой О. Е. Коцебу. Кандидат философии Дерптского университета (1827), доктор философии Иенского университета (1832), с 1837 г. — магистр Дерптского университета, экстраординарный (через год — ординарный) профессор минералогии и геогнозии Киевского университета. В 1842 г. — полковник Корпуса горных инженеров. В 1845—1863 гг. — заведующий кафедрой минералогии и геогнозии Петербургского университета. Читал лекции также в Горном институте. О нем см.: *Архипова Н. П.* Непроторенными путями. Э. К. Гофман — геолог, географ, путешественник. Екатеринбург, 1994.

^Д В первой половине XIX в. естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета объединяло несколько кафедр, осуществлявших обучение по крайне широкому кругу дисциплин.

Так, лекции на кафедре минералогии и геогнозии охватывали собственно минералогию, родственные ей кристаллографию, петрографию и геологию, палеонтологию и др. и сильно различались как самим объектом исследований, так и методами его познания. Прогресс естествознания неизбежно приводил к дифференциации дисциплин и выделению новых структурных подразделений (которое продолжается и сейчас). Так появились вначале кабинеты внутри кафедр. Формально впервые минералогический и геологический кабинеты указываются в годовом отчете кафедры за 1865/66 учебный год. Первый возглавлялся доцентом Ф. Р. Вреденом, второй — доцентом Э. И. Гофманом. Однако, как писал СМ. Курбатов в книге «История кафедры минералогии Ленинградского государственного университета» (1972), если геологический кабинет действительно был создан в это время, то минералогический возник значительно раньше на основе минералогического музея, ведущего свое начало от минералогического музея с коллекциями Педагогического института, созданного Петром Ивановичем Медером в 1805 г. Много сделали для его развития Л. И. Панснер, Д. И. Соколов, А. Ф. Постельс, П. А. Пузыревский. В музее и лаборатории кабинета проводили специальные минералогические исследования заинтересовавшиеся данной наукой студенты, магистранты и специалисты-преподаватели. На базе минералогического кабинета профессором Ленинградского университета В. Ф. Барабановым были созданы лаборатория генетической минералогии (1965) и кафедра геохимии (1966).

¹ *Публичный годовой акт* представлял собой общее собрание всех профессоров Университета и всех желающих. На собрании представлялись отчет Университета и доклад одного из профессоров по специальной тематике, а также вручались награды студентам за лучшее сочинение. Проводилось собрание обычно в актовом зале 8-го февраля, которое рассматривалось как дата основания Университета (сейчас этой датой считается 28 января 1724 г. — день подписания Петром I Указа о создании АН и Университета в ее составе, а 8 февраля 1819 г. считается датой воссоздания Университета в Петербурге).

² *Гельмерсен Григорий Петрович* (1803—1885) — выдающийся геолог, академик Петербургской АН, профессор, затем директор (1865—1872) Горного института, первый директор Геолкома (1882), один из учредителей Русского географического общества, лауреат Демидовской премии АН.

³ *Канкрин Егор Францевич* (1774 — 1849) — государственный деятель, генерал-интендант русской армии во время войны 1812 г. С 1823 по 1844 гг. — министр финансов. При нем были введены подушная подать, откупная система на продажу спиртных напитков и акциз на табак, проведена денежная реформа.

⁴ *Дерптский университет* — создан в 1802 г. на базе шведского университета, основанного в 1632 г. под наименованием «Академия Густавиана» и существовавшего до 1710 г. С 1893 г. назывался Юрьевским, после 1917 г. - Тартуским.

⁵ *Барбот-де-Марни Николай Николаевич* (1863—1895) — выдающийся геолог, окончил Петербургский горный институт в 1886 г. Академик Петербургской АН.

Еремеев Павел Владимирович (1830—1899) — минералог, окончил в 1851 г. Петербургский институт корпуса горных инженеров, где позднее был профессором. Академик Петербургской АН с 1894 г., секретарь (1870—1899), затем директор Петербургского минералогического общества.

¹⁷ *Романовский Геннадий Данилович* (1830—1906) — геолог,

окончил Петербургский институт горных инженеров в 1851 г.,
затем был в нем же

212

профессором. Лауреат премии Петербургского минералогического общества (1881), Константиновской медали Русского географического общества.

⁸ *Силурийские окаменелости*. — У А. А. Иностранцева под этим названием указываются на самом деле биофоссилии ордовикского периода, выделенного в 1879 г. англичанином Ц. Лэпвортом (С. Lapworth) из состава силурийского периода (начальная его часть). Они широко распространены на территории Северо-Запада России: в Ленинградской области (в обрывах берегов рек Волхова, Невы, Тосно и др.), в Эстонии (также в обрывах берегов рек) и на высоком берегу Балтийского моря.

⁹ *Гражданская казнь Чернышевского*. — 19 мая 1864 г. над Н. Г. Чернышевским был публично совершен на Мытнинской площади у позорного столба обряд гражданской казни с преломлением шпаги над головой (подробнее см.: *Чернышевская Н. М. Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского*. М., 1953. С. 330-333). Гражданская, или политическая, смерть — высшая форма ограничения прав личности — заключалась в фиксации юридической смерти осужденного, после которой ни его жизнь, ни его имущество не охранялись законом, он рассматривался как умерший.

¹⁰ *Конная площадь* — ныне сад им. Н. Г. Чернышевского на пересечении пр. Бакунина и ул. Полтавской.

¹ То есть в четверть страницы.

² *Менделеев Дмитрий Иванович* (1834—1907) — знаменитый ученый-химик, автор Периодического закона химических элементов и существования критических температур. С 1857 г. — приват-доцент, с 1864 г. — штатный доцент, с 1867 г. до отставки в 1890 г. — ординарный профессор, заведующий кафедрой химии Петербургского университета. Профессор Петербургского практического технологического института, член-корреспондент Петербургской АН, член Римской, Парижской, Берлинской и других академий. Старший друг А. А. Иностранцева, активно способствовавший его научной и педагогической карьере. О нем см.: *Младенцев М. Н. и Тищенко В. Е. Дмитрий Иванович Менделеев, его жизнь и деятельность*. Т. 1, ч. 1—2. М.; Л., 1938; *Летопись жизни и деятельности Д. И. Менделеева* / Под ред. А. В. Сторонкина и Д. М. Трифонова. Л., 1984.

³ *Гусспавсон Гавриил Гаврилович* (1842—1908) — химик-органик. После окончания в 1860 г. 3-й Петербургской гимназии поступил на физико-математический факультет Петербургского университета по разряду естественных наук. В 1865 г. окончил его со степенью кандидата и был определен консерватором в кабинет технической химии. Ученик Д. И. Менделеева. В 1866 г. — лаборант кафедры технической химии у Д. И. Менделеева, затем — ассистент профессора А. М. Бутлерова. В 1875 г. назначен экстраординарным профессором органической и агрономической химии Петровской земледельческой и лесной академии в Москве, в которой служил до 1890 г., в 1892—1900 гг. переведен в Петербург на Высшие женские курсы. Член-корреспондент Петербургской АН с 1894 г. На I Менделеевском съезде в 1907 г. выступил с докладом: «Д. И. Менделеев и органическая химия».

⁴ По Уставу 1835 г. юридический факультет Петербургского университета состоял из отделений юридического и камерального, позднее преобразованного в административный разряд юридического

факультета.

² *Алексеев Петр Петрович* (1840—1891) — химик-органик, окончил Петербургский университет в 1860 г. Работал лаборантом в Высшей медицинской школе в Париже, в Геттингенском, Гейдельбергском и Тюбингенском университетах. В 1864 г. преподавал в Петербургском институте пу-

тей сообщения. С 1865 г. — доцент, с 1868 г. — профессор Киевского университета. Был инициатором создания Киевского общества естествоиспытателей и Киевского отделения Русского технического общества, а также одним из учредителей Русского химического общества (1868).

²⁶ *Университет Св. Владимира* (Киевский) был открыт в 1834 г. На базе закрывшегося в том же году Кременчугского (Волынского) лицея и Виленской академии.

²⁷ *Финляндские мраморы*. — На территории Финляндии широко распространены мраморы различной расцветки — кристаллические карбонатные (кальцитовые) породы, успешно используемые в качестве декоративных и облицовочных материалов.

²⁸ *нОчерк геогностического описания Лаврентьевской системы** — на звание докторской диссертации П. А. Пузыревского, защищенной им в 1866 г. После защиты он был утвержден ординарным профессором Университета и возглавил кафедру минералогии и геогнозии.

Лаврентьевская система была названа по р. Св. Лаврентия на востоке Северной Америки. Объединяет наиболее древние (архейского мегахрона) из развитых в разрезе земной коры Канады метаморфические горные породы, собранные в сложные складки и прорванные гранитами. В настоящее время термин не употребляется.

²⁹ *Штукенберг Александр Антонович* (1844—1905) — геолог и палеонтолог, профессор Казанского университета, создал в нем геологический кабинет и геологический музей. В течение 30 лет президент Казанского общества естествоиспытателей. Широко известен как знаток геологии Урала. Учился на физико-математическом факультете Петербургского университета примерно в одно время с А. А. Иностранцевым и вместе с ним принимал участие в геологической экскурсии по Карелии под руководством П. А. Пузыревского в 1867 г.

Ребиндер Борис Борисович (Бернгард Бернгардович) (1867 — 1922) — палеонтолог, специалист по моллюскам юрского и мелового периодов геологической истории Земли. Высшее образование получил в Рижском политехникуме, который закончил в 1890 г. по агрономическому отделению. В 1893 г. состоял вольнослушателем физико-математического факультета Петербургского университета. В 1895 г. закончил философский факультет Фрайбургского университета и в 1901 г. получил степень доктора философии по отделу геологии и палеонтологии. До переезда в Россию (1902) работал в Прусском геологическом учреждении. В 1907 г. защитил диссертацию в Варшавском политехникуме и был приглашен адъюнктом по кафедре палеонтологии в Петербургский горный институт, где в 1915 г. его избрали экстраординарным профессором.

³⁰ Нынешнее название острова Пузунг-Сари — Пусунсаари.

³⁰³ *Остров Валамо* находится в северо-восточной части Ладожского озера и в настоящее время называется Валаам. На нем размещен широко известный монастырь.

³¹ *Куторга Степан Семенович* (1805 — 1861) — выдающийся зоолог, один из первых эволюционистов в России. В 1827 г. поступил на физико-математический факультет Петербургского университета и в 1828 г. Среди 20 лучших студентов всех университетов России был отправлен в Дерпт для приготовления к профессорскому званию. В 1832 г. получил степень доктора медицины и в 1833 г. занял кафедру зоологии Петербургского университета. С 1848 г. преподавал минералогию и геогнозию в Главном педагогическом институте. В 1835 — 1848 гг.

работал в Цензурном комитете и был инспектором учебных заведений Петербургского округа. Самый важ-

214

ный труд в области геологии — 10-верстная геологическая карта Петербургской губернии, получившая Демидовскую премию.

³² *Сердоболь* — ныне г. Сортавала в Карелии, расположен на северном берегу Ладожского озера.

и Дамаскин (1795-1881) - игумен, с 1839 г. - настоятель Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, при нем было возведено множество церквей, часовен, других монастырских зданий, устроены сады и теплицы.

³⁴ *Шишкин Иван Иванович* (1832—1898) — живописец, рисовальщик, гравер, один из наиболее известных пейзажистов XIX в., передвижник. С 1858 г., еще будучи учащимся Императорской академии художеств, регулярно писал с натуры на о. Валаам в компании с начинающими учениками пейзажного класса Академии, взяв их под свое покровительство и «художественный» надзор. В упомянутой поездке 1867 г. вместе с ним работали его родственник и ученик Ф. А. Васильев и пейзажист М. В. Волковский.

³⁵ *Гофман Эдуард Иванович* (1838—1867) — геолог, палеонтолог, в 1857 г. окончил естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета. Посвятил себя изучению геологии и палеонтологии. В 1863 г. получил степень магистра за работу «Юрский период окрестностей Илецкой защиты» и должность приват-доцента, а с 1865 г. — доцента. С этого времени возглавил выделившийся на кафедре геологический и палеонтологический кабинет и читал лекции по геологии и палеонтологии, тогда как зав. кафедрой П. А. Пузыревский оставил за собой чтение лекций по кристаллографии, минералогии и петрографии. Э. И. Гофман был талантливым преподавателем и основателем палеонтологической части кабинета, которой он подарил свои палеонтологические коллекции. А. А. Иностранцев унаследовал его должность и продолжил его деятельность.

³⁶ *Сиверские остеолиты* — фосфориты, осадочные горные породы, обогащенные P_2O_5 , в данном случае биогенного происхождения. В районе железнодорожной станции Сиверская (Ленинградская обл.) они представляют собой желваковые образования коричневатого-серого цвета. Фосфориты используются для получения минеральных удобрений, а также в химической и металлургической промышленности.

³⁷ Вероятно, имеется в виду учебник Г. Бишофа на немецком языке: *G. Bischof. Lehrbuch der chemischen und physikalischen Geologie. 2 Aufl. 1863-1871. Бишоф Карл-Густав* (1792-1870) - выдающийся геолог и химик. С 1812 г. профессор химии и технологии в Бонне. Автор многих специальных статей и учебников. Много сделал для внедрения физико-химических методов в геологию. Лауреат первой награды Брюссельской академии.

Мор (Mohr) Фридрих (1806—1879) — немецкий естествоиспытатель, химик, фармацевт, геолог. Профессор Боннского университета с 1867 г. Написал ряд монографий и учебных руководств. В тексте автобиографии А. А. Иностранцева, вероятно, идет речь о книге Ф. Мора «История Земли» (*Geschichte der Erde. Bonn, 1866*).

³⁸ *Энгельгардт Александр Николаевич* (1832—1893) — химик и публицист. Окончил Михайловское артиллерийское училище в Петербурге (1852). В 1853—1865 гг. заведовал химической и литейной лабораториями Петербургского арсенала. В 1866—1870 гг. — профессор Петербургского земледельческого (Лесного) института. В 1870 г. арестован за пропаганду идей земельной реформы и критику помещичьего землевладения, заключен

в Петропавловскую крепость. Был выслан, где образцовое хозяйство и школу для подготовки «интеллигентных землевладельцев». Автор известных «Писем из деревни» (1882). Вместе с Н. Н. Соколовым открыл первую в России публичную химическую лабораторию и издавал (1859—1860) «Химический журнал Н. Соколова и А. Энгельгардта» — первый русский журнал по химии.

³⁹ *Лесной институт* в Петербурге — одно из крупнейших в мире высших учебных заведений по лесоводству. Организован в 1811 г. на базе Лесного училища, созданного в 1803 г. и располагавшегося в Царском Селе. В 1813 г. был переименован в Практический лесной институт, в 1837 — в Лесной и межевой, в 1864 — в Земледельческий, в 1877 — вновь в Лесной институт, в 1929 г. был реорганизован в Лесотехническую академию.

⁴⁰ *Трепов Федор Федорович* (1812 — 1889) — генерал-адъютант (1867), генерал от кавалерии (1878), в 1866—1878 гг. — обер-полицмейстер, градоначальник Петербурга. По его приказу был высечен заключенный революционер Боголюбов (А. С. Смелянов). За эту расправу В. И. Засулич 24 января 1878 г. стреляла в Трепова и ранила его.

⁴ *Петровский (Сенатский) зал Университета* — большой двухцветный зал с красивым барочным убранством и расписными плафонами в южной части здания 12 коллегий (со стороны Невы). Единственный интерьер, сохранившийся в здании с XVIII в.

⁴² А. А. Иностранцев, вероятно, путает князя П. И. Ливена — попечителя Петербургского учебного округа в 1860-е гг. и А. А. Ливена — министра государственного имущества в 1879—1881 гг.

³ *Вреден Феликс Романович* (1841 — 1878) в 1863 г. окончил естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета со степенью кандидата и стал исполнять обязанности консерватора минералогического кабинета, а затем — лаборанта в химической лаборатории. В 1873 г. приглашен доцентом химии в Варшавский университет, в 1876 г. избран адъюнкт-профессором Горного института.

⁴⁴ *Овсянников Филипп Васильевич* (1829—1906) — ординарный профессор физиологии и общей патологии Казанского университета, ординарный профессор физиологии и анатомии Петербургского университета (с 1863), академик Петербургской АН, в которой основал физиологический кабинет.

⁴⁵ *Соколов Николай Николаевич* (1826—1877) — известный химик, академик Петербургской АН (с 1873). В 1847 г. окончил Петербургский университет. В 1848—1855 гг. работал в минералогическом музее Университета, с 1855 г. — в лаборатории Департамента горных и соляных работ. В 1862—1865 гг. преподавал в Петербургском университете, с 1864 г. профессор. Затем работал в Новороссийском (Одесском) университете (см. коммент. 49), а с 1872 г. — в Петербургском земледельческом институте.

⁴⁶ *Крупский Александр Кириллович* (1845—1911) — химик-технолог, выпускник Петербургского университета (1867), с 1877 г. — профессор Технологического института. Автор опубликованных курсов по технологии химического и стеклянного производства. Инициатор применения нефтяного отопления для стекловарных печей.

⁴⁷ *Одесский (Новороссийский) университет* открыт в 1865 г. на базе Ришельевского лицея, существовавшего с 1817 г. В нем были факультеты юридический, физико-математический с отделениями математических и естественных наук и историко-филологический. До 1918 г. он назывался Новороссийским

университетом, затем был преобразован в институт, а с 1933 г. стал называться Одесским университетом. См.: Одесский университет 1865-1990. Киев, 1991.

⁴⁸ *Сидонский Федор Федорович* (1805 — 1873) — протоиерей, преподаватель философии в Петербургском университете с 1865 по 1871 гг.

⁴⁹ *Редкий Петр Григорьевич* (1808—1891) — правовед, общественный деятель, историк философии, выпускник Московского университета, профессор (1863—1878) и ректор (1873—1876) Петербургского университета, один из основателей Русского педагогического общества.

⁵⁰ Возможно, имеется в виду *Сабинина* (урожденная *Сладковская*) *М. В.*, выпускница Бестужевских курсов 1884 г.

⁵¹ *Сходка* (студенческая) — митинг, собрание студентов по политическим, учебным, организационным вопросам.

⁵² *Ленц Роберт Эмильевич* (1833 — ?) — сын академика Э. Х. Ленца, выпускник Петербургского университета (1855), учитель физики, профессор (с 1862) Технологического института, с 1870 по 1880 гг. одновременно экстраординарный профессор по кафедре физической географии Петербургского университета, где и ранее читал лекции в качестве доцента.

⁵³ *Инспектор студентов* — по Уставу 1863 г. избирался советом Университета из своих членов (в этом случае он назывался проректором) или из сторонних чиновников, окончивших полный университетский курс. Ему вменялось в обязанности контролировать исполнение правил, установленных для студентов и других слушателей в Университете.

⁵⁴ *Секретарь факультета* — выборная должность. На нее избирался один из преподавателей факультета, при этом он получал дополнительное вознаграждение — 300 рублей в год.

⁵⁵ *Кандидатская диссертация*. — По Уставу 1863 г. Заканчивающие университет и успешно сдавшие все экзамены могли получить звание действительного студента или кандидата. Оно было первой ученой степенью, следующие степени — магистр и доктор. Для их получения требовалось представление специальной работы — кандидатской диссертации, получившей одобрение факультета. Звание кандидата было отменено по Уставу 1884 г.

⁵⁶ *Первый съезд русских естествоиспытателей и врачей* состоялся в Санкт-Петербурге с 28.12.1867 г. по 04.01.1868 г. Всего их было тринадцать. Инициатива созыва подобных собраний для общения специалистов между собой и обмена своими достижениями принадлежала К. Ф. Кесслеру — профессору зоологии сначала Киевского, а затем Петербургского университетов (в последнем он был и ректором). В 1856 г. он составил и представил министру народного просвещения А. С. Норову проект правил таких съездов. В 1861 г., при содействии попечителя Киевского учебного округа Н. И. Пирогова, было разрешено созывать съезды учителей естественных наук Киевского округа. Первый из них прошел в 1861 г., второй — в 1862 г. Наконец в 1867 г. было дано разрешение проводить всероссийские съезды естествоиспытателей и врачей, целью которых признавалось «содействие научной деятельности на поприще естествознания и направление этой деятельности на исследование России и на пользу ей» (*Тихонович Н. Н.* Съезды русских естествоиспытателей и врачей // *Очерки по истории геологических знаний.* Вып. 1. М., 1953. С. 96). Правом голоса на съездах обладали только те, кто опубликовал самостоятельное исследование, а также преподаватели высших учебных заведений. Работа съездов осуществлялась по секциям медицины, ботаники, зоологии, геологии, минералогии и др. Последний съезд состоялся в Тифлисе в 1913 г. Значение проведенных съездов естествоиспытателей и

врачей России трудно переоценить. Они серьезно способствовали прогрессу отечественного естествознания и медицины. Подробнее см.: *Тихонович Н. Н.*

⁵⁷ *Северцов Николай Алексеевич* (1827 — 1885) — зоолог, зоогеограф-путешественник. Развивал эволюционные идеи в экологии и зоогеографии убежденный дарвинист. В 1857—1878 гг. совершил ряд путешествий Среднюю Азию.

⁵⁸ *Венецкий Алексей Иванович* (1843—?). Среднее образование получил во 2-й Петербургской гимназии, а высшее — на отделении естественных наук физико-математического факультета Петербургского университета. В 1867 г. утвержден в степени кандидата и вскоре избран на должность консерватора палеонтологического кабинета Университета. В 1869 г. по домашним обстоятельствам уволен из Университета. Был избран мировым судьей в Рязанской губернии.

⁵⁹ *Юрская система* — горные породы, сформировавшиеся в течении юрского периода геологической истории Земли (208 млн. лет тому назад), среднего из трех периодов мезозойской эры. Для него характерно господство голосемянных растений во флоре на суше, расцвет головоногих моллюсков в морях, а также разнообразных водных, сухопутных и летающих рептилий (ящеров). Во второй половине юрского периода, вероятно, началось формирование Атлантического и Индийского океанов. Названия системы и периода, выделенных А. Гумбольдтом в 1795 г., происходят от наименования Юрских гор, расположенных на Юго-Востоке Франции.

⁶⁰ Речь идет, скорее всего, о книге А. Д'Орбиньи «*Paleontologie Francaise. Terrain jurassiques*». Т. 1. Cephalopodes. (Paris, 1842-1851. 642 p.). *Д'Орбиньи (d'Orbigny) Алкид Дессалин* (1802—1857) — знаменитый французский стратиграф, палеонтолог, автор стратиграфических понятий ярус и зона — основных подразделений общей стратиграфической шкалы. Профессор, член многих научных обществ.

⁶¹ *Кухмистерская* — от слова «кухмейстер» — ученый повар, готовящий обеды по заказу, содержатель стола, гостиницы.

⁶² *Мировые судьи* были введены по судебной реформе 1864 г. для отделения судебной власти от административной, избирались на всесословных уездных земских собраниях, решали большинство мелких уголовных и гражданских дел на местах.

⁶³ Единая кафедра минералогии и геогнозии разделилась на две самостоятельные в 1874 г., что было разрешено Уставом 1863 г., а по Уставу 1884 г. они были объединены в кафедру минералогии и геологии.

⁶⁴ *По Уставу 1863 г. вводился институт оставленных при Университете для приготовления к профессуре* — аналог современной аспирантуры. Успешно окончившие университетский курс и проявившие склонность и способности к научной деятельности студенты оставались при кафедре, иногда даже с установлением некоторого денежного содержания, на срок от 1 до 3 лет, за который они должны были подготовиться к сдаче магистерских экзаменов и написать магистерскую диссертацию.

⁶⁵ *Горный журнал* — специальный горно-геологический журнал, один из первых в мире периодических журналов подобного рода. Был основан в 1825 г. по инициативе управляющего Департаментом горных и соляных дел Егора Васильевича Корнеева (1773—1849). В журнале публиковались статьи, выбираемые ученым комитетом из материалов, поступающих от корреспондентов всех горных округов России. Членами ученого комитета состояли наиболее компетентные специалисты — горняки и геологи. Публикации охватывали десять разделов науки (минералогия, химия, горное

дело, заводское дело и т. д.). Это был единственный специальный журнал на русском языке, способствовавший обмену знаниями заинтересованных лиц из самых разных уголков России и расширению научного кругозора

читателей. Редактором и одним из ведущих авторов разделов геологии и минералогии в течение первых 15 лет был академик Д. И. Соколов.

⁶⁴ *Ореус Шностранцева) Мария Федоровна (1848-1922) - жена А. А. Иностранцева. О ней см.: Исторические кладбища Петербурга. Справочник-путеводитель. СПб., 1993. С. 298.*

⁶⁷ *Приват-доценты* отличались от штатных доцентов тем, что, во-первых, не считались состоящими на действительной службе, во-вторых, их число не было ограничено, в то время как штатных доцентов полагалось всего по Петербургскому университету 24, и, в-третьих, они не получали постоянного жалованья, но могли по усмотрению факультетов получать некоторые денежные вознаграждения из специальных средств Университета.

Глава IV

Идея создания Общества естествоиспытателей при Петербургском университете и других университетах принадлежит профессору К. Ф. Кес-слеру и была высказана им на Первом съезде русских естествоиспытателей 2 января 1868 г. (решение о создании Общества принято съездом 4 января). Им же было организовано ходатайство перед министром народного просвещения о назначении ежегодного пособия Обществу естествоиспытателей для зоологического, ботанического и геологического изучения России. Это ходатайство было удовлетворено министром народного просвещения графом Д. А. Толстым 22 февраля 1868 г., ежегодное пособие было определено в 2500 руб. На первом заседании Общества (28 декабря 1868 г.) был принят его устав; главными целями Общества признавалось: 1) способствовать развитию естественных наук; 2) распространять естественно-исторические знания в России; 3) содействовать исследованию природы России, преимущественно северо-западных районов; 4) сближать между собой отечественных ученых. В состав Общества вошли отделения минералогии и геологии; зоологии и физиологии; ботаники. Всего было 74 члена-учредителя Общества, президентом был избран К. Ф. Кесслер (1868—1881), а затем А. Н. Бекетов (1881-1900). С 1892 г. Общество было принято под высокое покровительство почетного председателя Его Императорского Высочества великого князя Александра Михайловича. Позже президентами были А. А. Иностранцев (1900-1919), И. П. Бородин (1920-1930), В. И. Вернадский (1930-1931), А. А. Ухтомский (1931-1938), К. М. Дерюгин (1938), В. А. Догель (1941-1955), С. Д. Львов (1955-1957), Л. А. Орбели (1957-1958), Л. Л. Васильев (1960-1966), Б. П. То-кин (1966-1984), Ю. И. Полянский (1984-1991), А. К. Дондуа (с 1991). Начиная с 1870 г. издаются Труды Общества. В настоящее время Общество состоит из 3 отделений (геологии и минералогии, ботаники и почвоведения, зоологии) и 11 самостоятельных секций. Подробнее см.: Очерки по истории Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей (125 лет со дня основания). СПб., 1993. Т. 91, вып. 1. 199 с.

² *Докучаев Василий Васильевич (1846—1903) - основоположник науки почвоведения, ученик П. А. Пузыревского и А. А. Иностранцева. В 1867 — 1871гг. учился на естественном отделении физико-математического факультета Петербургского университета, куда перешел из Петербургской Духовной семинарии. После окончания Петербургского университета в звании кандидата естественных наук в 1872 г. становится консерватором геологического кабинета Петербургского университета, с 1879 г. — приват-доцент. Прекрасный лектор и организатор, он обеспечивает решительный*

прогресс преподавания и с 1880 г. переходит на кафедру минералогии, привлекая талантливых студентов, среди которых, в частности, были В. И. Вернадский, П. А. Земятченский и др. В 1881 г. В. В. Докучаев избирается штатным доцентом и заведующим кафедрой минералогии; в 1883 г. он успешно защищает диссертацию на ученую степень доктора минералогии и геогнозии и в 1884 г. избирается экстраординарным (а с 1886 г. — ординарным) профессором. Кафедру минералогии он возглавлял до 1897 г., однако последние 7 лет занимался в основном исследованием почв южных районов Европейской России.

³ *Соколов Николай Алексеевич* (1856—1907) — геолог, член-корреспондент Петербургской АН.

⁴ *Венюков Павел Николаевич* (1858—?) — геолог, палеонтолог. Окончил Ларинскую гимназию в Санкт-Петербурге и поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета, окончив который со степенью кандидата, был выбран консерватором геологического кабинета. В 1884 г. защитил магистерскую диссертацию «Отложения девонской системы Европейской России». Был назначен приват-доцентом. В 1886 г. защитил докторскую диссертацию. В 1884—1889 гг. читал курс палеонтологии. В 1889 г. назначен ординарным профессором по кафедре геологии и минералогии Киевского университета Св. Владимира, где с 1891 по 1903 гг. руководил кафедрой геологии. В то же время он изучал силурийские отложения Подолии, заложив при этом основы стратиграфии силурийской системы в России.

⁵ О Соловецкой биологической станции подробнее см.: Обзор деятельности Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей за первое двадцатипятилетие его существования. 1868—1893. СПб., 1893. С. 14—17.

⁶ *Амалицкий Владимир Прохорович* (1860—1917) — известный палеонтолог и геолог. В 1883 г. окончил естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета и был оставлен для приготовления к профессорскому званию. В 1886 г. был назначен консерватором геологического кабинета; в 1887 г. защитил магистерскую диссертацию и в 1889 г. был утвержден в звании приват-доцента. В 1892 г. защитил докторскую диссертацию и был приглашен на место профессора по кафедре геологии и палеонтологии в Варшавский университет и Политехнический институт. Открыл в бассейне р. Северной Двины местонахождение рептилий пермского периода палеозойской эры. Привлекался своим учителем А. А. Иностранцевым к исследованию окаменелостей, обнаруженных при строительстве Ново-Ладожских каналов.

⁷ *Пуш (Pusch) Георг Готлиб* (1790—1846) — профессор химии и металлургии Горной академии в г. Кельтце (Польша). С 1834 г. — ассессор Горного департамента в Варшаве; с 1842 г. — заведующий отделом горного дела Варшавской библиотеки.

⁸ *Франко-прусская война началась* 19 июля 1870 г. 28 января 1871 г. капитуляция Парижа и подписание перемирия. 26 февраля — прелиминарный мирный договор. Окончательный мир был подписан 10 мая 1871 г. Франкфурте-на-Майне.

⁹ *Юркевич (Jurkiewicz) Карол* (1822-?) — профессор минералогии и геологии в Главной школе, позднее Университете Варшавы. Известен трудами по палеоботанике (*Wyklad hugeiny*, 1853) и по неорганической химии (1862).

Трейдосевич (Trejdosiewicz) Жан (1834—1900) — польский геолог С 1862 г. — профессор минералогии в Технической школе Новой Александ-

рии; с 1869 г. — доцент, а с 1880 г. — профессор геологии и палеонтологии Варшавского университета.

^d *Величка*. — Соляные копи Велички — широкоизвестное месторождение каменной соли, находящееся в 15 км юго-восточнее г. Кракова, в предгорьях Польских Карпат (Бескид). Глубокие шахты месторождения посещались многими заинтересованными лицами, в частности императором Петром I. Ныне в соляных копиях бальнеологический курорт «Соляная шахта», санаторий и музей.

¹ *Фукс (Fuchs) Теодор* (1842—1925) — известный палеонтолог, знаток третичных (палеогеновых и неогеновых) отложений. Профессор Венского университета, с 1883 г. — заведующий Главным минералогическим кабинетом, а с 1897 г. — директор геологического и палеонтологического отделения Венской академии; член-корреспондент Венской АН.

² *Отложения Венского бассейна* — преимущественно образования мелководных прибрежных частей океана Тетис миоценовой эпохи (23 — 5 млн. лет тому назад) неогенового периода кайнозойской эры геологической истории Земли. Они детально изучены Э. Зюссом, а позже Д. Н. Андрусовым и с тех пор стали классическими для южной внесредиземноморской части Западной Европы. Термин «Венский бассейн» предложен Э. Зюссом для депрессии, пересекающей русло Дуная, на котором стоит г. Вена. Данная низменность ограничена с северо-запада Моравскими горами, а с остальных сторон света — Альпами и Карпатами.

^b *Гауэр (Haueg) Франс* (1822—1899) — австрийский геолог. Первый директор государственной геологической службы в Вене, сотрудник Венского горного музея. Член-корреспондент Венской АН.

¹¹ *Мойсисович (Mojsisovics) Эдмунд* (1839—1907) — известный австрийский геолог и палеонтолог, один из создателей общей стратиграфической шкалы триасовой системы.

⁵ *Ватсон Эрнст Карлович* (1839—1891) — русский журналист, выпускник Московского университета. С 1866 г. — заведующий политическим отделом, а в 1869—1874 гг. — соредактор «Санкт-Петербургских Ведомостей», в 1875—1881 гг. — заведующий политическим отделом «Биржевых ведомостей», с 1881 г. занимается переводами, перевел на русский язык многие произведения В. Гюго, автор нескольких монографий.

Корш Валентин Федорович (1828—1893) — журналист и историк литературы. Выпускник Петербургского университета (1850), в 1863 — 1874 гг. — редактор и издатель «Санкт-Петербургских Ведомостей». Редактор первых 13 выпусков (1880—1883) «Всеобщей истории литературы». Автор многочисленных статей.

⁶ *Пий IX* (1792-1878) - граф Джованни-Мария-Мастаи-Феретти, избран римским папой в 1846 г., в 1867 г. предложил учение о папской непогрешимости, принятое на Ватиканском соборе в 1870 г. Юбилей, о котором пишет А. А. Иностранцев, — это празднование 25-летия его понтификата, который пришелся на ликвидацию светской власти пап и занятия Рима войсками итальянского короля Виктора-Эммануила. Пий IX пытался вызвать в Европе движение для восстановления папства в прежнем виде, но дело ограничилось паломничеством в Рим на юбилей многочисленных депутатов с подарками по случаю юбилея.

⁷ *Фохт Константин Константинович* (1860—1920) — геолог, палеонтолог, в 1884 г. окончил разряд естественных наук физико-математического факультета Петербургского университета и был оставлен А. А. Иностранцевым для

приготовления к профессорскому званию. С 1888 г
хранитель геологического кабинета Петербургского университета;
член Геол-

кома с 1898 г. Знарок геологии Крыма. На VII сессии Международного геологического конгресса в 1897 г. избирается вторым генеральным секретарем Конгресса (первым был академик Ф. Н. Чернышев) — единственный случай в практике конгрессов. Умер в Батуми, в нищете, отрезанны фронтами гражданской войны от Геолкома и семьи.

⁸ *Реневье (Renévier) Ежен* (1815—1906) — швейцарский геолог и палеонтолог, в 1900 г. на VIII сессии Международного геологического конгресса в Париже предложил цвета геологической карты, соответствующую стратиграфическим системам общей стратиграфической шкалы и ставший общепринятыми,

⁹ *Моласса* (молассовая формация) — комплекс преимущественно обломочных пород (песчаников, конгломератов), формировавшихся в понижениях рельефа (предгорных и межгорных прогибах) при разрушении в результате выветривания. Типичные молассы развиты в Швейцарии (верхнепалеогеновые и нижнеэоценовые отложения), где они и были выделены под данным названием М. Бертраном (Bertrand).

²⁰ *Бурбаки (Bourbaki) Шарль* (1816—1897) — французский генерал (грек по происхождению), участвовал в Крымской войне, где особенно отличился в сражении под Инкерманом, в ходе франко-прусской войны сначала командовал Северной армией, а затем руководил операцией по освобождению крепости Бельфор, закончившейся полным разгромом французов, около 80 тысяч солдат и офицеров были вынуждены 1 февраля 1871 г. перейти в Швейцарию и сложить оружие.

²¹ *Геер Шеер Освальд* (1809—1883) — знаменитый палеонтолог, энтомолог и ботаник. С 1835 г. — профессор ботаники и энтомолог в Цюрихском университете, директор Ботанического сада в Цюрихе с 1835 г. Знарок неогеновой флоры и фауны, автор многих палеонтологических работ.

²² *Майер Карл*, впоследствии подписывался Майер-Эймар (Maier K., затем Maier-Eymar Ch.) — известный швейцарский геолог-стратиграф, ученик А. Д'Орбиньи, создатель (1858) оригинальной ярусной последовательности третичной (ныне самостоятельные палеогеновая и неогеновая) системы кайнозойской эратемы, сформировавшейся в интервале 65 — 1,64 млн. лет тому назад. На III сессии Международного геологического конгресса в Берлине в 1885 г. выступил с астрономо-палеогеографической гипотезой, согласно которой основное подразделение общей стратиграфической (геохронологической) шкалы ярус признается результатом циклического характера движения Земли по своей орбите с периодом 21 000—22 000 лет.

²³ *Циттель (Zittel) Карл* (1839—1904) — известный немецкий палеонтолог, профессор палеонтологии и директор Палеонтологического музея в Мюнхене, автор наиболее известного в 1930 — 50-е гг. учебника «Основы палеонтологии (палеозоология)» («Grundzüge der Paläontologie (Paläozoologie)»), выдержавшего несколько изданий.

²⁴ *Кречи (Krejdi) Жан* (1825—1887) — чешский геолог. Преподаватель естествознания Высшей богемской инженерной школы в Праге, хранитель минералогических коллекций в Богемском музее, автор учебника по минералогии и геогностических статей в Богемском минералогическом журнале.

²⁵ *Барранд (Barrande) Иоахим* (1799—1888) — французский геолог и палеонтолог, окончил Политехническую школу в Париже (1824), с 1831 г. жил и работал в Чехии. Широко известен как исследователь образований силурийского периода геологической

истории Земли (439—409 млн. лет тому назад). Результаты своих исследований опубликовал в 22-томном

222

сталлографии Горного института. В 1924 г. он организовал в Ленинградском университете самостоятельную кафедру кристаллографии, заведующим которой оставался до своей смерти. Кафедра трудами О. М. Аншеле-са вскоре становится одной из наиболее уважаемых кристаллографических организаций нашей страны. При ней создаются кристаллографическая, гониометрическая и рентгеновская лаборатории. О. М. Аншелес создал школу университетской кристаллографии, многие ученики которой сами стали видными учеными, он автор многих монографий и учебников, ряда оригинальных методов исследования кристаллов. В частности, им разработан динамический метод скоростного выращивания крупных монокристаллов, широко вошедший в промышленную практику. Он одним из первых применил иммерсионный метод изучения осадочных пород.

Бубнов Сергей Николаевич (1888—1957) — выдающийся немецкий геолог, тектонист, член Германской АН (1949). Окончил Фрайбургский университет (1910). Профессор Грейфсвальдского (1929—1950), Берлинского (с 1950) университетов, директор Геотектонического института (с 1950). Разработал оригинальную классификацию основных структурных элементов земной коры (1948), а также классификацию тектонических движений.

Глинка Сергей Федорович (1855 — ?) — минералог. Окончил 2-ю Казанскую гимназию, поступил на математическое отделение физико-математического факультета Казанского университета. В 1882 г. окончил Петербургский университет по естественному разряду физико-математического факультета и был оставлен в качестве консерватора минералогического кабинета (1881), с 1885 г. — приват-доцент.

Земятченский Петр Андреевич (1857—1942) — выдающийся геолог, ближайший ученик и один из главных помощников В. В. Докучаева, создатель первой кафедры грунтоведения (1930). Учился на естественном отделении физико-математического факультета Петербургского университета в 1878—1882 гг., окончил его со званием кандидата естественных наук и стал хранителем минералогического кабинета. В 1896 г. защитил докторскую диссертацию, в 1897 г. стал профессором и возглавил кафедру минералогии Петербургского университета. За цикл работ «Этюды по кристал-логенезису» в 1914 г. удостоен премии М. П. Ахматова. П. А. Земятченский входил в организованную во время первой мировой войны академиками В. И. Вернадским и А. Е. Ферсманом Комиссию по изучению производственных сил, возглавив в 1918 г. ее отделение глиняных материалов. На базе Комиссии был создан Государственный исследовательский керамический институт, а первым его директором стал П. А. Земятченский. В 1926 г. он оставил кафедру минералогии и переключился целиком на работу по организации кафедры грунтоведения. С 1928 г. был членом-корреспондентом Российской АН.

Ламанский Владимир Владимирович (1874—1944) — геолог, палеонтолог, географ. В 1892 г. окончил 6-ю Петербургскую гимназию, а в 1896 г. естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета по первому разряду. Был оставлен профессором А. А. Иностранцевым при кафедре геологии. С 1898 по 1906 гг. состоял сверхштатным консерватором геологического кабинета Петербургского университета, а в 1906 г. защитил диссертацию на степень магистра минералогии и геогнозии по теме «Древнейшие слои силурийской системы России», опубликованную в виде монографии в Трудах Геолкома в 1905 г. Эта работа В. В. Ламанского хорошо известна, а ее материалы выставлены в созданном А. А. Иностранцевым музее

кафедры исторической геологии

233

труде, который стал выходить в свет в 1852 г. одновременно в Праге и Париже.

²⁶ Имеется в виду *Фрич (Fritf) Антон-Иохин* (1832—?) — чешский зоолог и палеонтолог. В 1860 г. — доктор медицины. С 1862 г. читает лекции в Высшем техническом училище, а с 1863 г. — в Университете Праги. Затем директор палеонтологического и зоологического отделений Чешского Королевского музея.

²⁷ *Ламанский Владимир Иванович* (1833 — 1914) — выдающийся филолог и этнограф. Получил среднее образование в 1-й Петербургской гимназии, которую закончил с золотой медалью в 1850 г. и поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. Окончил его в 1854 г. с серебряной медалью и начал трудиться в изданиях Императорского географического общества. В 1860 г. удостоен степени магистра. В 1864 г. избран доцентом кафедры славянской филологии Петербургского университета. В 1870 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Об историческом изучении Греко-Славянского мира в Европе». С 1864 г. Был председателем отделения этнографии Русского географического общества.

²⁸ *Лавров Петр Алексеевич* (1856—?) — филолог-славист, выпускник (1878), приват-доцент (с 1887) и профессор (с 1892) Петербургского и Новороссийского университетов.

²⁹ *Богемский и Немецкий университеты.* — В 1882 г. произошло разделение Пражского университета на Чешский (Богемский) и Немецкий университеты.

³⁰ *Палацкий (Palacky) Франц* (1798—1876) — знаменитый чешский ученый и политический деятель, автор первой истории Чехии, лидер чешской национальной партии, пожизненный член Верхней палаты Австро-Венгрии.

Ригер (Rieger) Франц-Лодислав (1818—1903) — зять и единомышленник Ф. Палацкого, чешский публицист и политический деятель, лидер партии старочехов в 1860-х гг., в конце 1870-х гг. перешел в правительственный лагерь, поддерживал враждебную России политику Австро-Венгрии.

³¹ *Зюсс (Suess) Эдуард* (1831 — 1914) — знаменитый австрийский геолог, профессор Венского университета, президент Венской АН (1898 — 1911). Автор первого обобщения по геологии нашей планеты — «Лик Земли (1883—1909)». Предложил понятия о симатической и сиалической оболочках земного шара. Лауреат Большой золотой медали им. П. П. Семенова-Тян-Шанского Русского географического общества и золотой медали Лондонского Королевского общества.

³² *Чермак (Chermak) Густав* (1836—1927) - австрийский минералог и петрограф. С 1868 г. — профессор Венского университета, который ранее окончил. Хранитель (с 1862), директор (1868—1877) Венского минералогического кабинета, автор учебника минералогии, издатель журнала «Mineralogische und petrographische Mitteilungen».

Титце (Tietze) E. — австрийский геолог и палеонтолог. Известен своими работами по геологическому строению Средиземноморья (Альпы, Кавказ, Закаспий, Иран).

Динер (Diener) K. (1862—1928) — австрийский геолог-палеонтолог, один из основателей стратиграфической шкалы триасовой системы.

Штур (Stur) Диониз (1827-1893) - словацкий геолог и палеонтолог, сторонник идей Ч. Дарвина. В 80 —90-е гг. XIX в. был директором Венского государственного геологического

института, открывшегося в

223

1849 г. Его сотрудники вели геологические исследования преимущественно на территории Чехии, Моравии и Словакии.

³³ *Неймайер (Neumayer) Мельхиор* (1845—1890) — выдающийся австрийский геолог и палеонтолог. Профессор Венского университета. Эволюционист додарвинской эпохи естествознания.

³⁴ *Недвецкий* — профессор геологии во Львове.

³⁵ Имеется в виду *Штраус (Stroufi) Иоганн* (сын) (1825-1899)-выдающийся австрийский композитор, музыкант и дирижер. В 1856—1865, 1869, 1872 и 1886 гг. гастролировал в России, дирижировал оркестром на летних концертах в Павловске.

³⁶ *Якушкин Павел Иванович* (1820—1872) — писатель-этнограф, двоюродный брат декабриста И. Д. Якушкина, учился в Московском университете. Не закончив курс, отправился странствовать «в народ» под видом коробейника, записывал народные песни, сказки, пословицы (многие были им переданы А. Н. Афанасьеву). О нем см.: Сочинения Павла Якушкина // Издание В. О. Михневича. СПб., 1884.

³⁷ *Чижов Матвей Афанасьевич* (1838—1916) — скульптор, выпускник Императорской академии художеств (1868). В 1868—1872 гг. пенсионер Академии художеств в Риме.

Орловский Владимир Донатович (1842—1914) — живописец, работал в жанре пейзажа, выпускник Академии художеств, был удостоен Большой золотой медали и пенсионерской поездки по странам Европы (Франции, Италии, Швейцарии) в 1869-1872 гг.

³⁸ Скульптурная группа «Крестьянин в беде», выполненная в 1872 г. В Риме, — одна из самых значительных работ в творчестве М. А. Чижова. В настоящее время находится в Государственной Третьяковской галерее (мрамор), бронзовый вариант — в Государственном Русском музее. Упомянутый Иностранцевым кирпич — деталь композиции: крестьянин сидит на обгоревших бревнах и кирпичах, оставшихся от сгоревшей избы (работа известна также под названиями «Погорелец», «На пепелище»).

³⁹ Установить, о ком идет речь, не удалось.

⁴⁰ *Флегрейские поля* — вулканический район в Италии, к западу от г. Неаполя, на берегу Неаполитанского залива Тирренского моря. Рельеф территории представляет собой сочетание многочисленных кальдер (изометричных впадин) и вулканических куполов.

⁴¹ *Воронцов-Дашков Илларион Иванович* (1837—1916) — генерал-лейтенант, участник военных действий на Кавказе (1865), в Туркестане (1866), а также русско-турецкой войны (1877 — 1878). С 1881 г. — министр Императорского двора.

⁴² *Пальниери* — итальянский сейсмолог, директор лаборатории на Везувии.

⁴³ Вероятно, имеется в виду *Розе (Rose) Густав* (1798—1873) — минералог. С 1826 г. — экстраординарный, а с 1829 г. — ординарный профессор минералогии Петербургской АН, с 1856 г. — директор минералогического музея. В 1850 г. посетил вулканы Везувий и Этну.

⁴⁴ *Журнал Министерства народного просвещения* был учрежден в 1863 г. для обнародования постановлений и распоряжений правительства по части народного образования и развития учебного дела в России и за границей, но вскоре стал солидным научным журналом, в котором публиковались серьезные научные работы многих известных ученых. Выходил до 19-17 г.

⁴⁵ *Сольфатара* (от итал. zolfo 'сера') — потухший вулкан на юге Италии, на котором расположены серные копи. Выделяющиеся из

трещин в

224

вулканических районах струи сероводородного и сернистого газов с температурой 90 — 300 °С называются *сульфатары* (Геологический словарь. Т. 2. С. 249).

⁴⁶ *Орфей, Вулкан, Пенелопа* — персонажи античной мифологии. А. А. Иностранцев путает, жену Орфея звали Эвридика, а не Пенелопа.

⁴⁷ *Сперанский Алексей Иванович* всего один (1871) год был хранителем геологического кабинета. Во время геологической экскурсии в окрестностях Санкт-Петербурга заразился черной оспой и умер.

⁴⁸ *Ерофеев Михаил Васильевич* (1839—1888) - минералог, в 1863 г. окончил Петербургский университет в звании кандидата естественных наук, ученик П. А. Пузыревского. В 1864 г. назначен консерватором минералогического кабинета Петербургского университета. В 1870 г., после защиты магистерской диссертации, утвержден доцентом по кафедре минералогии и геогнозии Новороссийского университета (в Одессе). В 1872 г. избирается штатным доцентом по кафедре минералогии и геогнозии Петербургского университета и возглавляет ее после смерти П. А. Пузыревского (1871) до 1873 г. В 1873 г. (по непонятной причине) переходит на должность экстраординарного профессора в Варшавский университет, а с 1880 г. назначается доцентом минералогии и геогнозии Лесного института в Петербурге. О нем см.: *Анастасенко Г. Ф.* История одной минералогической коллекции. СПбГУ, 1993. С. 89-102.

⁴⁹ *Чебышев Пафнутий Львович* (1821 — 1894) — выдающийся русский математик и механик, выпускник Московского университета (1841), приват-доцент (с 1847), профессор (с 1850) Петербургского университета, академик Петербургской АН (с 1856), основатель петербургской математической школы. О нем см.: *Крылов А. Н.* Пафнутий Львович Чебышев: Биографический очерк. М.; Л., 1944.

Советов Александр Васильевич (1826—1905) - ученый-агроном. В 1850 г. окончил Горы-Горещкий земледельческий институт, изучал сельское хозяйство России, Германии, Бельгии и других стран. С 1855 г. руководил кафедрой сельскохозяйственной технологии в своем институте, а с 1858 г. — кафедрой сельского хозяйства Петербургского университета. Активно работал в составе Вольного экономического общества в качестве руководителя отдела сельского хозяйства и редактора Трудов Общества.

Сомов Осип Иванович (1815 — 1876) — известный математик и механик.

Савич Алексей Николаевич (1810—1879) — астроном. Высшее образование получил в Московском и Дерптском университетах. В 1839 г. удостоен степени доктора философии. Преподавал в Петербургском университете с 1839 г. — экстраординарным, с 1846 г. — ординарным, с 1864 г. — почетным профессором. В 1880 г. избран почетным членом Петербургского университета.

Коркин Александр Николаевич (1837 — 1908) — математик. Окончил физико-математический факультет Петербургского университета, затем доцент и профессор Петербургского университета и профессор в Морской академии.

Бутлеров Александр Михайлович (1828—1886) — известный химик. В 1844 г. поступил в Казанский университет на курс естественных наук, в 1849 г. окончил его со степенью кандидата и в 1850 г. стал преподавать неорганическую химию, физику и физическую географию. В 1851 г. защитил магистерскую диссертацию и был назначен адъюнктом по кафедре химии; в 1854 г. защитил докторскую диссертацию в Москве и был назначен

профессором Казанского университета, некоторое время был его ректором.

225

В 1868 г., после смерти Л. А. Воскресенского, был приглашен заведующим кафедрой органической химии Петербургского университета. В 1870 г. избран в члены Петербургской АН. Являлся почетным членом Английского и Немецкого химических обществ, председателем, почетным членом Русского химического общества. Создал и обосновал теорию химического строения, синтезировал ряд органических химических соединений, объяснил явления изомерии, получил изобутилен и открыл реакцию его полимеризации.

Вагнер Николай Петрович (1829—1907) — известный биолог и писатель-беллетрист, поступил в 1845 г. в Казанский университет, который закончил с золотой медалью. Преподавал естественную историю и сельское хозяйство в Нижегородском дворянском институте. В 1851 г. защитил в Казани магистерскую диссертацию, в 1854 г. в Москве выдержал экзамен и защитил докторскую диссертацию. В 1852—1860 гг. — адъюнкт физико-математического факультета Казанского университета, в 1860 г. избран экстраординарным, а через два года — ординарным профессором того же университета. Читал курсы зоологии и ботаники, редактировал Ученые записки Казанского университета (1861—1865). В 1869 г. избран почетным членом Петербургского университета и в 1871 г. перешел в него сверхштатным профессором зоологии, в 1879 г. утвержден в звании почетного профессора Петербургского университета.

Сеченов Иван Михайлович (1845 — 1914) — знаменитый российский физиолог, один из основоположников психофизиологии и учения о рефлексах. Профессор Петербургского университета.

⁵⁰ То есть после Устава 1884 г., который отменил выборность ректора и деканов.

⁴ По Уставу 1863 г. в Петербургском университете полагалось 34 ординарных профессора с окладом 3000 руб. в год и 16 экстраординарных профессоров с окладом 2000 руб. в год. Оклад доцента, каковым являлся в то время А. А. Иностранцев, — 1200 руб.

² *Щуровский Григорий Ефимович* (1803—1884) — геолог. Окончил Московский университет (1826), затем там же профессор (с 1832), декан и проректор. Президент Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете.

³ *Леваковский Иван Федорович* (1828—1893) — геолог, профессор Харьковского университета. В 1852 г. окончил физико-математический факультет Харьковского университета со степенью кандидата и золотой медалью. В 1860 г. получил степень магистра, в 1868 г. защитил докторскую диссертацию и был избран профессором только что утвержденной кафедры геологии, которой руководил до 1889 г. Автор первого учебника геологии на русском языке, один из организаторов Общества испытателей природы при Харьковском университете и его председатель с 1870 г. Автор большого числа трудов, в основном посвященных геологическому строению России.

⁵⁴ *Феофилакт Феофилактов Константин Матвеевич* (1818—1901) — известный геолог, профессор Киевского университета, способствовал созданию в нем минералогического и особенно палеонтологического музеев. С 1845 г. — заведующий кафедрой геологии и минералогическим кабинетом. В течение 46 лет (до 1891) читал лекции по минералогии и геогнозии студентам естественного и медицинского факультетов. Создал школу геологов Киевского университета, известен своей схемой классификации гранитов, одним из первых сделал попытку разделить по возрасту породы Украинского кристаллического массива, его считают одним

из основоположников инженер-

226

ной геологии в России. За составление геологических карт Киевской губернии он был награжден премией Всероссийского геологического общества.

⁵⁵ *Рахманинов Иван Иванович* (1826-1897) - математик, выпускник Московского университета (1847), адъюнкт (1853), профессор (с 1857), декан (1868—1875, 1880—1881) физико-математического факультета, ректор (1881 —1883) Киевского университета.

⁵⁶ *Высшие женские (Бестужевские) курсы* основаны в 1878 г. Группой поборниц женского образования в России при поддержке ректора университета А. Н. Бекетова. Первым директором был профессор русской истории К. Н. Бестужев-Рюмин, по имени которого и стали называть курсы и курсисток.

⁵⁷ *Две военные академии* — т. е. Академия Генерального штаба и Николаевская инженерная академия.

⁵⁸ *Градовский Александр Дмитриевич* (1849—1889) — юрист, выпускник Харьковского университета (1862), доцент (с 1867), профессор (с 1868) государственного права Петербургского университета.

Миллер Орест Фёдорович (1833—1889) — филолог, выпускник (1855) и приват-доцент (с 1863), затем профессор кафедры русского языка и словесности Петербургского университета.

Университетский суд (по Уставу 1863 г.) состоял из трех избираемых ежегодно профессоров, один из которых должен был быть юристом. Ведению университетского суда подлежали дела о нарушении студентами порядка и правил, установленных в Университете, и дела о столкновениях и конфликтах студентов с преподавателями и должностными лицами Университета.

⁵⁹ *Комиссия по пересмотру Устава 1863 г.* под председательством попечителя учебного округа И. Д. Деянова, приступившая к работе еще в 1875 г., разработала проект нового университетского Устава, который, несмотря на возражения всех университетов и даже большинства членов Государственного совета, был утвержден Александром III в 1884 г. Новый Устав был направлен на ликвидацию «вольностей 1863 г.», автономия Университета и выборность ректора и деканов были аннулированы, вся жизнь Университета была подчинена мелочной опеке попечителя учебного округа и министра. В то же время создатели нового Устава пытались подкупить студентов иллюзией «вольностей» в прохождении учебного плана, отменив обязательность посещения занятий и переходные экзамены с курса на курс. Заменявшие их государственные экзамены студенты могли сдавать по индивидуальному плану. Подробнее см.: *Щетинина Г. И.* Университеты в России и устав 1884 года. М., 1976.

⁶⁰ *Георгиевский Павел Иванович* (1857 — ?) — экономист и статистик, профессор Петербургского университета с 1888 г., один из активных сторонников и авторов Устава 1884 г.

⁶¹ *Поссе Константин Александрович* (1847—1928) — математик, почетный академик Петербургской АН с 1916 г. В 1868 г. окончил Петербургский университет и с 1883 г. преподавал в нем и в ряде других вузов Петербурга. Автор популярного в начале XX в. учебника по дифференциальному и интегральному исчислению (*Курс дифференциального и интегрального исчисления*. 2-е изд. М.; Л., 1929).

¹ *Эйхвальд Эдуард Иванович (Карл Эдуард)* (1795-1876) - известный палеонтолог. Родился в Митаве, в 1814 г. поступил на медицинский

факультет Берлинского университета, который окончил в 1819 г. По путешествиям по Западной Европе, знакомства с естественно-историческими музеями и учебы у Ж. Кювье, Ж. Ламарка, Гаюи и др. вернулся в Мит; и успешно защитил диссертацию на степень магистра. С 1821 по 1823 работал в должности приват-доцента в Дерптском университете и одним из первых в Европе читал курс палеонтологии (тогда ориктозоологии), при чем придерживался передовых эволюционных взглядов на развитие жи; (позже стал разделять идеи катастрофизма). В 1823 г. его пригласили должность ординарного профессора Казанского университета, поручив (руководство кафедрой зоологии и повивального искусства. В 1821—1826 гг., путешествуя по берегам Каспийского моря и Кавказу, собрал большой геологический и этнографический материал, за что был избран членом-корреспондентом Петербургской АН. С 1829 по 1837 гг. возглавлял кафедру зоологии и сравнительной анатомии Виленского университета путешествовал по Литве, Волыни, Подолии, а также вновь по странам западной Европы. В 1838 г. становится профессором зоологии, сравнительной анатомии и минералогии Медико-хирургической академии в Петербурге, одновременно читает лекции по палеонтологии в Горном институте и минералогии — в Инженерной академии. Продолжает путешествовать Прибалтике, Петербургской и Московской губерниям. В 1846 г. ему присуждается степень доктора хирургии Медико-хирургической академии доктора философии Бреславского университета. Результаты своих многочисленных путешествий Э. И. Эйхвальд обобщил в огромной многотомной монографии «Палеонтология России» (1850, 1852, 1854), которую он начал начиная с 1851 г. в течение 15 лет, оставив все другие занятия (2500 страниц, 133 таблицы с изображениями более 2000 различных ископаемых организмов). В 1865—1868 гг. этот труд был издан в Штутгарте под названием «Lethaea Rossica ou - Paleontologie de la Russie», именно таким наименованием он получил большую известность. Материалы из книги составили основу музея кафедры А. А. Иностранцева (в настоящее время являются наиболее ценным экспонатом музея кафедры исторической геологии Петербургского университета, регулярно посещаемого специалистами разных стран).

² *Пибоди (Peabody) Георг* (1795 — 1869) — американский миллионер-финансист. Жертвовал крупные суммы на развитие науки и образование, основал институт своего имени в Балтиморе в 1857 г.

³ *Рейтерн Михаил Христофорович* (1820—1890) — государственный деятель. Образование получил в Царскосельском лицее. Активный участник реформ 1860-х гг., в 1862—1878 гг. — министр финансов. При нем была создана система частных коммерческих банков.

⁴ *Здекауер Николай Федорович* — врач, родился в 1815 г., его отец Федор Яковлевич был врачом Морского госпиталя, окончил физико-математический факультет Петербургского университета. 1838 г. — курс в Медико-хирургической академии, где и преподавал позднее. В 1842 г. получил степень доктора медицины. В 1878 г. по его инициативе состоялось открытие Русского общества охранения народного здоровья, где он являлся бессменным председателем. Был членом правления Красного Креста с момента его основания.

⁵ *Петрушевский Федор Фомич* (1828—1904) — известный ученый закончил 3-ю гимназию в Петербурге и поступил на математическое отделение физико-математического факультета Петербургского университета. В 1851 г. окончил его со

степенью кандидата и был командирован в качестве

228

ассистента профессора астрономии А. Н. Савича в г. Бобринец Херсонской губернии для наблюдения полного солнечного затмения. В 1853 г. назначен учителем математики в Ларинскую гимназию Петербурга, откуда перешел в 1-ю гимназию Киева. В 1862 г. защитил магистерскую диссертацию в Киевском университете. Тогда же начал читать лекции по физике в Петербургском университете, Институте путей сообщения, Технологическом институте, Константиновском военном училище и Артиллерийской академии. В 1865 г. защитил докторскую диссертацию. С 1872 г. — председатель Физического общества, а затем физического отделения Русского физико-химического общества. С 1889 г. — заслуженный профессор. В 1874 г. основал физический кабинет в Минном офицерском классе в Кронштадте.

⁶ *Рогович Опанас Семенович* (1812—1872) — выпускник и профессор Киевского университета, в 1847—1868 гг. заведовал кафедрой ботаники и был директором Ботанического сада, но много сделал и для развития в Университете геологии и палеонтологии. Особенно большое значение имеет его работа об ископаемых рыбах (1860).

⁷ *Бутенев Николай Федорович* (1803—1870) — генерал-лейтенант корпуса горных инженеров, в 1840-х гг. заведовал Олонецкими горными заводами, собрал значительные коллекции по геологии, палеонтологии, археологии и нумизматике, создал в Петрозаводске библиотеку и Горный музей. О нем см.: *Формозов А. А.* Первый собиратель каменных орудий в России // Вопросы истории. 1972. № 1. С. 213 — 216; *Благовещенский И.* Ученые исследования в Олонецкой губернии // Олонецкий сб. Петрозаводск, 1904. ВбмлV. С. 181.

⁸ *Делянов Иван Давидович* (1818-1897) - 1858-1866 гг. - попечитель Петербургского учебного округа, с 1861 г. — директор Публичной библиотеки, с 1866 г. назначен товарищем министра народного просвещения, с 1874 г. — членом Государственного совета, с 1882 г. до конца жизни был министром народного просвещения. Проводил реакционную политику в отношении университетов, при нем был введен в действие университетский Устав 1884 г., отменявший автономию университетов и выборность ректора.

⁹ *Пржевальский Николай Михайлович* (1839—1888) — путешественник и ученый, исследователь Центральной Азии, почетный член Петербургской АН, генерал-майор. Совершил пять больших экспедиций, способствовавших многим географическим, зоологическим и ботаническим открытиям. Был членом Русского географического и многих других научных обществ. Его именем названа серебряная медаль Русского географического общества (1891) и золотая медаль Географического общества СССР (1946).

⁰ *Певцов Михаил Васильевич* (1843—1902) — русский путешественник и географ, исследователь Центральной Азии, генерал-майор. Руководил многими экспедициями в Джунгарию, Монголию, Кашгарию, Куэнь-Лунь и др. Разработал метод определения географической широты по наблюдениям за двумя звездами, расположенными на одной высоте. Был членом Русского географического общества.

¹ Имеется в виду *Фрич (von Fritsch) Карл* (1838—?) — немецкий геолог и путешественник. Путешествовал по Мадейре, Канарам, посетил вулкан Санторин, Марокко, Атласские горы. Доцент в университете Франкфурта-на-Майне, профессор университета в Галле.

² *Лопатин Иннокентий Александрович* (1838—1909) — геолог

и географ. Провел обширные геолого-географические исследования
в Сибири и

229

на Дальнем Востоке. Доказал промышленное значение месторождений угля на Южном Сахалине.

^b Коллекция, представлявшая собой остатки стоянки первобытного человека каменного века, содержала несколько человеческих черепов, орудий быта и охоты, остов челна, многочисленные кости съеденных животных семена окружающих растений. Для этой коллекции была заказана особая витрина, которая до 1974 г. располагалась в преподавательской кафедры исторической геологии главного здания Петербургского университета. Затем, в связи с отсутствием на кафедре специалистов по голоценовой эпохе геологической истории Земли, эту витрину со всем ее содержимым, а так же как и сохранившиеся витрины биологического факультета с выставленными в них костными остатками оленей, лосей, слонов и других крупных млекопитающих, передали Краеведческому музею в г. Старая Ладога, где ее сейчас можно наблюдать.

^h *Кабинет Его [Императорского] Величества.* — Учреждение под этим названием появилось в России при Петре I. Это была собственная канцелярия государя, не имевшая определенной компетенции. В 1888 г. предметам ведомства Кабинета были присоединены дела бывшей канцелярии Министерства Императорского Двора и канцелярии контроля Министерства (за исключением ревизионных дел), так что Кабинет являлся центральным органом Министерства Императорского Двора и находился в ведении его управляющего. В Кабинет Его Императорского Величества входили отделы административный, хозяйственный, земельно-заводской камеральный. В 1894 г. для исследования Алтайского и Нерчинского округов была образована еще особая Геологическая часть, состоящая из заведующего (им был А. А. Иностранцев) и двух геологов.

^b *Каракаш Николай Иванович* (1862—1916) — известный палеонтолог и стратиграф меловых отложений Крыма и Кавказа. Окончил три класса Симферопольской классической гимназии и Мелитопольское реальное училище. В 1883 г. поступил на физико-математический факультет Петербургского университета по естественному разряду, окончил его в 1887 г. Ее степенью кандидата и был оставлен при кафедре геологии. В 1889 г. утвержден хранителем геологического кабинета Петербургского университета. В 1891 г. получил степень магистра геологии и геогнозии. Как один из непосредственных учеников А. А. Иностранцева, был привлечен им к работам Геологической части Кабинета Его Величества при проектировании Транскавказской железной дороги. Участник международных геологических конгрессов.

^b *Петц Герман Германович* (1867—1908) — ученик А. А. Иностранцева, магистр (защитил диссертацию в 1901 г.), приват-доцент геологического кабинета (затем кафедры) физико-математического факультета Петербургского университета. Читал лекции по различным аспектам геологии на Высших женских естественных курсах Лохвицкой-Скалон, в Женском педагогическом институте, в Горном институте. Казначей Петербургского общества естествоиспытателей. Введен А. А. Иностранцевым в состав Геологической части Кабинета Его Величества, в которой вел многолетние исследования геологии Алтая. Трагически погиб в экспедиции при переправе (5 июля 1908 г.) через р. Каир-Кум (Алтай). О нем см.: *Леман В. Н.* Некролог Г. Г. фон Петца. Пг., 1914.

^v *Шмидт Федор Богданович* (1832 — 1908) — учился в

Дерптском и Московском университетах. Был ботаником, затем геологом и палеонтологом. Наиболее известен как исследователь Сибири и Прибалтики. В 1868 г. в низовьях Енисея широко изучал этот край и в дальнейшем способствовал

изучению Сибири и продвижению геологии и палеонтологии на Север. Р. Ф. Геккер в «Повести о палеонтологах прошлого столетия» (1956) писал, что Шмидт был одним из основателей современной организации, носящей название Главсевморпуть. В Прибалтике Ф. Б. Шмидт прославился исследованием нижнепалеозойских отложений и ископаемой фауны из них. Он является одним из основоположников биостратиграфии нижнего палеозоя и автором классического труда, посвященного ордовикским трилобитам, который он писал 30 лет.

⁴⁸ *Мёллер Валериан Иванович* (1840—1911) — известный российский геолог и палеонтолог, профессор Петербургского горного института, один из основных создателей отечественного Геолкома, участник первых сессий Международного геологического конгресса от России.

⁹ *Синцов Иван Федорович* (1845—1914) — геолог и палеонтолог, профессор Новороссийского (Одесского) университета.

²⁰ *Абих Герман Васильевич* (1806—1886) — геолог, знаток геологии Кавказа. Уроженец Австрии, с 1843 г. заведующий кафедрой геологии Дерптского университета, с 1853 г. — действительный, а с 1866 г. — почетный член Петербургской АН.

²¹ Имеется в виду *Брандт Эдуард Карлович* (1839—1891) — зоолог. Окончил Медико-хирургическую академию и прослушал курс палеонтологии С. С. Куторги в Петербургском университете. В академии сначала был ассистентом, затем приват-доцентом, прозектором, профессором по кафедре анатомии домашних животных в ветеринарном отделении, профессором зоологии и сравнительной анатомии. В 1889 г. получил звание академика. Преподавал зоологию в Горном институте; зоологию, сравнительную анатомию и эмбриологию на женских врачебных курсах, в Петербургском университете и на женских педагогических курсах. В последние годы жизни был редактором отдела биологических наук «Энциклопедического словаря» Брокгауза — Ефрона. Награжден премией Гора Парижской АН. Автор многочисленных научных трудов.

²² Имеется в виду *Брандт Федор Федорович (Иоганн Фридрих)* (1802—1879) — выдающийся зоолог, родом из Пруссии. Изучал зоологию и анатомию в Берлинском университете. Экстраординарный профессор медицинского факультета Берлинского университета. В 1831 г. перешел в Петербургскую АН адъюнктом по зоологии и директором зоологического музея. С 1833 г. — ординарный академик. Был также профессором зоологии и сравнительной анатомии в Главном педагогическом институте и Медико-хирургической академии. Многочисленные сочинения относятся к зоологии, зоопалеонтологии, зоотомии и зоогеографии.

²³ *Гельмерсен Г. П.* — см. коммент. 12 к гл. III.

²⁴ То есть в 1884 г.

²⁵ *Соломко Евгения (Эвгения?) Викторовна* (1862-1898) - в 1883 г. окончила Высшие женские курсы и была оставлена для работы на кафедре геологии в Петербургском университете под руководством профессора А. А. Иностранцева. Выдающийся палеонтолог, специалист по древним кишечнополостным. В 1887 г. успешно защитила диссертацию в Цюрихском университете и стала первой женщиной нашего отечества, удостоенной степени философии и геологии, да еще в 25 лет. О ней см.: *Наливкин Д. В.* Наши первые женщины-геологи. Л., 1979. С. 42—44.

²⁶ Имеется в виду *Сотириадис Георгий* — доктор философии, в течение нескольких лет — директор греческого коммерческого училища г. Одессы (муж Е. В. Соломко).

²⁷ *Прозоровский-Голицын Александр Александрович* — геолог, окончил кафедру минералогии и геологии физико-математического факультета Петербургского университета в 1889 г. и был оставлен для работы в геологическом кабинете, ученик А. А. Иностранцева. Вероятно, им же 18 февраля 1890 г. Прозоровский-Голицын рекомендован в действительные члены Петербургского общества естествоиспытателей, 29 апреля 1890 г. Избран в действительные его члены. 28 декабря 1891 г. избран секретарем Общества (после ухода В. В. Докучаева) и оставался в этой должности до 2 апреля 1894 г., когда вынужден был переехать в Москву. А. А. Прозоровский Голицын — князь, последний представитель фамилии двух дворянских родов, пожалованной Александру Федоровичу Голицыну (вероятно отцу Александра Александровича) и его потомству особым указом император; Николая I.

²⁸ *Предводитель уездного дворянства* — выборная должность. Может заведовать как внутренними делами дворянства, так и общей администрацией на местах. Предводитель губернского дворянства утверждался царем как первое лицо в губернии после губернатора.

²⁹ *Церемониймейстер Высочайшего Двора* — придворный чин, соответствующий V классу Табеля о рангах.

³⁰ *Агафонов Валериан Константинович* (1863—1954) — геолог, минералог, ученик В. В. Докучаева. Окончил в 1889 г. естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета и был оставлен при Университете для подготовки к профессорскому званию на кафедре минералогии, с 1893 г. — сверхштатный хранитель минералогического кабинета, в 1902 г. защитил магистерскую диссертацию и перешел в Петербургский политехнический институт. В 1907 г. уехал во Францию и преподавал в качестве профессора в Сорбонне.

Андрусов Николай Иванович (1861 — 1924) — выдающийся геолог, палеонтолог, академик Петербургской (затем - Российской) АН и АН УССР разработал стратиграфию (расчленение) неогеновых отложений побережья Черного и Каспийского морей, изучил неогеновых моллюсков, стал одним из создателей науки палеобиогеографии, а также одним из основоположников изучения гидрологии и осадков Черного моря. В 1884 г. с отличием закончил естественное отделение физико-математического факультета Новороссийского (Одесского) университета. В 1886—1889 гг. занимается в геологическом кабинете Петербургского университета под руководством А. А. Иностранцева и в 1890 г. защищает магистерскую диссертацию. В 1893-1896 гг. вновь работает на кафедре А. А. Иностранцева, обрабатывая свой палеонтологический материал. В 1896 г. переводится экстраординарным-профессором в Дерптский (Тартуский) университет, затем становится профессором Киевского университета (1905—1911), профессором Высших женских курсов в Петрограде (1912—1918) и членом Геолкома. В 1921-1922 гг. — профессор Сорбонны. Скончался в Праге. О нем см.: *Эйно О. Л.* Николай Иванович Андрусов. Киев, 1990. 221 с; *Оноприце ко В. И.* Николай Иванович Андрусов. М., 1990. 220 с.

Аншелес Осип Маркович (1885—1957) — один из крупнейших отечественных кристаллографов. В 1904 г. окончил 2-ю Пензенскую гимназию и в 1906 г. поступил на физико-математический факультет Харьковской университета, откуда в 1907 г. перевелся на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета по группам геологии и минералогии. В 1913 г. закончил его и был оставлен при Университете для подготовки к профессорскому званию. В 1915 г. профессор Е. С.

Федоров приглашает О. М. Аншелеса ассистентом на кафедру кри-

232

сталлографии Горного института. В 1924 г. он организовал в Ленинградском университете самостоятельную кафедру кристаллографии, заведующим которой оставался до своей смерти. Кафедра трудами О. М. Аншелеса вскоре становится одной из наиболее уважаемых кристаллографических организаций нашей страны. При ней создаются кристаллографическая, гониометрическая и рентгеновская лаборатории. О. М. Аншелес создал школу университетской кристаллографии, многие ученики которой сами стали видными учеными, он автор многих монографий и учебников, ряда оригинальных методов исследования кристаллов. В частности, им разработан динамический метод скоростного выращивания крупных монокристаллов, широко вошедший в промышленную практику. Он одним из первых применил иммерсионный метод изучения осадочных пород.

Бубнов Сергей Николаевич (1888—1957) — выдающийся немецкий геолог, тектонист, член Германской АН (1949). Окончил Фрайбургский университет (1910). Профессор Грейфсвальдского (1929—1950), Берлинского (с 1950) университетов, директор Геотектонического института (с 1950). Разработал оригинальную классификацию основных структурных элементов земной коры (1948), а также классификацию тектонических движений.

Глинка Сергей Федорович (1855 — ?) — минералог. Окончил 2-ю Казанскую гимназию, поступил на математическое отделение физико-математического факультета Казанского университета. В 1882 г. окончил Петербургский университет по естественному разряду физико-математического факультета и был оставлен в качестве консерватора минералогического кабинета (1881), с 1885 г. — приват-доцент.

Земятченский Петр Андреевич (1857— 1942) — выдающийся геолог, ближайший ученик и один из главных помощников В. В. Докучаева, создатель первой кафедры грунтоведения (1930). Учился на естественном отделении физико-математического факультета Петербургского университета в 1878— 1882 гг., окончил его со званием кандидата естественных наук и стал хранителем минералогического кабинета. В 1896 г. защитил докторскую диссертацию, в 1897 г. стал профессором и возглавил кафедру минералогии Петербургского университета. За цикл работ «Этюды по кристал-логенезису» в 1914 г. удостоен премии М. П. Ахматова. П. А. Земятченский входил в организованную во время первой мировой войны академиками В. И. Вернадским и А. Е. Ферсманом Комиссию по изучению производственных сил, возглавив в 1918 г. ее отделение глиняных материалов. На базе Комиссии был создан Государственный исследовательский керамический институт, а первым его директором стал П. А. Земятченский. В 1926 г. он оставил кафедру минералогии и переключился целиком на работу по организации кафедры грунтоведения. С 1928 г. был членом-корреспондентом Российской АН.

Ламанский Владимир Владимирович (1874— 1944) — геолог, палеонтолог, географ. В 1892 г. окончил 6-ю Петербургскую гимназию, а в 1896 г. естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета по первому разряду. Был оставлен профессором А. А. Иностранцевым при кафедре геологии. С 1898 по 1906 гг. состоял сверхштатным консерватором геологического кабинета Петербургского университета, а в 1906 г. защитил диссертацию на степень магистра минералогии и геогнозии по теме «Древнейшие слои силурийской системы России», опубликованную в виде монографии в Трудах

Геолкома в 1905 г. Эта работа В. В. Ламанского хорошо известна, а ее материалы выставлены в созданном А. А. Иностранцевым музее кафедры исторической геологии

Петербургского университета. В 1902 г. В. В. Ламанский был приглашен доцентом в Политехнический институт, где преподавал до 1906 г. Затем он стал коммерческим агентом Китайско-Восточной железной дороги и объездил Монголию, Маньчжурию и Уссурийский край. С 1910 г. был начальником экспедиции Министерства путей сообщения и обследовал бассейн р. Тобол. В 1916—1917 гг. на кафедре геологии Петербургского университета читал лекции по топонимике. В 1918 г. избирается профессором географии и этнографии Пермского университета, а в 1919 г. переезжает в Харбин. В Китае преподает геологию и географию на юридическом факультете Харбинского университета и в Шанхайском французском колледже. О нем см.: *Геккер Р. Ф.* Ламанский. На силурийском плато// Очерки по истории геологических знаний. Вып. 24. М., 1987. С. 88—93.

Левинсон-Лессит Франц (Федор) Юльевич (1861 — 1939) — ученик А. А. Иностранцева и В. В. Докучаева, действительный член Российской АН с 1925 г., создатель отечественной школы петрографии, основатель геохимического отделения в Политехническом институте Ленинграда, кафедры петрографии (затем петрологии) в ЛГУ, Петрографического института АН в Москве (теперь Геохимический институт), Института земной коры (теперь его имени) в ЛГУ, Камчатской вулканологической станции. Является основоположником петрографического эксперимента, учения о классификации магматических горных пород. Ф. Ю. Левинсон-Лессинг закончил естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета в 1883 г. В 1886 г. назначается сверхштатным хранителем и консерватором геологического кабинета Петербургского университета, в 1893 г. блестяще защищает докторскую диссертацию, в 1902 г. избирается ординарным профессором по кафедре геологии Петербургского университета. Профессор Юрьевского университета (1892—1902) и Петроградского политехнического института (1902—1930). О нем см.: *Кузнецов С. С.* Франц Юльевич Левинсон-Лессинг. Л., 1969. 29 с.

Макеров Яков Антонович (1860—?) — геолог, минералог. Среднее образование получил в Петропавловском городском приходском училище, затем в Тобольской классической гимназии (1879). В 1883 г. закончил естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета со степенью кандидата естественных наук. В 1885 г. принят в Петербургский университет для приготовления к профессорскому званию. В 1889 г. назначен хранителем, а в 1891 г. — лаборантом геологического кабинета. Изучал побережье Ладожского озера, Саяны, бассейн Амура, долину р. Невы.

Полканов Александр Алексеевич (1888—1963) — ученик и последователь А. А. Иностранцева и Ф. Ю. Левинсон-Лессинга, академик АН СССР, основатель структурной петрологии. После смерти Ф. Ю. Левинсон-Лессинга в 1939 г. возглавил кафедру петрографии ЛГУ, а также Институт земной коры (с 1940 по 1944). В 1962 г. стал лауреатом Государственной премии (совместно с Э. К. Герлингом) за создание калий-аргонового метода определения абсолютного возраста горных пород.

Поленов Борис Константинович (1859 — ?) — известный геолог. Среднее образование получил в казанской, затем екатеринбургской гимназиях. В 1878 г. поступил на физико-математический факультет Петербургского университета и с 1880 г. избрал геологию, которой занимался под руководством профессора А. А. Иностранцева. В 1882 г. по окончании Петербургского университета участвовал в экспедиции геологической части Кабинета Его Императорского

Величества на Алтай. Оставлен в Петербургском университете для
приготовления к профессорскому званию по кафед-

234

ре геологии. Исследовал бассейн р. Вилюя. С 1885 г. — хранитель геологического кабинета Петербургского университета, затем — профессор Пермского университета.

Попов Борис Александрович — известный петрограф, ученик А. А. Иностранцева, преподаватель кафедры геологии Петербургского университета. Исследователь докембрийских пород Финляндии, создавший оригинальную гипотезу магматического образования гранитов рапакиви, автор широко известных таблиц определения минералов под микроскопом. В начале XX в. переехал на постоянное место жительства в Финляндию.

Пчелинцев Владимир Федорович (1887 — 1969) — широко известный палеонтолог и геолог. Закончил естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета и долгое время преподавал там же геологию и палеонтологию. Чрезвычайно разносторонний специалист в области палеонтологии и геологии мезозойской эры геологической истории Земли, геологического строения, истории геологического развития и гидрогеологии Крыма, Кавказа и Средней Азии, автор ряда крупных монографий и руководств, один из ведущих палеомалакологов Советского Союза. Активно участвовал в создании самостоятельного геолого-географического факультета в Петербургском университете, стоял у истоков кафедры исторической геологии. До 1935 г. работал доцентом геолого-географического факультета Петербургского университета, затем был старшим научным сотрудником Всесоюзного (теперь Всероссийского) геологического института (ВСЕГЕИ) и одновременно профессором Петрозаводского университета. В 1941—1944 гг. трудился в Комитете по делам геологии при СМ СССР, с 1944 по 1949 гг. был заместителем директора ВСЕГЕИ, а затем сотрудником Геологического музея им. А. П. Карпинского. В. Ф. Пчелинцев создал настоящую школу палеомалакологов мезозоя, объединявшую многих ученых России и соседних с ней стран.

Рябинин Валериан Николаевич (1880—1960) — выдающийся геолог и палеонтолог, специалист по гидроидным палеозойской эры геологической истории Земли, профессор Всесоюзного (теперь Всероссийского) нефтяного научно-исследовательского геолого-разведочного института (ВНИГРИ). Высшее образование получил в Технологическом институте Петербурга (1898—1905). В 1905 г. попал в геологическую экспедицию, увлекся и в 1908 г. поступил на физико-математический факультет Петербургского университета, который окончил с дипломом 1-й степени в 1912 г. Работал во многих геологических учреждениях России, занимаясь геологической съемкой различных районов страны, гидрогеологией и палеонтологией. С 1947 г. постоянно работал во ВНИГРИ. Автор ряда монографий и статей.

Семенов (с 1906 — Семенов-Тянь-Шанский) Вениамин Петрович (1870—1942) — известный географ, профессор ЛГУ, сын знаменитого географа-путешественника Петра Петровича Семенова-Тянь-Шанского. В 1889 г. окончил в Петербурге 5-ю прогимназию и поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета. В 1890 и 1892 гг. участвовал в геологических экспедициях под руководством Г. Г. фон Петца, с 3-го курса начал специализироваться по геологии у А. А. Иностранцева. После окончания Университета был оставлен в геологическом кабинете для приготовления к профессорскому званию. Здесь он изучил палеонтологические коллекции Н. И. Андрусова из юрских и меловых отложений Мангышлака и Туаркыра, опубликованные, соответственно, в 1896 и 1899 гг. (эти коллекции и

в настоящее время хранятся в витрине музея кафедры исторической геологии Петербургского университета). Принимал деятельное участие в алтайских экспедициях Геологической

части Кабинета Его Величества. В 1900 г. он оставляет геологическую службу и обращается к географии — составляет карты различных местностей, районирует крупные области России, участвует во Всероссийской переписи, организует написание и издание многотомного краеведческого труда «Россия*», занимается географической статистикой и т. п. В 1911 г. за книгу «Город и деревня» (1910) на международной выставке в Турине удостоен «Гран-при», избран иностранным вице-президентом X Географического конгресса. В 1913 г. обосновал самостоятельность географии как науки. В 1918 г. возглавил статистическую комиссию (отделение) Российского географического общества и стал профессором географии Педагогического института при Петроградском университете. В 1923 г. создает Центральный географический музей. В начале 1930-х гг. прекращает педагогическую деятельность. В. П. Семенов-Тянь-Шанский — автор многочисленных книг и статей, самых разнообразных карт. О нем см.: *Полян П. М.* Вениамин Петрович Семенов-Тянь-Шанский. М., 1989. 125 с.

Сибирцев Николай Михайлович (1860—1900) — геолог, агроном, почвовед. Окончил естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета. Участвовал в экспедиции своего учителя В. В. Докучаева. Затем заведовал Естественно-историческим музеем Нижнего Новгорода. Был заведующим кафедрой почвоведения в Ново-Александрийском институте. Автор почвенной карты России.

Сущинский Петр Петрович — геолог, минералог, окончил Петербургский университет в 1897 г. и был оставлен для приготовления к профессорскому званию по кафедре минералогии. С 1899 г. назначен хранителем минералогического кабинета, с 1907 г. зачислен в приват-доценты, в 1912 г. защитил магистерскую диссертацию. В 1911 г. назначен профессором в только что созданный Донской политехнический институт в Новочеркасске.

Яковлев Сергей Александрович (1878—1957) — геолог, профессор Высших сельскохозяйственных курсов (с 1907), Лесного института (с 1921). Является одним из основоположников отечественной четвертичной геологии, изучающей горные породы и геологические процессы, характерные для последних 1,8 млн. лет геологической истории Земли.

³ *Николаевская инженерная академия* создана в 1855 г. из офицерских классов Инженерного училища.

² *Академия Генерального штаба* (Николаевская) основана в 1832 г. под названием Императорская военная академия. В ней обучались офицеры, прослужившие в строю не менее трех лет.

³ *Драгомиров Михаил Иванович* (1830—1905) — генерал-адъютант, генерал от инфантерии, участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг., был тяжело ранен при обороне Шипки, в 1878—1889 гг. — начальник Академии Генерального штаба, с 1889 г. командовал войсками Киевского военного округа. Автор ряда работ по военному искусству, в том числе Полевого устава (1900). С 1903 г. — член Государственного совета.

⁴ *Шренк Леопольд Иванович* (1830—1894) — русский ученый, известный своими географическими и этнографическими работами на Дальнем Востоке, академик. В 1854—1856 гг. возглавлял экспедицию Петербургской АН на Амур и Сахалин.

⁵ *Самарский-Быховец В. В.* — адвокат, профессор Училища правоведения.

⁶ *Сухомлинов Владимир Александрович* (1848—1926) — генерал,

окончил в 1874 г. Академию Генерального штаба, в 1904 г. —
командующий

236

Киевским военным округом, в 1908 г. — начальник Генерального штаба, в 1909—1915 гг. — военный министр.

³⁷ *Ковалевский Владимир Онуфриевич* (1842—1883) — знаменитый палеонтолог-эволюционист, геолог, издатель, редактор и переводчик, общественный деятель. Основоположник эволюционной палеонтологии. Наиболее известен его труд «Sur l'Anchithrium anrelianense Cuv. et sur l'histoire paleontologique des chevauiuo (Mem. Acad. Sci. Pdtersb. (VII), XX. Ms 5. P. 1 — 73. 1873). В 1875 г. защитил магистерскую диссертацию в Петербургском университете. О нем см.: *Давиташвили Л. III*. В. О. Ковалевский. М., 1951. 578 с.

³⁸ Под Я. подразумевается, скорее всего, *Никитин Сергей Николаевич* (1851 — 1909) — известный геолог, член-корреспондент Петербургской АН, вице-президент VII сессии Международного геологического конгресса (1897). Широко известен как прекрасный специалист в разных областях геологии, главным образом в стратиграфии, палеонтологии и гидрогеологии. Отличался сложным характером, академик Ф. Н. Чернышев писал, что «его прямолинейность и некоторая резкость в выражении своих мнений могли вызвать у мало его знавших неприязненное чувство...». Недаром при выборе на должность старшего геолога Геолкома 15 марта 1882 г. С. Н. Никитин прошел всего одним голосом (4 против 3). Отношения его с А. А. Иностранцевым были чрезвычайно напряженными. Е. А. Басков в 1982 г. объяснял причину их конфронтации тем, что С. Н. Никитин, использовавший в своей первой печатной работе в 1877 г. теоретические положения статьи А. А. Иностранцева 1871 г., пришел позже к выводу об ошибочности представлений последнего и неоднократно резко его критиковал. А. А. Иностранцев отвечал на критику в не менее резкой форме. О нем см.: *Басков Е. А. Сергей Николаевич Никитин (1851 — 1909)*. Л., 1982. 176 с.

II. — скорее всего, *Павлов Алексей Петрович* (1854 — 1929) — выдающийся геолог, палеонтолог. Окончил Московский университет в 1878 г., затем там же профессор с 1886 г. С 1905 — член-корреспондент, с 1916 — академик Петербургской АН, вице-президент Московского общества испытателей природы, активный участник ряда сессий Международного геологического конгресса и съездов русских естествоиспытателей и врачей. О нем см.: *Варсанофьева В. А. Алексей Петрович Павлов*. М., 1947. 391 с.

Его жена (также упомянутая в мемуарах) *Мария Васильевна Павлова* (1854-1938) - известный палеонтолог. Профессор МГУ (1919-1930), действительный член АН УССР (с 1921), член-корреспондент АН СССР (с 1925), почетный академик АН СССР (с 1930), инициатор (совместно с мужем) создания музея, находившегося до 1991 г. при Московском геолого-разведочном институте (ныне Геологический музей РАН). О ней см.: *Наливкин Д. В. Наши первые женщины-геологи*. Л., 1970. С. 13 — 36.

А. — возможно, *Я. И. Андрусов* (см. коммент. 30).

³⁹ [Цосподин] Я. — возможно, имеется в виду *С. А. Яковлев* (см. коммент. 30).

Глава VI

¹ *Кёниг Иван Федорович* (1822 — 1886) — инженер путей сообщения. После выкупа Николаевской железной дороги Главным обществом российских железных дорог (1868) был избран ее директором и тринадцать лет руководил дорогой. О нем см.: *Октябрьская магистраль*. 1990. 17 янв.; 28 марта.

² *Адлерберг Владимир Федорович* (1790—1884) — министр Двора с 1852 по 1872 гг.

Адлерберг Александр Владимирович (1818—1888) — министр Двора с 1872 по 1881 гг., приближенное лицо Александра II, принимал деятельное участие во всех важнейших событиях его царствования.

³ *Потанин Григорий Николаевич* (1835—1920) — выдающийся путешественник и ученый. В 1862 г. закончил Петербургский университет, участвовал в ряде экспедиций Русского географического общества в Центральную Азию (1863—1899). На территории Китая и Монголии собрал обширнейшие ботанические, географические и особенно этнографические (300 произведений восточного эпоса) материалы. Инициатор ряда экспедиций в Сибирь. Организатор Общества по изучению Сибири (в Тибете). О нем см.: *Обручев В. А.* Григорий Николаевич Потанин. Жизнь и деятельность. М.; Л., 1947; *Обручев В. А.* Путешествия Потанина. М., 1953.

⁴ Возможно, *Эйхвальд Эдуард Эдуардович* (1838—1889) — известный терапевт, сын Э. И. Эйхвальда, выпускник и профессор (с 1866) Медико-хирургической академии по кафедре общей терапии и диагностики. С 1865 по 1873 гг. — лейб-медик великой княгини Елены Павловны, на средства которой основал в 1885 г. в Петербурге клинический институт ее имени для усовершенствования врачей.

Глава VII

¹ Вероятно, *Ливен Александр Александрович* (1839—1913) - Курский, Черниговский, Московский вице-губернатор (1865—1870), губернатор Москвы (1870 — 1872), с 1872 г. — товарищ министра государственного имущества (земледелия), в 1879—1881 гг. - управляющий Министерством государственного имущества.

² *Ерофеев Василий Гаврилович* (1822—1884) — геолог и палеонтолог. В 1842 г. закончил с чином поручика и званием горного инженера Горный институт, был приглашен в него же репетитором по палеонтологии. С 1854 г. (после полугодовой поездки по Западной Европе) до 1873 г. Читал в Горном институте курс палеонтологии, с 1861 г. — инспектор классов. В 1864 г. полковник В. Г. Ерофеев вновь посещает страны Западной Европы. С 1873 г. — чиновник для особых поручений Горного ведомства (занимался выяснением перспектив месторождений различных полезных ископаемых). С 1881 г. — директор Горного института, один из создателей Геологического комитета и его директор с 1882 по 1885 гг. О нем см.: *Романовский С. И.* Василий Гаврилович Ерофеев (1822—1884)//Выдающиеся ученые Геологического комитета. Л., 1982. С. 5 — 27.

³ *Карпинский Александр Петрович* (1847—1936) — знаменитый геолог, академик, затем президент Российской (позже — СССР) АН (1917 — 1936), директор Геолкома (1885-1903), затем — его почетный директор (1903—1929), директор, затем председатель Минералогического общества (1899—1936), президент VII сессии Международного геологического конгресса (1897), почетный член многих национальных академий и научных обществ, награжден Большой золотой медалью Русского географического общества, медалью Волластона Лондонского географического общества, лауреат премии им. Ж. Кювье Парижской АН. О нем см..⁴ *Личное Б. Л.*

Карпинский и современность. М.; Л., 1946. 74 с.

⁴ *Коновалов Дмитрий Петрович* (1856—1929) — физикохимик, академик Петербургской АН (с 1923). Окончил Горный институт (1878). В 1878—1880 гг. учился в Петербургском университете у Д. И. Менде-

лева, с 1884 г. — приват-доцент, с 1886 по 1907 гг. — профессор Петербургского университета, после ухода Д. И. Менделеева из университета (1890) становится его преемником на кафедре химии, одновременно в 1903—1905 гг. — директор Горного института. В 1907—1908 гг. — директор Горного департамента Министерства торговли и промышленности, в 1908—1915 гг. — товарищ министра. В 1915—1918 гг. — профессор Петроградского технического института, в 1918—1922 гг. — директор Горного института, с 1922 г. — президент Главной палаты мер и весов. В 1923—1924 и 1927—1928 гг. — президент Русского химического общества.

⁵ *Тимофеев Владимир Максимилианович* (1884—1936) — известный петрограф, специалист по докембрийским образованиям Карелии и Кольского полуострова. В 1909 г., закончив Петербургский университет, поступил на работу в геологический кабинет Университета, где под руководством А. А. Иностранцева стал ассистентом, доцентом, а позже — профессором.

⁶ *Кузнецкий бассейн* — межгорная впадина, расположенная на севере Алтайской горной страны, ограниченная с запада Салаирским хребтом, а с востока и юга — хребтом Кузнецкого Алатау, к северу впадина Кузнецкого бассейна открывается в сторону Западно-Сибирской равнины. Кузнецкий бассейн — один из крупнейших в мире по запасам угля. Многие слои преимущественно горизонтально залегающего каменного угля в сумме имеют мощность около 200 м, распространены они главным образом в 8 — 9-километровой толще позднепалеозойского возраста (245 — 330 млн. лет тому назад).

⁷ *Федоровский Николай Михайлович* (1886—1956) — минералог, общественный деятель, член ВЦИК (1918—1919), основатель и директор Всесоюзного НИИ минерального сырья, профессор. В 1920—1922 гг. — руководитель Берлинского отделения НТО.

Глава VIII

¹ *Домонтович Иван Иванович* (1815—1895) - гласный городской Думы, почетный член Петербургского университета.

² *Лихачев Владимир Иванович* (1837 — ?) - общественный деятель, юрист, товарищ председателя Петербургского окружного суда, с 1881 по 1885 гг. — председатель столичного мирового съезда, в 1865—1896 гг. — гласный Петербургской городской Думы, в начале 1880-х гг. — председатель городской комиссии общественного здоровья. В 1885 и 1889—1892 гг. — городской голова Петербурга. С 1896 г. — сенатор.

³ *Ратьков-Рожнов Владимир Александрович* был городским головой Петербурга в 1893-1898 гг.

* *Алтухов Михаил Иванович* (1851 — ?) — инженер-технолог, окончил Петербургский технологический институт. Состоял главным техником петербургских водопроводов. В 1894—1895 гг. произвел обширные изыскания для снабжения Петербурга ключевой водой. Занимался водоснабжением Калуги, Двинска, Белостока, Царского Села, Феодосии, Новгорода и др. Автор многих публикаций по водоснабжению.

⁵ *Линдлей (Lindley) Вильям* — английский инженер, автор проектов водоснабжения и канализации Гамбурга, Франкфурта-на-Майне, Варшавы.

⁶ *Глазунов Иван Ильич* (1826—1889) — представитель известного рода купцов Глазуновых, книгопродавец и издатель,

фирма которых существовала с 1782 г. Издал более сотни наименований учебников и учебных пособий, полных собраний сочинений Кантемира, Фонвизина, Лермонтова,

Жуковского, ему же принадлежали права на издание произведений Тургенева, Гончарова, Островского. Видный городской деятель, в 1881 — 1885 гг. — городской голова Петербурга.

⁷ *Гласные городской Думы* — так назывались с 1785 г. члены городских дум, а со времени введения земских учреждений — члены земских собраний.

⁸ *Шокшинский кварцит* — толща красных кварцитопесчаников и конгломератов с кварцевой галькой. Установлена А. А. Иностранцевым и описана им в учебнике «Геология» (т. 2, с. 75). Распространена на юго-западном берегу Онежского озера, у села Шокша. Хороший облицовочный и декоративный материал.

⁹ *Белелюбский Николай Аполлонович* (1895 — 1922) — выдающийся инженер-мостостроитель. Закончил Институт инженеров путей сообщения. Профессор этого Института с 1873 г. Создал Механическую лабораторию, которая первая в России начала испытывать строительные материалы. Под его руководством были разработаны первые русские технические условия приемки и испытания цементов и других строительных материалов. Президент Международного общества по разработке методов испытания вяжущих веществ, металлов и других материалов (1912). Читал лекции в Петербургском горном институте, на Женских политехнических курсах. Автор первого на русском языке полного курса строительной механики (1885).

Глава IX

¹ *Циркель (Cyrrel) Фердинанд* (1838—1912) — немецкий петрограф. Окончил Боннский университет. Профессор Львовского (с 1863), Кильского (с 1868), Лейпцигского (с 1870) университетов, директор минералогического музея при Лейпцигском университете.

Кальковский (Kalkowsky) Эрнст (1851 — 1938) — немецкий геолог, окончил Лейпцигский университет в 1875 г. С 1874 г. — геолог в изыскательском государственном учреждении, с 1878 г. — приват-доцент Лейпцигского университета, с 1881 г. — ассистент Минералогического института, с 1886 г. — профессор минералогии и геологии, директор Большого минералогического музея Йены, с 1894 г. — профессор минералогии и геологии Высшей технической школы Дрездена и директор Дрезденского минералогического музея, в котором создал отдел докембрийских коллекций.

² Эта коллекция хранилась на кафедре исторической геологии до 1973 г., когда была передана в Краеведческий музей г. Старая Ладога.

³ *Анучин Дмитрий Николаевич* (1843—1923) — выдающийся русский географ, антрополог, археолог. Выпускник (1867), доцент (1880) и профессор (1891) Московского университета, академик (с 1896) Петербургской АН, ученик и преемник А. П. Богданова, создатель Антропологического музея при Московском университете (ныне носит его имя). О нем см.: *Богданов В. В. Дмитрий Николаевич Анучин — антрополог и петрограф* (1843—1923). М., 1941; *Карпов Г. В. Путь ученого. Очерки жизни, научной и общественной деятельности Д. Н. Анучина*. М., 1958.

Богданов Анатолий Петрович (1834 — 1896) — известный антрополог, выпускник (1855) и профессор (с 1867) Московского университета, член-корреспондент Петербургской АН, один из основоположников антропологии в России. В 1860 г. проводил раскопки курганов в Подмосковье. Организатор выставок

Этнографической (1867), Политехнической (1872),

240

Антропологической (1879), Московского зоосада, изучал черепа из коллекции А. А. Иностранцева. Создатель Общества любителей естествознания, антропология и этнографии при Московском университете (1863). О нем см.: *Левый М. Г.* Очерки по истории антропологии в России. М., 1960.

Богданов Модест Николаевич (1841 — 1888) — биолог. Закончил в 1866 г. Казанский университет, с 1881 г. профессор кафедры зоологии Петербургского университета, орнитолог. Выполнял определение костей птиц из коллекции Л. А. Иностранцева. О нем см.: *Болит Н. Н., Ковань-ко Г. Н.* Модест Николаевич Богданов. Л., 1972.

Тихомиров Михаил Андреевич (1848—1902) — доктор медицины, выпускник Московского университета, преподаватель Медико-хирургической академии, затем — профессор Киевского университета. Выполнял остеологическое описание костных остатков человека из коллекции А. А. Иностранцева. О нем см.: *Стефанис Ф.* Профессор Михаил Андреевич Тихомиров // Университетские известия. Киев, 1902. Т. 42. J* 9. С. 1-6.

Шмальгаузен Иван Федорович (1849—1894) — выдающийся ботаник, один из основоположников палеоботаники в России, член-корреспондент Петербургской АН (с 1893). Окончил Петербургский университет (1871), профессор (с 1879) Киевского университета. Выполнял определения древесных остатков из коллекции А. А. Иностранцева. О нем см.: *Кришто-фович А. Н.* История палеоботаники в СССР. М., 1956.

* *Матэ Василий Васильевич* (1856—1917) - гравер. Профессор Академии художеств (1894). Один из крупнейших мастеров репродукционной гравюры второй половины XIX в. Более известен как преподаватель, воспитавший целую плеяду виднейших мастеров гравюры начала XX в. (В. Д. Фалилеев, А. П. Остроумова-Лебедева, П. А. Шиллинговский и др.).

⁵ *Зубчанимов Александр Иванович* — ксилограф. Выпускник рисовальной школы Общества поощрения художеств. Сотрудничал с петербургскими иллюстрированными журналами, выполнял гравюры к книгам.

⁶ А. А. Иностранцев имеет в виду московское предприятие «Шерер, Набгольц и К^о», занимавшееся выпуском фототипий и фотографий.

⁷ *Бунге Николай Христианович* (1823—1895) — экономист, ученый, публицист, государственный деятель. Выпускник (1845), профессор (1850) по кафедре политэкономии и статистики, затем (1869) — по кафедре по литического права, ректор (1859-1862, 1871-1875, 1878-1880) Киевского университета. В 1880 г. товарищ министра финансов, а в 1881—1886 гг. — министр финансов. Академик с 1890 г. С 1887 по 1897 гг. — председатель Комитета министров.

⁸ А. А. Иностранцев, положив в основу метода датировки определение скорости накопления осадков, перекрывавших слой с каменными орудиями и костными остатками, получил даты (8250—9300 лет назад), которые резко расходились с библейской хронологией времени сотворения человека, что, видимо, и вызвало запрещение книги церковной цензурой.

Сейчас хорошо известно, что метод А. А. Иностранцева был ошибочным, т. к. толщина отложений за год не является постоянной величиной, и эти на ходки датируются III—IV тысячелетием до и. э. и происходят из нескольких разновременных памятников. См.: *Тимофеев В. И.* О культурно-хронологической атрибуция находок каменного века из коллекции А. А. Иностранцева // Вопросы геологии и археологии. Тез. докл. Межд. симп., поев. 150-летию А. А. Иностранцева. СПб.,

1994. С. 57-58.

⁹ *Клодт фон Юргенбург Михаил Петрович* (1835-1914) — барон, живописец, рисовальщик, член Товарищества передвижников. Племянник

241

М. К. Клодта. Работал в области жанровой и исторической живописи, рисовал для петербургских журналов, иллюстрировал ряд книг.

¹⁰ *Стасюлевич Михаил Матвеевич* (1826—1911) — историк, издатель, журналист, выпускник (1847), доцент (1852) и профессор (1858—1861) Петербургского университета, редактор журнала «Вестник Европы», владелец известной типографии.

Глава X

¹ *Берих* — возможно, *Бейрих {Beyrich} Г. Э.* (1815—1896) — немецкий геолог и палеонтолог.

Дамес {Dames} В. (1848—?) — немецкий палеонтолог, в 1870-х гг. — ассистент палеонтологического музея Берлинского университета. С 1885 г. — один из редакторов журнала «Neues Jahrbuch for Mineralogie, Geologie und Paleontologies». Специалист по мезозойской и кайнозойской фауне Германии и Средиземноморья.

² *Креднер {Credner} Герман* (1841—?) — немецкий геолог, профессор Лейпцигского университета. Совершил в 1865 — 1868 гг. путешествие по Восточной и Центральной Америке.

³ *Гранулитовая область Саксонии* — горная местность на юго-западе Саксонии, место выходов на поверхность глубоко метаморфизованной тонкозернистой горной породы светлой окраски с гнейсовидной (складчатой) текстурой. Эта порода образована кварцем, плагиоклазом, калиевыми полевыми шпатами, гранатом-пиропом и другими минералами. Термин предложен саксонскими горнорабочими, подметившими, что порода раскалывается на части, напоминающие гранулы.

* **Лаакерское озеро**. — Имеется в виду небольшое круглых очертаний Лаакерское озеро (Laacher See), образовавшееся в трубке взрыва потухшего вулкана. Располагается в левобережье р. Рейн, примерно в 25 км юго-юго-восточнее г. Бонн.

⁵ *Мишель-Лей {Michel-Livy} Огюст* (1844—1911) — французский петрограф. Один из первых, кто использовал поляризационный микроскоп для изучения горных пород. Совместно с французским петрографом Ф. Фуне составил сводку оптических свойств минералов, доказал возможность появления порообразующих минералов при кристаллизации сухого расплава и др.

⁶ *Потухшие вулканы Оверны* — территория в Юго-Восточной Франции, в левобережье верхнего течения р. Луары, между городами Клермон и Орилак. Это поле развития преимущественно лавовых извержений молодых (четвертичных, не древнее 1,5 млн. лет) вулканов. Здесь прекрасно сохранились морфология конусов и кратеров вулканов и поверхности лавовых потоков. Вершина Пюи-де-Дом — один из вулканических конусов.

⁷ Вероятно, речь идет о *Жульене {Julien} Р. А.* (? — 1905) — французском геологе.

⁸ *Наполеон III* (1808—1873) — французский император, сын голландского короля Людовика Бонапарта и королевы Гортензии, падчерицы Наполеона I. Страстный приверженец «наполеоновских идей», в 1836, 1840 гг. предпринимал авантюристские попытки захвата власти, шесть лет просидел в тюрьме, бежал в Англию, после революции 1848 г. вернулся в Францию и был избран президентом, в 1852 г. был провозглашен императором, потерял власть в результате поражения Франции во франко-прусской войне 1870-1871 гг.

⁹ Имеется в виду *Максимилиан Фердинанд-Иосиф* (1832—1867) — эрцгерцог австрийский и император мексиканский, брат австрийского императора Франца-Иосифа., в 1863 г. при поддержке Наполеона III был избран мексиканским императором, что вызвало гражданскую войну в Мексике, в ходе которой он и погиб.

⁰ *Гебер Шебез* Э. (1812—1890) — французский геолог и палеонтолог.

Годри (Gandry) А. (1827—1908) — французский палеонтолог, основатель палеонтологической галереи Ботанического сада в Париже.

¹ *Де Ланпаран (de Lapparant) Альбер Огюст* (1839—1908) — французский геолог, один из основоположников создания стратиграфической (геохронологической) шкалы.

² Имеется в виду *Капеллини (Capellini) Джованни* (1833—1922) — геолог и палеонтолог, профессор, руководитель кафедры геологии в университете Болоньи. В 1881 г. был избран президентом II сессии Международного геологического конгресса.

³ *Каррара* — город в Северной Италии вблизи побережья Лигурийского моря, примерно в 25 км восточнее Специи и 50 км севернее Пизы. Около него расположен массив знаменитого каррарского мрамора — чисто белой метаморфической карбонатной породы (мезозойского? возраста) — излюбленного материала скульпторов.

⁴ *Рюто (Rutot) Алме Луи* (1847—1933) — известный бельгийский палеонтолог (малаколог), стратиграф, специалист по отложениям мезозоя. С 1904 г. — сотрудник Музея естественной истории в Брюсселе (Бельгия).

⁵ *Тилли (Teall) Есро Юстиниан Харрис* (1849—1924) — выдающийся английский петрограф и геолог, один из пионеров петрографии. С 1888 г. — сотрудник, а с 1901 г. — директор Геологической службы Великобритании, президент Лондонского геологического общества.

⁶ *Кровельный сланец* — горные породы, раскалывающиеся по определенному направлению (плоскости сланцеватости) на тонкие (2,5 — 6 мм) и ровные плитки, употребляемые для покрытия и облицовки зданий. Это твердые глинистые, углистые, шунгитовые, хлоритовые и некоторые другие сланцы, часто также называемые шиферными сланцами или естественным шифером. См.: Геологический словарь. Т. 2. С. 239. (Упрощено. — В. Я.)

⁷ *Лорд Пенкрин* — вероятно, один из представителей знатного английского рода.

⁸ *Армашевский Петр Яковлевич* (1851 — 1919) — геолог. Профессор Киевского университета по кафедре минералогии и петрографии. Автор намывной теории происхождения лёссов.

⁹ Имеется в виду *Долло (Dollo) Луи* (1857—1931) — выдающийся бельгийский палеонтолог, ученик В. О. Ковалевского. Профессор и хранитель Естественного-исторического музея в Брюсселе. Автор закона необратимости эволюционного развития организмов.

²⁰ *Диабаз* — магматическая полнокристаллическая горная порода основного состава более или менее темного (серого) цвета с характерными минералами — авгитом, плагиоклазом, оливином, относительно равномерно распространенными в породе в виде угловатых зерен. Диабаз широко распространен обычно в виде небольших интрузий на поверхности Земли. См.: Геологический словарь. Т. 1. С. 221. (Упрощено. — В. П.)

²¹ *Великий князь Константин Константинович* (1852—1915) — сын великого князя Константина Николаевича, президент

Петербургской АН (с 1889), командир лейб-гвардии
Преображенского полка, известный и та-

243

ланглиный поэт, публиковавший свои произведения под инициалами 4К. Р.». О нем см.: *Соболев В. С.* Августейший президент. СПб., 1993.

² *Мюррей (Murray) Джоу* (1841-1914) — английский океанограф. Учился в Эдинбургской университете. Участвовал в экспедиции на «Челленджере» в 1872—1876 гг., руководил обработкой ее материалов и был редактором Трудов экспедиции (50 томов). Вместе с А. Ренаром дал классификацию морских грунтов по составу и установил зависимость их распределения от глубины и удаления от берега.

Гейки (Geikie) Арчибальд (1835—?) — известный английский геолог. С 1870 г. — профессор геологии в Эдинбурге. Автор многочисленных трудов по геологии.

³ *Mytilus (мидия)* — двустворчатый моллюск, широко распространенный на мелководье внутренних и окраинных морей.

⁴ С 1888 г. Археологическая комиссия начала систематические археологические раскопки на месте античного и средневекового Херсонеса, которые проводились под руководством К. К. Косцюшко-Валюжинича. Он же, видимо, и показывал участникам экскурсии результаты этих исследований. В 1892 г. на месте раскопок был открыт музей.

Балаклавский *Георгиевский монастырь* — один из древнейших монастырей, основан в 891 г., расположен в очень живописном месте на высоком берегу Черного моря у мыса Фиолент в 12 верстах от Севастополя. Подробнее см.: *Романчик А. И.* Возрождение античного города. Свердловск, 1991.

⁵ *Коген (Kohlen) Эмль* (1842—?) — немецкий геолог и минералог. В 1872—1873 гг. исследовал алмазные копи и золотые россыпи в Южной Африке. С 1878 г. — профессор петрографии Страсбургского университета и директор Петрографического института.

Глава XI

¹ По Уставу 1884 г. вводилась предметная система преподавания, когда все курсы делились на обязательные и рекомендованные. Первоначально обязательные курсы поручались только профессорам, но в дальнейшем их стали читать и приват-доценты, ставшие таким образом фактически штатными доцентами, каковых не предусматривал Устав 1884 г.

² *Православлев Павел Александрович* (1873—1941) — геолог. Окончил Варшавский университет в 1898 г., специализировался у профессора В. П. Амалицкого, затем — в геологических учреждениях Германии, Австрии, Швейцарии, Франции. Профессор и декан Донского политехнического института в Новочеркасске (1909—1913), профессор Военно-медицинской академии (1913—1924) и Петроградского (позже — Ленинградского) университета (1918-1941), старший геолог Геолкома (1927—1933), ученый секретарь Каспийской комиссии Российской АН (1933—1941). После смерти А. А. Иностранцев» заменил его в качестве заведующего кафедрой геологии, а с 1934 г. — исторической геологии, председатель геолого-почвенного отделения физико-математического факультета Петербургского университета (1927-1930).

³ *Шевяков Владимир Тимофеевич* (1859—?) — русский зоолог, образование получил в Горном институте, Петербургском и Гейдельбергском университетах. С 1893 г. — приват-доцент Гейдельбергского университета, затем директор Зоологического института того же университета, с 1896 г. — профессор, в 1900—1901 гг. декан физико-математического факультета Петербургского университета.

**Кассо Лев Аристидович* (1865—1914) — юрист, профессор гражданского права Харьковского, затем Московского университетов. В 1910—1914 гг. — министр народного просвещения. Проводил крайне реакционную политику, препятствовал открытию новых университетов, запрещал студенческие собрания, жестоко расправлялся с прогрессивной профессурой.

⁵ Речь идет о Н. И. Андрусове. О нем см.: *Эйноор О. Л.* Николай Иванович Андрусов. Киев, 1990. С. 70—72.

⁶ *Сорби (Sorby) Генри Клифтон* (1826—1908) — английский естествоиспытатель. Председатель Королевского микроскопического (1875—1877), Минералогического (1876—1879), Геологического (1878—1880) общества Англии.

⁷ *Розенбуш (Rosenbusch) Карл Генрих Фердинанд* (1836—1914) — немецкий петрограф. Профессор Страсбургского, Гейдельбергского университетов, директор Геологического комитета в Бадене (с 1888).

• *Пандер Христиан Иванович* (1794—1865) — естествоиспытатель. Обучался в Дерптском, Берлинском, Геттингенском университетах, адъюнкт (с 1821), экстраординарный академик (с 1823) Петербургской АН. Высказывал идеи эволюционного развития органического мира, один из прямых предшественников Ч. Дарвина.

Глава XII

¹ *Крупчатка* — крупная мельница.

³ *Мурза* — титул татарского князя.

³ У Александра Александровича и Марии Федоровны Иностранцевых было два сына. О судьбе старшего, Михаила, ничего не известно. После революции он оказался в эмиграции, где опубликовал статью к 50-летию находки ладожского человека. См.: *Иностранцев М. А.* К пятидесятилетию открытия доисторического человека каменного века на побережье Ладожского озера// *Seminarium Kondakovianum*. Т. 4. Прага, 1928. С. 347 — 349. Второй сын, Константин, (ум. 1941) закончил Восточный факультет Петербургского университета, был известным востоковедом и этнографом. О нем см.: *Васильева Н. Е.* Константин Александрович Иностранцев/У Письменные памятники и проблемы культуры народов Востока. Ч. 1. М., 1986. С. 16-20.

Глава XIII

¹ *Андреевский Иван Ефимович* (1831 —1891) — юрист, специалист по государственному праву и полицейскому праву. Выпускник (1852), профессор (с 1859), ректор (1883—1887) Петербургского университета. Директор Археологического института (с 1855).

Янсон Юлий Эдуардович (1835—1893) — известный специалист в области политической экономии и статистики, приват-доцент (1865), профессор (с 1871) Петербургского университета.

Овсянников Филипп Васильевич (1829—1906) — физиолог и гистолог академик Петербургской АН (с 1863), профессор Петербургского университета (с 1863).

² Вероятно, имеется в виду *Сиротинин Василий Николаевич* (1855-?) — терапевт, ученик С. П. Боткина, с 1890 г. — главный врач городской больницы Св. Марии-Магдалены, с 1891 г. — главный врач общины Св. Георгия, с 1894 г. — профессор по кафедре частной патологии и терапии в Военно-медицинской

академии, редактор <Больничной газеты Боткина>.

³ *Драгомиров Михаил Иванович* (1830—1905) — генерал-адъютант, генерал от инфантерии, участник войны 1877—1878 гг., тяжело ранен при обороне Шипки, в 1878,—1889 гг. — начальник Академии Генерального штаба, с 1889 г. — командующий войсками Киевского военного округа. Автор ряда работ по военному искусству, в том числе Полевого устава (1900), с 1903 г. — член Государственного совета.

⁴ *Леер Генрих Антонович* (1829—1904) — генерал-лейтенант, ученый, профессор стратегии Генерального штаба артиллерийского и инженерного, с 1889 г. — начальник Генерального штаба, член-корреспондент Петербургской АН.

⁵ Речь идет о знаменитых «Менделеевских средах», на которых собирались начиная с 1878 г. художники и ученые, представители прогрессивной интеллигенции. На этих встречах постоянным участником был и А. А. Иностранцев, о чем, в частности, свидетельствует его автограф на особой скатерти, где оставляли свои подписи близкие друзья Д. И. Менделеева (в настоящее время эта скатерть находится в экспозиции музея-архива Д. И. Менделеева при Петербургском университете). Подробнее об этих собраниях см.: *Летопись жизни и деятельности Д. И. Менделеева*. Л., 1984. С. 203-238.

⁶ На регулярных встречах по средам у Д. И. Менделеева бывали художники — члены Товарищества передвижных художественных выставок. А. А. Иностранцев отмечает *Крамского Ивана Николаевича* (1837—1887), живописца и художественного критика, организатора и идеолога передвижничества; *Репина Илью Ефимовича* (1844—1930), одного из крупнейших русских художников XIX в.; *Ярошенко Николая Александровича* (1846—1898) — мастера жанровых сцен, портрета и пейзажа; *Мясоедова Григория Григорьевича* (1835—1911), деятельного участника передвижничества, жанриста и исторического живописца; барона *Клодта фон Юргенсбургт Михаила Константиновича* (1833—1902), члена-учредителя Товарищества, одного из основоположников реалистической пейзажной живописи.

⁷ *Щегловитый Иван Григорьевич* (1861 — 1918) — государственный деятель, в 1906—1915 гг. — министр юстиции. Проводил Черносотенную политику, один из инициаторов введения военно-полевых судов. В январе 1917 г. — председатель Государственного совета.

⁸ *Варламов Константин Александрович* (1848—1915) — великий русский актер, играл на сцене Александринского театра с 1875 г. и до конца жизни. О нем см.: *Старк Э.* Царь русского смеха. Пг., 1916; *Крыжицкий Г.* Константин Александрович Варламов. М.; Л., 1946.

⁹ *Таганцев Николай Степанович* (1843—1923) — известный русский критик, выпускник и профессор уголовного права (1869—1882) Петербургского университета, Александровского лицея и Училища правоведения, с 1887 г. — сенатор кассационного департамента сената, с 1897 г. — первоприсутствующий в этом департаменте, с 1906 г. — член Государственного совета, сенатор. Автор многочисленных трудов по юриспруденции, в том числе «Курса русского уголовного права» (3 т. СПб., 1874—1880).

¹⁰ *Коковцов Владимир Николаевич* (1853—1943) — государственный деятель, граф, выпускник Александровского лицея. 1882—1890 гг. — помощник начальника тюремного управления, с 1890 г. — стат-секретарь Государственного совета, 1896—1902 гг. — товарищ министра финансов, 1902—1904 гг. —

государственный секретарь, 1904— 1914 гг. — министр финансов. С 1918 г. жил в эмиграции во Франции. Оставил мемуары «Из моего прошлого. Воспоминания 1903—1919 гг.» (М., 1991).

Манухин Сергей Сергеевич (1856-1921) - выпускник юридического факультета Петербургского университета, с 1879 г. — служащий Министерства юстиции, с 1895 г. — директор департамента Министерства, 1901 — 1904 гг. — товарищ министра, в 1905 г. — министр, но вскоре вышел в отставку из-за разногласий с С. Ю. Витте. В 1912 г. возглавлял правительственную комиссию, расследовавшую расстрел рабочих на Ленских приисках, и, показав в отчете тяжелое положение рабочих, возложил всю ответственность на администрацию приисков.

Ермолов — может быть, *Ермолов Алексей Сергеевич* (1846—1917) — специалист по сельскому хозяйству, государственный деятель, выпускник Александровского лицея, с 1892 г. — товарищ министра финансов, с 1893 г. — управляющий Министерством государственного имущества, которое при нем было преобразовано в Министерство земледелия. Автор многочисленных трудов по теории и практике сельского хозяйства.

" *Фигнер Николай Николаевич* (1857—1918) — русский артист оперы (лирико-драматический тенор). В 1887—1907 гг. — солист Мариинского театра. О нем см.: *Старк Э.* Петербургская опера и ее мастера. М.; Л., 1940.

Славина Мария Александровна (1858—1951) — русская артистка оперы (меццо-сопрано). В 1879 —1917гг. —солистка Мариинского театра. О ней см.: *Старк Э.* Петербургская опера и ее мастера.

Долин — возможно, имеется в виду *Долинин* (настоящая фамилия — *Шеин*) *Евгений Иванович* (1873—1918) — русский артист оперы (тенор). В 1899—1901 гг. пел в Мариинском театре. О нем см.: *Гозентуд А.* Русский оперный театр на рубеже XIX —XX веков и Ф. И. Шаляпин. Л., 1974.

Майборода Владимир Яковлевич (1854 — 1917) — артист Петербургской оперной труппы. С 1880 по 1906 гг. пел в Мариинском театре. О нем см.: В. Я. Майборода (к 25-летию его сценической деятельности)//Еит. Сезон 1907-1908. Вып. 18.

² *Савина Мария Гавриловна* (1854—1915) — великая русская актриса. С 1874 г. и до конца жизни играла в Александрийском театре. О ней см.: *Шнейдерман И.* Мария Гавриловна Савина. М.; Л., 1956.

³ *Лотерея аллегри* — лотерея, в которой розыгрыш производится сразу после покупки билета.

⁴ А. А. Иностранцев привел не полный список научных обществ, членом которых он был избран. Так, например, он был членом Русского географического общества с 1879 г. и первым председателем Русского антропологического общества при Петербургском университете. Членом-корреспондентом Российской Академии наук он был избран в 1901 г.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ СПИСОК ТРУДОВ А. А. ИНОСТРАНЦЕВА*

1868

1. Петрографический очерк острова Валамо У/ Тр. I съезда русских естествоиспытателей: Отд. минерал, и геол. С. 52 — 62. Литогр. рис.: с. 63.

1869

2. Геогностическое строение западного берега Ладожского озера (с геогностич. картою): Рассуждение, представленное в Физ.-матем. фак. Для получения степени магистра минералогии и геогнозии. СПб.: Тип. Имп. АН. **56с**: 1 л. карт. Библиогр.: с. 3-7.

3. Исследование Брагинского метеорита: [Сообщ.] // Зап. СПб. минерал, о-ва. Сер. 2. Ч. 4. С. 307-311.

4. [Химическое разложение Брагинского метеорита: Заметка о сообщении.]: Протокол засед. 19 нояб. 1868 г. // Зап. СПб. минерал, о-ва. Сер. 2. Ч. 4. С. 358.

1870

5. [Геологическое строение местности между Онежским озером и рекой Онегой: Заметка.]//Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 1, вып. 1. С. 107.

6. Исследования кристаллических пород Ладожского озера: [Анн. сообщ.]: Протокол засед. 25 февр. 1869 г. // Зап. СПб. минерал, о-ва. Сер. 2. Ч. 5. С. 415.

7. [О метаморфизации известняков и доломитов: Реф. сообщ.] // Тр. СПб. о-ва, естествоиспытателей. Т. 1, вып. 2. С. 154—157.

8. О прибрежных образованиях каменноугольной формации, встреченных по реке Онеге: [Реф. сообщ.]: Протокол засед. 18 нояб. 1869 г. // Зап. СПб. минерал, о-ва. Сер. 2. Ч. 5. С. 443-444.

9. [О черном доломите, найденном в д. Кяпясельга Олонецкой губернии: Упоминание о сообщ.]/Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 1, вып. 2. С. 149.

* В пределах каждого года материалы расположены по алфавиту в следующем порядке: а) книги, статьи, заметки, сообщения и т. д. на русском и других языках; б) рецензии; в) работы под редакцией ученого.

В Список включены «упоминания о сообщениях», т. к. они входят в авторский «Список печатных работ проф. А. А. Иностранцем».

10. Об исследованиях летом 1868 г. по поручению Минералогического о-ва западного берега Ладожского озера: [Заметка] // Зап. СПб. минерал. о-ва. Сер. 2. Ч. 5: Протоколы засед. С. 389-390, 393.

11. [Результаты геологических исследований, произведенных в 1869г. между Белым морем и Онежским озером: Реф. сообщ.] // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 1, вып. 1. С. 51—54.

12. [Результаты геологических исследований, произведенных в 1869г. по р. Онеге и по берегу Онежского залива: Реф. сообщ.] // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 1, вып. 1. С. 49—50.

1871

13. [Возражение на теорию происхождения озер от действия береговой волны на кросстенгрус: Замечание на сообщ. Ф. Б. Шмидта] // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 2. С. LXXVI-LXXVII.

14. [Геологические исследования 1870 г. в окрестностях г. Вытегры и по р. Онеге: Реф. сообщ.] // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 2. С. LVI-LXI.

15. Геологический обзор местности между Белым морем и Онежским озером. СПб.: Тип. В. Демакова. 83 с: ил., 1 л. карт.

15а. То же // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 2. С. 1-83.

16. [Микроскопическое исследование озерных руд Олонецкой губернии и Финляндии: Реф. сообщ.] // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей.

Т. 2. С. LXXXII-LXXXIV.

17. [О коллекции Крымских окаменелостей. Каменноугольные отложения в Крыму (Ени-Сала) по коллекции Гроттена: Упоминание о сообщ.] // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 2. С. LXXX-LXXXI.

18. [Результаты геологических исследований, произведенных в 1870г. между Белым морем, Онежским озером и на Соловецких островах: Реф. сообщ.] // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 2. С. XLVI-L.

19. [Результаты исследования фауны Московского каменноугольного бассейна: Сообщ.] // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 2. С. XCIII-CI.

1872

20. Геологические исследования на севере России в 1869 и 1870 гг. (Отчет СПб. о-ву естествоиспытателей). СПб.: Тип. В. Демакова. 179 с: 2 л. ил. Библиогр. в примеч.

20а. То же // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 3. С. 165-339.

21. [Об экскурсии по Олонецкой и Архангельской губерниям в 1871г. с целью подробного геологического их исследования: Заметка] // Зап. СПб. минерал. о-ва. Сер. 2. Ч. 7: Протоколы засед. С. 341.

22. Ober die Mikrostruktur der Vesuv-Lava von September 1871, Marz und April (letzte Eruption). (Tschermarks Mineralogische Mitteilungen. II Heft.)

23. Untersuchungen von Kalkstein und Dolomiten als Beitrag zur Kenntniss des Metamorphismus. Mit I Tafel. (Tschermarks Mineralogische Mitteilungen. I Heft.)

1873

24. Исторический очерк деятельности Везувия с 1857 года до наших дней. СПб.: Тип. В. С. Балашева. 30 с: 1 л. ил.

- 24а. То же // Журн. М-ва нар. просвещ. Ч. 165, отд. 2. С. 1-30.
25. О вероятной возможности встречи следов человека в третичный период: [Анн. сообщ.]: Протокол засед. 12 дек. 1872 г. // Зап. СПб. минерал, о-ва. Сер. 2. Ч. 8. С. 228.
26. О микроскопических исследованиях некоторых продуктов извержения Везувия (1872 г., 26 апр.): [Упомян. о сообщ.] // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 4, вып. 1. С. CV.
27. О некоторых продуктах извержения Везувия 26 апреля 1872г. СПб.: Тип. Имп. АН. Не.
- 27а. То же // Зап. СПб. минерал, о-ва. Ч. 8. С. 118-126.
28. Ответ на «Возражение» г. Траутшольда [на критич. заметку на сочинение А. Иностранцева «Основы геологии»]. [СПб.] 7 с.
- 28а. То же // Горн. журн. Т. 3, кн. 9. С. 380-386.
29. Плеченогие в древнем красном песчанике р. Ояти: [Сообщ.] // Зап. СПб. минерал, о-ва. Сер. 2. Ч. 8. С. 161 -165.
30. А. И. [Иностранцев А. А.], Траутшольд. Основы геологии. Ч. 1. Геогения и геоморфология. 1872 г.: [Критическая заметка]//Вестник Европы. Т. 2, кн. 4 (апрель). С. 935-944.
31. Циттель Карл Альфред. Первобытный мир: Очерки из истории мироздания: Пер. с нем. / Под ред. А. А. Иностранцева. СПб.: Т-во «Общественная польза». 391 с.

1874

32. [Геологические исследования в восточной части Повенецкого уезда Олонецкой губ.: Сообщ.]: Протокол засед. 30 окт. 1873 г. § 44//Зап. СПб. минерал, о-ва. Сер. 2. Ч. 9. С. 372-378.
33. [Наблюдения над вариолитами. О сфероидальной структуре в горных породах: Реф. сообщ.] // Тр. СПб. о*ва естествоиспытателей. Т. 5, твып. 1. С. XC-XCI.
34. О вариолите. СПб.: Тип. Имп. АН. 28 с: 2 л. ил. Библиогр. В примеч.
- 34а. То же // Зап. СПб. минерал, о-ва. Сер. 2. Ч. 9. С. 1-32.
35. [О геологических разрезах, псевдокурганах р. Ояти. О разборе окаменелостей, найденных г. Поленовым в 1873 г.: Реф. сообщ.]//Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 5, вып. 2. С. LVIII—LXI.
36. [О зависимости характера орудий доисторического человека от горных пород данной местности: Замечание] // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 5, вып. 2. С. LVII-LVin.
37. [О нахождении плеченогих в древнем красном песчанике с р. Ояти: Упоминание о сообщ.] // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 5, вып. 1, С. LXXXVII-LXXXVIII.
38. [О санидиново-олигоклазовом трахите Китая: Упоминание о общ.] // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 5, вып. 2. С. XLVII.
39. [Об американском эозооне: Замечание] // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 5, вып. 2. С. LI.
40. [Об исследовании сланцев из гор Шейх-Джели с правого берег Аму-Дарьи: Упомян. о сообщ.] // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 5, вып. 2. С. XLVII.
41. Санидиново-олигоклазовый трахит Китая // Зап. СПб. минерал, о-ва. Сер. 2. Ч. 9. С. 98-102,
- 41а. То же: Аннотация // Изв. Сиб. геогр. о-ва. Т. 6, № 1 -2. С. 95.

42. Сланцы из гор Шейх-Джели с правого берега Аму-Дарьи // Зап. СПб. минерал, о-ва. Сер. 2. Ч. 9. С. 88-92.

1875

43. Заметка об исследовании непрозрачных минералов, входящих в состав горных пород // Изв. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 16, вып. 1. С. 62 — 65.

44. [О горных породах Повенецкого уезда (кварциты и кварцитовые сланцы): Реф. сообщ.] // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 6. С. ХСVII — ХСVIII.

45. [О горшечном камне Повенецкого уезда Олонецкой губ.: Упомин. о сообщ.] // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 6. С. XIV-XV.

46. [О рудах в с. Зиновьеве Орловской губ. Кромского уезда: Реф. сообщ.] // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 6. С. XXIV-XXVI.

46а. То же // Журн. Русск. хим. о-ва. Т. 7, вып. 2. (Отд. I, часть хим.) С. 51-52; [49-50].

47. [Открытие месторождения железной руды в Орловской губ.: Упомин. о сообщ.] // Тр. Имп. Вольного эконома, о-ва. Т. 1. С. 233—234.

48. [Результаты исследования зеленокаменных пород Повенецкого уезда Олонецкой губ.: Реф. сообщ.] // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 6. С. XXVI-XXXII. Табл.: с. XXXI.

1876

49. [О горных породах Олонецкой губ. (о конгломератах): Реф. сообщ.] // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 7. С. XXIX-XXXI.

50. [О работе И. Румфа о «пинолите»: Упомин. о сообщ.] // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 7. С. XXIX.

51. [Об исследованиях над доломитами и известняками Олонецкой губ.: Упомин. о сообщ.] // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 7. С. LVI.

52. [Об источниках южного берега Крыма: Реф. сообщ.] // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 7. С. XX-XXII.

53. Отчет Имп. СПб. университета за 1875 г., читан. А. А. Иностранцевым // Протоколы засед. Совета СПб. ун-та. № 13. С. 52 — 78.

54. *Иностранцев А. А., Мёллер В.* [Рецензия] // Записки СПб. минерал, о-ва. Сер. 2. Ч. 10. С. 230-234. Рец. на соч.: Ковалевский В. О. (д-р Иенского ун-та). Остеология *Eotelodon magnum n. sp. Gelocus Aymardi* как форм, выясняющих палеонтологическую историю группы жвачных // Изв. о-ва любителей естествознания, антропологии, этнографии. 1875. Т. 16, вып. 1. С. 1-61.

55. *Мёллер В., Иностранцев А. А.* [Рецензия] // Зап. СПб. минерал, о-ва. Сер. 2. Ч. 10. С. 234-237. Рец. на ст.: Ковалевский В. О. Остеология *Anchitherium Aurelianense Cuv.* как формы, выясняющей генеалогию типа лошади // Рассуждения для получения степени магистра по геологии и палеонтологии. Киев, 1873.

1877

56. Геологический очерк Повенецкого уезда Олонецкой губернии и его рудных месторождений // Материалы для геологии России / Изд. Имп. СПб. минерал, о-ва. Т. 7. СПб.: Тип. Имп. АН. XVI, 728, 2, 21, 5: ил.

57. Записки по геологии. СПб.: Изд. студ. СПб. ун-та. [2], 314 с: черт.

58. [О древности гордых пород Повенецкого уезда Олонецкого края: Реф. сообщ.] // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 8. С. 7-9.

59. [О землистом угле Повенецкого уезда Олонецкой губ.: «Черная Олонецкая земля»: Реф. сообщ.] // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 8. С. 7.

60. [О новом метеорите, найденном И. М. Падейским в Бердянском уезде Таврической губернии: Реф сообщ.] // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 8. С. 103-105.

61. [Об орографии и наносе Повенецкого уезда Олонецкой губернии: Реф. сообщ.] // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 8. С. 12-13.

1878

62. О метеорите, найденном в Таврической губернии: Сообщ. проф. Иностранцева в геол. отделе О-ва естествоиспытателей // Горн. журн. Т. 1, № 3 (март). С. 418-419.

63. [Шунгинский антрацит: Заметка о сообщ.]: Протокол засед. 15 нояб. 1877 г. § 61 // Зап. СПб. минерал, о-ва. Сер. 2. Ч. 13. С. 445.

1879

64. Заметка о микрохимических реакциях Божицкого // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 10. С. 63.

65. Новый, крайний член в ряду аморфного углерода. [СПб.]. 29 с. 65а. То же // Горн. журн. Т. 2, № 5-6. С. 314-342.

66. [О находках Т. Ф. Эйдригевича на новом Сясьском канале: Сообщ.] // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 10. С. 56.

67. О находке остатков мамонта и *Bos latifrons* на дне Волги, у строящегося моста близ Сызрани: Сообщ. // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 10. С. 67.

68. [О параллелизации ледниковых образований Олонецкой губ. с таковыми же отложениями Финляндии: У помин, о докл.] // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 10. С. 18.

69. [О строении террас, прилегающих к южному побережью Финского залива: Реф. сообщ.] // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 10. С. 70-72.

70. О шунгинском ископаемом: [Замечание]. Протокол засед. 14 нояб. 1878 г. § 58 // Зап. СПб. минерал, о-ва. Сер. 2. Ч. 14. С. 256.

71. [Об остатках, признанных Людвигом за *Cystiphyllum gracile* (из д. Койкоры Олонецкой губ.): Упомин. о сообщ.] // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 10. С. 148.

72. [Объяснение кратеров Вангейгейма-фон-Квалена на острове Эзеле: Упомин. о сообщ.] // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 10. С. 35—36.

73. Studien iiber metamorphosirte Gesteine im Gouveraement Olonez. Leipzig. 275 S.

1880

74. [О сестрорецких дюнах: Вступ. слово] // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 11, вып. 1. С. 63-65.

75. [Об искусственном леднике (глетчере), изготовленном А. А. Иностранцевым, П. Н. Векюковым и Н. А. Соколовым: Реф. сообщ.]//Тр.СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 11, вып. 1. С. 147 — 148.

76. По поводу предполагающегося артезианского колодца в Петербурге: (Письмо в редакцию) // Здоровье. Т. 6, Ме 147. С. 390-392.

77. Подразделение каменного периода на отделы // Журн. М-ва нар. просвещ. Ч. 209 (июнь), отд. 2. С. 225-250.

77а. То же // Речи и протоколы VI съезда естествоиспытателей и врачей. Отд. 2. СПб. С. 265-289.

78. [Псевдоморфоз бурого железняка по коре березы из старого рудника близ д. Койкоры Олонецкой губ.: Упомин. о сообщ.] // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 11, вып. 1. С. 147.

79. Человек каменного века у Ладожского озера: По новейшим раскопкам // Веста. Европы. Т. 3, кн. 5. С. 272-295.

80. Ein neues, ausserstes Glied in der Reihe der amorphen Kohlenstoffe (S. A. a d. Neues Jahrbuch für Mineral., Geol. u. Palaeont. 1880: 1 Bd.). Stuttgart.

1881

81. [Искусственные выемки на строящихся ладожских каналах: Упомин. о сообщ.]//Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 12, вып. 1. С. 114-115.

82. [Результаты геологического исследования побережья Ладожского озера: Реф. сообщ.]//Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 12, вып. 1. С. 17-19.

1882

83. Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПб.: XVIII, 244 с: ил., 14 л. ил., карт.

84. [Дополнение к разбору книги гр. Уварова, сделанному В. В. Докучаевым: Реф. сообщ.] // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 12, вып. 2. С. 164-168.

85. Изучение Друскеникских минеральных источников. СПб. Издание В. Ю. Джулияни. IV, 79 с: 1 л. табл.

1883

86. Лекции исторической геологии, петрографии и стратиграфии, читанные [на высш. женских Бестужевских курсах] в 1882/83 гг. СПб.: Изд. Е. В. Соломко. 408, 8 с. (литогр.).

87. [О черепе *Cervus megaseros* из м. Друскеник: Упомин. о сообщ.] // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 13, вып. 2. С. 98.

88. Sur la variabilite de la concentration et de la composition des sources minerales // Тр. III Междунар. геол. конгресса в Берлине.

88а. То же // Тр. О-ва охраны нар. здоровья.

89. [Рецензия] // Журн. М-ва нар. просвещ. Ч. 226 (апрель), отд. 2. С. 291—320. Рец. на: Helmersen Gr. von Geologische und phisico-geographische Beobachtungen in Olonezer Bergrevier. SPb., 1882.

253

90. Кудрявцев Н. В., Соколов Н. А. Геологическое исследование Кромского уезда Орловской губернии, произведенное под руководством А. А. Иностранцева. СПб.: Тип. В. Демакова, 107 с.

90а. То же // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 13, вып. 2. С. 245-351.

1884

91. Геологический очерк Европейской России // Реклю Э. Земля и люди. Т. 5, вып. 2. Дополнение. СПб. С. 66-97.

92. [Замечания на сообщение Н. В. Кудрявцева «О времени происхождения лесса»] // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 14, вып. 2. С. 117—118.

93. Новые артезианские колодцы в СПб. СПб.: Тип. В. Демакова. 9 с.

93а. То же // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 15, вып. 2. С. 667-675.

94. [Об изменчивости концентрации и состава вод минеральных источников: Упомин. о сообщ.] // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 14, вып. 2. С. 64.

95. [Результаты исследований по Маткозерскому каналу: Реф. сообщ.] // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 14, вып. 2. С. 98-100; 106.

96. Реклю Э. Земля и люди: Всеобщая география: Доп. к вып. 2 тома 5 / Сост.: А. Н. Бекетов, М. Н. Богданов, А. И. Воейков, А. С. Ермолов, А. А. Иностранцев, А. А. Исаев, Н. Л. Карасевич, Э. Е. Лейст. СПб.: Изд. Картограф, заведения А. Ильина. 300 с.

1885

97. Геология: Общий курс лекций. Т. 1-2. СПб., 1885-1887; Т. 1: Современные геологические явления (Динамическая геология). Петрография и стратиграфия. 1885. VIII, 494с: ил.; Т. 2: Историческая геология. 1887. VIII, 536 с: ил.

Последующие переиздания:

Геология: Общий курс лекций. 2-е изд., значит, доп. Т. 1 — 2. СПб., 1889-1895: Т. 1. 1889. XV, 559 с: ил. Библиогр.: с. XIII-XV; Т. 2. 1895. 536, VIII с: ил.

Геология: Общий курс лекций. 3-е изд., значит, доп. Т. 1—2. СПб., 1899-1903: Т. 1. 1899. XV, 576 с: ил. Библиогр.: с. XIII-XV; Т. 2. 1903. VIII, 571 с.

Геология: Общий курс лекций. 4-е изд. Т. 1—2. СПб., 1905—1912: Т. 1. 1905. XVI, 572 с: ил. Библиогр.: с. XIII-XV; Т. 2. 1912. VIII, 572 с: ил.

Геология: Общий курс лекций. 5-е изд. Т. 1. СПб., 1914. XVIII, 592 с. Библиогр.: с. XV-XVIII.

98. Изменяемость концентрации и состава минеральных ключей. [СПб.]: Тип. Н. А. Лебедева. 20 с.

98а. То же // Тр. Рус. о-ва охраны нар. здоровья. Т. 1, вып. 3 (Отд. бальнеол. и климатол.). Прил.: с. 1—20.

99. [О летней экскурсии на Андомскую гору и о находке горизонта окаменелых деревьев: Упомин. о сообщ.] // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 16, вып. 2. С. 43-44.

100. [О сравнительной камере для микроскопических исследований: Упомин. о сообщ.] // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 16, вып. 2. С. 64.

101. Ober eine Vergleichungskammer zur mikroskopischen Untersuchung undurchsichtiger Mineralien // Neues Jahrbuch für Mineralogie. Etc. Bd. II.

102. Ober «Schungit», ein auBerstes Glied in der Reihe der amorphen Kohlenstoffe // Neues Jahrbuch für Mineralogie. Etc. Bd. I.

1886

103. Еще о шунгите: (Письмо в редакцию) // Горн. журн. Т. 4, № 12 (декабрь). С. 500-505.

104. Конспект исторической геологии, читанный в СПб. Имп. ун-те в 1885-1886 годах/Под ред. Б. К. Поленова. СПб.: Литогр. Ф. Кремера. 232 с: ил. Литогр.

105. О находках, произведенных в течение лета 1878 г. на побережье Ладожского озера // Изв. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 49, вып. 1: (антропол. выставка. Т. 4, вып. 1). С. 99—102.

106. [О третичных и послетретичных образованиях по р. Неману: Сообщ.] // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 17, вып. 2. С. 62-67.

107. [По поводу материалов для изучения каменного века в Казанской губернии гг. Штукенберга и Высоцкого: Сообщ.]//Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 17, вып. 1. С. 23 — 26.

108. [По поводу новых артезианских колодцев Петербурга: Сообщ.] // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 17, вып. 1. С. 21 -23.

109. По поводу статьи М. П. о первом томе моей Геологии // Русское богатство. № 5-6. С. 323-338.

1888

110. *Dactylogus rossicus* Sp. nov. //Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 19. С. 1 —18: 1 табл., рис.

1889

111. [Об атмосферной пыли, выпавшей вместе со снегом 6 марта 1888 г. в Ошмянском уезде Виленской губ.: Крат. реф. сообщ.] // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 20. С. XIV.

112. *Барбот-де-Марш Н. П.* Через Мангышлак и Устюрт в Туркестан: Дневник геологического путешествия, изданный после смерти автора / Под ред. А. А. Иностранцева, Н. И. Андрусова. СПб.: Тип. Н. А. Лебедева. 111с. (Из: Тр. Арало-Каспийской экспедиции. Вып. 6.). Прил. к: Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей.

1890

113. Изменения земли как следствие ее происхождения // Тр. VIII съезд русских естествоиспытателей и врачей в СПб. С. 58—62. (Общий отдел.)

113а. То же // Дневник VIII съезда естествоиспытателей и врачей. 1889-1890. № 10. С. 8-11.

118. Некоторые данные к изучению ледниковых отложений в Европейской России // Вестник естествознания. № 2. С. 81—87.

1891

115. [О некоторых ледниковых отложениях Европейской России: Крат, реф. сообщ.] // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 21, вып. 1. С. III.

116. Открытое письмо Геологическому комитету А. А. Иностранцева [по поводу выступления С. Никитина на страницах Трудов Комитета с критикой ряда работ автора]. СПб.: Тип. Н. А. Лебедева. 24 с.

1892

117. [О пластичности горных пород: Реф. сообщ.] // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 22, вып. 1 (Отд. геол. и минерал.). С. VI—VII.

118. [Об анализе воды из артезианского колодца в доме Петрова в С.-Петербурге, сделанном студентом Левиным: Упомин. о сообщ.] // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 22, вып. 1 (Отд. геол. и минерал.). С. 1-2.

119. [Об исчезновении и появлении воды в некоторых озерах Боровичского уезда Новгородской губернии: Реф. сообщ. от имени С. И. Полисадова] // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 22, вып. 1 (Отд. геол. и минерал.). С. XI-XII.

1893

120. Замечания по поводу сообщения В. Г. Рогона // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 22, вып. 2. С. VI-VII.

121. Коренное месторождение платины на Урале: Сообщ. 7-го нояб. 1892 г. в засед. Отделения минерал, и геол. СПб. о-ва естествоиспытателей. [СПб.]. 11с.

121а. То же // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 22, вып. 2 (Отд. геол. и минерал.). С. 17—28.

122. [О коренном месторождении платины на Урале: Упомин. о сообщ.] // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 22, вып. 2. С. XXII.

1894

123. Форма выделений платины в коренной породе Урала. СПб.: Тип. М. Меркушева. 8с: 1л. табл.

123а. То же // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 23 (Отд. геол. и минерал.). С. 1—8.

1895

124. Геологическая поездка в Алтайский округ летом 1894 г. // Тр. Геологической части Кабинета Его Имп. Величества. Т. 1, вып. 2. С. 1—54.

125. Гнейс фундамент дна С.-Петербурга // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 23. С. 45-51.

126. [Есть ли возможность в степях, прилегающих к северному склону западной части Кавказского хребта, найти артезианскую воду: Сообщ.] // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 23 (Отд. геол. и минерал.). С. IX-XVI.

127. [О возрасте сланцев главного Кавказского хребта: Реф. сообщ.] // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 23 (Отд. геол. и минерал.). С. XXXV-XXXVI.

128. [О форме выделений платины в коренной породе Урала: Реф. сообщ.] // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. 1895. Т. 23 (Отд. геол. и минерал.). С. VI-VII.

1896

129. О геологических наблюдениях по р. Тельбесу и Мундыбашу в Алтайском горном округе в 1894 г. // Протоколы засед. Имп. о-ва естествоиспытателей за 1895-1896 гг. № 3/4. С. 17-20.

130. Предисловие Avant-propos // Тр. Геологической части Кабинета Его Имп. Величества. Т. 1, вып. 1. С. I—V.

131. Указатель литературы по геологии и географии Алтайского округа / Сост.: Иностранцев А. А., Поленов Б. К., Петц Г. Г., Семенов В. П. // Тр. Геологической части Кабинета Его Имп. Величества. Т. 1, вып. 1. С. XV-CIV.

132. Через Главный Кавказский хребет. Геологические исследования предполагаемого ж.-д. пути через Архотский перевал между Владикавказом и Тифлисом. Отчет управлению казенных ж. д. = *Аи travers de la choune principale du Caucase. Recherches geologiques.* Ed. de la Direction des chemins de fer de l'Etat. Russie. СПб.: Упр. казенных ж. д. VI, 250, [34] с: ил.

1897

133. *Иностранцев А. А., Коновалов Д. П., Докучаев В. В.* Отзыв о работе магистра Земятченского «Каолинитовые образования Южной России» // Протоколы засед. Совета СПб. ун-та за 1896 г. М. 52. Прил.: с. 46 — 48.

1898

134. [Геологическое описание северо-западной четверти 14-го листа VHI-го ряда девятиверстной карты Томской губернии (Лист ст. Мосты). СПб.: Тип. К. Биркенфельда. [4], 117 с: 3 л. ил., карт.

134а. То же // Тр. Геологической части Кабинета Его Имп. Величества. Т. 2, вып. 3. Рез. на фр. Библиогр.: с. 2 — 7.

135. [О находке жемчужины в русской юрской форме *Gryphaea dilatata* из отложений Орловской губернии: Упомянут. о сообщ.]/Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 29, вып. 1 (№ 3): Протоколы засед. С. 118.

136. *Иностранцев А. А., Шимкевич В. М., Шевяков В. Т.* Отзыв о диссертации Н. И. Андрусова под заглавием «Ископаемые и живущие *Dreissensidae* Евразии», представленной им для получения степени доктора минералогии и геогнозии // Протоколы засед. Совета СПб. ун-та за 1897 г. № 53. Прил.: с. 47-51.

137. *Иностранцев А. А., Брэгман И. И.* Отзыв о диссертации В. И. Вернадского под заглавием «Явления скольжения кристаллического вещества», представленной им для получения степени доктора минералогии и геологии // Протоколы засед. Совета СПб. ун-та за 1897 г. № 53. Прил.: с. 52—54.

1899

138. *Иностранцев А. А., Мушкетов И. В.* Заключение о причинах одесских оползней и о мерах борьбы с ними. [Одесса]: Славянская тип. Н. Хрисогелос. 6 с.

139. Особенность артезианского колодца г. Ейска // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 30, вып. 1 (№7): Протоколы засед. С. 275-279. Рез. на нем.: с. 319.

140. *Иностранцев А. А., Коновалов Д. П., Земятченский П. А.* Отзыв о сочинении магистра Ф. Ю. Левинсон-Лессинга под заглавием «Исследование по теоретической петрографии в связи с изучением изверженных пород Центрального Кавказа», представленном на степень доктора минералогии и геогнозии // Протоколы засед. Совета СПб. ун-та за 1898 г. № 54. Прил.: с. 30-34.

1902

141. О новых находках остатков наземной растительности девонского времени в Лужском уезде Петербургской губернии: [Заметка] // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 32, вып. 1 (Ме 7/8). С. 305.

142. *Неймайр М.* История Земли /Пер. со 2-го нем. изд., перераб. и доп. проф. В. Улитом; Под ред. проф. А. А. Иностранцева. СПб. Т. 1. 761 с, 18 вкл. л.; Т. 2. XVI, 848 с, 17 вкл. л.

1906

143. [Об оригинальном самородке золота из россыпей р. Петровки Егорьевского прииска Алтайского округа: Реф. сообщ.] // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 37, вып. 1 (Jvfe 7/8): Протоколы засед. С. 291-292.

144. *Брауне Р.* Царство минералов: Описание главных минералов, их месторождения и значение их для промышленности. Драгоценные камни / Пер. с нем. В. Н. Лемана; Под ред. А. А. Иностранцева. СПб.: Изд. Девриена. 507 с.

1907

145. Самородный чугун с Русского острова у Владивостока. СПб.: Тип. М. Меркушева. 37 с: 1 л. ил.

145а. То же // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. 1912. Т. 35, вып. 5 (Отд. геол. и минерал.). С. 21—57. Рез. на нем.

1908

146. О поддонной морене некогда бывшего ледникового покрова на р. Волхове: Сообщ. // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. 1908-1909. Т. 39, вып. 1. С. 234-235.

1910

147. Вода и почва Петербурга. СПб.: [СПб. гор. тип.]. 89 с.

1912

148. Геологическое строение острова Котлина. СПб.: Тип. М. Меркушева. 28 с: ил., 1 л. ил. Библиогр. в примеч.

148а. То же // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 35, вып. 5 (Отд. геол. и минерал.). С. 245-272.

139. Особенность артезианского колодца г. Ейска // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 30, вып. 1 (№ 7): Протоколы засед. С. 275—279. Рез. на нем.: с. 319.

140. *Иностранцев А. А., Коновалов Д. П., Земятченский П. А.* Отзыв о сочинении магистра Ф. Ю. Левинсон-Лессинга под заглавием «Исследование по теоретической петрографии в связи с изучением изверженных по род Центрального Кавказа», представленном на степень доктора минералогии и геогнозии // Протоколы засед. Совета СПб. ун-та за 1898 г. № 54. Прил.: с. 30-34.

1902

141. О новых находках остатков наземной растительности девонского времени в Лужском уезде Петербургской губернии: [Заметка] // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 32, вып. 1 (№ 7/8). С. 305.

142. *Неймайр М.* История Земли/Пер. со 2-го нем. изд., перераб. и доп. проф. В. Улитом; Под ред. проф. А. А. Иностранцева. СПб. Т. 1. 761 с, 18 вкл. л.; Т. 2. XVI, 848 с, 17 вкл. л.

1906

143. [Об оригинальном самородке золота из россыпей р. Петровки Егорьевского прииска Алтайского округа: Реф. сообщ.] // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 37, вып. 1 (№ 7/8): Протоколы засед. С. 291-292.

144. *Брауне Р.* Царство минералов: Описание главных минералов, их месторождения и значение их для промышленности. Драгоценные камни/ Пер. с нем. В. Н. Лемана; Под ред. А. А. Иностранцева. СПб.: Изд. Девриена. 507 с.

1907

145. Самородный чугун с Русского острова у Владивостока. СПб.: Тип. М. Меркушева. 37 с: 1 л. ил.

145а. То же // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. 1912. Т. 35, вып. 5 (Отд. геол. и минерал.). С. 21—57. Рез. на нем.

1908

146. О поддонной морене некогда бывшего ледникового покрова на р. Волхове: Сообщ. // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. 1908-1909. Т. 39, вып. 1. С. 234-235.

1910

147. Вода и почва Петербурга. СПб.: [СПб. гор. тип.]. 89 с.

1912

148. Геологическое строение острова Котлина. СПб.: Тип. М. Меркушева. 28 с: ил., 1 л. ил. Библиогр. в примеч.

148а. То же // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 35, вып. 5 (Отд. геол. и минерал.). С. 245-272.

Драгоценные камни / Пер. с нем. В. Н. Лемана; Под. ред. А. А. Ино-странцева. СПб., 1906. 507 с.

6. *Дерюгин К. М.* А. А. Иностранцев как деятель по Обществу естествоиспытателей // Тр. Ленингр. о-ва естествоиспытателей. 1924. Т. 39—53, вып. 4 (Отд. геол. и минерал.). С. 17 — 19.

7. «Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера» А. А. Иностранцева, проф. СПб. ун-та // Вестн. Европы: Лит. обозрение 1882. № 8. С. 831-837.

8. *Жервэ Н. Н.* Археологическая деятельность и коллекции В. С. Передольского в оценке А. А. Иностранцева: Тез. докл. // Вопросы геологии и археологии: Тез. докл. Междунар. симпоз., посвящ. 150-летию со дня рождения А.А. Иностранцева. СПб., 1994. С. 59 — 60.

9. *Иванов Д. Л.* «Самородный чугун»: [По поводу статьи А. А. Иностранцева] // Геол. вестн. 1915. Т. 1, М) 6. С. 372-374.

10. Иностранцев Александр Александрович: [Биогр. справка] // Биогр. словарь проф. и препод. Имп. СПб. ун-та. 1896. Т. 1 (А-Л). С. 271-277. Библиогр.: с. 275-277.

11. Иностранцев Александр Александрович: [Биогр. справка]// Григорьев С. В. Биографический словарь. Естествознание и техника Карелии. Карелия, 1973. С. 115-116.

12. Иностранцев А. А. // Кузнецов С. С. Отечественные геологи. М.: Учпедгиз, 1958. С. 54-71.

13. Александр Александрович Иностранцев: [Биогр. очерк]// Изв. Имп. о-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1889. Т. 57. С. [35 — 39]. Список трудов А. А. Иностранцева.

14. Иностранцев Александр Александрович (1843—1919): [Крат. биогр. справка] // Искюль Н. В., Талдыкина К. С. Путеводитель по Геологическому музею им. А. П. Карпинского АН СССР. М.; Л., 1962. С. 42.

15. [Иностранцев А.: Крат. характеристика] // Михневич В. О. Наши знакомые: Фельетонный словарь современников. 1884. Дополнение: с. 277.

16. [Иностранцев А. А. Геология: Общий курс. Т. 1: Аннотация] // Вестн. Европы. 1885. Т. 1, № 1. Библ. листок. Обложка: с. 3.

17. *Иностранцев М. А.* К пятидесятилетию открытия доисторического человека каменного века на побережье Ладожского озера: [Исследования А. А. Иностранцева] // *Seminarium Kondakovianum. Prague, 1928. Т. 2. С. 346-348.*

18. К юбилею проф. А. А. Иностранцева // Ист. вестник. 1916. Т. 144 (май). Смесь: с. 566.

19. Речь академика А. П. Карпинского: [Памяти А. А. Иностранцева] // Тр. Ленингр. о-ва естествоиспытателей. 1924. Т. 39—53, вып. 4 (Отд. геол. и минерал.). С. 19-23.

20. *Крайнер Н. П.* А. А. Иностранцев как палеогляциолог исследователь древних ледниковых явлений на севере России // Вопр. истории естествознания и техники. 1986. № 4. С. 101 — 105. Библиогр.: 22 назв.

21. *Кузнецов С. С.* Александр Александрович Иностранцев. Л.: ЛГУ, 1969. 31 с: ил. (Выдающиеся ученые Ленингр. ун-та.)

22. *Кузнецов С. С.* К истории геологического музея Ленинградского университета: [Деятельность А. А. Иностранцева по его созданию] // Вестн. СПб. ун-та. Сер. геол. и геогр. 1965. Вып. 3

(№ 18). С. 3-9.

23. *Кузнецов С. С.* Профессор Александр Александрович Иностранцев // Вестн. ЛГУ. 1948. JJ» 3. С. 136-148.

24. *Кузнецов С. С.* Профессор и препаратор: [А. А. Иностранцев] // Очерки по истории Ленингр. ун-та. Т. 2. Л., 1968. С. 117 — 124.

25. *Левинсон-Лессинг Ф.* О работах А. А. Иностранцева в области петрографии // Тр. Ленингр. о-ва естествоиспытателей. 1924. Т. 39—53. Вып. 4 (Отд. геол. и минерал.). С. 23 — 28.

25а. То же // Левинсон-Лессинг Ф. Ю. Избранные труды. Т. 3. М., 1952. С. 422-425.

26. *Левинсон-Лессинг Ф. Ю.* Профессор Александр Александрович Иностранцев: Некролог // Изв. Геол. комитета. 1919. Т. 38, Мб 4-7. С. 479-490. Список печатных работ А. А. Иностранцева.

27. *Лисенко К.* По поводу статьи г. Иностранцева: Новый крайний член в ряду аморфного углерода // Горн. журн. 1879. Кн. 3, Мб 9. С. 342 — 354.

28. *М. П.* Геология (по поводу книги проф. А. Иностранцева) // Русское богатство. 1886. Мб 2. С. 63-79.

29. *Марголис Ю., Прошил Г.* Новое о гражданской казни Н. Г. Чернышевского: Из неизвестной автобиографии А. А. Иностранцева // Рус. лит. 1964. Ме 2. С. 101-105.

30. *Менделеев Д. И.* Записка об ученых трудах экстраординарного профессора А. А. Иностранцева // Протоколы засед. Совета СПб. ун-та за первую половину 1880/81 acad. г. СПб., 1881. Мб 23. С. 35-37. Список ученых трудов проф. А. А. Иностранцева: с. 37 — 39.

31. *Негруца Т. Ф., Негруца В. З.* Паданское несогласие А. А. Иностранцева — типовой пример границы архея и протерозоя // Вестн. СПб. ун-та. Сер. геол. и геогр. 1995. Вып. 3 (Мб 21). С. 42 — 47. Библиогр.: 16 назв.

32. *[Неймайр. «История Земли» / Под ред. А. Иностранцева]:* Библиогр. обзор // Русская мысль. 1898. Ме 9, библ. отд. С. 382.

33. *[Неймайр. «История Земли» / Под ред. А. Иностранцева: Инфор мация о выходе 7-го и 8-го вып.] // Книжный вестник. 1897. Мб 21.*

34. [О «Геологии» проф. А. А. Иностранцева: Инф. о книге] // Новь. 1884. Т. 1, Мб 2. Мозаика: с. 115.

35. [О геологическом исследовании земель Алтайского горного округа в 1894—1895 гг. под руководством проф. А. Иностранцева] // История полувековой деятельности Имп. Русского географического общества (1845—1895). Ч. 3. 1896. С. 1053-1054.

36. *Орлов Ю. А.* Александр Александрович Иностранцев: 1843—1919 // Люди русской науки. Геология. География. М.; Л., 1948. Т. 1. С. 399— 403.

36а. То же: М.; Л., 1962. Т. 1. С. 33-37.

37. Открытое письмо профессору А. А. Иностранцеву: [по поводу его открытого письма Геологическому комитету]. [СПб.]: Тип. А. Якобсона, 1892. 16 с.

38. *П. У.* О книге Иностранцева А. А. «Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера» // Ист. вестник. 1882. Т. 9, Мб 9. С. 658-661.

39. *Прозоровский В. А., Тихонов И. Л.* Его пророчества сбылись: А. А. Иностранцев — основоположник геологической школы / СПб. ун-т. 1994. 22 марта. С. 6—7: портр., фото.

40. *Прозоровский В. А., Тихонов И. Л.* Профессор А. А. Иностранцев: [К Междунар. симпоз., посвящ. 150-летию со дня рождения А. А. Иностранцева] // Вестн. СПб. ун-та. Сер. геол., геогр. 1995. Вып. 3 (Мб 21). С. 3—9. Библиогр.: 4 назв.

41. *Решетков А. М.* Исследования А. А. Иностранцева и перспективы комплексного изучения народов: Тез. докл. // Вопросы геологии и археоло-

гни: Тез. докл. Междунар. симпоз., посвящ. 150-летию со дня рождения А. А. Иностранцева. СПб., 1994. С. 61-63.

42. *Сетский И.* [Рецензия] // Журн. М-ва нар. просвещ. 1883. Ч. 226 (март), отд. 2. С. 120—151. Рец. на: А. А. Иностранцев. Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПб., 1882.

43. *Соколов В. А.* Александр Александрович Иностранцев: 1843—1919. М: Наука, 1981. 103 с. (АН СССР. Научно-биограф. серия). Библиогр.: с. 98. Основные труды А. А. Иностранцева: с. 97. Указ.: с. 101 — 102.

44. *Соколов В. А.* Создатель школы карельских геологов. Очерк о жизни и деятельности профессора А.А.Иностранцева. Петрозаводск, 1976. 143 с: ил.

45. *Соколов В. Д.* [О «Геологическом очерке Повенецкого уезда» проф. А. А. Иностранцева]: Науч. обзор // Рус. мысль. 1889. № 7. С. 162.

46. Список ученых трудов проф. А. А. Иностранцева // Протоколы засед. Совета СПб. ун-та за первую половину 1880/81 акад. г. СПб., 1881. С. 37-39.

47. *Столяр А. Д.* Вклад проф. А. А. Иностранцева в развитие перво бытной археологии России: Тез. докл. // Вопросы геологии и археологии: Тез. докл. Междунар. симпоз., посвящ. 150-летию со дня рождения А. А. Иностранцева. СПб., 1994. С. 51-54.

48. *Столяр А. Д.* Традиции А. А. Иностранцева в исследовании первобытного Севера кафедрой археологии Санкт-Петербургского университета: Тез. докл. // Вопросы геологии и археологии: Тез. докл. Междунар. симпоз., посвящ. 150-летию со дня рождения А. А. Иностранцева. СПб., 1994. С. 65-67.

49. *Тимофеев В. И.* О культурно-хронологической атрибуции находок каменного века из Приладожской коллекции А. А. Иностранцева: Тез. докл. // Вопросы геологии и археологии: Тез. докл. Междунар. симпоз., посвящ. 150-летию со дня рождения А. А. Иностранцева. СПб., 1994. С. 57-58.

50. *Тимофеев В. М.* Иностранцев А. А. (12 июня 1843-31 дек. 1919) // Геолог, веста. 1918-1921. Т. 4. С. 204-205.

51. *Тимофеев В. М.* Работы А. А. Иностранцева на Севере России // Тр. Ленингр. о-ва естествоиспытателей. 1924. Т. 39—53. Вып. 4 (Отд. геол. и минерал.). С. 28—33.

52. *Тихонов И. Л.* К вопросу о роли А. А. Иностранцева в становлении палеозоологической школы Санкт-Петербургского университета: Тез. докл. // Вопросы геологии и археологии: Тез. докл. Междунар. симпоз., посвящ. 150-летию со дня рождения А. А. Иностранцева. СПб., 1994. С. 55-57.

53. Указатель сообщений, сделанных в заседаниях Отд. геологии и минералогии с 21 января 1869 г. по 30 ноября 1892 г.: Иностранцев А. А. // Обзор деятельности СПб. общества естествоиспытателей за 1-е двадцатипятилетие его существования. 1868—1893. СПб., 1893. С. CV—CIX.

54. *Формозов А. А.* Образец комплексного исследования: [О кн. А. А. Иностранцева «Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера»] // *Формозов А. А.* Начало изучения каменного века в России. Первые книги. М., 1983. С. 70-84.

55. *Формозов А. А.* Первый опыт комплексного исследования памятников первобытной культуры: [О кн. А. А. Иностранцева «Доисторический человек каменного века побережья

Ладожского озера» (1882)] // Природа. 1983. № 1. С. 83-89:
портр. А. А. Иностранцева.

262

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абих Г. В. 123, 231 Авенариус (гувернер) 37, 206 Агафонов В. К. 128, 232 Адамсон А. Ф. 25, 26, 128 Адлерберг А. В. (граф) 139, 238 Адлерберг В. Ф. (граф) 238 Александр II 56, 208, 210, 235 Александр III 202, 227 Александр Александрович (наследник престола) 209 Александр Михайлович (вел. кн.) 219 Алексеев П. П. 64, 65, 213 Алексей Петрович (служитель Д. И. Менделеева) 143 Алисов 161 Алтухов М. И. 152, 153, 239 Альбрехт 34, 35, 45 Альперс Б. 204 Альтшуллер А. 204 Амалицкий В. П. 87, 123, 128, 133, 220 Анастасенко Г. Ф. 206, 225 Андреев М. С. 128 Андреевский И. Е. 196, 245 Андрусов Д. Н. 221 Андрусов Н. И. 8, 10, 13, 128, 132, 133, 134, 232, 235, 237, 245, 255, 257 Анкудинов И. 19, 203 Анкудинова А. И. 43, 44 Антонович И. И. 7 Анучин Д. Н. 158, 240 Анциферов 141, 142 Аншелес О. М. 9, 128, 232, 233 Араго Ж.-Э.-В. 22, 204 Аракчеев А. А. 30, 205 Армашевский П. Я. 172, 243 Архипова Н. П. 211 Афанасьев А. Н. 224 Ахматов Н. П. 233
- Баклун О. О. 128 Балашов В. С. 249
- 264**
- Балина Н. И. 241 Барабанов В. Ф. 212 Барбот-де-Марни Н. П. 60, 86, 114, 123, 140, 141, 146, 148, 192, 202, 212, 255 Барранд И. 94, 222 Барт 93 Басков Е. А. 237 Бейрих Г. Э. (у А. А. Иностранцева Берих) 163, 242 Бекетов А. Н. 58, 85, 86, 112, 113, 114, 129, 196, 211, 219, 227, 254 Белелюбский 156, 240 Берг Л. С. 13 Бертран М. 222 Бестужев-Рюмин К. Н. 227 Биркенфельд К. 257 Битнер 96 Бишоф К. Г. 70, 215 Благовещенский И. 229 Бобылев Д. К. 112 Богачев В. В. 128 Богданов А. П. 158, 240, 259 Богданов В. В. 240 Богданов М. Н. 158, 241, 254 Боголюбов (Смельянов А. С.) 216 Божицкий 252 Боргман И. И. 40, 112, 207, 257 Боресков В. М. (дядя Вася, брат Добровольской Е. М.) 20, 43, 203 Боресков М. М. (Мишель) 20, 43, 203 Борескова А. М. 43, 44 Борисьяк А. А. 183 Бородин И. П. 219 Боткин С. П. 245 Бранд 123 Брандт Э. К. 231 Брандт Ф. Ф. 231 Брауне Р. 258, 259 Брокгауз 231 Бронтоли (Бранть-Риносерос — прозвище) 123 Бубнов С. Н. 128, 233

- Бунге Н. Х. 159, 241
 Бурбаки Ш. 92, 222
 Бутенев Н. Ф. 122, 229
 Бутлеров А. М. 113, 213,
 225 Брэм 207 Бюргере 34
- Вагнер Н. П. 113, 226
 Вангейгейм-фон-Квален 252
 Ван-ден-Брок 170, 172
 Ванжура 95
 Ван-Путерен М. А. (в
 девичестве Михайлова) 197
 Варламов К. А. 197, 246
 Варсанофьева В. А. 237
 Васильев Л. Л. 219
 Васильев Ф. А. 215
 Васильева Н. Е. 245
 Ватсон В. К. 89, 90, 91, 221
 Вахромеева О. Б. 17
 Введенский Н. Е. 112
 Венецкий А. И. 79, 80, 81, 139,
 218
 Венюков П. Н. 86, 123, 128,
 148, 149, 167, 182, 220, 253
 Вербицкая Л. Н. 17
 Вернадский В. И. 219, 220,
 233, 257
 Виктор-Эммануил (король
 Италии) 221
 Витте С. Ю. 247
 Власов 47, 51, 52
 Воейков А. И. 112, 254
 Волковский М. В. 215
 Вонлярлярский 57
 Воскресенский А. А. 58, 61, 64,
 72, 74, 83, 85, 211, 226
 Воронов А. С. 38, 39, 40, 206
 Воронцов-Дашков И. И.
 (граф) 105, 224
 Вреден Ф. В. 73, 212, 216
 Вулкан 225
 Вунш 118
 Высоцкий 255
- Гатаулина Г. М. 17
 Гауэр Ф. 89, 96, 221
 Гаюи 228
 Гдима-Левкович П. К. 148
 Гебер Э. 167, 243
 Геер Освальд 92, 93, 222
 Гейки А. 176, 177, 244
 Геккер Р. Ф. 231, 234
 Гельмерсен Ф. П. 6, 59, 60,
 123, 146,
 147, 148, 201, 202, 212,
 231 Георгиевский П. И.
 116, 227 Герлинг Э. К. 234
 Герцен 45, 63 Гинкекало А.
 А. 105 Глазенап С. П. 112
- Глазунов И. И. 155, 239
 Глазуновы 239
 Глинка С. Ф. 128, 233, 239,
 259
 Гоголь Н. В. 23, 46
 Годри А. 167, 243
 Гозенпут А. 247
 Голицын Г. (князь) 176, 183
 Голицын А. Ф. 232
 Голубцева В. В. 128
 Гончаров 240
 Гор 231
 Горбинов 140
 Гориздроз Ф. 128
 Горохов 190
 Гортензия (королева
 Голландии) 242
 Гофман Э. И. 70, 71, 73, 74,
 81, 86,
 205, 212, 215
 Гофман Э. К. 58, 59, 60, 211
 Градовский А. Д. 116, 136, 196,
 227 Григорьев С. В. 260
 Гроттен 249 Гумбольдт А. 218
 Густавсон Г. Г. 64, 213 Гучков
 А. И. 155
- Давиташвили Л. Ш. 237
 Даль В. И. 204, 242
 Дамаскин (игумен) 68, 69, 215
 Дамес В. 163, 242
 Дарвин Ч. 78, 223
 Девриен 258
 Де Гейер 25, 205
 Десянов И. Д. 116, 122, 181,
 227, 229
 Демаков В. 253
 Демерцов Ф. И. 249, 254
 Демидов П. П. (князь Сан-
 Донато)
 44, 64, 65, 66, 73, 78, 205,
 208 Демидовы 208
 Дерюгин К. М. 15, 219, 202,
 219, 260 Джулияни В. Ю. 253
 Джунскорди 102, 103 Динер К.
 95, 96, 223 Дитлов А. Н. 58
 Дмитриев 141 Дмитрий (кучер)
 29, 30 Добрецова И. Ю. 18
 Добровольская (бабушка) 42
 Добровольская Е. М.
 (Иностранцева,
 мать) 19
 Добровольская Ю. М. (тетя) 43, 44
 Добровольский З. М. 43 Добровольский
 С. М. 24, 40, 43, 44,
 65, 204
 Доброславин А. П. 21, 152,
 196, 204 Догель В. А. 212, 219
 Докучаев В. В. 7, 8, 86,
 По, 113,
 115, 123, 128, 133, 137,
 148, 184,
 208, 219, 220, 232, 233,
 234, 236,
 253, 257

- Долинин Е. И. (наст. фам. Шейн) 197, 247 Долматов 91 Долло Л. 172, 243 Домонтович И. И. 152, 239 Дондуа А. К. 219 Дондуков-Корсаков 29, 49 Д'Орбиньи А. Д. 79, 218, 222 Драгомиров М. И. 130, 131, 196, 236, 246
Дьяконов 14 Дьяконова-Савельева Е. Н. 9, 10, 202
- Елена Павловна, вел. кн. 238
Еремеев П. В. 60, 146, 212
Ермолов А. С. 71, 197, 247, 234
Ерофеев В. Г. 146, 201, 202, 238 Ерофеев М. В. НО, Ш, ИЗ, 114, 115, 208, 225
Ефрон 231
- Жданов А. М. 112
Жервэ Н. Н. 260
Жульен Р. А. 165, 242 Жуковский В. А. 239
- Заболоцкий 45
Заболоцкий-Десятковский П. П. 209
Зандер 20
Засулич В. Н. 216
Здекауер Н. Ф. 119, 228
Здекауер Ф. Я. 228
Земятченский П. А. 8, 128, 220, 233, 258
Златковский В. К. 129
Золотинкина И. А. 17
Зубчинов А. И. 159, 241 Зюсс Э. 6, 96, 98, 107, 178, 221, 223
- Иванов Д. Л. 259, 260
Игнашев А. А. 8, 201
Ильин А. 254
Иноземцев 174
Иностранцев А. П. (отец) 19, 53, 54, 203 Иностранцев К. А. (брат) 32, 40, 45, 245 Иностранцев М. А. (сын) 9, 111, 193, 245
Иностранцев Н. А. (брат) 19
Иностранцев П. А. (брат) 27, 32, 52, 55, 61
Иностранцева В. А. (сестра) 21, 55, 56, 72
Иностранцева Е. А. (сестра) 21, 29, 55, 56, 104
Исаев А. А. 254
Искюль Н. В. 260
- Кальковский Э. 165, 240
Канкрин Е. Ф. 59, 60, 211, 212
Кант И. 41, 74
Кантемир 239
Капелини Дж. 168, 178, 243
Каракаш Н. И. 8, 123, 129, 182, 230
Карасевич Н. Л. 254
Каратыгин В. А. 23, 204
Каратыгин П. А. 210
Карель Ф. Я. 20, 53, 54, 203
Карпинский А. П. 6, 7, 148, 173, 201, 235, 238, 260 Карпов Г. В. 240 Кассо Л. А. 182, 245
Кесслер К. Ф. 6, 44, 58, 78, 81, 83, 85, 86, ПО, 113, 121, 132, 158, 208, 217, 219
Кёниг И. Ф. 138, 139, 237 Киприянов 81
Кирилл 109 Клейбер И. А. 207
Клодт М. К. (барон фон Юргенс-бург) 196, 242, 246
Клодт М. П. (барон фон Юргенсбург) 159, 241 Ковалевский В. О. 8, 10, 132, 237, 243, 251
Кованько Г. Н. 241 Коген Э. 178, 183, 244
Кокшаров В. Н. 197, 246 Кокшаров Н. И. 58, 60, 211 Коленко Б. З. 129 Кондратьев 24 Кони А. Ф. 49, 210 Кони Ф. 204
Коновалов Д. П. 148, 238, 257, 258 Константин Константинович, вел. кн. 173, 243
Коржевский 107 Коркин А. Н. 113, 225 Корнеев Е. В. 218
Корш В. Ф. 89, 221 Косцюшко-Валюжинич К. К. 244 Коцебу О. Е. 211 Крайнер Н. П. 260
Крамской И. Н. 196, 246
Креднер Г. 164, 165, 176, 178, 242 Креднеры (братья) 164, 176, 177 Кремер Ф. 255
Кречи (Прокоп Рудный) 94, 222 Криштофович А. Н. 241
Крузо Р. 28 Крупский А. К. 74, 216 Крыжицкий Г. 246
Крылов А. Н. 24, 37, 225
Крюгер 34 Кудрявцев Н. В. 129, 254

Долинин Е. И. (наст, фам, Шейн) 197, 247
 Долматов 91
 Долло Л. 172, 243
 Домонтович И. И. 152, 239
 Дондуа А. К. 219
 Дондуков-Корсаков 29, 49
 Д'Орбиньи А. Д. 79, 218, 222
 Драгомиров М. И. 130, 131, 196, 236, 246
 Дьяконов 14
 Дьяконова-Савельева Е. Н. 9, 10, 202

 Елена Павловна, вел. кн. 238
 Еремеев П. В. 60, 146, 212
 Ермолов А. С. 71, 197, 247, 254
 Ерофеев В. Г. 146, 201, 202, 238
 Ерофеев М. В. 110, 111, ИЗ, 114, 115, 208, 225
 Ефрон 231

 Жданов А. М. 112
 Жервэ Н. Н. 260
 Жульен Р. А. 165, 242
 Жуковский В. А. 239

 Заболоцкий 45
 Заболоцкий-Десятковский П. П. 209
 Зандер 20
 Засулич В. Н. 216
 Здекауер Н. Ф. 119, 228
 Здекауер Ф. Я. 228
 Земятченский П. А. 8, 128, 220, 233, 258
 Златковский В. К. 129
 Золотинкина И. А. 17
 Зубчанинов А. И. 159, 241
 Зюсс Э. 6, 96, 98, 107, 178, 221, 223

 Иванов Д. Л. 259, 260
 Игнатьев А. А. 8, 201
 Ильин А. 254
 Иноземцев 174
 Иностранцев А. П. (отец) 19, 53, 54, 203
 Иностранцев К. А. (брат) 32, 40, 45, 245
 Иностранцев М. А. (сын) 9, 111, 193, 245
 Иностранцев Н. А. (брат) 19
 Иностранцев П. А. (брат) 27, 32, 52, 55, 61
 Иностранцева В. А. (сестра) 21, 55, 56, 72
 Иностранцева Е. А. (сестра) 21, 29, 55, 56, 104
 Исаев А. А. 254
 Искюль Н. В. 260

 Кальковский Э. 165, 240
 Канкрин Е. Ф. 59, 60, 211, 212
 Кант И. 41, 74
 Кантемир 239
 Капелини Дж. 168, 178, 243
 Каракаш И. И. 8, 123, 129, 182, 230
 Карасевич Н. Л. 254
 Каратыгин В. А. 23, 204
 Каратыгин П. А. 210
 Карель Ф. Я. 20, 53, 54, 203
 Карпинский А. П. 6, 7, 148, 173, 201, 235, 238, 260
 Карпов Г. В. 240
 Кассо Л. А. 182, 245
 Кесслер К. Ф. 6, 44, 58, 78, 81, 83, 85, 86, ПО, 113, 121, 132, 158, 208, 217, 219
 Кёниг И. Ф. 138, 139, 237
 Киприянов 81
 Кирилл 109
 Клейбер И. А. 207
 Клодт М. К. (барон фон Юргенс-бург) 196, 242, 246
 Клодт М. П. (барон фон Юргенсбург) 159, 241
 Ковалевский В. О. 8, 10, 132, 237, 243, 251
 Кованько Г. Н. 241
 Коген Э. 178, 183, 244
 Коковцов В. Н. 197, 246
 Кокшаров Н. И. 58, 60, 211
 Коленко Б. З. 129
 Кондратьев 24
 Кони А. Ф. 49, 210
 Кони Ф. 204
 Коновалов Д. П. 148, 238, 257, 258
 Константин Константинович, вел. кн. 173, 243
 Коржевский 107
 Коркин А. Н. 113, 225
 Корнеев Е. В. 218
 Корш В. Ф. 89, 221
 Косцюшко-Валюжинич К. К. 244
 Коцебу О. Е. 211
 Крайнер Н. П. 260
 Крамской И. Н. 196, 246
 Креднер Г. 164, 165, 176, 178, 242
 Креднеры (братья) 164, 176, 177
 Кремер Ф. 255
 Кречи (Прокон Рудный) 94, 222
 Криштофович А. Н. 241
 Крузо Р. 28
 Крупский А. К. 74, 216
 Крыжицкий Г. 246
 Крылов А. Н. 24, 37, 225
 Крюгер 34
 Кудрявцев Н. В. 129, 254

- Кузнецов С. С. 8, 13, 14, 17, 202, 234, 260
Курбатов С. М. 208, 212
Куторга С. С. 68, 81, 183, 214, 231
Кутузова Саша 21
Кюбо 196
Кювье Ж. 228, 238
- Лавров П. А. 94, 223
Ламанский В. И. 94, 129, 223, 233, 234
Ламарк Ж. 228
Лаппаран А. О., де 167, 178, 243
Лаппо-Данилевский А. С. 14
Лаппо-Споражанецкий М. 197
Лачинов А. Н. 71
Лебедев И. И. 128
Лебедев Н. А. 255, 256
Лебединцев 175
Леваковский И. Ф. 114, 226
Левандовский 41
Левин М. Г. 241, 256
Левинсон-Лессинг Ф. Ю. 7, 8, 13, 14, 15, 129, 133, 170, 201, 203, 234, 257, 261
Левоковен 183
Леер Г. А. 196, 246
Лежнева О. А. 210
Лейст Э. Е. 254
Леман В. Н. 129, 230, 258, 260
Ленц Р. Э. 77, 217
Ленд Э. Х. 57, 58, 210, 211, 217
Лермонтов М. Ю. 239
Ливен А. А. 146, 216, 238
Ливен П. И. 72, 216
Лириенталь 34
Линдлей В. 153, 239
Лисенко К. 261
Литке Ф. П. 7, 206
Лихачев В. И. 152, 239
Личков Б. Л. 238
Ллойд 108
Лоза 178
Ломоносов М. В. 203
Лопатин 19, 24
Лопатин Г. А. 45, 209
Лопатин И. А. 122, 229
Лососий Н. О. 14, 203
Лохвицкая-Скалон 230
Лукашевич Г. Д. 129
Лукшо П. Я. 129
Луников 34
Львов С. Д. 219
Лэпворт Ц. 213
Людовик Бонапарт (король Голландии) 242
Маев Н. 206
Майборода В. Я. 197, 247
- Майер К. (Майер-Эймар) 92, 127, 222
Майков А. Н. 43, 208
Майнов В. Н. 40, 207
Макиров Я. А. 129, 149, 234
Макин 44
Максимилиан Фердинанд-Иосиф (эрцгерцог австрийский, император мексиканский) 166, 243
Манухин С. С. 197, 247
Маргаритов В. П. 129
Марголис Ю. Д. 203, 261
Мария Федоровна (императрица) 37, 206
Маркс К. 209
Мартынов А. Е. 23, 204
Масюк Трофим 45
Матвеев К. К., фон 129
Матэ 159, 241
Медер П. И. 212
Мёллер В. И. 7, 123, 129, 146, 148, 202, 231, 251
Менделеев Д. И. 6, 17, 64, 65, 74, 83, 85, 113, 141, 142, 143, 144, 196, 203, 213, 238, 239, 246, 259, 261
Меншуткин Н. А. 112
Меркулов П. П. 52, 55
Меркушев М. 256, 258, 259
Мефодий 109
Мидендорф 161
Миклухо Маклай Н. Н. 6, 49, 75, 210
Миллер О. Ф. 80, 116, 136, 227
Милютин 57
Митрич 30, 31, 32
Михайлов 38, 39
Михайлова М. А. 197
Михельсон 50, 51
Михневич В. О. 224, 260
Мишель-Леви О. 165, 167, 242
Младенцев М. Н. 213
Мойсисович Э. 89, 90, 91, 96, 178, 221
Мольер Ж.-Б. 204
* Мор Ф. 70, 215
Мочалов 204
Мушкетов И. В. 7, 257
Мюнстер 158
Мюррей Дж. 176, 177, 244
Мясоедов 196, 246
- Набгольц 159, 241
Наливкин Д. В. 231, 237
Наполеон I 242
Наполеон III 166, 242, 243
Негруца В. З. 261
Негруца Т. Ф. 261
Недвецкий 96, 224
Неймайер М. 96, 224, 258, 261

- Неклюдов С. М. 61, 66, 67, 70, 78
 Нечаев А. А. 56, 240
 Никитин С. Н. 13, 132, 133, 148, 237,
 256 Николай I 5, 20, 22, 30, 32, 53, 54,
 59, 60, 203, 208,
 232 Николай II 87
 Никольский А. М. 8, 201,
 202 Нил (архиепископ) 11
 Норов А. С. 217

 Обручев В. А. 238
 Овсянников Ф. В. 74, 113,
 196, 216, 245
 Огарев 45, 63
 Озерецкий 77
 Оноприенко В. И. 232
 Орбели Л. А. 219
 Ореус Мэри (Мария Федоровна, жена А. А. Иностранцева) 15, 21, 83, 219, 245
 Орлов Ю. А. 261
 Орловский В. Д. 101, 224
 Орфей 106, 225
 Островский А. Н. 47, 204, 240
 Остроумова-Лебедева 241

 Павлов А. П. 9, 132, 237
 Павлова М. В. 133, 237, 261
 Падейский И. М. 252
 Палацкий Ф. 96, 223
 Пальниери 105, 224
 Пандер Х. И. 183, 245
 Пансер Л. И. 212
 Пагера 95
 Паходова Прасковья («няняща») 28, 29, 48, 49, 55 Пауль 96
 Певцов М. В. 122, 229
 Педашенко Д. Д. 207
 Пенелопа 106, 225 Пенкрин (лорд) 171, 243
 Передольский В. С. 260
 Пернер Х. И. 38, 39, 46, 47, 60 Петр I 212, 221, 230
 Петри Э. Ю. 112, 207
 Петров 256
 Петрушевский В. Ф. 47, 121, 196, 209 Петрушевский Ф. Ф. 228 Петц Г. Г., фон 123, 129, 148, 149,
 182, 185, 230, 235, 257
 Печаткины 162 Пибоди Г. 119,
 228 Пий IX (римский папа) 90,
 91, 221 Пирогов Н. И. 45, 209,
 217 Писарев Д. И. 211
 Плечнер В. И. 148 Покровский В. И. 208

 Поленов Б. К. 8, 129, 148, 234, 250,
 255, 257
 Полисадов С. И. 256 Полканов А. А. 8, 129, 234 Полонский Я. П. 43, 219 Полян П. М. 236
 Полянский Ю. И. 219 Попов Б. А. 129, 235 Порецкая Е. С. 17
 Поссе К. А. 116, 207, 227
 Постельс А. Ф. 33, 37, 48, 206,
 212 Постельс К. А. 40 Потанин Г. Н. 140, 192, 238 Потемкина Маша (в замужестве Доброславина М. В.) 21, 22
 Православлев П. А. 9, 182, 244 Пренс 35
 Пржевальский Н. М. 122, 229
 Прозоровский В. А. 17, 18, 201, 259,
 261 Прозоровский-Голицын А. А. (князь)
 127, 128, 129, 160, 232
 Протер 98 Прошин Г. 203, 261
 Пузыревский П. А. 6, 12, 41, 58, 59,
 64, 66, 67, 68, 70, 73, 78,
 81, 82,
 83, 85, 86, 109, ПО, 113,
 115, 207,
 208, 212, 214, 215, 219,
 225 Пуш Г. Г. 87, 220
 Пушкарев 67 Пушкаревы (братья) 67 Пушкин А. С. 50 Пчелинцев В. Ф. 8, 9, 129, 235

 Радлов Л. Ф. 42
 Ратьков (Ратьков-Рожнов В. А.) 152,
 239
 Рахманинов И. И. 115,
 227 Рачковский И. П. 129 Ребиндер Б. Б. 214
 Ребиндерг 68 Редкий П. Г. 75, 217 Резцов Н. А. 153, 155, 162
 Рейтерн М. X. 119, 228
 Реклю Э. 254 Ренар А. 244 Реневье Е. 92, 222
 Репин И. Е. 1%, 246
 Решеткин П. К. 58, 71,
 82 Решетов А. М. 261
 Ржонсницкий Б. Н. 211
 Ригер Ф. Л. 96, 223
 Рихтер А. Ф. 15
 Рихтер Е. X. 40, 41
 Рогович О. С. 122, 229
 Рогов В. Г. 129, 256
 Розе Г. 105, 106, 224
 Розенбуш К. Г. Ф. 183, 245

- Романовский Г. Д. 60, 212, 235
 Романовский Е. О. 129
 Романовский С. И. 201, 238
 Романчук А. И. 244
 Россели Ф. И. 202
 Ротане 163
 Рузской 155
 Румф И. 251
 Рюрик 52, 210
 Рюто А. Л. 170, 172, 243
 Рябинин В. Н. 129, 235
- Сабина (урожденная Сладковская) 75, 217
 Савина М. Г. 197, 198, 199, 247
 Савич А. Н. 113, 225, 229
 Сакс 58 Самарский-Быхолец В. В. 131, 196, 197, 199, 236
 Сапперидис 127
 Северцов Н. А. 78, 218
 Семенов-Тянь-Шанский В. П. 129, 191, 235, 236, 257
 Семенов-Тянь-Шанский П. П. 235
 Сент-Илер К. К. 41, 47, 207
 Сетский И. 262
 Сеченов И. М. 131, 226
 Сибирцев Н. М. 129, 236
 Сидонский Ф. Ф. 75, 217
 Сидоров М. В. 118
 Синцов И. Ф. 123, 231
 Сиротинин Н. В. 196, 245
 Славина М. А. 197, 247
 Сладковская Н. В. 217
 Слупский Е. И. 129, 187, 189, 190, 192
 Смирнов 14
 Смирнова Н. Н. 128
 Соболев 42
 Соболев В. С. 244
 Советов А. В. 112, 113, 225
 Соков 35
 Соколов (губернер) 37
 Соколов В. А. 17, 203, 262
 Соколов В. Д. 262
 Соколов В. И. 206
 Соколов Д. И. 212, 219
 Соколов Н. А. 86, 129, 167, 220, 253, 254
 Соколов Н. Н. 74, 216
 Соловьев А. Н. 56, 210
 Соломин Н. Н. 129
 Соломко Э. В. 8, 127, 129, 231, 253
 Сомов О. И. 113, 225
 Сорби Г. К. 183, 245
 Сорокин П. А. 14, 15, 202, 203
 Сотирадис Г. 231
- Сперанский А. И. 109, 113, 129, 191, 225
 Станислав-Менье 167
 Старк Э. 246, 247
 Стасюлевич М. М. 161, 242
 Стеклов В. А. 14, 202
 Стефанис С. 241
 Страус (Штраус И., сын) 99, 224
 Стихэ 96
 Столяр А. Д. 202, 262
 Сторонкин А. В. 213
 Страхов Н. Н. 41, 208
 Сухомлинов В. А. 131, 236
 Сущинский П. П. 129, 236
- Таганцев В. Н. 116, 129, 246
 Таганцев Н. С. 136, 197
 Талдыкина К. С. 260
 Тенфильев 149
 Тилли Е. Ю. X. 170, 243
 Тимофеев В. И. 239, 241, 262
 Тимофеев В. М. 8, 9, 15, 128, 149, 259, 262
 Титце Е. 96, 223
 Тихомиров М. А. 158, 241
 Тихонов И. Л. 17, 18, 202, 261, 262
 Тихонович Н. Н. 217
 Тищенко В. Е. 213
 Ткачев П. Н. 45, 209
 Токин Б. П. 219
 Толмачев И. П. 129, 149
 Толстой Д. А. 219
 Траутшольд 250
 Трейдосевич Ж. 87, 220
 Трепов Ф. Ф. 72, 216
 Трифонов Д. М. 213
 Трубачев С. С. 197
 Тула 96
 Тургенев 211, 240
- Уваров, граф 253
 Улиг В. 258
 Ухтомский А. А. 219
 Ушинский К. Д. 204
- Фалилеев В. Д. 241
 Фаминцын А. С. 58, 112, 113, 211
 Фамусов 65
 Фан-дер-Флит П. П. 40, 207
 Федоров 14
 Федоров Е. С. 232
 Федоровский 150, 239
 Феофилактов К. М. 114, 172, 183, 226
 Ферсман А. Е. 233
 Ферхмин А. Т. 129
 Фигнер Н. Н. 197
 Фонвизин 239

Формозов А. А. 10, 13, 202,
229, 262 Фохт К. К. 91, 129,
221 Франц-Иосиф (император
Австрии)
243
Фрей 50, 51
Фридман 73, 80, 81,
83 Фритч А. 94, 122
Фрич А. И. 223
Фрич К. 122, 229
Фукс Т. 89, 97, 221
Фуне Ф. 242

Харичков 55
Хвольсон О. Д.
112 Ходнев 47,
210 Хрисогелос
Н. 257

Циркель Ф. 158, 164, 165,
170, 176,
177, 178, 183, 240 Циттель
К. А. 93, 127, 183, 222, 250,
263

Чайчинская А. Ф. 129
Чебышев П. Л. 13, 225
Чермак Г. 96, 97, 98, 99, 100,
178,
223
Чернышев Ф. Н. 222
Чернышевский Н. Г. 17, 62, 63,
203,
213, 259, 261
Чернышевская Н. М. 213
Чесноков 204
Чижов М. А. 101, 103,
224 Чуковская Л. 210
Чураков А. Н. 129
Чхотуа Д. Д. 129

Шакеев 44
Шаляпин Ф. И. 247
Шамбар 166, 167
Шахматов Б. М. 14, 209
Шванебах П. X. 209
Шевяков В. Т. 182, 183, 244,
257
Шенберг А. К. 129
Шерер 159, 241
Шиллингковский П. А. 241
Шимкевич В. М. 257

Шишкин И. И. 69, 70, 196, 215
Шмальгаузен И. Ф. 158, 241
Шмидт (лаборант проф. А. А.
Воскресенского) 58, 61
Шмидт Ф. Б. 7, 123, 230, 231,
249, 263
Шнейдерман И. 247
Шпиц 48
Шренк Л. И. 130, 236
Штрайх Н. Я. 209
Штукенберг А. Н. И, 68, 214,
255
Штур Д. 96, 97, 223
Шуйский С. В. (Чесноков) 23,
204

Щегловитый И. Г. 197,
246 Щепкин М. С. 204
Щербаква А. А. 211
Щетинина Г. И. 227
Щуровский Г. Е.
114, 226

Эбергард Ф. 42, 208
Эвольд В. Ф. 40, 41, 207
Эвольды (братья) 44
Эвристика 225
Эйноор О. Л. 232, 245
Эйдригевич Т. Ф. 252
Эйхвальд Э. И. И, 119, 120,
123,
183, 227, 228 Эйхвальд Э. Э.
141, 238 Энгельгардт А. Н. 71,
80, 81, 215, 216 Энгельмин 158
Энден Д. А. 56 Эрдман 25, 205

Юркевич К. 87, 220

Якобсон Я. 261
Яковлев П. С. 58
Яковлев С. А. 8, 58, 129, 134,
135,
149, 236, 237
Якушкин И. Д. 100,
101, 224 Якушкин П. И.
224 Якушкины 102
Янсон Ю. Э. 196, 245
Яншин А. Л. 17
Ярошенко 196, 246

Оглавление

Предисловие (<i>В. А. Прозоровский, И. Л. Тихонов</i>).	5
А. А. Иностранцев. ВОСПОМИНАНИЯ (Автобиография)	
Глава I. Детство.....	19
Глава II. Гимназия.....	33
Глава III. Студенчество.....	57
Глава IV. Профессура.....	85
Глава V. Устройство геологического кабинета и в нем работающих.....	117
Глава VI. Общественная служба.....	137
Глава VII. Мое участие в образовании Геологического комитета и Геологической части при Кабинете Его Величества.....	146
Глава VIII. Служба г. Петрограду.....	151
Глава IX. Об издании моих работ.	158
Глава X. Поездки на международные геологические конгрессы.....	163
Глава XI. Забота о расширении кафедры геологии в нашем Университете.....	179
Глава XII. Опасности и неудобства экскурсий.....	185
Глава XIII. О частной жизни.....	195
Комментарии.....	201
Хронологический список трудов А. А. Иностранцева.....	248
Именной указатель	

